

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Оскар Райле

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА

ТАЙНАЯ ВОЙНА НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

1921–1945

ЗА ЛИНИЕЙ
ФРОНТА

ВОЕННАЯ
ИСТОРИЯ

О. Райле

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Oscar Reile

GEHEIME OSTFRONT
GEHEIME WESTFRONT

**ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ**

Оскар Райле

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА

**ТАЙНАЯ ВОЙНА НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ**

1921—1945

**Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОЛИГРАФ**

УДК 355.40(430)
ББК 67.401.212(4Гем)
P18

Серия «За линией фронта. Военная история»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Райле Оскар
P18 Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921—1945 / Пер. с нем. Е.Н. Захарова. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 510 с. — (За линией фронта. Военная история).

ISBN 978-5-227-02145-8

Книга Оскара Райле, личного помощника адмирала Канариса. — наиболее полное издание о том, как создавался, набирал силу и потерпел крушение абвер — знаменитая германская служба военной разведки. Автор приводит малоизвестные подробности операций против Советского Союза, стран Восточной и Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. В книге дан объективный анализ успехов и неудач военной разведслужбы Германии и конкурирующих разведок.

УДК 355.40(430)
ББК 67.401.212(4Гем)

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-227-02145-8

КНИГА ПЕРВАЯ

**ТАЙНАЯ ВОЙНА
НА ВОСТОКЕ**

Эту книгу я посвящаю тем, кто занят мирным трудом по возрождению Германии и возвращению ее в Европу.

Автор

Глава 1

1920—1934 ГОДЫ. ПОЛЬША И ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ДАНЦИГ. ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ, ПОЛЬШЕЙ И ДРУГИМИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ. ПОЕДИНКИ НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

Данциг летом 1931 года. При хорошей погоде улицы бурлят от иностранцев, приезжающих со всего света, чтобы провести несколько недель отпуска на чудесном побережье Балтийского моря или попытать счастья в сопотском казино.

Курорты Сопот, Глетткау, Брёзен, Хейбуде и Бонзак очень популярны. Даже дальние деревеньки Данцигской бухты в направлении за Фришен-Нерунг, такие, как Штеген и Штуттгоф, полны отдыхающих. Одни из них отводили пару дней отпуска на посещение готических церквей и других данцигских архитектурных достопримечательностей. Другие осматривали порт или уютно устраивались в кабачках с отличной кухней. При этом, само собой разумеется, следовало продегустировать местные напитки «Данцигер гольдвассер» и многие другие популярные в ту пору «розовые ликеры». Женщины конечно же не упускали случая полюбоваться элегантными платьями, дорогими украшениями и прочими увлекательными безделушками в витринах крупных роскошных магазинов в центре города.

Украшения большей частью поставлялись из Франции. Оттуда ввозились товары по сниженным пошлинам. И наоборот, входивший в польскую таможенную зону вольный город Данциг затруднял ввоз товаров из Германии.

В целом Данциг в те летние дни 1931 года производил впечатление чистого, ухоженного города. Деловая жизнь, казалось, бурлила вовсю.

Непосвященному было невдомек, что вольный город многие годы боролся за свою экономическую и политическую самостоятельность, а за его стенами вели свою тайную работу различнейшие секретные службы. Некоторые сотрудники работали под прикрытием консульств, открытых государствами противника, среди них Франция, Великобритания и Советский Союз. Польшу больше всех в этой цитадели шпионажа и контршпионажа представляли кадровые сотрудники и агенты. Многие офицеры польской разведки являлись сотрудниками военного отдела дипломатического представительства Польши, располагавшегося в Данциге на улице Нейгартенштрассе.

В ту пору я работал советником уголовной полиции в управлении в Данциге не более чем в 500 шагах от этого здания. Уже семь лет я контактировал со службой абвера и помимо основной работы выполнял секретные поручения.

Из разведслужб противника в Данциге польская была самой опасной. Она располагала большими силами и средствами для экономической, политической и пропагандистской подрывной деятельности против вольного города, а также засылала множество агентов и в Восточную Пруссию, которые вели там широкомасштабный шпионаж.

Моя задача заключалась прежде всего в том, чтобы как можно раньше выявлять ее частично скрытые, частично открыто высказываемые в публичной пропаганде цели и помогать защищаться от притязаний Польши. Чтобы все это делать эффективно, я старался обрести там доверенных лиц, которые были бы в курсе дел и мер, намечаемых соответствующими польскими ведомствами.

По сравнению с этим противником у вольного города Данцига в распоряжении имелись лишь очень ограниченные силы и средства. В первые годы моей секретной деятельности, о которой речь еще впереди, у меня было не более двух-трех сотрудников, с ними я и взялся за развертывание тайной разведывательной сети информаторов в Данциге и Польше. Кроме того, мы были еще совершен-

но неопытны в разведработе. Потому нельзя исключать, что наряду с успехами нас будут ожидать и провалы. Последними была отмечена моя деятельность в Польше. Дело дошло до того, что обо мне, как опасном враге, польские журналисты запустили публикации, в которых подробно описали меня и указали мой адрес.

Несмотря на это, я с помощью моих немногочисленных верных людей все-таки завербовал ценных информаторов, через которых мы подробно ознакомились с кадровым составом подразделений польской разведки и их тайной работой против Германии и Данцига. Так, летом 1931 года нам стало точно известно, что работавший в дипломатическом представительстве Польши майор Зикон был нашим главным противником.

В июле того же года однажды в первой половине дня он вдруг позвонил мне. Я снял трубку и спросил:

— Кто звонит?

— Майор Зикон. Имею ли я удовольствие говорить с господином советником уголовной полиции?

— Да, я у аппарата. Чем могу служить?

— Я хотел лишь предупредить вас, чтобы вы прекратили прослушивание наших телефонных переговоров. Уверяю, из них вы все равно не узнаете ничего существенного. Для всей германской разведки от этого мало прока, вряд ли она выведает что-либо эпохальное.

— Вы так полагаете? Тогда вот вам наглядный пример. Известно ли вам, что вы приглашены на чашку чая к господину министру Страсбургеру¹ и его супруге?

— Нет, пока ничего не знаю. Похоже, вы и впрямь осведомлены лучше, нежели я предполагал. Вероятно, было бы лучше, если бы мы как-нибудь встретились. Возможно, наша беседа окажется полезной для нас обоих.

— Согласен. Предлагаю сегодня встретиться в 14 часов в хорошо вам известном ресторанчике на Хундегассе. Каждый придет в компании с товарищем.

— Хорошо, меня это устраивает.

¹ Доктор Хенрик Страсбургер — в то время дипломатический представитель Польши в Данциге. Поляки обозначили этот пост как «Генеральный комиссар Республики Польша в Данциге». За несколько лет до того Страсбургер отличился ярой пропагандой, направленной против Данцига.

— Тогда до встречи.

Ровно в два часа дня я вместе с коллегой, инспектором уголовной полиции Лангбейном, уже был в условленном ресторане. Нас совсем не обрадовало, когда перед нами появился в полной форме польский унтер-офицер и доложил, что пан майор Зикон очень сожалеет, что не смог прийти, поскольку его задержали служебные дела.

Поговорить с майором Зиконом я хотел лишь для того, чтобы обсудить меры, которые способствовали бы смягчению отношений между Польшей и Данцигом, доведенных уже чуть ли не до разрыва. За время после объявления Данцига вольным городом, 10 января 1920 года, Польша и Данциг более 50 раз обращались к Верховному комиссару Лиги Наций в Данциге и Совету Лиги Наций для разрешения спорных вопросов.

Для существования и функционирования вольного города Данцига самым опасным было нарушение польскими ведомствами экономических прав, закрепленных за вольным городом по договору. Эти вмешательства, имевшие главной целью выведение из-под контроля Данцига как можно больше торговых связей и снижение его доходов, угрожали существованию неудачно созданного версальскими миротворцами государственного образования «вольный город Данциг».

То, что его жители, на 90 процентов немцы, будут всеми силами противиться польским властям, было неудивительно. Для того времени и противостояния между Польшей и Данцигом показательна фраза, которую польский министр иностранных дел Залески в сентябре 1930 года обронил президенту данцигского сената: «Данцигский вопрос может разрешить лишь польский армейский корпус». Подобное высказывание польского министра, лица официального, со всей очевидностью показывает, насколько была взрывоопасной ситуация.

Кроме того, летом 1931 года я знал, что германское правительство и его секретная служба, абвер, ожидали польского нападения. Подобное, разумеется, было крайне нежелательно для руководящих германских кругов. В случае войны Польша с большей степенью вероятности могла надеяться на поддержку западных держав. Но и без них в то время она в военном отношении намного превосходила германский рейх.

Прежде чем я продолжу анализ противоречий между Польшей и Германией в период между мировыми войнами, представляется необходимым оглянуться назад на годы, когда немцы и поляки мирно сосуществовали в Силезии, Познани и Западной Пруссии. Затем в кратком обзоре расскажу, как я оказался на моей должности в Данциге и был завербован абвером в сотрудники.

Я родился за несколько лет до начала нового столетия в Западной Пруссии. Мой отец владел там крупным хутором, унаследованным от родителей. На нашем хуторе постоянно проживало много работников мужского и женского пола, называемых в те времена батраками и батрачками, а также в имении постоянно жил один пастух. Все они были поляками и говорили по-польски и женились на батрачках, которые из года в год со всеми своими трудоспособными родственниками нанимались к нам на хутор и жили в доме, принадлежавшем моему отцу.

Поскольку я являлся старшим ребенком, вышло так, что дети наших работников стали моими товарищами по играм. От них я научился польскому языку, знание которого мне впоследствии весьма пригодилось. И среди школьных товарищей, ходивших вместе со мной в гимназию в Грауденце, были дети поляков. Один из них в августе 1914 года одновременно со мной ушел на фронт добровольцем (вольноопределяющимся). И это был не единичный случай. Многие поляки считали само собой разумеющимся исполнить свой воинский долг и, хотя при немецкой власти никогда не скрывали, что они поляки, пользовались всеми правами германских подданных.

Тогдашнее сосуществование немцев и поляков лучше всего показать на примере польского графа Мильжински, происходившего из аристократического рода, осевшего в провинции Познань. Граф исполнил свой долг и стал немецким офицером. Кайзер Вильгельм II отличил его и сделал одним из своих адъютантов.

Когда генерал фон Безелер 5 ноября 1916 года по поручению имперского правительства провозгласил независимость Польши, граф, по согласованию с соответствующими германскими ведомствами, отправился на родину. Там во время боев в Верхней Силезии до июня 1921 года он в чине подполковника был главнокоманду-

ющим польских повстанцев. Тем не менее граф придерживался мысли, что возрождаемому польскому государству, как монархии во главе с одним из принцев Гогенцоллернов, нужно последовательно ориентироваться на Германию.

Пусть бы такой подход стал достоянием европейской молодежи. Ведь он подтверждает, что десятки лет перед Первой мировой войной немцы и поляки могли жить на одной и той же земле в мире и согласии. В земле Кульмер, насколько мне известно, в те времена никогда не возникало стычек или каких-либо иных серьезных разногласий между гражданами Германской империи немецкой и польской национальности.

Сегодня прозвучит почти неправдоподобно, если я на основании собственного опыта добавлю, что многие польские работники охотнее нанимались к немецкому хозяину, нежели к польскому. Правда, в большинстве случаев это происходило потому, что польские хозяева рассчитывались за работу не столь пунктуально, как их немецкие соседи. Многие поляки (более жизнерадостные и воспринимавшие жизнь в целом не столь трагично, как это нередко водится среди немцев) были склонны жить не по средствам.

В 1919 году я уволился из армии и вернулся домой. Я хотел быть полезным в хозяйстве отца и остаться там, где родился, хотя и предстояла передача земли Кульмер Польше. Отец в то время был бургомистром общины. Заступив на должность ландрата — польского старосты, я помогал отцу выполнять предписания, поступавшие от польской администрации. Одновременно я принялся прилежно совершенствовать мой польский, приобретенный еще в юности, так что вскоре я уже мог читать и обрабатывать польские служебные бумаги.

Осенью 1920 года однажды я поехал в Кульм, чтобы передать отчет отца, касающийся нашей общины. Меня приняли вежливо. Но после завершения формальностей староста сказал мне:

— Чтобы вам было известно, вы и ваш отец оба находитесь в черном списке. Вам лучше покинуть Польшу.

На это я спросил:

— Как это? Почему мы в черном списке?

Староста отвечал:

— Я могу только еще раз посоветовать вам как можно быстрее уехать из Польши.

Я молча откланялся и полный задумчивости отправился домой. Несмотря на произошедшее в Кульме, родители хотели оставаться на родном клочке земли. Они не видели причин для отъезда. Их связи и добрые взаимоотношения с польскими работниками и соседями до сих пор ничем не омрачались.

Однако вскоре после этого со мной произошло одно примечательное происшествие. Когда однажды мы с младшим братом шли по нашим полям, вдруг рядом с нами просвистели пули. Я еще слишком хорошо помнил их посвист по войне. Стреляли с большого расстояния и, по всей видимости, лишь в качестве предупреждения. Но теперь нам стало окончательно ясно, откуда дует ветер. Определенные польские круги не желали, чтобы наша семья проживала в их стране.

Многих немцев таким и подобными способами выжили из отошедших к Польше земель. В районе Зольдау, например, староста официально уведомил немецких оптантов (лиц, имеющих право выбирать гражданство), что им следует как можно быстрее покинуть Польшу. Кто к 1 января 1923 года еще будет оставаться в своих хозяйствах, того силой выселят и вышлют из страны.

Теперь мои родители начали обдумывать переселение в Восточную Пруссию. Они сохраняли спокойствие. Никто просто так не бросит добро, нажитое еще трудом предков, пока его к этому не принудят силой. Но тем временем положение наше стало еще неприятнее, поскольку нас обязали сдать все оружие, в том числе и охотничье, тогда как кругом беспрестанно шныряли вооруженные отряды самообороны («страж обывательска»), в которые стекались авантюристы всех мастей.

И вот наше решение покинуть Польшу стало реальностью. Родители переселились в Восточную Пруссию, а я в конце декабря 1920 года уехал в Данциг, где и начался новый этап моей жизни.

Я претендовал на вакантное место в данцигской уголовной полиции и 1 января 1921 года получил его, приступив к исполнению служебных обязанностей в звании вахмистра. Среди коллег, большинство из которых прошли мировую войну, царил теплая товарищеская атмос-

сфера, и я почувствовал внутренний подъем. Это очень помогло мне прижиться в Данциге. С рвением я принялся за дело. Уголовное и административное право, уголовное судопроизводство и методы криминалистики были мне совершенно незнакомы. Но кое-кто из более опытных коллег за сравнительно короткое время обучил меня основным принципам, технике и приемам составления протоколов при осмотре места преступления и правонарушения, а также допросам обвиняемых и свидетелей.

В ту пору данцигская уголовная полиция насчитывала около 120 сотрудников. Они отвечали не только за порядок в черте города, но занимались и такими тяжкими преступлениями, как убийства, умышленные убийства, поджоги и тому подобным на всей территории, входящей в состав вольного города Данцига. Теперь территория в дельте между Ногатом и Вислой и соседние районы к западу от нее, район Данцигер-Хое, сделались моей родиной. В этом регионе, занимавшем всего лишь 1966 квадратных километров, проживало 365 тысяч человек.

Новую родину я изучил в течение нескольких месяцев во время моих служебных поездок. Преступность, как и всегда после длительных войн, была высокой. В комиссии по убийствам сравнительно часто раздавались звонки, сообщавшие о тяжких преступлениях в районах или с просьбой оказать содействие сельским жандармам при расследовании.

Мое стремление как можно быстрее освоиться и соответствовать служебным требованиям не оставляло мне времени внимательно следить за важными событиями в мире. Наоборот, летом я изыскивал возможность время от времени выбираться на пляж, чтобы позагорать и покупаться в Балтийском море. Побережье вольного города простиралось почти на 60 километров, не считая граничащего с данцигской территорией берега Фришен-Хафф. Пляж там просто замечательный! Полоса мелкого, белого песка шириной от 100 до 300 метров, за ней дремали волнистые дюны, а позади начинались тихие сосновые леса.

Я был молод, мне не исполнилось еще и 25 лет, и после пяти лет войны и безрадостного прозябания на родине, ставшей Польшей, мне хотелось что-нибудь получить от жизни. Насколько позволяло время, я посещал танцеваль-

ные кафе и другие увеселительные заведения. Нередко с раннего вечера и до поздней ночи я проводил время в компании таких же молодых мужчин и женщин. Но эти вечеринки редко сопровождало искреннее веселье. Еще были слишком свежи груз пережитого и страдания, перенесенные во время войны. Настроения того времени, господствовавшие в ресторанах, отражались в сентиментальных шлягерах, исполнявшихся повсюду и набивших оскомину: «Лейтенант, когда-то и ты был гусаром» и «Саломея, твой поцелуй — сладкая смерть».

Разговоры молодых людей, если они велись, снова возвращались к воспоминаниям о войне. Большинство из них совершенно не интересовались тем, что происходило в мире после подписания Версальского договора. Но они явственно ощущали зыбкость ситуации в своем городе. Правда, крупные данцигские коммерсанты были осведомлены лучше и очень беспокоились за свое существование.

Я и сам поначалу черпал информацию о политических событиях в Рурской области, в Верхней Силезии и Данциге, которые глубоко всколыхнули и возмутили широкие слои немецкого населения, лишь бегло проглядывая ежедневную прессу. Я был слишком занят на работе и личными делами.

Но вдруг неожиданно мои служебные обязанности изменились. Начальник данцигского управления полиции Фробёс обязал меня переводить польские документы, поступавшие в его ведомство. Из этого вытекало, что я же должен был помогать отвечать на эту входящую корреспонденцию. Кроме того, в октябре 1921 года меня назначили комиссаром уголовной полиции и поручили руководить в Данциге внешней службой полицейской исполнительной власти.

Так я, едва успев по-настоящему обжиться на новой родине, был вовлечен в ответственное разрешение противоречий между Данцигом и Польшей. Несомненно, по молодости и неопытности я наделал бы ошибок и причинил много бед, если бы мне не помогали советами начальник управления полиции Фробёс.

Бывший прокурор, до того как в начале 1921 года приехать в Данциг, Фробёс работал в политическом отделе управления уголовной полиции в Берлине. Это был бла-

городный человек, отличавшийся острым умом, политическим чутьем и обладавший искусством самые сложные вопросы облекать в точно подобранные, дипломатически взвешенные слова. Поэтому для обработки польских нот и жалоб его нередко привлекали правительство вольного города, президент сената и семеро профильных сенаторов.

Польской республике по Версальскому мирному договору и по Варшавскому соглашению от 24 октября 1921 года предоставлялись решающие права в Данцигской области. На основании этих договоров Польша получала уже внешнее представительство и в управлении железнодорожной сети вольного города. Кроме того, Польша имела особые привилегии в гавани Данцига, и в канун нового 1922 года предстояла интеграция области вольного города в польскую таможенную зону.

Но всего этого Польше было мало. Уже в 1920 году она выдвинула притязания на пять деревень на правом берегу Вислы и гавань Курцербрак. Цель этих претензий такова: область вольного города Данцига, которая на западе отделялась от рейха переданной Польше областью Западной Пруссии, на востоке также должна запирается Восточной Пруссией. По решению проведенной Советом Лиги Наций конференции послов Антанты от 12 августа 1920 года поначалу Польше были также обещаны пять деревень и Курцербрак.

После этого поднялась буря возмущения, и не только в Данциге, но прежде всего и в Германии. Прусский госсовет в марте 1921 года рассмотрел дело и торжественно заявил протест против отторжения висленских деревень. Само собой разумеется, особенно высоко волна возмущения взметнулась в Восточной Пруссии. Ведь перенесением польской границы на восточный берег Вислы провинция Восточная Пруссия отрезалась от прямого выхода на Вислу, и Данциг оказывался в изоляции.

Кроме того, в результате конфликтов на польской границе в Восточной Пруссии росло опасение, что Польша собирается захватить южную часть провинции. Ежедневные газеты в связи с этим публиковали статьи с заголовками: «Восточная Пруссия начеку» и т. д. Затем по всей провинции прокатились митинги протеста, в которых участники делали публичные заявления, что они были, есть и останутся немцами. Одна декларация от 23 марта 1922 года

содержала буквально следующее: «Вся Восточная Пруссия и вместе с ней ландтаг провинции заявляют, что Восточная Пруссия более не потерпит дальнейших захватнических действий Польши».

Так Польша еще в 1920—1922 годах приложила руку к тому, чтобы между ней и вольным городом Данцигом и, более того, Германией возникло ожесточенное противостояние. За это несли ответственность не рядовые польские ведомства, а руководящие лица в Варшаве. В качестве доказательства достаточно привести два высказывания ведущих политиков того времени. Плючински, исполняющий обязанности министра польского правительства, согласно «Газета Варшавска» от 29 июня 1922 года, заявил следующее: «Лига Наций гарантировала самоуправление Данцига. Но Польша в принципе не признает это самоуправление и хотела бы присоединить Данциг к Польше чем раньше, тем лучше».

До Плючински, а именно еще в 1921 году, Верховный комиссар Лиги Наций в Данциге предупредил: «Польша исходит из того, чтобы уничтожить этнический характер Данцига и тактически присоединить его к Польской республике».

Начальник полицейского управления Фробёс опасался худшего. Он считал, что поляки однажды зашлют в Данцигскую область переодетых в гражданское солдат и толпы вооруженных людей спровоцируют беспорядки, чтобы заставить Верховного комиссара Лиги Наций призвать Польшу ввести войска для восстановления порядка. У Верховного комиссара имелись такие полномочия. По собственному усмотрению он мог призвать польские войска. Вероятность этого дамочным мечом нависала над Данцигом. При этом было ясно, что польские войска, раз войдя в него, не будут гореть желанием покинуть Данцигскую область.

В связи с этим от начальника полицейского управления я получил указание выполнять предписания иностранной полиции объективно, но строго. По действующим положениям польские чиновники обладали правом в любой момент въехать в вольный город Данциг, если у них имелось удостоверение личности. Им не требовался загранпаспорт. Но при въезде, как и все прочие иностранцы, они были обязаны отмечаться в полиции и при

известных обстоятельствах указывать цель приезда и продолжительность пребывания. Все въезжающие польские граждане, кто не мог дать сведений о цели приезда и характере деятельности, подвергались негласному надзору и через определенное время высылались как нежелательные лица. В первую очередь эти меры касались безработных и неимущих иностранцев.

В первые послевоенные годы в Данциг приезжало множество искателей приключений без единого геллера в кармане. Но вольный город был экономически не столь богат, чтобы позволить себе кормить толпы неимущих.

Реализацией предписаний иностранной полиции в Данцигской области я и занимался в 1920-х годах. При этом мне помогали не более 20 чиновников. Большинство из них были бывшими военными. Они усердно и добросовестно исполняли свой долг. Сотрудники не только сами постоянно контролировали отели, пансионы и прочие места проживания и следили за высылкой указанных лиц, но и заставляли территориально подчиненных чиновников полиции соблюдать предписания иностранной полиции и докладывать о результатах исполнения.

Однако для контроля за движением иностранного транспорта предназначался другой орган — данцигская таможня. Для исполнения даваемых мне начальником полицейского управления поручений я поддерживал тесные контакты с таможенными комиссарами, на границах вольного города руководившими таможенными постами. Эти чиновники, в соответствии с заключенным с Польшей соглашением проверявшие ввозимые и вывозимые товары, с другой стороны, выполняли поручение на данцигско-польской границе протяженностью 120 километров контролировать и отслеживать (по правилам) въезд и выезд лиц согласно действующим в Данциге положениям паспортного режима.

Кроме того, у руководителей таможенного комиссариата было указание особое внимание обращать на въезжающие группы лиц, въезд и нахождение которых в Данциге при определенных обстоятельствах могли вызвать волнения. О подобных группах таможенные посты обязаны незамедлительно оповещать начальника полицейского управления через мой комиссариат. Таможенные комиссары охотно выполняли эту полицейскую обязанность.

Отчего начальник управления придавал столь важное значение тому, чтобы таможня на польской границе срочно докладывала ему о каждом происшествии и любом тревожном наблюдении и факте, мне стало понятно позднее. Дело в том, что старшие офицеры данцигской службы охраны порядка с сотней своих людей решили вступить в бой и оказать сопротивление, если польские войска незаконно вторгнутся и попытаются оккупировать вольный город Данциг.

Данцигская служба охраны порядка в 1920-х годах насчитывала не более тысячи человек. Вооружение их состояло исключительно из германского пехотного оружия. Польская же армия еще в 1920 году завершила победоносную войну с Россией. Благодаря сравнительно хорошему вооружению она считалась одной из самых сильных армий в Европе¹. Разумеется, все это было известно начальнику полицейского управления и старшим офицерам службы охраны порядка. И тем не менее они, в случае необходимости, собирались вступить в безнадежный бой и защищаться насколько хватит сил, чтобы показать миру, что население Данцига совершенно несогласно с оккупацией их земли Польшей.

Эта позиция понятна только сегодня при ретроспективном взгляде на тогдашнюю общую ситуацию в Германии, а именно: на общее положение, как его оценивали руководители Германии. Начальник полицейского управления Фробёс, поддерживавший личные контакты с берлинской центральной властью, летом 1922 года объяснил мне, как он видит ситуацию. Тем самым он явно преследовал цель научить меня разбираться во внешней политике, после того как проникся ко мне полным доверием.

— Дальнейшая судьба Данцига существенным образом зависит от рейха, — пояснил он. Потому необходимо изучать нынешнее положение Германии и исследовать вопросы, как пришли к Версальскому мирному договору, какой ущерб нанесен Германии и какую окончательную участь державы-победительницы с их союзниками ей уготовили.

¹ Это вооружение в основном состояло из оружия, прошедшего проверку в Первую мировую войну. Но постепенно оно устаревало, поскольку Польша, вплоть до начала германо-польской войны, смогла ввезти новое вооружение лишь в очень ограниченном количестве.

Германские армии еще могли бы сражаться, когда имперское правительство вместе с американским президентом Вильсоном провозгласили мирную программу, состоявшую из четырнадцати пунктов, как основу для перемирия. В армии дисциплина и боевой дух пока еще были не утрачены. Напротив, на родине дух к сопротивлению падал. Гражданское население, уставшее от войны, верило в лозунги, провозглашенные неприятельскими странами: «Нет войне!», «Самоопределение народам!», «Свободу на морях» и многим другим.

Это был успех вражеской пропаганды, успех психологической войны. Разведслужбы противника искали и нашли подходы, чтобы всесторонне, с территории сопредельных с нами стран с помощью листовок, замаскированной корреспонденции и других средств распространять пропагандистскую отраву среди нашего населения. У нас не имелось подобного инструмента. Германская секретная служба, возглавляемая полковником Николаи, была чисто военной разведкой, руководимой генштабом, и не могла энергично бороться с неприятельской пропагандой, чтобы в свою очередь влиять на общественное мнение стран противника. Правда, принимая во внимание положение Германии, это было бы очень тяжело. Какие значительные силы требовались, чтобы с нашей стороны вести пропаганду в соседних странах, а также в Великобритании и США!

В любом случае уставшее от войны население Германии охотно пошло за провозглашенной президентом Вильсоном программой «мира без победы». Члены имперского правительства также верили, что мир на основании «Четырнадцати пунктов» будет заключен и честно соблюдаться, хотя полковник Николаи и другие офицеры высказывали предостережения.

Я рассказываю это столь подробно оттого, что психологическая война сыграла решающую роль и после заключения мира стала продолжаться с удвоенной энергией. В особенности у Франции имелась разбросанная по всей Германии организация, развернувшая крайне бурную разведывательную деятельность. Только в одной Рурской области существуют 15 резидентур французской разведслужбы. Мало того! Франция всеми силами и средствами ведет психологическую войну и занима-

ется шпионажем также и с территории Польши и Чехословакии. Из Берлина я получил информацию, что руководитель межсоюзнической комиссии по контролю в Германии генерал Дюпон (бывший шеф французской разведки перед войной) переехал в Варшаву или вот-вот должен переехать.

Соответственно и у нас в Данциге было много работы. Дюпон в Польше оказался хорошим наставником. За несколько недель до того у нас в Данциге поляки создали Общество любителей науки и искусств. Я предположил, что речь идет о замаскированном учреждении по ведению психологической войны. Таким образом, следует обратить внимание на это общество.

— Но что мы можем предпринять в Данциге против этой опасной и вредной пропаганды, господин начальник? И как с этим обстоит дело в Германии? Имеются ли после горьких уроков последних лет какие-то ведомства, с помощью которых Германия способна защитить себя от опасного шпионажа и пропаганды?

— К сожалению, в Данциге мы мало что можем. Против распространения польской пропагандистской литературы мы можем действовать в том случае, если только оно противоречит законодательству. Нет средств для эффективной контрпропаганды. Мы можем использовать лишь наше личное влияние на немецкие газеты в Данциге и в рейхе. И имперское правительство вряд ли способно принять действенные защитные меры. Я уже упоминал, что Германия сама опутана сетью более или менее замаскированных резидентур иностранных разведслужб.

Итак, все для нас выглядит довольно печально. Имперское правительство должно стремиться к контрразведывательной работе на новой основе и исходя из этого создавать новую структуру по всем необходимым направлениям секретной службы. Наша военная разведка не способна отвечать современным требованиям. В отличие от разведок противника у нас нет органов ни по ведению психологической войны, ни для экономической разведки и целенаправленного подрыва торговли и промышленности в странах нашего противника. В этом большие мастера англичане, наносящие нам большой ущерб промышленным шпионажем и диверсиями.

— А как обстоят дела с германской разведкой сегодня, господин начальник? Насколько она сильна и что вообще можно сделать?

— Это вопрос не ко мне. Хотя борьба со шпионажем против рейха и разрешена, но какое это имеет значение, если нельзя принимать мер против существующих в Германии шпионских резидентур бывших наших противников? Впрочем, организация и оснащение абвера крайне слабы, насколько мне известно.

Но вернемся к оценке ситуации. Какие важные события, произошедшие с момента Версаля, возможно, позволили бы спрогнозировать судьбу, которую нам готовят наши противники?

Президент Вильсон, как вам известно, не позволил воплотить в жизнь те идеальные принципы, как они представлялись ему. Вот уже два года, как Лига Наций провозгласила в Женеве лозунг «Нет новой войне!», благодаря чему польско-русская война стала *ad absurdum* (абсурдом). О праве наций на самоопределение уже речи не ведется, по меньшей мере относительно нас, немцев. Мемель, большая часть Восточной Пруссии и наш Данциг по Версальскому договору были отторгнуты от рейха без всякого плебисцита. И в восточной части Верхней Силезии, несмотря на победу в плебисците, 165 тысяч жителей присоединились к Польше. Шайки грабителей наводнили область, хотя там стояли итальянские части для обеспечения объективного волеизъявления народа. Но итальянские оккупационные войска не вмешались, поскольку французский генерал Ле Рон был на стороне вторгшихся поляков.

Как мало значит Лига Наций, уже показало занятие польскими войсками под командованием генерала Целиговского в октябре 1920 года Вильно, при полном попустительстве Франции и Великобритании. Оккупация осуществилась, хотя Лига Наций обещала отдать Вильно Литве.

Между тем польский глава, маршал Пилсудский, за год до того заключил с Францией пакт о взаимопомощи. Что нам следует от этого ожидать? Означает ли он, что Франция и Польша намереваются и далее кромсать Германию? В любом случае нам следует учитывать, что Польша тем или иным способом попытается заполучить Данциг.

В такой ситуации мы не можем сделать ничего иного, как беречься от того, чтобы они посягнули на наши права, закрепленные в договорах. Поэтому с нашей стороны мы строго придерживаемся всех соглашений, заключенных с Польшей, и ни в коем случае не должны соблазняться на неразумные оперативные меры и поддерживать хорошие отношения с Верховным комиссаром Лиги Наций. Мы надеемся, что нам удастся сохранить Данциг как вольный город немецким, пока рейх снова не окрепнет.

Первая самостоятельная внешнеполитическая акция имперского правительства, заключенный несколько месяцев назад договор¹ о восстановлении дипломатических и экономических связей с Россией, подает нам слабую надежду, что Германия вновь воспрянет.

Но у вас и ваших людей должны открыться глаза и уши, и вы станете исполнять свои обязанности в изложенном мной направлении, не поддаваясь на польские провокации или действия и не соблазняясь необдуманными поступками.

Опасения начальника данцигского полицейского управления, как бы нас не захватила целенаправленная психологическая война со стороны Польши, подтвердились в такой степени, что в 1922 году германской стороне было себе трудно и представить. Польша пошла на создание полуофициальных пропагандистских учреждений, которые опутали всю территорию сетью тысяч местных групп, и на их службе находились публицисты, писатели, офицеры и прежде всего сотни журналов. В бесчисленных книгах и тысячах газетных публикаций, а также докладах отныне приводились «доказательства», будто Данциг, а далее и вся Западная Пруссия и часть Померании и Восточной Пруссии испокон века принадлежали Польше или были населены славянскими, родственными полякам племенами, пока злобные германцы не захватили эти земли. Фальсификация результатов исторических и этнологических исследований, искажение статистики и вольные толкования исторических событий должны были

¹ Рапалльский договор от 16 апреля 1922 года.

подтвердить эти «доказательства». Тем самым любому поляку прививалось убеждение, что он принадлежит к великому народу мореплавателей, у которого вот только в последние столетия не было возможности строить корабли и ходить по морям. Тем острее для Польши жизненная необходимость утвердиться на Балтийском море и вернуть себе «старопольские» земли.

Наиболее значительными представителями этих полуофициальных, опоясавших почти всю Польшу организаций были так называемый Балтийский институт, а также Польский институт западных марок и Лига польского судоходства, получившая в 1930 году наименование Колониально-морская лига. Только в 1930-х годах в последнюю входило свыше 6 тысяч территориальных групп с количеством более чем 800 тысяч членов. Примечательным для этих союзов было то, что в их правление входили высшие польские офицеры и государственные чиновники.

Воистину, поляки хорошо научились у французов ведению психологической войны.

«Специалисты» из польской Колониально-морской лиги даже усвоили, что, не жалея затрат на бумагу и типографскую краску, можно доказать, будто колонии принадлежат Германии по праву, однако, с другой стороны, часть из них все-таки польская.

Ежегодно поляки с 31 июля по 2 августа отмечали в Гдыне Праздник моря. Для Данцига эти дни всегда оказывались самыми напряженными, поскольку тысячи возмущенных и хулиганствующих поляков ехали на спецпоездах из глубины страны через Данциг в Гдыню. Разумеется, на Данцигском вокзале делалась остановка, чтобы отправляющиеся на праздник могли хотя бы одним глазком взглянуть на город, так манящий поляков. Данцигская полиция с трудом удерживала в повиновении массу празднично настроенных поляков на вокзале. Однако, насколько мне не изменяет память, до перестрелок между полицией и ними дело не доходило.

Во время празднований в Гдыне каждый раз произносились подстрекательские речи, в большинстве случаев содержавшие притязания Польши на Данциг и часть Восточной Пруссии. Каждый поляк, приехавший из глубинки, будучи исторически невежественным, из всего

этого увозил домой твердое убеждение, будто Польша действительно должна вернуть себе «свой исконный порт Данциг» и возродить могущественный флот. Митингующие ораторы, среди которых нередко были и министры, а иногда даже и президент страны, называли Балтийское море Польским морем.

Об исторических фактах, не отвечавших их целям, польская пропаганда не упоминала ни слова. Вот эти факты:

что Данциг издавна сумел утвердить и гарантировать собственную политическую самостоятельность, когда еще в 1454 году добровольно перешел под покровительство польского короля;

что во все времена он сохранял право на собственную внешнюю политику и дипломатическое представительство;

что город всегда имел собственное управление, подсудность и монетный двор и самостоятельно распоряжался портами и таможней;

что польский король имел право гостить в городе лишь трое суток со свитой, но без вооруженной охраны;

что после смерти правящего польского короля его преемник только тогда смог перенять покровительство, когда торжественно подтвердил самостоятельность и привилегии Данцига;

что, когда Стефан Баторий в 1577 году посягнул на самостоятельность Данцига, это привело к войне, которую победоносно выиграл вольный город;

что мореплавателями в Данциге испокон веков были немцы. Если об этом вскользь и упоминалось в польской пропагандистской литературе, то, само собой, представлялось как нечто незначительное или совершенно превратно.

По Германии и по Данцигу прокатилась волна протеста против польской лживой пропаганды. В германской прессе появились воинственные публикации, разоблачавшие лживые исторические статьи, распространявшиеся в Польше. Но это были усилия единиц, вызвавшие за границей слабый отклик. Ни в Данциге, ни в Германии в 1920-х годах не существовало контрпропаганды, направляемой государством.

Когда в августе 1923 года я докладывал начальнику полицейского управления Фробёсу, какие пропагандис-

тские речи велись во время только что окончившегося Праздника моря в Гдыне, он пояснил: «Польское руководство все больше и больше разжигает население, чтобы подготовить его к войне, когда ему это будет удобно. Если дело пойдет так и дальше, правительство делается настолько заложником собственной массивной пропаганды, что в результате уже не сможет принимать самостоятельных внешнеполитических решений, а будет вынуждено делать то, чего желает возбужденная толпа. Мы живем под скрытой угрозой войны и должны поддерживать постоянную бдительность.

На горизонте появляется абвер

В Германии не было большей заботы, чем Данциг. Это мне стало ясно, когда в ноябре 1923 года я впервые встретился с офицером абвера — капитаном Вейссом¹, состоявшим при штабе первого военного округа в Кёнигсберге и отвечавшим за проведение контрразведывательных мероприятий.

Удостоверившись через общих знакомых, что я готов к доверительной беседе, капитан Вейсс разыскал меня в Данциге. Он был в гражданском, но его выправка выдавала в нем немецкого офицера. Без околичностей и без подготовки он сразу заговорил о цели своего визита:

— Я знаю, что вас заботит в Данциге и что вы с вашими таможенниками предприняли превентивные меры, чтобы быть наготове на случай внезапных акций поляков. То, как вы при этом действовали, побудило меня установить с вами рабочий контакт. Я приехал спросить вас, сможете ли вы помимо официальных полицейских обязанностей взять на себя выполнение поручений абвера.

Во-первых, речь идет о том, чтобы здесь, в вольном городе, создать небольшую секретную сеть из совершенно надежных людей, которая должна помогать выявлять шпионов, засылаемых через Данциг в Восточную Пруссию и другие районы рейха.

¹ Капитан Вальтер Вейсс, во время Второй мировой в чине генерал-полковника командовавший одной из армий.

Во-вторых, по причинам, которые я подробнее изложу позднее, желательнее срочно из числа польских офицеров и политиков завербовать доверенных лиц или платных агентов. При этом наша цель — заблаговременно получать от этих людей текущую информацию о польских замыслах и тайных мероприятиях, направленных против Германии и Данцига, чтобы мы успевали, насколько это возможно, предпринимать контрмеры.

Наши усилия по решению этой задачи были далеко не достаточными. Но прежде чем дать вам дальнейшие пояснения, я хотел бы спросить вас, готовы ли вы в принципе взять на себя выполнение этих обоих заданий для абвера и считаете ли вы, что у вас достанет сил на их выполнение?

— Я рад, что у меня появилась возможность с вашей помощью связаться с абвером. Разумеется, я охотно возьмусь за выполнение поставленных задач. Справлюсь ли я с ними, это уже другой вопрос. Помимо моей большой занятости, как вам известно, я не имею никакого опыта в разведывательной работе. Так что вам необходимо не только поставить передо мной задачи, но и сделаться моим наставником. В любом случае я готов взяться за это дело и посвящать ему каждую свободную минуту.

— Значит, мы поняли друг друга, — подытожил капитан Вейсс. — Но еще один вопрос! Учитывая пост вашего начальника управления, господина Фробёса, незаурядного дипломата и истинного немца, и ситуацию с Данцигом, мне кажется, лучше всего было бы, чтобы он, по крайней мере пока, ничего не знал о нашем сотрудничестве. Таким образом, задание абвера вы будете выполнять как частное лицо, без официального прикрытия и в случае чего станете отвечать лично.

И с этим я согласился.

Затем капитан Вейсс перешел к подробному объяснению моих заданий.

— Будет полезным, если я вначале расскажу вам немного об организации и силах разведок противника абвера.

От германской военной разведки, какой она была во время войны под руководством полковника Николаи, практически ничего не сохранилось. Полковник Гемпп, руководитель нашего абвера, — единственный офицер,

оставшийся от прежнего состава разведки. Поэтому сотрудники нашего абвера — за исключением шефа — не обладают профессиональным опытом. Более того, мы значительно уступаем нашим противникам численно. Например, в Восточной Пруссии я единственный кадровый офицер абвера. Правда, у меня в подчинении трое бывших офицеров, которые, под прикрытием служащих, работают также секретно. Это отважные, знающие немцы, с воодушевлением занимающиеся своим делом. С некоторыми из них вы в скором времени познакомитесь. Но что такое четверо человек, включая и меня, на всю Восточную Пруссию по сравнению с массированными операциями наших противников? Да и технические и денежные средства у нашей службы совершенно неудовлетворительные.

А как же у противника? Если абверу после войны пришлось начинать практически на пустом месте, то Великобритания и Франция заботились лишь о том, чтобы их секретные службы получили еще большие денежные средства, чем те, что выделялись во время войны. Далее, их задачей было создать наибольшее число резидентур на территории германского рейха. Не секрет, что руководство французской военной разведки в Германии передано главному командованию оккупационных войск в Майнце. Бесчисленные специалисты работают для этого главного командования в размещенных на оккупированных германских землях резидентурах.

Особенно примечательно то, что организация французской разведки после войны претерпела существенную перестройку. Руководство возложено на министерство внешних сношений, а не на военное, как прежде. Это указывает на то, что центр тяжести французской военной службы в настоящее время сместился в область политики. Об этом говорят некоторые данные наших расследований, подтверждающие, что политическая секретная служба Франции планомерно разведывает замыслы имперского правительства, процессы, происходящие в наших политических партиях, настроения среди немецкого населения и многое другое и пытается на них повлиять. Одна резидентура этого сектора французской разведки находится в Ахене.

Но мало того! Сразу после войны Франция начала откомандировывать лучших специалистов своей разведки в

Прагу и Варшаву, чтобы словом и делом помочь Чехословакии и Польше развернуть против нас шпионскую сеть.

Таким образом, секретные службы противника обложили Германию со всех сторон, а англичане, как и французы, даже содержат крупные разведывательные резидентуры на самой территории Германии. В их задачу также входит обработка и влияние на общественное мнение на нашей родине. Для любого порядочного немца постыдно и недопустимо, когда нас несправедливо упрекают не только в прессе стран-победительниц, но нередко даже и в немецких газетах, будто мы все, германские солдаты, виновны и как нам следует вести себя в будущем.

В контексте этих обеих задач, которые я прошу вас взять на себя, мне представляется важным следующее: наша служба, как я уже говорил, очень слаба. И все же ей удалось в последние годы арестовать несколько десятков шпионов. Печально, что подавляющее большинство из них были немцами, позволившими купить себя. Но лишь немногие из них смогли причинить стране серьезный ущерб. В последние два года, к сожалению, под следствием находится и несколько военнослужащих рейхсвера.

Но наибольшую озабоченность у меня вызывает то, что в течение этого года впервые пришлось осудить и множество сотрудников службы охраны порядка. В некоторых подобных случаях становится ясно, что агенты противника, завербовавшие осужденных военнослужащих и полицейских, проникли в Восточную Пруссию из Данцига или из Польши через Данциг. Поэтому ваша первостепенная задача: здесь выявлять агентов, работающих на военный отдел дипломатического представительства Польши и даже засланных службами Польши в Данциг и Германию с секретными заданиями.

Относительно второй задачи следует добавить, что в последние два года наша служба получала многочисленные тревожные сигналы. Все вновь и вновь на границе между Восточной Пруссией и Польшей немцы сообщают, что у них имеются серьезные основания полагать, что поляки в ближайшие дни намереваются оккупировать южные районы Восточной Пруссии. В любом случае необходимо предпринять меры, предусмотренные для войск и абвера на случай угрозы войны. Тогда у нас в силу вступает так называемое состояние «повышенной

боевой готовности», во время войны обозначаемое как «активная разведка». Она предъявляет особые требования ко всем участникам.

Чтобы своевременно распознать ложную тревогу и избежать действий, бессмысленно растрачивающих силы, мы вдоль границы с Восточной Пруссией расположили сеть осведомителей. В нее входят таможенники, лесники, землевладельцы, учителя и другие лица, проживающие вблизи границы, лояльные к Германии, у которых имеются знакомые по ту сторону, готовые в случае опасности совершать нелегальные разведывательные вылазки. Но эти достойные уважения люди, к сожалению, способны наблюдать и отмечать только то, что происходит на границе и поблизости от нее. Когда мы даем им задание проверить тревожные сигналы, лишь редко поступает однозначная информация. Поэтому так важно в главных штабах и учреждениях Польши заполучить доверенных лиц, непрерывно и надежно информировавших бы нас о замыслах польского руководства.

Большое значение подобные контакты имели бы еще и потому, что мы сильно отстаем от Польши в военном отношении. В целом в рейхсвере насчитывается 7 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, тогда как поляки способны выставить 30 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, а также 11 отдельных кавалерийских бригад. В Восточной Пруссии у нас имеются только по одной пехотной и кавалерийской дивизии.

Из всего этого вы можете сделать вывод, насколько важно для нас заблаговременно узнавать, где, когда и какими силами следует ожидать нападения противника, чтобы как можно эффективнее готовить и использовать наши силы для обороны.

С этого дня я начал работать на абвер...

Германский абвер в первые годы после Версальского мирного договора

В декабре 1923 года, через несколько недель после моей первой встречи с капитаном Вейссом, я был приглашен на совещание в Кёнигсберг. В нем принимали участие сотрудники отделов абвера в Кёнигсберге, Штет-

тине и Берлине, скрытно работавших против Польши. Руководил совещанием один из представителей полковника Гемппа, тогдашнего руководителя группы абвера в министерстве рейхсвера.

Темой совещания были обзорный отчет участникам совещания о проделанной работе абвера за последний год, обсуждение успехов, неудач и затруднений, а также постановка задач на будущее. В ходе совещания я впервые узнал настоящую структуру германской службы военной разведки и контрразведки после Первой мировой войны. 1 января 1921 года можно считать ее днем рождения. Создание абвера совпало с формированием сто-тысячной армии¹.

1919—1920 годы следует обозначить периодом без контрразведки. Имперское правительство, порожденное ноябрьской революцией 1918 года, посчитало существование секретной службы слишком сильным раздражающим фактором для держав-победительниц, и поэтому военное министерство отправило в отставку шефа абвера, полковника Николаи. С его уходом исчезла германская служба разведки и контрразведки в том виде, в каком она существовала. Секретные службы противника не преминули воспользоваться этой благоприятной ситуацией, чтобы беспрепятственно внедриться на нашу родину.

Группа абвера, руководящая новой службой германской разведки и контрразведки², возродилась в январе 1921 года в Берлине при министерстве рейхсвера. Во главе ее, как уже было сказано, стоял полковник Гемпп, который, как и многолетний сотрудник Николаи, привнес в секретную службу богатый опыт.

Группа абвера, по сравнению с разведцентрами великих держав, была чрезвычайно маленькой. Поначалу в

¹ По Версальскому мирному договору от 28.06.1919 года германский рейх ограничивался 100-тысячной профессиональной армией с 12-летним сроком службы. Военно-морские силы Германии также ограничивались, а именно: 6 броненосцами, 6 малыми крейсерами, 12 эсминцами и 12 миноносцами с личным составом общей численностью 15 тысяч человек. Подводные лодки, военно-воздушные силы и тяжелые вооружения рейху были запрещены.

² Позднее из нее выросло отделение абвера в имперском военном министерстве, затем в 1938 году служебная группа абвера при главном командовании вермахта и, наконец, в 1941 году заграничная служба абвера в ОКВ.

нее входили всего лишь два-три офицера генштаба, затем пять-шесть бывших офицеров, работавших в качестве вольнонаемных служащих, и соответствующее число машинисток. Группа абвера делилась на два сектора: Восток и Запад. Их оснащение сперва было крайне скудным. Технических средств, фотоаппаратов, агентурных раций, симпатических чернил и прочих средств явно не хватало. Да и финансовые средства были совершенно недостаточные.

В качестве исполнительных органов группы были сформированы отделы абвера, а именно: в каждом из семи военных округов¹ и при 2-й кавалерийской дивизии в Бреслау. Их кадровый состав сначала включал одного офицера генштаба и всего лишь одного помощника с опытом в разведке в период Первой мировой войны. Но в течение 1922—1923 годов они получили подкрепление. Теперь у руководителей отделов было в среднем по два-три помощника, которых они частью могли использовать для борьбы со шпионажем в военном округе, частью для военной разведки.

Центр тяжести после возрождения абвера однозначно приходился на Восток. Задачи и загадки молодой службе в первую очередь ставила Польша. Ее армия еще в начале 1920-х годов нарастила большую мощь, то есть в тот период, когда рейх только-только приступил к формированию 100-тысячной армии. Абвер, с его слабыми силами, все время находился начеку перед лицом этого потенциального противника. Как раз в этот самый момент немецкое население снова было взбудоражено высказываниями польских официальных лиц и ведомств, в которых ораторы заявляли о притязаниях на часть территорий рейха.

Чехословакия также вынуждала молодую службу предпринимать энергичные контрразведывательные меры. В 1921—1923 годах в Германии под арест попали множество шпионов чешской национальности.

Наблюдение за разведывательными и политическими процессами в Прибалтийских странах Литве, Латвии и

¹ В 1920-х годах в рейхе существовали только семь следующих военных округов с командованием: в Кёнигсберге; Штеттине; Берлине; Дрездене; Штутгарте; Мюнстере; Мюнхене. В этих городах и в Бреслау существовало восемь отделов абвера.

Эстонии абвером, ввиду недостатка кадров и средств и поскольку они имели не большое значение для рейха, до 1922 года велось периферийно. Но за несколько месяцев до совещания в Кёнигсберге, о котором уже говорилось, оккупация Мемельской области литовскими повстанцами вызвала в Германии большие волнения.

Мемельская область, согласно статье 90 Версальского мирного договора, должна была отойти странам-союзницам и попасть под французское управление. Хотя литовцы злостно нарушили положения Версальского договора и основополагающие принципы Лиги Наций в Женеве, так называемая Конференция послов стран Антанты признала суверенитет Литвы над Мемельской областью.

Это событие ярко высвечивает тогдашнюю слабость Германии. Рейх был даже не в состоянии защитить от маленького соседнего государства Мемельскую область, с 1422-го по 1919 год граничившую с Литвой. Правда, следовало учитывать, что союзники покрывали литовские деяния. Страны-победительницы, с другой стороны, продемонстрировали, что провозглашенные ими всего лишь несколько лет назад основополагающие принципы Лиги Наций и положения Версальского мирного договора для них не более чем клочок бумаги, который можно разорвать, как только в нем отпадет необходимость.

Захват Мемельской области вызвал волну возмущения в Германии и, разумеется, стал также предметом нашего декабрьского совещания в Кёнигсберге. Тогда были определены контрразведывательные меры, которые следовало предпринять против Литвы. Несмотря на это, уже в последующие годы наладилось сотрудничество между абвером и II отделением¹ литовского генерального штаба, руководившим секретной службой страны. Эти контакты даже привели к ограниченному, правда, обмену разведывательной информацией по Польше.

В Литве была широко распространена ненависть к Польше вследствие оккупации города Вильно войсками польского генерала Желяговского 9 октября 1920 года. Возмущение литовского населения этими действиями

¹ В Литве, Польше и других странах военная разведка в те годы по французскому образцу руководилась II отделением генштаба.

Польша тем понятнее, что Лига Наций за день до того признала право Литвы на Вильно, но не выступила против столь грубого нарушения только что ей самой принятого решения.

Многие годы подряд существовала угроза войны между Польшей и Литвой. Только в 1927 году маршал Пилсудский во время переговоров с литовским премьер-министром Вольдемарасом сумел в какой-то мере нормализовать отношения между обеими странами. Но отношения между Польшей и Литвой оставались все равно враждебными, даже когда рейхсминистр иностранных дел Штресеман подключился к процессу в качестве посредника и старался внести в них разрядку.

Впрочем, с другой стороны, настроения в Польше относительно Литвы также были далеко не дружественными. Чтобы понять это, необходимо пояснить, что Литва летом 1920 года, когда Польша не на жизнь, а на смерть сражалась с Советским Союзом, заключила с Москвой договор, который поляки восприняли как направленный против них.

Планомерная разведывательная и контрразведывательная работа немецкой стороной против Советского Союза в 1920-х годах практически не велась. На это попросту не хватало имевшихся сил и средств. Кроме того, договор, заключенный 16 апреля 1922 года в Рапалло, положил начало дружественным связям между рейхом и Советским Союзом, отношение к Польше которого никак нельзя было назвать добрососедским. Но, само собой разумеется, абвер использовал любую представлявшуюся возможность, чтобы собирать материал о Красной армии или сведения о положении и внутривнутриполитическом развитии в Советском Союзе.

Таким образом, в центре внимания на тогдашнем кёнигсбергском совещании в декабре 1923 года находилась разведывательная работа против Польши. Задачи и цели обсуждались детально. Было точно определено, чего собирались достичь. Следовало установить в Польше контакты, через которые непрерывно поступали бы информация и документы, позволяющие абверу составить достаточно ясную картину о:

а) дислокации и численности, а также оснащении польской армии;

б) приготовлениях польского генштаба на случай войны. (Сколько дивизий может выставить Польша в случае войны? Существует ли план нападения Польши на Германию? Если да, то как он выглядит в деталях?);

в) государственных и полуофициальных ведомствах Польши, ведущих шпионаж и пропаганду в смысле психологической войны против Германии и Данцига (детали их организации, силы, средства и методы работы);

г) планируемых мерах против Германии и Данцига. Для решения этой задачи участники получили особое поручение всеми имеющимися силами и средствами приступить к вербовке в Польше информаторов, которые занимают ответственные посты и могли бы заблаговременно сообщать о планируемых акциях против Германии, чтобы можно было предпринять контрмеры.

При обсуждении этих разведывательных целей представители многих отделов абвера жаловались на дефицит валюты. Инфляция в Германии как раз достигла наивысшей точки. Марка в ноябре 1923 года стоила биллионную часть от своего номинала. С такой валютой невозможно устанавливать за границей какие-либо ценные контакты.

Дефицитом сил и финансовых средств объяснялось и то, что результаты абвера пока что никак нельзя было признать удовлетворительными. Руководитель совещания со всей ответственностью признал, что в области военной разведки в Польше, за исключением некоторых ограниченных контактов вблизи германской границы, практически ничего не достигнуто. Даже оповещательная сеть со стороны германской границы была еще неплотной, и ее еще следует всячески расширять. Группа абвера будет стараться получить дополнительные силы и больше денежных средств, пока не проведут уже подготовленную денежную реформу. Неустанный труд и напряженнейшие усилия участников совещания необходимы для продвижения в направлении указанных целей. Вследствие военной слабости рейха следует приложить все человеческие силы в сфере разведки и контрразведки, чтобы вражеские действия не застигли руководство врасплох.

В то время сеть информаторов абвера простиралась только до польской границы. С ее помощью в случае необходимости разведка могла вестись подходящими развед-

чиками вдоль зеленой границы лишь в скромных размерах. Напротив, ни в коем случае не следовало ожидать, что с ее помощью поставленные на совещании перспективные цели могут быть достигнуты лишь приблизительно. Соответственно для нас, участников совещания, важнейшей задачей была вербовка в Польшу лиц, работающих на таких постах, что смогли бы давать информацию по важным, еще непроясненным вопросам и предупреждать нас, если польская сторона намеревается предпринять угрожающие для Германии действия.

Затем на совещании в Кёнигсберге со всей определенностью констатировалось, что результаты, достигнутые до сих пор по второму заданию, контршпионажу, также совершенно неудовлетворительны. Некоторые случаи шпионажа, раскрытые в течение 1923 года, отчетливо показывают, что II отделение военной разведки под руководством польского генштаба ведет в Германии широкомасштабную работу. В особенности в Германию как по конвейеру засылали своих агентов отделения польской секретной службы в Познани и Бромберге, именовавшиеся филиалами.

Филиал в Познани при этом использовал преимущественно тайные тропы, ведущие в землю Шлезвиг и марку Бранденбург, тогда как бромбергское отделение предпочитало путь в Восточную Пруссию и Померанию через Данциг. Для внедрения агентов они могли использовать офицеров разведки, работавших под прикрытием дипломатического представительства Польши. Но больше всего наводило на размышления то, что арестованные шпионы целенаправленно ориентировались на штабы рейхсвера и такие отделы, которые занимались секретной работой. Тяжелые последствия для рейха могли быть в том случае, если в ближайшее время не поставить надежного заслона польской шпионской службе.

В связи с этим на заседании отмечалась срочная необходимость укрепления сети информаторов в приграничных с Польшей районах, прежде всего поиск надежных людей, которые могли бы помочь абверу внутри страны выслеживать пути передвижения и тайные способы сообщения и скрытно следить за подозреваемыми лицами.

Таким образом, приграничное население было задействовано для защиты отечества. Но при подавлении шпи-

онажа отделы абвера широко пользовались поддержкой и соответствующих властей, в особенности уголовной и пограничной полиции, подчинявшихся прусскому министерству внутренних дел.

В отделах уголовной и пограничной полиции служили чиновники, во время Первой мировой войны сотрудничавшие в расследовании шпионских дел. Поэтому сначала налаживалось сотрудничество между ними и абвером, хотя руководящие чиновники прусского министерства внутренних дел не очень-то одобряли слишком тесные контакты своих подчиненных с абвером.

Прусское министерство внутренних дел позднее воспользовалось одним особым случаем, чтобы запретить своим работникам сотрудничать с абвером. Речь идет о деле Нейхёфен, произошедшем в 1929 году на Мюнстервальдерском мосту через Вислу южнее Мариенвердера. Случай уже описывался в литературе, поскольку он ярко демонстрирует, как активно польская секретная служба действовала в 1920-х годах в шпионских операциях и какие, с другой стороны, действенные контрмеры предпринимались абвером и пограничной полицией.

Дело Нейхёфен

Некий сотрудник польской пограничной стражи, одновременно выполнявший поручения военной разведки своей страны, установил контакт с одним унтер-офицером рейхсвера и пообещал тому большое вознаграждение в случае сотрудничества. Особенно польская разведка стремилась добыть противогаз новой конструкции, поступивший в рейхсвер. А ему, унтер-офицеру, достать такой противогаз легче легкого.

Унтер-офицер сделал вид, будто согласился на предложение, заявив, что попробует, можно ли незаметно умыкнуть один из таких противогазов. Тогда он даст знать.

Об этом происшествии он же доложил по начальству. Командование срочно уведомило отделение абвера по Восточной Пруссии в Кёнигсберге. Его сотрудники приняли решение написать письмо-ловушку и отправить его заказчику. В нем от имени унтер-офицера содержалось

сообщение, что он сможет передать заказанный противогаз в определенный день поблизости от немецкого поста паспортного контроля на Мюнстервальдерском мосту. В назначенный им час получатель может спокойно перейти через мост и забрать противогаз.

Поляки не подозревали, что за написанным якобы унтер-офицером письма скрывается абвер. В назначенный день и час два комиссара польской пограничной стражи перешли через Мюнстервальдерский мост и направились к месту встречи на германской территории. В момент, когда они забирали у унтер-офицера противогаз, выскочили лежавшие в засаде чиновники прусской пограничной полиции, подключенные к операции абвером. Польские комиссары оказали сопротивление. Завязалась перестрелка, в которой один из комиссаров был тяжело ранен и вскоре скончался в больнице. Другого, по имени Биедзински, арестовали и осудили к высшей в то время мере наказания за шпионаж — 15 годам тюремного заключения.

По возвращении из Кёнигсберга в начале 1924 года я приступил к выполнению порученных мне заданий. Капитан Вейсс настоятельно просил меня уделять особое внимание офицерам разведки противника, действовавшим под прикрытием дипломатического представительства Польши в Данциге. При этом я прежде всего должен был попытаться установить агентов, работавших на польских хозяев и их каналы въезда в Германию.

Для решения этих задач мне требовались помощники, поскольку в полицейском управлении занимался официальной работой и в одиночку был не в состоянии проводить все необходимые расследования и наблюдения. Быстро решившись, я переговорил с двумя моими подчиненными, секретарями уголовной полиции Бартом и Кригером, зарекомендовавшими себя как дельные и надежные полицейские. Они с воодушевлением приняли предложение помогать мне в контрразведывательной работе, хотя я и пояснил им, что данцигское правительство не поставлено в известность и мы должны будем действовать на собственный страх и риск.

Оба многие годы надежно выполняли добровольно взятые на себя обязанности и сопровождали меня в

стольких опасных предприятиях или же скрытно прикрывали. Их неторопливое и качественное расследование способствовало аресту целого ряда шпионов в Восточной Пруссии.

За исследование круга лиц в области вольного города, поддерживавших оживленные связи с Польшей, я взялся сам с помощью одного дружественно настроенного данцигского коммерсанта. Тем временем мои попытки найти в Польше ценных информаторов в первые месяцы оказались безуспешными. При этом я все же приобрел некоторый опыт и научился распознавать сложности, которые возникали при налаживании удаленных контактов в стране противника.

То же самое происходило и с обер-лейтенантом запаса Генрихом Раухом¹. Он в должности помощника отдела абвера по Восточной Пруссии из Мариенбурга разрабатывал те же самые цели в Польше. Нередко мы встречались с ним для консультаций в Восточной Пруссии и в Данциге, обмениваясь опытом, поддерживая и ободряя друг друга, пока нам в действительности не удалось установить в Польше так называемые «важные контакты» и заполучить эффективные источники.

Раух обладал великолепными данными для работы в разведке. Прежде всего ему пригодилось то, что он был предрасположен к языкам. Он владел в достаточной мере русским, мог довольно хорошо изъясняться по-польски, чтобы без словаря сразу прочитать и перевести на каждом из этих языков документы, и сам хорошо знал бывшие германские, а теперь отошедшие к Польше территории. Раух умел применить свои способности и для выполнения секретных заданий. Так, через посредников он наладил непрерывную доставку польских газет, в большинстве случаев местных периодических изданий из различных регионов Польши. В них публиковалось множество сообщений о повышениях в звании и переводах польских офицеров поименно, затем о праздничных мероприятиях определенных воинских частей и многое другое. Все эти сообщения он тщательно анализировал и, не выходя из-за стола, за сравнительно короткое время со-

¹ Генрих Раух Вторую мировую войну закончил в звании генерал-лейтенанта.

ставлял поразительный обзор о местах дислокации польских воинских частей, их командирах и начальниках.

Но и вне кабинета, контактируя с информаторами и агентами, среди которых были идеалисты, авантюристы и изменники родины всех мастей, в любом положении Раух был на высоте. Он, несмотря на свою молодость, мог легко вступить в разговор с любым собеседником и повести беседу таким образом, что всегда добивался своей цели. Подкупающая внешность — он был крупным, стройным блондином — также ему пригодилась. Но главное, что он рано понял: все доверенные лица и агенты, по какой бы причине они ни работали на абвер или стремились к своим целям, без всякого различия ожидают от представителя абвера, что он приложит все усилия для разрешения их человеческих проблем и при любых обстоятельствах сдержит свои обещания.

Когда Раух и я в 1924 году начали искать пути, которые привели бы нас к необходимым «важным источникам», мы столкнулись со сложностями. Дефицит валюты был существенной предпосылкой наших первоначальных неудач. Но мы не позволяли себе опустить руки, хотя нам, еще до того как удалось установить важный контакт благодаря одному шпионскому случаю в Восточной Пруссии, произошедшему на наших глазах, наглядно стало ясно, насколько опасен противник, польская разведка.

Дело унтер-офицера Коха

В октябре 1923 года отдел абвера по Восточной Пруссии запросил в войсках военнотружашего, умеющего печатать на пишущей машинке. В отдел откомандировали унтер-офицера Коха из 7-й роты 1-го пехотного полка. Он должен был обрабатывать входящую несекретную служебную корреспонденцию. По этой причине и поскольку он имел хорошую аттестацию своих начальников, его тщательно не проверили, как то требуется для носителей государственных тайн. Если бы Коха проверили, то выяснилось, что его нельзя использовать в абвере, так как его мать происходила из польской семьи.

Кох, умный и ловкий, но беспокойный, непоседливый человек и не любитель прилежного и упорного труда,

сказал себе, что его служба в штабе 1-го военного округа должна представлять большой интерес для польской секретной службы. Он решил использовать шанс и заработать предательством и продажей военных документов.

Случайно Кох очень быстро вышел на человека, связанного с польской разведкой. Через него он передал три или четыре несекретных военных документа и письмо польской секретной службе. В этом письме Кох обещал непрерывную поставку военных документов за ежемесячную оплату в 200 долларов.

В те времена вследствие высокой инфляции в Германии это были большие деньги.

Но Коху не повезло. Пограничная полиция тщательно проверила его посредника в Мариенбурге. Она нашла за подкладкой его шляпы как военные документы, так и письмо Коха. Об этом по телефону срочно передали в отдел абвера в Кёнигсберг. По недосмотру Кох, узнав об этом, сумел бежать. Это произошло в марте 1924 года.

Проводившееся теперь расследование дало поразительные результаты. Кох развернул предательскую деятельность в удивительных масштабах, стоило ему установить контакт с польской разведкой. Среди прочего ему удалось подговорить и подключить к тайному сотрудничеству двух радистов 1-го разведотделения. Их в ходе расследования арестовали и осудили.

Если бы посредника Коха не выявили в Мариенбурге, все это легко могло бы привести к созданию крайне опасной сети польских шпионов в Кёнигсберге. Самого Коха после его бегства через несколько месяцев обнаружили в Бромберге, где он работал на польскую разведку. Оттуда он в 1924—1925 годах пытался по почте установить контакты со своими прежними товарищами в Восточной Пруссии и завербовать их или склонить к бегству в Польшу. Но и тут удача ему не сопутствовала.

Затем абвер потерял Коха из поля зрения. В течение нескольких лет о нем ничего не было слышно. Но в 1937 году в Бремене его арестовали, когда он сходил с судна, пришедшего из Соединенных Штатов Америки. Его анкетные данные вместе с фотографиями и через 13 лет после бегства находились в списке разыскиваемых лиц в Германии. Сотрудник уголовного розыска, проверявший паспорта пассажиров, приехавших из

США, сразу узнал Коха по старой фотографии. Предатель был осужден на 25 лет каторги и несколько лет спустя умер в тюремной больнице от туберкулеза.

И все же в случае с Кохом нельзя ограничиться моралью, что «любой предатель не уйдет от расплаты». Отец его — немец, мать — полька. Где же находилось его отечество?.. Таких примеров, как Кох, было множество. Разве за последнее столетие мало заключалось браков между немцами, поляками, венграми и чехами? Разве дети от этих браков не оказывались перед вопросом: а где их отечество? Европейские страны не сумели идти в ногу с этим процессом; они оказались слишком мелки для этого.

В 1924—1927 годах, пока уполномоченные помощники и вспомогательные кадры неприметно, целеустремленно работали над установлением ценных контактов в Польше, колесо мировой истории не стояло на месте.

Что касается Данцига, то Польша вела свою психологическую войну против вольного города с неослабевающей жесткостью. Теперь она уже не удовлетворялась одними пропагандистскими материалами, речами и митингами в Польше. Теперь в отдельных случаях она перешла к акциям на территории Данцигской области, ставя правительство вольного города и Верховного комиссара Лиги Наций перед свершившимся фактом.

В марте 1924 года решение Совета Лиги Наций, что Польша может на Вестерплатте устроить склад боеприпасов, вызвало огромное возмущение данцигского населения. Эта уступка Польше действительно вызывала у вольного города опасения. Дело в том, что Вестерплатте находится на входе в данцигский порт. Как только будет построен склад боеприпасов, охраняемый польскими солдатами, Польша будет иметь право закрывать доступ в порт, когда сочтет нужным.

Президент данцигского сената Зам упорно сопротивлялся строительству склада боеприпасов; протестовали и христианские церкви, но все было тщетно. Примерно в это же время, в соответствии с требованиями Польши, на должность заместителя начальника лоцманской службы в данцигском порту назначили поляка. И это вызвало понятное возмущение, в особенности среди данцигских ка-

питанов. Столетиями данцигское судоходство было немецким, и его лоцманы также были немцами.

Затем резкий протест вызвала следующая нелегальная акция поляков. Под покровом январской ночи 1925 года они в различных частях Данцига развесили польские почтовые ящики и открыли службу приема и доставки корреспонденции, которая теперь уже не ограничивалась портом и располагала польскими почтовыми служащими в форме. Республика Польша во исполнение 104-й статьи Версальского договора ограничивалась надзором и управлением собственной почтовой, телеграфной и телефонной связью между собой и данцигским портом. Польша этим самовольным деянием поставила Данциг перед свершившимся фактом. Вольный город протестовал, но безуспешно.

Но тяжелее всего подействовало на граждан Данцига и его экономику сооружение порта Гдыня, которое началось Польшей с 1925 года в противовес данцигскому порту. Все это имело для данцигской торговли катастрофические последствия. Польша признала привилегии данцигского порта по Версальскому мирному договору, поскольку тогда у нее не было собственных портов. Но, впрочем, в соответствии с параграфами договора Польша имела не только определенные права в данцигском порту, но и обязанность собирать пошлину.

В равной мере как между Данцигом и Польшей, так и между Германией и Польшей отношения в 1924—1926 годах ухудшались. С немцами, оставшимися на территориях, отошедших к Польше, обходились жестоко. Нередко их экспроприировали. Основание к этому давал изданный в Польше в эти годы закон о земельной реформе, предусматривавший перераспределение земли на определенных территориях.

В противоположность этому к проживавшим в Германии полякам относились лояльно, как и испокон веков. Но в результате враждебной позиции Польши в 1925 году началась германо-польская торговая война, которая длилась много лет и все еще не закончилась к 1930 году, поскольку рейхстаг отказался ратифицировать заключенный в марте того же года правительствами Польши и Германии торговый договор. Торговая война сильно ударила по экономике Польши, поскольку в 1924 году боль-

шая часть польского экспорта, точнее 43,2 процента, приходилась на Германию, тогда как всего лишь 34,5 процента импорта поступало из Германии.

В тот же самый период ситуация в Европе в результате многочисленных межгосударственных договоров сильно изменилась. Большое значение для Германии прежде всего имели Локарнские договоры, заключенные 16 октября 1925 года с Францией и Великобританией. Они подготовили вступление Германии в Лигу Наций и очищение оккупированных германских территорий. Кроме того, они предусматривали гарантию неприкосновенности германских границ с Францией и Бельгией под поручительством Великобритании и Италии, а также улучшение отношений обеих пограничных стран с Германией.

То, что эти договоры были заключены, в первую очередь являлось заслугой Бриана и Штресемана, тогдашних министров Франции и Германии. Они искренне стремились к установлению дружественных отношений между своими странами и народами. В те времена повсюду говорили об эре примирения Бриана—Штресемана.

Локарнские договоры были неблагоприятны для Польши, как если бы она потерпела поражение. В свою очередь она попыталась получить гарантии неприкосновенности польских границ от западных держав и Германии. Но германскому министру иностранных дел Густаву Штресеману удалось убедить ведущих государственных деятелей Антанты, что для Германии немислимо давать подобные гарантии. Он даже неоднократно давал понять, что Германия не может на долгий срок согласиться с восточными границами рейха, установленными по Версальскому мирному договору. Эта позиция Штресемана, о которой будет еще сказано ниже, заслуживает внимания в контексте последующей позиции Гитлера.

В день подписания Локарнских договоров, 16 октября 1925 года, Франция заключила гарантийное соглашение и с Польшей. Но это была уже облегченная новая редакция договора между обеими странами от 1921 года, предусматривавшая для Франции обязательное оказание помощи Польше в случае конфликта между последней и Германией. Хотя старый договор в основном сохранял силу, однако в новой редакции принятые парагра-

фы освобождали Францию от обязательств немедленно выступать на стороне Польши в случае войны между Польшей и Германией. Лига Наций в Женеве в этом случае должна сначала исследовать инцидент и установить, кто является нападающей стороной.

Затем большое значение для позиции Германии и положения Польши имел мирный договор между рейхом и Советским Союзом, заключенный 24 апреля 1926 года. Он еще именовался Берлинским договором.

Советский Союз и Германия, государства, не считавшиеся Лигой Наций равноправными, еще 16 апреля 1922 года заключили договор в Рапалло о сотрудничестве, в особенности в экономической сфере. Договор 1926 года был откровенно направлен против Польши. После его подписания наряду с усилением экономического началось и военное сотрудничество между Москвой и Берлином. Германские офицеры выезжали в Советский Союз, чтобы передавать русским товарищам по оружию военно-теоретический и технический опыт. Кроме того, военнотружашие рейхсвера получали в России возможность испытывать вооружения, запрещенные Германии по Версальскому договору. Под Ижевском, на реке Каме, к востоку от Казани, немецким военнотружашим предоставили огромный полигон для проведения танковых испытаний.

Такое развитие событий активизировало секретные службы всех непосредственно и опосредованно затрагиваемых стран, в особенности Польши, Франции и Великобритании. Они хотели точнейшим образом знать, что же там, в Советском Союзе, происходит. Открылись ли у версальских миротворцев глаза, что они так недооценили потенциальную мощь России и Германии и что такие народы, как русский и немецкий, нельзя так вот просто посадить на цепь?

В мае 1926 года, через несколько недель после подписания германо-русского мирного договора, маршалу Пилсудскому удалось прийти к власти. Он стал премьер-министром и военным министром и начал авторитарное правление. Одной из первых его мер был приказ, чтобы польская разведка особое внимание уделяла выяснению германо-русского сотрудничества. Фактически Польше удалось получить ценные, соответствующие действитель-

ности сведения, которые она предоставила в распоряжение секретным службам Великобритании и Франции.

Германо-русское сотрудничество в военной области вызвало озабоченность в Париже и Лондоне. Европа снова вступила в эпоху напряженности.

Данные, содержащиеся в последних абзацах, и дальнейшие сведения о развитии событий в 1927 году основываются главным образом на информации, которые абверу удалось получить благодаря его ценным контактам. О некоторых из них будет рассказано ниже.

В январе 1927 года меня снова навесил в Данциге мой добрый товарищ и друг Генрих Раух. Стояла холодная зима, и мы согревались крепким грогом.

— Надвигается гроза, — начал Раух. — От моих Близицефов из Померании я получил информацию, что представители западных разведок, в особенности английской, уговаривают своих коллег в Варшаве на превентивную войну с Россией. Ситуация для этого благоприятная, поскольку Советский Союз ослаблен внутренней борьбой за власть. Как на это реагирует маршал Пилсудский, пока неизвестно. В любом случае в этом году у нас будет достаточно треволений.

— И у меня похожие сведения. Мой друг Скупой из Лодзи очень озабочен. Он служит в одном из главных штабов и имеет возможность довольно реально оценивать положение в Польше. Как думаешь, Хайнц, что будет делать германское правительство, если Польша нападет на Советский Союз или оккупирует Данциг? И что мне в последнем случае лучше всего сделать?

— Вмешается ли правительство, представляется мне по меньшей мере сомнительным. Что может наша пара дивизий противопоставить Польше с ее 60 дивизиями, предусмотренными на случай войны! Насколько мне известно, данцигская охрана порядка вступит в бой с польскими наступающими частями, так как она способна своими девятью сотнями плохо вооруженных человек показать миру, что население Данцига встречает наступающие польские войска отнюдь не ликованием. Тебе в этом случае я бы посоветовал отправиться ко мне в Мариенбург. Там мы вступим в местный батальон и снова возьмем винтовки в руки, если дело дойдет до войны. Ведь вряд ли будет возможно по-прежнему вести нашу

контрразведывательную работу. В любом случае тебе нельзя оставаться в Данциге, если придут поляки.

— Еще один вопрос, Хайнц. Я давно вынашиваю идею подключиться к телефонной линии, идущей из Польши к дипломатическому представительству, в Данциге. Технически это сделать легко. До сих пор я колебался, поскольку это может спровоцировать скандал и новые претензии к Данцигу, если поляки докопаются.

— Если ты будешь прослушивать только сам и сумеешь абсолютно надежно закрыть доступ к станции прослушивания посторонним лицам, я сделаю это. В данных условиях, по моему мнению, ты даже обязан пойти на это, чтобы помочь Данцигу защититься от внезапного нападения.

Я поступил так, как посоветовал мне друг. Один надежный сотрудник данцигского почтового управления помог подключиться к телефонной линии, идущей в дипломатическое представительство Польши, и соединиться с прослушивающим устройством в моем служебном кабинете в полицейском управлении. Теперь по 11 различным линиям поляков я прослушивал, о чем говорилось, как только я подключался. Сотрудникам моего отдела я объяснил, будто это спецлиния для связи с филиалами данцигской уголовной полиции в Сопоте, Оливе и Нейфарвассере. Я мог сказать это не задумываясь, поскольку одновременно с прослушивающим устройством я распорядился проложить прямую линию из моего бюро с перечисленными отделениями.

Я был поражен сверх всякой меры успехом, которого добился с помощью моего нового прибора. Неужели поляки думали, что они защищены от прослушивания, если будут говорить скороговоркой? Велось столь много служебных разговоров, что я в первые часы прослушивания посчитал, будто поляки знают и морочат меня. Но я жестоко ошибался! Все, что из переговоров можно было проверить, оказывалось подлинным, судя по делам.

Новый прибор впоследствии оказался неоценимым вспомогательным средством для абвера, в особенности в периоды напряженности, когда поступали тревожные донесения. Нередко я уже после часового прослушивания польских телефонных линий мог доложить, что информация, вызвавшая такую озабоченность и столько беспокой-

ства, не соответствует действительности. Тем самым я предотвратил множество случаев напрасного применения информаторов сети оповещения на германских пограничных с Польшей территориях. Ибо, само собой разумеется, подслушанная мной информация как можно быстрее передавалась в отдел абвера в Кёнигсберге и оттуда далее в отделение абвера в военном министерстве.

И позднее, когда мой тогдашний противник Лунте пронюхал и отдал сотрудникам дипломатического представительства Польши в Данциге строжайшее указание соблюдать осторожность при телефонных разговорах, прослушивание все равно не было безрезультатным. Даже из безобидных частных бесед извлекалась информация. Например, когда военнослужащим военного отдела дипломатического представительства Польши звонили их сослуживцы или невесты и они договаривались о поездках на выходные в Хелу или другие курортные места, становилось ясно, что в ближайшие дни не следует опасаться военных акций против Данцига.

Опасность прослушивания во многом недооценивается. Особенно в таких учреждениях, где сотни и более человек обрабатывают секретную документацию и в любой момент могут схватиться за трубку, необходимо предъявлять самые строгие требования к телефонным разговорам своих сотрудников. В определенных обстоятельствах даже хорошо законспирированные переговоры могут быть расшифрованы противником и нанести большой ущерб. Впрочем, мало кто верит, что все разбалтывается по телефону! Я бы тоже в это не поверил, если бы сам в течение нескольких лет не слушал это у аппарата.

Угроза войны в 1927 году

Как абвер на основе анализа секретной информации и предсказывал, в 1927 году возникла серьезная угроза войны. Напряженность в Европе росла из месяца в месяц. На глазах ухудшались отношения между Советским Союзом и Великобританией, которая предпринимала суровые меры, чтобы воспрепятствовать торговле русской нефтью на Ближнем и Дальнем Востоке. Оставалось сделать еще один шаг и разорвать с Советским Союзом дип-

ломатические отношения. Поэтому английское правительство было особенно озабочено тем, что Советский Союз пытался развить бойкую экономическую деятельность в заморских владениях Великобритании.

А в самом Советском Союзе разгорелась борьба за власть между Сталиным и Троцким. Поэтому стране необходим был мир и требовалось устранить любую угрозу войны. Это ярко проявилось, когда летом 1927 года от пули белогвардейца погиб посол Советского Союза в Варшаве Войков. Правительство СССР ограничилось тем, что публично выдвинуло обвинение против Польши, Великобритании и Франции, готовивших якобы заговор против страны.

Этим правительство Советского Союза попало прямо в точку. В любом случае в том памятном 1927 году представители западных держав снова подталкивали маршала Пилсудского к войне с СССР. Но маршал отказывался, резонно замечая, что в 1920 году уже одержал победу над Россией и не видит причин, отчего ему следует вновь ставить на карту эту победу.

В действительности же не существовало никакой настоятельной необходимости для нападения на Советский Союз. Сегодня можно лишь удивляться тому, что западные державы считали Польшу способной к ведению подобной войны. Хотя то, что Советский Союз был отягощен внутривнутриполитическими противоречиями и другими внутренними проблемами, и соответствовало действительности, но, с другой стороны, и положение Польши было далеко не блестящим. Ее отношения с Советским Союзом, Литвой, Чехословакией и Германией оставляли желать лучшего. Окруженная потенциальными врагами, Польша также вдобавок переживала катастрофическую экономическую ситуацию. Ко всему этому присоединялись и внутривнутриполитические осложнения с украинскими и другими национальными меньшинствами, враждебно настроенными к Польше и потому поддававшимися русско-коммунистической пропаганде.

Выходит, охватывавшие весь мир секретные службы Франции и Великобритании были недостаточно информированы о положении Польши и Советского Союза? Пилсудский, несомненно, все оценивал реалистичнее, нежели они.

Если оглянуться в прошлое, не перестаешь поражаться тому, как легко представители западных держав подталкивали одну европейскую страну к войне с другой, как бездумно они играли с большим пожаром.

Мы еще не раз в дальнейшем повествовании столкнемся с подобной позицией европейских дипломатов и военных. Я думаю, пришло время назвать вещи своими именами и показать молодому поколению события так, как они развивались в действительности.

Вторая мировая война отчетливо продемонстрировала лишь то, что самим победителям она не принесла никаких выгод, а только, помимо огромных человеческих потерь, в значительной мере утрату влияния и экономического ущерба, и поэтому политические лидеры во всех странах Европы должны использовать иные средства, нежели война, когда между отдельными странами возникают трения и противоречия. Тем более, что атомная война отныне представляет угрозу всему человечеству.

Пилсудский с 1920 года вплоть до своей смерти в 1935 году был в Польше исключительной личностью. Он направлял внешнюю политику своей страны и не позволял вовлечь себя в глупые авантюры. Некоторые историки и писатели пришли к мнению, будто он, в отличие от Германии, проводил политику примирения. Но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что это далеко не так. Конечно, Пилсудский не был другом России и коммунизма. Доказательством послужил тот факт, что в нынешней Польше его имя (русские коммунисты не желают слышать его!) можно назвать шепотом среди друзей.

Но Пилсудского и немцы не могли считать другом. Он, как опытный военачальник, прекрасно понимал, что небольшую, но дисциплинированную и хорошо обученную армию под командованием генерала фон Секта не стоит недооценивать. Всегда при случае он высказывался о ней с уважением. Но это не имело ничего общего с дружбой. Если бы он действительно был другом Германии, то вел бы иную политику по отношению к ней, чем та, которая во времена Веймарской республики в основном состояла из угроз и стремления как можно сильнее ослабить Германию. Ему было бы легче легкого, если бы он того захотел, остановить ширококомасштабную психо-

логическую войну против Германии и Данцига, которую вели польские ведомства.

Точно так же Пилсудский умел виртуозно разыгрывать симфонию внутренней политики. Он предоставлял свободу действий различным партиям польского парламента, сейма, и, несмотря на это, безраздельно царил над оппозицией, которая количественно была больше его сторонников. Но совершенно без репрессивных методов не обходился и диктатор Пилсудский. Поддерживаемый ближайшими друзьями, в большинстве своем бывшими офицерами в звании не ниже полковника, занимавшими ключевые посты в правительстве, он распорядился создать концентрационный лагерь и в 1930 году арестовал часть лидеров оппозиции. Эти меры в основном объясняются тем, что проправительственная коалиция режима Пилсудского на выборах в ноябре 1930 года впервые смогла получить большинство.

Усилия маршала по будущему устройству Польши были устремлены на создание федерации украинцев, литовцев и белорусов под польским верховенством по образцу Австро-Венгрии. Но эти замыслы и планы не имели ни малейших шансов на воплощение. В эпоху Пилсудского ни между поляками и литовцами, ни между поляками и украинцами не существовало по-настоящему дружественных отношений. Воплощение его концепции, вероятно, имело бы благодатный эффект. Но кто способен упрекнуть украинцев и литовцев, что они не желали добровольно отдаться под власть диктатуры Пилсудского!

Переговоры бывшего германского министра иностранных дел Штреземана с маршалом Пилсудским в декабре 1927 года

Однако давайте вернемся к самым значительным событиям 1927 года! При описании их нельзя обойти вниманием встречу и переговоры между Штреземаном и Пилсудским. То, что оба государственных деятеля обсуждали, выразительно освещает тогдашние отношения между Германией и Польшей.

С 9-го по 11 декабря Пилсудский находился в Женеве для урегулирования польско-литовского конфликта.

Это был первый и единственный раз, когда маршал выступал там.

После секретного заседания Совета Лиги Наций, которое тогда воспринималось как сенсация, французского министра иностранных дел Бриана пригласили на завтрак, на котором помимо многих членов Совета присутствовали также Пилсудский со Штреземаном. При этом между последними состоялась беседа, о которой несколько месяцев спустя Штреземан сделал следующую запись:

«Пилсудский помимо прочего жаловался на германскую пропаганду коридора, которая делала невозможной любую попытку прийти к какому-либо германо-польскому взаимопониманию.

Я возразил, что отторжение коридора тяжело ранило бы немецкий народ. Если найти взаимопонимание по этому вопросу, то рана эта затянется и воспринимаемая Польшей как недружественная пропаганда по коридору прекратится.

Более непонятной мне представляется постоянно возрастающая пропаганда, направленная польской стороной против германской Восточной Пруссии, а именно: пропаганда, исходящая от таких кругов, получавших для этого поддержку польского правительства, как, например, Балтийский институт в Торне.

Западнопруссский коридор и Данциг отторгались от рейха без всенародного голосования. Это было бы понятно, если бы в германской прессе муслировались притязания на этот «мост в Восточную Пруссию». Польская же пропаганда, напротив, нападает на ту Восточную Пруссию, где, проведенный под диктатом и надзором противников Германии, плебисцит показал почти стопроцентный прогерманский результат, и это именно в тех пограничных округах, которые господин Дмовский¹ в Версале определил как «тотально польские». В этих обстоятельствах польская пропаганда аннексии германской Восточной Пруссии все же заслуживает существенно иной

¹ Д м о в с к и й Роман — один из выдающихся политиков тогдашней Польши. Перед Первой мировой войной был депутатом органа русского народного представительства, думы, а после учреждения Польского государства одним из ярких поборников сближения Польши и России. Еще в думе Дмовский произносил острые речи против немцев и евреев.

оценки, нежели немецкая пропаганда ревизии урегулирования проблемы коридора.

Пилсудский не оспаривал этого. Он даже подчеркивал, что считает Восточную Пруссию «неотъемлемой частью Германии». «Это я понимал еще будучи ребенком, господин министр, — сказал маршал и затем продолжал: — Ведь мы еще детьми ездили с отцом с нашей литовской родины¹ через тогдашнюю русско-германскую границу в Восточную Пруссию. Часто там мы делали покупки к Рождеству. Это были незабываемые путешествия на санях через границу, разделявшую не просто две страны, а целых два мира. Настолько иной представлялась нам соседняя Восточная Пруссия, в которой все было на немецкий лад, даже мазуры, говорившие еще больше тогда на своем славянском диалекте, нежели теперь.

Нет, Восточная Пруссия, без всякого сомнения, немецкая земля. Таково мое убеждение с детства, для которого не требуется подтверждения никакими плебисцитами. Такое мое мнение можете открыто довести до ваших пруссаков для их успокоения, раз вы считаете политически необходимым подобное заявление, которое, несомненно, только обрадует моих внутривнутриполитических противников».

Эти исторически значимые высказывания Пилсудского и Штреземана говорят сами за себя. Особого внимания заслуживает, однако, молчаливое признание Пилсудским того, что польская пропаганда против Восточной Пруссии ведется организациями, получающими поддержку польского правительства.

Далее в связи с этим представляется показательным, что маршал, хотя недвусмысленно и признал, что Восточная Пруссия — исконно германская территория, но то, что он больше не вернулся к этому заявлению, сделанному в начале разговора, должно было разрушить любую попытку к германо-польскому взаимопониманию, когда в немецкой прессе появлялись пропагандистские статьи, призывающие пересмотреть проблему коридора.

Для европейской ситуации в период напряженности 1927 года произошли еще два следующих события, достойных упоминания.

¹ Юзеф Пилсудский родился 5 декабря 1867 года в Зулове в Литве.

Генеральный консул Советского Союза в Данциге, доктор Калина, летом 1927 года развил бурную деятельность с целью расширить торговые отношения между СССР и Германией и Данцигом. Понятная реакция Советского Союза, после того как несколькими месяцами ранее Великобритания разорвала с ним отношения, а с Польшей он находился на грани разрыва. Советский Союз явно старался заручиться дружбой с Германией.

Не просто значимым, но прямо-таки пророческим оказалось заявление, сделанное бывшим итальянским премьер-министром Франческо Нитти летом 1927 года. Он сказал следующее: «Политика консервативного английского кабинета, защищающего все белые диктатуры в Европе и возмущающегося коммунистической диктатурой в России, еще на длительное время затянет любое позитивное решение. Сокращение вооружений и образование больших таможенных зон вообще не видны на горизонте.

Но при наличии духа ненависти, негодных традиций, диктатур, насилия и протекционизма все тщетно. Или Женева в будущем не сможет стать ничем большим, нежели только академией, центром интриг и статистическим бюро?

Будет ли у этого состояния упадка конец? Я знаю, что нужно надеяться и бороться за это, но человеческая глупость так называемых «цивилизованных» людей, к несчастью, столь огромна».

Таким образом, нельзя сказать, что в период между двумя войнами не хватало дальновидных умов и умных политиков. К сожалению, и до сих пор многое из того, что Нитти представлялось желанным, пока что не достигнуто, в особенности сплочение европейских государств. К сожалению, в этом смысле перспективы на будущее в наши дни выглядят хуже, чем тогда. Тем временем опустившийся «железный занавес» удушил все надежды на возрождение объединенной Европы, в которую входили бы все без исключения европейские страны.

Случаи шпионажа в 1927 году

Естественно, в период напряженности секретные службы причастных стран развили бурную деятельность. Каждая из них старалась точно узнать, намечаются или уже

развертываются и какие именно военные и политические мероприятия стран потенциального противника против их собственной страны.

В этих обстоятельствах секретным службам приходилось прикладывать большие усилия, нежели в спокойные периоды. Неоднократно, с течением времени, менялись и методы работы. Из управлений секретных служб, обычно чрезвычайно осторожных, неохотно дававших согласие на проведение слишком смелых операций, вдруг поступали указания, что на тайном фронте необходимо рискнуть, когда было нужно установить какие-то в высшей степени важные вещи.

Тогда, само собой разумеется, при такой практике потери резко возрастали. И в 1927 году все происходило именно так. Вот некоторые случаи шпионажа, которые подтверждают это.

1 июля 1927 года литовское военное министерство дало в прессе следующую информацию:

«Военный суд в Ковно вынес заключение против семи обвиняемых в шпионаже в пользу польского генерального штаба. Трое из них (в том числе и главарь Малковски, расстрелянный 30 июня) приговорены к смертной казни, двое других преступников осуждены на 15 и 14 лет каторжной тюрьмы. Двое обвиняемых оправданы».

Ничто так красноречиво не отражает тогдашнюю решимость Литвы всеми силами защититься от Польши, как этот приговор.

Отношения между Польшей и Советским Союзом в те дни хорошо иллюстрирует следующее шпионское дело: в сентябре 1927 года военный суд Варшавы приговорил штабс-капитана Микуту к 14 годам каторги. Впрочем, расследование этого дела показало, что Советский Союз ввиду критической ситуации рискнул множеством других ценных информаторов, чтобы получить как можно более точную информацию о тайных замыслах Польши.

Тайные сражения на невидимом фронте между Польшей и Германией в тот критический год также расширились и отличались жесточечностью.

В апреле 1927 года органам абвера удалось схватить в Мариенбурге польскую шпионку Эльфриду Вильямовски. При ней оказались германские военные документы, подтверждавшие ее работу на польскую разведку. Даль-

нейшее расследование привело к аресту многих других лиц в Алленштейне. В результате была обезврежена опасная шпионская сеть, действовавшая против Восточной Пруссии.

Затем в тот год абверу в Шлезвиге удалось уличить в шпионаже в пользу Польши еще трех человек, рабочего Мализека, его сына и горнорабочего Флигеля. Оберландский суд в Бреслау в августе 1927 года приговорил Мализека с сыном к двум, а Флигеля к семи годам каторжной тюрьмы.

Дело польских поручиков Пионтека и Урбаняка

В 1920-х годах, когда в Польше все вновь и вновь раздавались угрозы в адрес Германии и выдвигались притязания на районы Восточной Пруссии и вольный город Данциг, рейх был вынужден считаться с вероятностью нападения своего восточного соседа. В связи с этим перед абвером среди прочих стояла задача постоянно уточнять, какие польские части дислоцируются в так называемом коридоре. Еще важнее для германского военного командования было прояснение того, какие польские части при мобилизации будут введены или подтянуты в район коридора и как они должны оперировать в случае начала войны против Германии.

Эта задача могла быть разрешена только в том случае, если бы абверу удалось получить доступ к секретным приказам на случай мобилизации соответствующих польских частей. Эти приказы, разумеется, хранились под строгой охраной в сейфах.

Первым офицером абвера, разрешившим эту сложную задачу, по меньшей мере в ее существенной части, был уже знакомый читателю обер-лейтенант Раух. Зимой 1925/26 года через посредника ему удалось установить контакт с польским поручиком Пионтеком, кадровым офицером одного кавалерийского полка и командиром эскадрона в Конице.

При сложных обстоятельствах на «зеленке» между Восточной Пруссией и Польшей состоялась встреча Рауха и Пионтека, принявшего предложение вести шпионаж в пользу Германии за высокое вознаграждение и

пообещавшего доставать все секретные документы, которые ему будут доступны. Он запутался в долгах и остро нуждался в деньгах.

Пионтек сдержал свое обещание. Уже на следующую встречу он принес фотографии важных секретных документов. Но свидания на зеленой границе были затруднительны и небезопасны. Они происходили по ночам на пограничной полосе, одну сторону которой патрулировали немецкий, другую польский таможенники, охотившиеся на контрабандистов. Поэтому Раух решил провести следующую встречу в районе вольного города Данцига, куда Пионтек, не обращая на себя внимание, мог часто наведываться. Ведь много поляков, кто по делам, кто по личным надобностям, приезжали в Данциг или через него ехали в польский город Гдыню.

Раух попросил меня подобрать подходящее место для встречи с Пионтеком, принять участие в переговорах и прикрыть окрестности места встречи моими проверенными помощниками Бартом и Кригером.

Так в марте 1926 года я познакомился с Пионтеком — высоким, стройным блондином ослепительной внешности. Любой принял бы его за прусского офицера, носи он немецкую форму. К тому же Пионтек хорошо говорил по-немецки. Среди его предков были не только поляки, но и немцы. Я сразу же вспомнил об описанном выше деле унтер-офицера Коха. Как и тот, Пионтек тоже не обрел своей родины ни в Польше, ни в Германии.

Мое впечатление усилилось, когда Раух стал задавать вопросы о польской армии, ее организации и вооружении, а Пионтек без колебаний (если мог) отвечал на них. Он знал намного больше, нежели это содержалось в доступных ему секретных документах. Дело в том, что Пионтек имел хорошего друга, поручика Урбаняка, адъютанта командира полка в Торне, под командованием которого они оба служили. Урбаняк руководил секретной частью полка, кроме того, из личных разговоров со своим командиром знал то, что тому доводили до сведения в вышестоящих штабах.

Все это Пионтек рассказывал на беглом немецком, большей частью по собственному почину. Но и когда Раух задал вопрос, который следовало задать на этой стадии переговоров с точки зрения абвера, точнее, представ-

ляется ли ему возможным получить доступ к секретным документам, хранящимся в сейфе Урбаняка, Пионтек не колебался ни секунды. Он тотчас утвердительно ответил на вопрос, правда добавив, что ему потребуются большие ассигнования, нежели прежде, чтобы привлечь Урбаняка к сотрудничеству.

Одновременно Пионтек признал, что, несмотря на доходы, уже полученные им в качестве вознаграждения, он все еще в долгах. При обсуждении этого выяснилось, что Пионтек также открыто жил на широкую ногу, как и совершал предательство. У него было много друзей. Вероятно, он мог бы прельстить их молодостью и привлекательностью, не покупая дорогих подарков. Но, по всей видимости, здесь в нем проявлялась польская кровь. Пионтек любил женщин, вино, шумные застолья и беззаботно проматывал свое состояние и себя самого.

Мы оба — я и Раух — молча задумались, когда Пионтек все это откровенно рассказал нам. Сочувствие и участие проснулись в нас. Но Раух встряхнулся, взял себя в руки и согласился на повышение запрашиваемого Пионтеком гонорара, однако лишь в том случае, если ему удастся привлечь друга и сделать хорошо читаемые фотографии секретных документов, хранимых в сейфе Урбаняка. Пионтек был явно обрадован согласием и заявил, что он хороший фотограф-любитель, само собой разумеется, он сделает качественные фотографии секретных служебных бумаг.

Затем уточнили, какая камера у Пионтека, я обсудил с ним, какие дополнительные фотопринадлежности ему потребуются, чтобы при любых обстоятельствах снять пленки при правильной освещенности.

В заключение Пионтек получил от Рауха в качестве вознаграждения некоторую сумму в несколько тысяч рейхсмарок в польских банкнотах за прежнее сотрудничество и за предстоящую вербовку Урбаняка. Пионтек принял деньги и просиял. Несколько тысяч рейхсмарок тогда были приличной суммой, на которую можно было неплохо жить несколько месяцев как в Польше, так и в Германии. Раух не преминул после передачи денег призвать Пионтека к повышенной осторожности и посоветовать ему расплатиться с долгами не одним махом, а главным образом избегать трат, привлекающих к себе

внимание. В маленьком гарнизонном городке Конице легко попасть под подозрение.

Пионтек в радостном расположении духа, не обращая внимания на эти серьезные слова, схватил один из трех стаканов с красным вином, которые только что Раух поставил на стол, и воскликнул: «Да здравствует жизнь! И за ваше здоровье, господа!» После того как одним духом опустошил стакан и похвалил вино, он заверил, что, само собой разумеется, будет осторожен, у него нет никакого желания прежде времени расставаться с жизнью.

В радостном настроении и беззаботно Пионтек распрощался. Уже через полтора месяца он снова появился в Данциге, чтобы передать Рауху о согласии его товарища Урбаняка на сотрудничество. В качестве доказательства он выложил негатив фотопленки, на которой — хорошо читаемой — были засняты польские документы. Пионтек сам проявил ее на своей квартире и объяснил, что это документы из сейфа его кавалерийского полка. Раух после тщательного изучения признал, что это действительно важные секретные документы, которые прежде никогда не попадали ему в руки. Он не смог скрыть радости по поводу такого успеха. Явно воодушевленный этим, Пионтек заметил: «Чистая работа, не так ли? Правда, вы должны заплатить мне несколько больше, чем прежде. Урбаняк хочет получить больше, чем я ему предлагал».

Раух отсчитал ему на тысячу рейхсмарок польскими банкнотами больше, нежели в прошлую встречу в Данциге. Кроме того, он согласился доплатить за предлагаемые документы еще две-три тысячи рейхсмарок, если Пионтек пообещает, что он и его друг Урбаняк и впредь будут вести себя крайне осмотрительно. Тот пообещал.

Затем за стаканом красного вина обсудили, когда можно будет снова встретиться, где провести следующие переговоры, фотографии каких документов из сейфа Урбаняка желательны в первую очередь и многое другое.

В течение 1926 года произошло еще много встреч с Пионтеком в Данцигской области. Он и Урбаняк выдали все без остатка доступные им секретные документы. Сверх того, они устно давали ценную информацию о секретных замыслах польских штабов, отвечая на вопросы Рауха. Отделение абвера выразило благодарность Рауху за

установление контакта и его умную и успешную разработку.

Но в начале ноября 1926 года я получил от одного информатора донесение, что Пионтек и Урбаняк в Польше подозреваются в шпионаже. Пионтек все-таки обратил на себя внимание польской контрразведки чрезмерными тратами и безумными, расточительными историями с женщинами.

У меня были все основания срочно встретиться с Раухом и обсудить с ним, что мы сможем сделать для защиты столь ценного для абвера источника¹, поскольку информатор Кокино, от которого я получил донесение, был польским комиссаром полиции и сам работал в польской контрразведке. Хотя он год назад согласился на сотрудничество с абвером лишь потому, что на него надавили двое моих данцигских коллег, но за этот период он достоверными донесениями подтвердил, что заинтересован в нашей дружбе и в дополнительном заработке к своему окладу.

В результате нашего с Раухом обсуждения мы решили отправить по запасному каналу, установленному нами с Пионтеком на случай крайней необходимости, ему сообщение, что он находится в опасности, поэтому должен соблюдать меры чрезвычайной осторожности и по крайней мере полгода не появляться в Данциге. Как только опасность минует, мы дадим ему знать, но не ранее.

Это предупреждение Пионтек получил совершенно точно. После этого несколько месяцев мы ничего не слышали ни о нем, ни от него. Но в январе 1927 года он вдруг неожиданно появился в Данциге. Вести о своем приезде он не передавал, но ему удалось разыскать меня. Через два часа Раух, извещенный мной по телефону, был на месте.

Пионтек снова привез пленку с фотоснимками очень ценных секретных польских документов, зашитых в подкладку его пальто.

Раух все-таки упрекнул Пионтека за его действия вопреки нашим указаниям, провоцирующие опасность аре-

¹ Информаторы или агенты, поставляющие секретные сведения или документы, на профессиональном жаргоне в абвере еще назывались источниками.

ста, что совсем нежелательно для нашей службы. Арест крупного шпиона для страны, на которую он работает, всегда двойная потеря. Во-первых, заказчик теряет ценный, иногда незаменимый источник, во-вторых, государство, изблотившее крупного предателя, полностью использует случай с точки зрения пропаганды и для усиления мер безопасности.

Пионтек приехал в Данциг вопреки нашим распоряжениям потому, что у него опять возникли денежные затруднения. Наши настоятельные призывы и ссылки на то, что он находится в серьезной опасности, не оказали на него никакого воздействия. Легкомысленно он заявил, что чувствует себя абсолютно уверенно. Полиция против него, уважаемого офицера¹, не может ничего сделать.

К сожалению, мы не могли открыть Пионтеку, из каких источников у нас информация, что польская служба контршпионажа заинтересовалась им и Урбаняком. Но Раух и я, вместе, попытались объяснить, что ему ни под каким видом нельзя приезжать в Данциг, пока мы не дадим знать, что опасность миновала.

Пионтек при расставании по-настоящему задумался. Я отправил своих помощников опекать его, пока он не покинул Данциг. Они не заметили ничего подозрительного, что могло бы вызвать опасения. По всей видимости, агенты польской службы контршпионажа не следили за Пионтеком в Данцигской области. На этот раз вроде бы все обошлось. Но больше мы Пионтека не видели.

Два месяца спустя ему снова потребовались деньги. Он отснял новые секретные документы, которые ему смог предоставить его друг Урбаняк, и в конце марта отправился в Данциг. Об этом Раух и я узнали не от него, а из публикаций в польской прессе о произведенном аресте Пионтека и Урбаняка. Пионтека, собиравшегося пересечь границу в направлении Данцига, арестовали. За подкладкой его пальто нашли пленки с секретными документами, ставшие неоспоримым доказательством сообщничества Урбаняка, что окончательно решило и его участь.

¹ Положение офицера в те времена в Польше было очень высоким. Гордость и отвага — главные качества польского офицера той эпохи. Но многие из них, как Пионтек и Урбаняк, к тому же свысока относились к другим сословиям и коренному еврейскому населению.

4 апреля 1927 года торнский военный суд заслушивал дело против Пионтека и Урбаняка. Обоих приговорили к разжалованию, увольнению из армии, лишению гражданских прав и смертной казни через расстрел. Корпусной командир, генерал Бербецки, утвердил приговор, а президент страны не подписал прошения о помиловании.

Приведение в исполнение приговора последовало вечером того же дня в одном из фортов крепости Торна. Приговоренные сами вырыли себе могилы. Первым казнили Урбаняка. Пионтек должен был наблюдать, как расстреливают его друга и тот падает в могилу. Затем пришла его очередь. Согласно приговору, это было дополнительное наказание Пионтеку за то, что он склонил Урбаняка к предательству.

Польская пресса в те дни долго и подробно писала об этом шпионском деле и в деталях о казни. Но, несмотря на эти устрашающие воздействия, и в дальнейшем нередко удавалось склонять к сотрудничеству польских офицеров и других носителей государственных тайн.

Другие источники абвера в Польше — пан Скупой¹ и источник Кокино

Абвер тяжело переживал провал Пионтека и Урбаняка. Агенты, имевшие доступ к военным штабам противника, шли на вербовку не каждый день. Но, по счастью, всего через несколько недель после казни шпионов мне удалось установить контакт с одним польским офицером, служившим в штабе корпуса в Лодзи. Его не напугала трагедия обоих польских поручиков, а, наоборот, подтолкнула принять предложение одного из общих знакомых побеседовать.

Возможно, именно описание в прессе дела Пионтек—Урбаняк укрепило его в решении поехать на встречу в Данциг и заработать на продаже секретных документов. Ибо польские газеты также упоминали, что Пионтек на шумные застолья с шикарными женщинами и дорогостоящие приобретения выбрасывал деньги,

¹ Скупым этого агента назвали за его непомерную жадность.

получаемые им в Данциге от германской военной разведки.

Когда появился гость, ожидаемый мной с таким напряжением, я был поражен. Передо мной стоял маленький невзрачный человечек, но лицо его выражало энергию, и взгляд серых глаз смотрел умно. Что он умен и хитер, вскоре выяснилось в ходе нашей беседы.

Человек — позднее мы назвали его пан Скупой — не привез никаких документов. Во-первых, он хотел установить со мной надежный, исключающий возможность провала контакт. Во-вторых, — что было для него важнее всего — он хотел обсудить со мной вопрос вознаграждения, которое он желал получать за определенные поставки товара.

Одно мгновение я думал, что имею дело с дезинформатором или провокатором, когда пан Скупой заговорил о секретных документах, которые он будто бы в состоянии достать. Якобы у него есть доступ даже к подготовленным приказам на случай мобилизации и таблицам штаба своего корпуса, утверждал он. Поскольку я уже держал некоторые секретные документы, касавшиеся польской армии, то мог профессионально задавать уточняющие вопросы. К моему удовлетворению, пан Скупой отвечал на них и даже проявлял удовольствие от моей осведомленности. Профессионалы понимают друг друга лучше, считал он.

Окончательное согласие дать Скупому я не мог. Но я был уполномочен пообещать ему две-три тысячи рейхсмарок в польской валюте на тот случай, если первая его поставка с виду будет выглядеть как подлинная и отвечать интересам нашей службы. Скупой торговался ловко и долго о цене, словно от этого зависела вся его жизнь. Наконец мы сошлись, и он, довольный, уехал.

В последующее время — 1927—1929 годы — Скупой появлялся регулярно каждые три-четыре месяца и доставлял все доступные ему секретные документы. Среди них были и обещанные им мобилизационные таблицы. Каждый раз, когда я затем выдавал ему вознаграждение, он очень медленно и неторопливо пересчитывал купюры. Сама персонифицированная скупость сидела передо мной!

Когда после первой поставки выяснилось, что в лице Скупого мы располагаем очень важным источником, для

помощи мне подключили сотрудника сектора I¹ в Восточной Пруссии. До сих пор я работал со Скупым один с глазу на глаз. Представлялось просто необходимым подключить еще одного сотрудника абвера, могущего далее вести ценного источника в случае, если бы я заболел или по каким-либо иным причинам не смог прийти на встречу со Скупым.

В тот период в Восточной Пруссии и Данциге задача выстраивать шпионскую сеть в Польше для военной и политической разведки была поручена только троим. Если обер-лейтенант Раух из Мариенбурга, а я из Данцига пытались решить эту задачу, то и сотрудник сектора I отдела абвера по Восточной Пруссии в Кёнигсберге работал над тем же поручением. Кроме того, он являлся экспертом по всем входящим донесениям относительно иностранных армий и военно-воздушных сил. Этот третий сотрудник — Ганс Горачек, служивший без перерыва в абвере до самого конца войны в 1945 году и дослужившийся до звания подполковника, — и был направлен в помощь мне в деле Скупого. Вместе с ним мы начали и провели очень много операций абвера, товарищески одинаково делили удачи и поражения.

Я был рад, что Ганс, как звали его друзья, принимал участие в переговорах с паном Скупым, все время кланчившим денег. У Ганса уже был опыт в ведении тайных контактов. Кроме того, он хорошо подходил для переговоров с информаторами и агентами, поскольку его, обладавшего великолепной выдержкой, было не просто вывести из равновесия. Он сумел деловито и уверенно поставить Скупого на место. При этом Ганс не был ни в коей мере ни холоден, ни циничен. Благодаря отличному самообладанию он быстро оценил ситуацию. Его доброжелательный ровный характер не позволял и предполагать, что он способен сформулировать нечто оскорбительное.

И Скупой довольствовался тем, что отныне им занимаются двое представителей абвера. В дальнейшем он доставил немало доступных ему польских секретных докумен-

¹ В ту пору при отделах абвера было всего лишь два сектора: сектор I по военной и военно-политической разведке стран потенциального противника; сектор III занимался контршпионажем.

тов. Тогда возросло и его вознаграждение. Когда однажды он тщательно пересчитывал гонорар за очередную порцию документов, я сфотографировал его. Он настолько углубился в это занятие, что даже не услышал шелканья камеры. Алчность и скарденность явственно проступали на его лице. Если бы Мольер знал нашего Скупого, его Скупой был бы еще более захватывающим и потрясающим персонажем!

До конца 1928 года все шло по плану. Скупой регулярно являлся на встречи, приносил материал и огребал за это свои деньги. Мы часто меняли места встреч и соответственно предпринимали все необходимые меры предосторожности, так что в Польше против Скупого не возникало подозрений. Но однажды он не явился. Вскоре после этого пришло письмо, написанное разработанной специально для него тайнописью, в котором он сообщал, что более не собирается сотрудничать, поскольку достаточно заработал!

Что тут было делать? Секретные службы неохотно выпускают людей, попавших к ним в руки и поставляющих ценную информацию. Если они хотят прекратить работу, на них пытаются оказать давление для продолжения сотрудничества. К такому решению пришли и в отделе абвера в Восточной Пруссии. Итак, составили соответствующее письмо и тайным каналом переправили Скупому. Он совершенно ясно представлял себе, что его ожидает смертный приговор, если абвер решит подбросить в руки польских служб доказательств его предательской деятельности. Несмотря на это, письмом он ответил буквально следующее: «Я же знаю, что имею дело с немецкими офицерами, а не шантажистами. Еще раз большое спасибо...» Информатор рассчитал точно: абвер не стал ничего против него предпринимать.

Скупой — редкий из крупных шпионов, который предательством заработал себе состояние и с умом вложил его. Позднее абвер выяснил это через своих доверенных лиц. Но нажитое предательством состояние Скупого в конце концов снова исчезло. Во время германо-польской кампании 1939 года его имение было полностью разрушено. Но сам он уцелел. Это Ганс Горачек лично установил на месте во время войны.

Кокино и другие источники

Инцидент «контакта со Скупым» чувствительно ударил по абверу. Между тем Раух, Горачек и я после провала польских поручиков Пионтека и Урбаняка не сидели сложа руки. Нам удалось в 1928—1929 годах найти в Польше новые источники, то есть завербовать новых людей для секретной работы. И другие коллеги по абверу в Бреслау, Берлине и Штеттине успешно устанавливали контакты.

К сожалению, большинство документов по работе абвера того периода утрачены. О множестве контактов, происходивших в то время, будет далее рассказано несколько примечательных эпизодов.

В мою тогдашнюю сеть информаторов среди прочих входил и уже упомянутый польский комиссар полиции в Торне, которому абвер присвоил псевдоним Кокино. Торн — административный центр воеводства Поморья, и Кокино служил там в одном из отделов местной полиции. В 1920-х годах под предлогом уголовно-полицейских дел он нередко навещался в Данциг.

Фактически между Данцигом и Польшей существовало корректное сотрудничество в борьбе с тяжкими и профессиональными преступлениями. В те годы многие преступники после совершения преступления в Польше пытались сбежать за границу через Данциг, в который можно было попасть без длительного оформления выездных документов. Многие карманники и международные мошенники, избравшие полем своей деятельности Германию, Францию, Великобританию или северные страны, были схвачены в Данциге и выданы Польше. В этой чисто криминально-полицейской сфере, насколько мне известно, никогда не возникало никаких трений между Польшей и вольным городом Данцигом.

Однажды Кокино обратил на себя внимание данцигского уголовного полицейского тем, что тот поддерживает в районе гавани отношения с личностями, подозреваемыми в нелегальной торговле наркотиками. Очень быстро наблюдение за Кокино дало основание для подозрения, что он участвует в наркоторговле. Но решающих улик еще не было. Но вероятно, на основании следственных данных соответствующий судья мог выдать ордер на его арест.

При таком положении вещей двое коллег, находившихся со мной в дружеских отношениях, решили пригласить Кокино пообедать и при этом неожиданно объяснить ему, что он находится перед выбором между работой на абвер или арестом за торговлю наркотиками.

Кокино окаменел, сраженный, когда перед ним это открылось. Однако ему не потребовалось много времени на обдумывание. Уже через несколько секунд после шока он дал свое согласие на сотрудничество с разведкой, если за это что-нибудь заработает. Кокино утверждал, будто у него много долгов, с которыми ему нужно расплатиться. В действительности же он согласился в основном из страха потерять свое место, если в Данциге против него возбудят уголовное дело.

Кокино выполнял для абвера ценную работу, в первую очередь донося о возникавших подозрениях против определенных лиц, имевших связь с германской разведкой. Благодаря этому некоторые информаторы абвера смогли уберечься от ареста службой польского контршпионажа.

Кокино за вознаграждение долгие годы оказывал неоценимые услуги. Внезапно он бесследно исчез. Абвер не смог прояснить тайну его дальнейшей судьбы. Неподтвержденные донесения свидетельствовали, будто бы его разоблачил польский контршпионаж и уничтожил без суда и следствия.

Положение на тайном фронте в 1929 году

Служба военной разведки Польши сумела первое десятилетие своего существования лучшим образом использовать для того, чтобы выстроить мощную организацию и основательно обучить своих сотрудников. Сверх того, ей удалось углубить сотрудничество с разведками западных держав, которое началось в 1919 году, в особенности в направлении разведки в Советском Союзе.

Разведка польской военной секретной службой Германии в 1929 году, как и прежде, велась главным образом из филиалов в Познани и Бромберге. Но между тем создавались новые отделения, например в Диршау и Гдыне. Они в основном работали против Восточной Пруссии и Померании.

Польская разведка в 1920-х годах значительно усилила и свою данцигскую резидентуру. В 1927 году дипломатическое представительство Польши в Данциге на запрос Верховного комиссара Лиги Наций отвечало, что в их военном отделе служат девять военных, включая офицеров. Но кроме того, уже тогда на складе боеприпасов на Вестерплатте служило три офицера, 20 унтер-офицеров и 65 рядовых. К этому добавлялось то, что большая часть польского военного флота постоянно стояла в Данциге. Благодаря этому у польской разведки было много благоприятных возможностей тайно доставлять своих людей и агентов в район вольного города и нелегально внедрять их; не в последнюю очередь в само дипломатическое представительство Польши, которое насчитывало свыше 100 сотрудников, которых данцигские власти не имели права ни контролировать, ни досматривать.

Помимо майора Зикона, упомянутого в начале книги, в те годы в Данциге появились новые представители польской секретной службы. Среди них офицеры: Горовски, Рознер, Грунвальд и Бендер, обращавшие на себя внимание главным образом плохой маскировкой при вербовке людей. Нередко вербуемые представителями польской разведки являлись к данцигским властям и делали заявление. Тогда я и мои помощники могли установить вербовщика.

Хотя территория вольного города Данцига предоставляла польской секретной службе множество преимуществ, но для нее имелся и один крупный недостаток: территория была слишком мала и легко контролировалась ее противником. Поэтому абвер мог держать под наблюдением выявленных сотрудников польской разведки силами всего лишь нескольких доверенных лиц, когда те выходили из своего служебного здания. Между тем сравнительно легко оповещали отдел абвера по Восточной Пруссии об информаторах и агентах, которых мои польские соперники вербовали на территории вольного города Данцига и засылали для разведки в Германию. Так многие из них, благодаря разведывательной работе в Данциге, были арестованы и осуждены в Германии.

В самом Данциге против лиц, ведущих с территории вольного города разведку против Германии, нельзя было возбудить уголовного дела; для этого не существовало законодательной базы.

Но представители польской разведки вербовали не только данцигских или польских граждан, а старались завербовать преимущественно немецких, поскольку сами могли в любое время и скрытно въезжать в Германию и разъезжать по ней. Поэтому в некоторых случаях германских граждан, работавших на польскую секретную службу, высылали в Восточную Пруссию, где их арестовывала немецкая полиция.

Затем, благодаря использованию информаторов, моим помощникам и мне было не трудно выявлять связи, которые представители польской разведки поддерживали с генконсульством западных держав в Данциге. Например, майор Зикон лично очень часто посещал французское генконсульство.

Наблюдение за английским консульством в Данциге среди прочего показало, что консул, мистер Кебл, слишком часто негласно принимает одного из своих коллег, вице-консула. Проведенное абвером расследование показало, что крупные силы разведок Великобритании, Франции и Эстонии вели активный шпионаж против Советского Союза. При этом секретные службы этих стран скрывали свои добытые сведения. Одна из главных целей в Советском Союзе — прояснить германо-советское сотрудничество в военной области.

Разведки западных держав в 1920-х годах также содержали резидентуры, работавшие преимущественно против Германии и в Чехословакии. Вести из Праги разведку против Советского Союза в том же объеме, что и из Варшавы, они не могли, поскольку Чехословакия придавала большое значение дружественным отношениям с Москвой.

В целом к концу 1920-х годов секретные службы западных держав и Польши насчитывали тысячи кадровых сотрудников на тайном Восточном фронте. А как же в этом смысле выглядела германская сторона?

В июне 1929 года в Мюнхене проводилось ежегодное совещание отдела абвера. В нем принимали участие не только руководители отделений абвера и большинство их сотрудников, но и руководящие чиновники прусской полиции и сотрудники отделов контршпионажа полиции земель. 21 июня участники совершили экскурсию в баварские Альпы. Все вместе уместились в двух автобусах. Я тоже ездил на ту экскурсию.

Отделения абвера за десять лет после подписания Версальского договора в кадровом отношении практически не были усилены. Состав отделения абвера по Восточной Пруссии в Кёнигсберге в 1929 году выглядел следующим образом.

Руководитель: капитан генштаба Волльман¹; сотрудники I службы абвера с задачей разведки в Польше: оберлейтенант резерва Раух, служащий, и лейтенант Горачек; сотрудники службы контршпионажа: ротмистр резерва Рудольф² и лейтенант резерва Картельери³, служащий.

Кроме того, у руководителя абвера имелся еще аналитик, а также штат канцелярских служащих и машинисток.

В остальных семи отделениях абвера дела обстояли еще хуже, поскольку Восточную Пруссию обеспечивали в первую очередь. Правда, абвер использовал прошедшие годы для того, чтобы значительно укрепить сеть доверенных лиц.

В связи с этим стоит еще отметить, что абвер в борьбе на тайном фронте на Востоке приобрел союзника. Это была литовская разведка, работавшая против Польши в том же направлении, что и Германия, тоже частично предоставлявшая абверу свою информацию. С другой стороны, абвер через дислоцированного в Ковно офицера связи, капитана резерва Кляйна, передавал литовским союзникам некоторые секретные сведения по Польше.

Несколько лет спустя эти отношения ухудшились, поскольку литовское правительство стало принимать жесткие меры против немецкого населения в Мемельской области, которой оно тогда управляло. Но в 1929 году обмен разведанными между секретными службами рейха и Литвы еще был довольно обширен. В качестве подтверждения того можно привести историю одного польского провокатора и дезинформатора.

Как-то в 1929 году поляк, проживавший в Вильно и назвавшийся Бриморой, появился во II отделении литовского генерального штаба. Он сообщил, будто в качестве офицера резерва работает на польскую разведку. В частности, он «раскрыл» литовцам подробности убийства польского генерала Загорски. Сведения Бриморы приве-

¹ Во время Второй мировой войны генерал-лейтенант.

² Позднее полковник.

³ Позднее полковник.

ли к усилению напряженности между Польшей и Литвой. При таком положении дел литовская разведка подключила абвер. Тогда объединенными силами в несколько дней удалось установить, что Бримора был дезинформатором и никогда не являлся польским офицером.

С тех пор как я приобрел некоторый опыт на тайных фронтах на Востоке и Западе, оглядываясь назад, поражаюсь, что в 1920-х годах абвером, с его слабыми силами, было достигнуто так много в борьбе со столь превосходящим противником. Абвер был хорошо информирован о мобилизационных приготовлениях Польши и замыслах ее правительства, поскольку ему неоднократно удавалось вербовать польских офицеров в качестве информаторов.

Такие достижения объясняются прежде всего тем, что немногочисленные сотрудники абвера, которым поручалось ведение разведки в Польше, занимались своим делом энергично, кропотливо и с воодушевлением, но в то же время умело подбирали своих помощников и доверенных лиц по принципу: лучше иметь на дюжину меньше, чем хотя бы одного ненадежного. Соблюдение этого принципа подбора кадров привело и к другому важному результату. Больше десятилетия удавалось блокировать попытки польской разведки внедриться в абвер.

Принцип «Безопасность — прежде всего!» во все времена остается основополагающим для любой секретной службы.

За легкомысленное отклонение от него обычно дорого расплачиваются.

После прихода к власти национал-социалистов в течение всего лишь нескольких лет в абвер влились сотни новых людей, которые принялись выстраивать сеть доверенных лиц, привлекая их насильно, в результате чего абвер потерпел несколько провалов, один из которых коснулся и меня, хотя и косвенно.

Положение на тайном Восточном фронте в 1930—1934 годах

Отношения между народами и государствами находятся в постоянном движении. Как и сама жизнь, они подвержены влиянию времени. Ретроспективный взгляд на

период с 1930-го по 1934 год приводит к печальному и неутешительному выводу, что межгосударственные соглашения и договоры соблюдались лишь короткое время и многократно нарушались.

Отношения между Советским Союзом и Польшей к концу 20-х годов на какое-то время улучшились, что выразилось в подписании в 1932 году договора о ненападении между обеими странами. Это объяснялось главным образом тем, что Советский Союз в 1928 году приступил к выполнению первой пятилетки и Сталину требовался мир. Польша же, заключив этот мирный договор, считала, что отныне она может не опасаться за свои восточные границы и теперь у нее открыт путь на Запад.

В связи со своей военной слабостью рейху приходилось полностью сосредоточиться на оборонительных задачах. Мобилизационные планы Германии в то время предусматривали, что пограничные районы Шлувига в случае военного конфликта могут быть сданы противнику, чтобы иметь возможность вести борьбу на стратегически выгодных направлениях.

В феврале 1932 года в Женеве после 12-летнего перерыва была вновь открыта Конференция по всеобщему разоружению. На ее заседаниях Польша вновь выступала как против широкомасштабного разоружения союзников, так и снятия с Германии ограничений по вооружениям, налагаемых Версальским договором. Эта позиция Польши привела к резкому обмену мнениями и кризису в отношениях между Германией и Польшей.

В 1934 году в Германии было раскрыто дело крупного польского шпиона ротмистра Сосновского. Дело Сосновского со всей очевидностью показало, насколько слабы органы разведки и контрразведки рейха и не соответствуют создавшейся ситуации. Это послужило косвенной причиной отставки прежнего руководителя абвера Патцига. Поэтому военная разведка и контрразведка наконец-то стали получать значительные кадровые подкрепления. Адмирал Канарис, в конце 1934 года возглавивший абвер, воспользовался делом Сосновского, чтобы строжайше запретить своим подчиненным пользоваться морально неприглядными методами работы, которые практиковались польской разведкой.

Глава 2

1935—1939 ГОДЫ. АДМИРАЛ КАНАРИС И СТРУКТУРА ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ И КОНТРАЗВЕДКИ ПОД ЕГО РУКОВОДСТВОМ. ПОЛОЖЕНИЕ НА ТАЙНОМ ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ЭТОТ ПЕРИОД

В канун нового 1935 года руководство германской военной разведки и контрразведки возглавил адмирал Вильгельм Канарис¹ — человек, наложивший отпечаток на эту службу на целое десятилетие.

Его сопровождала легендарная слава. Еще будучи совсем молодым офицером тогдашних императорских военно-морских сил, он пережил нечто совершенно из ряда вон выходящее. Морской обер-лейтенант на крейсере «Дрезден» 1 ноября 1914 года участвовал в сражении при Коронеле, в ходе которого все английские военные корабли были уничтожены германской эскадрой, за исключением крейсера «Глазго». Но уже пять недель спустя, 8 декабря 1914 года, германская эскадра у Фолклендских островов столкнулась с превосходящими британскими силами. На этот раз победили англичане. Все германские корабли пошли ко дну, лишь крейсеру «Дрезден» благодаря высоким ходовым качествам удалось уйти.

Следующие месяцы «Дрезден» прятался в фиордах и бухтах Огненной Земли. Из-за отсутствия пополнения топлива и запасов корабль уже не мог продолжать полноценные боевые действия. 9 марта 1915 года «Дрезден» был вынужден бросить якорь у Мас-а-Тиерра в чилий-

¹ Семья адмирала происходит из Италии. Первый из Канарисов, по имени Томас, поселившийся в Германии, родился в 1659 году в г. Сала и умер в 1753 году в Бернкастеле. С тех пор потомки его жили и живут преимущественно в районе Мозеля и Рейна. По документам вплоть до 1371 года можно проследить, что все предки Томаса Канариса проживали в Италии.

ских территориальных водах. Внезапно там появился превосходящий по артиллерийскому вооружению крейсер «Глазго», открывший огонь по «Дрездену». Это означало нарушение международного права, поскольку «Дрезден» находился в нейтральных водах. Поэтому командир корабля отправил на борт «Глазго» в качестве парламентаря обер-лейтенанта Канариса. На аргумент последнего, что британская сторона нарушила международное право, английский капитан ответил коротко и ясно: «У меня приказ уничтожить «Дрезден», где бы он ни был. Все остальное урегулируют дипломаты Великобритании и Чили».

После того как Канарис вернулся на свой корабль, сражение продолжилось. Поскольку положение «Дрездена» было безнадежным, решили корабль затопить. Чилийские власти отправили раненых с «Дрездена» в Вальпараисо, остальных немецких офицеров и команду интернировали на острове Квириквина. Здесь в течение нескольких месяцев Канарис настолько усовершенствовал свой испанский, что стал подумывать о том, чтобы выдать себя за чилийца, сбежать с острова и уехать в Германию.

По договоренности со своим командиром Канарис воплотил свой замысел. Поздней осенью 1915 года он начал свое невероятное путешествие. Попробуйте представить себе долгий путь из юго-западной части Южной Америки в Европу и те непреодолимые трудности, которые возникли на пути маскирующегося путешественника. Сначала Канарису нужно было суметь перебраться с острова Квириквина на чилийскую территорию, затем пересечь Анды и Аргентину и, наконец, в каком-нибудь южноамериканском порту найти подходящее судно, которое могло бы доставить его в Европу.

Канарис сделал невозможное. Он убежал из лагеря для интернированных и проделал путь длиной почти 1200 километров через Анды и Аргентину, от Тихого до Атлантического океана, преодолевая лишения, передвигаясь большей частью пешком или на лошади. Ему пришлось весьма кстати, что он еще мальчиком научился ездить верхом и полюбил лошадей. У его отца, директора металлургического завода, в Дуйсбург-Хёхфельд был большой дом с просторным садом — идеальным местом для игр младшего сына семьи, Вильгельма. На свое 15-летие Вильгельм

получает от отца в подарок верховую лошадь. Он, будучи большим другом животных, впоследствии стал страстным и умелым наездником.

Во время своего невероятного путешествия Канарису удалось встретить рождественские праздники 1915 года уже в Аргентине в гостях у семьи немецкого поселенца фон Бюлова. Тем временем он раздобыл паспорт и соответствующие документы на имя чилийского вдовца Рида Розаса. Потом под этим именем на пароходе «Фризия» Канарис отправился в Роттердам. Во время плавания ему неизбежно приходилось разговаривать с англичанами. Он использовал эту возможность, чтобы освежить свои знания английского. Никто на судне не заподозрил, что под именем Рида Розаса скрывается германский обер-лейтенант флота Канарис. Наоборот, он настолько завоевал доверие многих спутников-англичан, что они приглашали его в гости.

Когда «Фризия» подходила к Европе, ее задержали английские военные корабли и потребовали, чтобы она проследовала в Плимут. Английские чиновники подвергли там всех пассажиров и команду судна строгому досмотру. Канарис прошел его и смог продолжить путь в Роттердам. Здесь возникли новые трудности. Хотя Нидерланды и не были воюющей стороной, но их власти явно считали необходимым установить личность чилийского гражданина Рида Розаса, прежде чем разрешить ему въезд в Германию. Наконец разрешение было получено. Измученный долгими мытарствами, но в результате успешно Канарис добрался до родины.

Так он проделал невероятное путешествие, во многом до сих пор окутанное тайнами. Настоящая же разведывательная работа началась для Канариса вскоре после этого, а именно летом 1916 года. Его направили в Мадрид в качестве помощника германского военно-морского атташе, капитана 3-го ранга фон Крона.

Испания во время Первой мировой войны являлась центром политического и военного шпионажа для стран, участвовавших в войне. У Германии там были резидентуры, некоторые из них вели разведывательную деятельность во Франции, другие наблюдали за вооруженными силами союзников. Разведслужбы вражеских держав, в свою очередь, из Испании засылали различными путями

в страны германской сферы влияния шпионов. Та же самая ситуация складывалась на Пиренейском полуострове и во время Второй мировой войны.

Как Канарису тогда удалось добраться, установить я не смог. В любом случае летом и осенью 1916 года его можно было встретить во многих испанских портах. Он снова выступал в качестве чилийца Рида Розаса и вербовал людей, которые могли бы наблюдать за движением судов противника, в особенности на английской базе Гибралтар. Чтобы получить информацию в этом направлении, Канарис не боялся под маской нейтрального чилийского гражданина искать контактов с членами экипажей судов противника и подслушивать их. Затем в его задачу входил поиск капитанов судов и коммерсантов, согласных снабжать провиантом германские базы подводных лодок.

Найти подходящего человека для этой тяжелой задачи можно было с трудом. При этом следовало действовать анонимно. Германский военно-морской атташе и его официальные помощники не могли выполнять такую работу. Для Канариса это означало новые осложнения. Он не должен афишировать свою принадлежность к германскому посольству. Но Канарис взялся за тайную деятельность, которая была для него огромным соблазном. Его увлекали опасные предприятия в испанских портах, где он, полагаясь только на самого себя, мог испытать свои способности. Интуиция, чутье и фантазия счастливо сочетались в нем с даром трезвого расчета за и против, так что он с успехом доводил до успешного завершения рискованные предприятия. И его начальник, фон Крон, был полностью доволен достижениями своего помощника. Но обер-лейтенанта военно-морского флота Канариса ненадолго удовлетворила подобная деятельность в Испании. Ввиду тяжелого положения он непременно желал отправки на фронт и добивался своего перевода на подводный флот.

Его рапорт о переводе был удовлетворен. Но возник вопрос, как Канарису надежно добраться до Германии, воевавшей с Францией. Тогда Канарис — снова под видом Рида Розаса — решил пробраться в Швейцарию через Южную Францию и Северную Италию. Для обоснования поездки Рид Розас решил выдавать себя за чахоточного больного, собиравшегося лечиться в Швей-

царии. По виду Канариса в это можно было поверить, потому что от перенесенной малярии он сильно похудел и выглядел изможденным. Его сопровождал испанский друг-священник.

Путешествие из Испании во Францию и оттуда в Италию прошло по плану. Но когда Рид Розас и его спутник захотели выехать в Швейцарию, их арестовали на вокзале Домодоссоло. Обоих несколько недель держали сотрудники итальянской службы контршпионажа. Но Канарис и испанский священник не выдали своей тайны. Однако Канарису стало ясно, что, скорее всего, их осудит итальянский военно-полевой суд. Тогда его ожидала смертная казнь через повешение — типичное в то время наказание за шпионаж.

Канарис упрекал себя в недостаточной предусмотрительности, чувствуя вину и ответственность за гибель своего испанского друга. Но по всей видимости, итальянская контрразведка не располагала доказательствами того, что Рид Розас и обер-лейтенант военно-морских сил Канарис — одно и то же лицо. Но у них явно имелись документы, что Рид Розас в Испании тайно работал на Германию.

Тем временем германский посол в Мадриде получил информацию об аресте Рида Розаса. Друзья Канариса после этого мобилизовали влиятельных лиц, чтобы добиться его освобождения. По дипломатическим каналам и при использовании личных связей в итальянские ведомства были направлены сообщения, что Рид Розас действительно тот, за кого себя выдает.

Остается под большим вопросом, поверили ли итальянские власти этим заверениям. Во всяком случае, главные ведомства в Риме решили посадить Канариса с его испанским спутником на испанское грузовое судно, следовавшее из Генуи через Марсель в Картахену. Вместе с тем опасность для Канариса и испанского священника еще не миновала. По всей видимости, итальянская контрразведка оповестила своих коллег в Марселе. Канарис оценивал свое положение так, что ему не избежать повешения во Франции, если испанское грузовое судно бросит якорь в Марселе. У французской секретной службы, нежели у итальянской, вероятно, гораздо больше сведений о шпионской деятельности Рида Розаса.

Поэтому обер-лейтенант принял смелое, но типичное для него решение. Он пошел к капитану судна и открыл ему, что он никакой не чилиец Рид Розас, а германский офицер. Если судно зайдет в Марсель, то он пропал. Он вверяет свою судьбу в руки капитана. Тем самым Канарис апеллировал к рыцарским чувствам испанского моряка. Это была игра ва-банк, игра не на жизнь, а на смерть. Канарис выиграл ее. Капитан поступил как истинный кабальеро и взял прямой курс на Картахену.

Так обер-лейтенант избежал смертельной опасности. Целый и невредимый прибыл он в Испанию. Теперь его возвращение на родину готовилось морем. И тут пришлось преодолевать трудности. Но после двух неудавшихся попыток подводной лодке U-35 наконец удалось взять Канариса на борт на рейде порта Картахены.

Этот маневр также был небезопасен, потому что агенты стран Антанты после возвращения Канариса из Италии стерегли его денно и нощно. Поэтому для посадки в Картахене выбрали темную ночь, чтобы оторваться от шпиков разведок противника при отъезде в порт, а также чтобы испанская береговая охрана не засекала германскую подводную лодку.

На родине Канарис, по его желанию, был переведен в подводный флот. Это означало для него, что поначалу он должен был пройти обучение. Затем после нескольких месяцев стажировки он сам стал преподавать в школе подводного плавания в Эккернфьорде. Когда наконец весной 1918 года его назначили командиром одной из подводных лодок, подводная война уже достигла кульминации. Несмотря на это, Канарису удалось провести свою подводную лодку через Атлантику и бдительно охраняемый вражескими силами Гибралтар, войти в Средиземное море и с австрийской базы Каттаро успешно вести войну против держав противника.

Когда война подошла к концу, Канарис, несмотря на мятеж на некоторых кораблях и на падение дисциплины на флоте, остался верен профессии офицера. Благодаря своим связям и знанию языков он легко мог бы найти достойные его занятия внутри страны или за рубежом, но предпочел в революционные времена возложить на себя гораздо более тяжелую задачу — в качестве офицера вод-

ворять порядок, дисциплину и спокойствие в своем германском отечестве.

Не миновала Канариса и борьба за восстановление порядка на флоте. Он быстро понял, откуда руководят красными агитаторами. Видимо, глубокое неприятие коммунизма у патриотично настроенного Канариса сформировалось именно в тех политических боях в первые годы после Первой мировой войны.

Канарис становится шефом абвера. Новая структура военной разведки и контрразведки

Канарису исполнилось 48 лет, когда он возглавил германскую военную разведку и контрразведку. Прошло 20 лет с тех пор, как он участвовал в гибельном для германских кораблей морском бою у Фолклендов, побывал в итальянской тюрьме по подозрению в военном шпионаже. Кому на долю выпало подобное, кто, как он, в течение нескольких недель ежедневно и ежечасно должен был ждать, что его вот-вот приговорят к смерти и повесят, тот благодаря такой судьбе навсегда приобретает характерную закалку и стойкость.

Следы трагических переживаний чувствовались не только во внешности, но и в характере Канариса. В свои 48 лет у него были уже белые как снег волосы. Поэтому офицеры абвера между собой очень скоро стали называть адмирала «старик» или «седовласый». Но опыт и необыкновенная судьба сделали Канариса прежде всего чрезвычайно молчаливым, одним из тех, кто проявлял искреннее участие ко всем страдающим и нуждающимся, кто многое знал о добре, зле и несбыточном. Такие люди предпочитают промолчать, нежели держаться опрометчиво или даже нескромно. Болтунов и бахвалов он на дух не переносил. Но при этом в обществе не был некомпанейским человеком.

Правда, Канарис с удовольствием слушал. Но если он что-то говорил после того, как присутствующие долго и пространно рассуждали о каком-либо предмете, то нередко, к их удивлению, обнаруживалось, как внимательно он следил за обсуждением и к каким глубоким выводам приходил. Нередко в его замечаниях звучали скрытая

насмешка или затаенный незлой юмор. Те, кого это касалось, иногда ничего не замечали. Настолько искусно он умел завалировать смысл своего высказывания, что даже людям из его окружения иногда требовалось время, чтобы осмыслить суть сказанного.

При этом адмирал не был ни в коем случае надменным. На своем испанском опыте времен Первой мировой войны он знал о трудностях, которые могли возникать на тайном фронте. Поэтому он относился к своим подчиненным с пониманием и терпением, если замечал, что они действительно прилагают все силы для достижения поставленной цели. Если же этого не происходило, адмирал, напротив, мог сильно разгневаться и стать непреклонно жестким, в особенности против тех из своих офицеров, которые поступали наперекор его указаниям в соответствии с его представлениями о чести. Хотя он и был одним из самых добродушных людей, с которыми мне приходилось встречаться.

Канарис точно знал, какое значение для его страны может иметь хорошо функционирующая секретная служба и что в этой тяжелой работе важные результаты никому не падают с неба без труда. Он много требовал от своих подчиненных. Кто не соответствовал его требованиям, должны были рассчитывать на увольнение из абвера.

Канарис не терпел любую излишнюю помпезность. Скромная обстановка его бюро на улице Тирпицштрассе, 74—76 была лучшим свидетельством тому. В помещении среднего размера стояла только самая необходимая мебель. Было похоже, что ее собрали из старых фондов. На стенах висели фото его предшественников и портрет генерала Франко, кроме того, несколько огромных географических карт. Самыми примечательными были два предмета на письменном столе адмирала. Взору посетителя представляла миниатюрная модель крейсера «Дрезден», на котором Канарис участвовал в сражениях у Коронеля и Фолклендских островов. Далее на каменной плите стояли бронзовые скульптуры, простой символ любой секретной службы: три обезьянки, одна из которых, приложив руки к ушам, внимательно прислушивается, другая зорко разглядывает даль, а третья руками прикрывает рот. Служащие в секретной службе должны держать открытыми глаза и уши, но уметь молчать.

Кто близко не знал Канариса, поражался тому, с какой энергией, деловитостью он взялся за работу на новом посту. Там, где это было важно и где он мог действовать самостоятельно, адмирал отступал от своей привычной скрытности и мог быть необычайно красноречивым и изобретательным, преследуя поставленные перед собой цели.

Как одну из важнейших, персонально на него возложенных обязанностей, адмирал рассматривал установление и поддержание дружественных связей с влиятельными людьми в правительствах и разведслужбах причастных и нейтральных стран. Поэтому он совершал множество поездок, посещая нужных людей и консультируясь с ними, каким образом сообща можно было бы достичь определенных целей. При этом лингвистически одаренный адмирал проявлял такие дипломатические способности, что завоевал за рубежом доверие большого числа ведущих военных и политиков. Среди них, если назвать только некоторых, руководители итальянской разведки Роатта и Аме; венгры Хорти и Хомлок; шеф румынской разведслужбы Морузов; финн Маннергейм; индиец Субхас Чандра Бозе; муфтий Иерусалима и испанский «каудильо», генерал Франко.

Одним из первых результатов этих усилий адмирала, достигнутых уже в 1935 году, была договоренность с руководителями австрийской и венгерской разведок о контрразведывательном сотрудничестве против Чехословакии. В основном оно заключалось в обмене сведениями о военных мероприятиях и замыслах чехов. Знаменательно, что австрийская военная разведка и контрразведка принимала участие в этом сотрудничестве с согласия своего правительства. Постепенно втайне совместные усилия задействованных офицеров трех стран очень скоро распространились не только на контрразведку чешского шпионажа, но и на разведку целей в Советском Союзе.

Майор граф Маронья-Редвиц¹, руководитель отдела абвера в Мюнхене, получил задание в этом сотрудничестве контролировать соблюдение германских интересов. Два года спустя, примерно в середине 1937 года, обычный обмен сведениями трех разведок происходил

¹ Последнее звание полковник.

через военных атташе. Обсуждение и обработка принципиальных вопросов и важных контрразведывательных и разведывательных мероприятий, само собой разумеется, как и прежде, оставались в ведении специально назначенных лиц.

Многочисленные поездки адмирала к своим друзьям и коллегам в Вену, Рим, Будапешт, Бухарест, Мадрид, Хельсинки и другие столицы дали еще и другие важные результаты. Прежде всего они служили укреплению дружественных связей с соответствующими странами. Впрочем, в доверительных разговорах с иностранными политиками и специалистами Канарис узнавал много полезного.

Но адмирал сразу же после занятия поста деятельно принялся за строительство структуры руководимой им службы. Как старый специалист и совершивший дальние походы морской офицер, он знал: германский абвер по сравнению с мощными кадрами разведок Великобритании, Франции, Советского Союза, Польши и других стран состоит из крайне маленькой горстки мужчин и женщин, которые к тому же совершенно недостаточно оснащены. Таким образом, следовало привлечь больше кадров и найти средства.

Общие тенденции развития Германии совпадали с этими устремлениями адмирала. 16 марта 1935 года Гитлер ввел всеобщую воинскую повинность. В ходе строительства вермахта в 1935—1936 годах в результате этого возникли штабы корпусов в Кёнигсберге, Штеттине, Берлине, Дрездене, Штутгарте, Мюнстере, Мюнхене. Бреслау, Касселе, Гамбурге, Ганновере, Висбадене и Нюрнберге. В тот же самый отрезок времени были отоброилизованы новые дивизии. Абвер, в свою очередь, использовал благоприятную ситуацию, чтобы при штабах корпусов создать новые отделения абвера там, где их прежде не было, а именно: в Касселе, Гамбурге, Ганновере, Висбадене и Нюрнберге.

Таким образом, к старым восьми прибавилось пять новых отделений абвера. Возросло также и число их сотрудников. Если до 1933 года в каждом отделении абвера в среднем было по четыре-пять человек, то в течение последующих двух лет число их выросло почти в три раза. Впрочем, адмирал Канарис беспокоился о сплошной реорганизации и новом распределении задач подчиненных

ему ведомств. В отделах абвера возникли группы I, II и III соответственно структуре отделений абвера¹, которые после введения всеобщей воинской повинности подчинялись имперскому военному министерству, до тех пор называвшемуся министерством рейхсвера.

С введением новой структуры начались специализация и новое распределение рабочих задач. Хотя группы I отдела абвера сохранили свои старые задачи военной разведки стран потенциального противника, но в последующем они должны были включаться в работу гораздо основательнее. Потому внутри этой группы создавались секторы IH, IL, ITLw, IM и IWі. Соответственно в каждой стране, подчиненной конкретному отделу абвера, требовалось разведывать следующие сферы:

сотрудниками сектора IH — организация и оснащение войск, далее возможные замыслы против рейха и подготовка к войне;

сотрудниками сектора IL и ITLw — организация и оснащение ВВС, а также планы вероятного боевого применения военно-воздушных сил против рейха, далее последние исследовательские достижения в авиационно-технической области;

сотрудниками сектора IM — организация и оснащение сухопутных вооруженных сил, далее, планы дальнейшего строительства и вероятного боевого применения сухопутных вооруженных сил в случае войны;

сотрудниками сектора IWі — организация и уровень труда в различных отраслях военной промышленности и разработка новых видов вооружений.

Эта деятельность по разведке в военной области на профессиональном языке называлась Службой сбора информации. Добывание информации о военном потенциале и военных мероприятиях, направленных против рейха, и замыслах вероятного противника, было исключительной задачей абвера I. Результаты, в важных

¹ Таким образом, руководство германской военной разведки и контрразведки с 1935-го вплоть до создания в 1938 году главного командования вермахта являлось отделением (отделением абвера) имперского военного министерства, которое в основном состояло из групп I, II и III. Из отделения абвера в 1938 году возникла Службная группа внешней разведки и контрразведки. В то же время три группы прежнего отделения абвера были переименованы в отделения абвера I, II и III. Наконец в 1941 году возникла Служба внешнего абвера.

случаях с оценкой источников и содержанием донесений в компетентных ведомствах генерального штаба, затем передавались главному командованию вермахта и в главный штаб люфтваффе, а также главному командованию военно-морских сил. Тем не менее абвер не мог оказать решающего влияния на мероприятия, которые одобрялись адресатами на основании содержания донесений. Правда, ему предоставлялось право стимулировать появление рациональных мероприятий.

Хотя задачи абвера II в 1935 году также были четко обрисованы, но практически еще не выполнялись. Сначала лишь некоторые отделы абвера получили сотрудника для группы II. Он занимался исключительно приготовлениями на случай войны. Правда, затем требовалось подготовить людей и требуемые средства для ведения диверсий в стране противника, в особенности для нарушения важных тыловых коммуникаций и путей подвоза. Во время войны абверу неоднократно ставились и обратные задачи, точнее, сохранить от уничтожения важные объекты на вражеской территории, поскольку они должны использоваться для собственных целей.

Далее, в случае войны к задачам абвера II относилась деморализация на вражеской территории. Для этого уже в мирное время в соответствующих странах следовало наладить контакты с отдельными лицами, согласными при необходимости оказывать тайное сопротивление своим правительствам и проводить мероприятия по подавлению воли населения к отпору.

У адмирала Канариса были сомнения в применении тайного оружия абвера II в мирное время. Фактически оно также использовалось только с началом войны, поскольку уже выходило за рамки проводимой в мирное время подготовки к формированию подразделений для выполнения задач абвера II на территории противника. Непосредственно перед началом войны абвер получил от генерального штаба задание предотвратить разрушения в промышленности польской части Верхней Силезии. Этот район, важный для германской военной экономики, как можно быстрее должен был включиться в германскую программу вооружений.

Напрашивалось само собой, что для подобной операции следовало рекрутировать людей, прекрасно вла-

девших польским языком и хорошо знавших опекаемые объекты. Затем, законспирированных должным образом, непосредственно перед вводом в действие германских армий, их следовало перебросить на место, чтобы во время боевых действий обезопасить объекты от разрушения польскими солдатами или гражданскими лицами.

В связи с этим и принимая во внимание, что абверу в ходе войны могли поставить другие подобные задачи, в октябре 1939 года в Бранденбурге началось формирование роты под условным названием Учебно-строительная рота zbV 800 под командованием капитана доктора фон Гиппеля. Уже в начале 1940 года из нее сформировался Учебно-строительный батальон zbV 800 во главе с майором Кевишом. Этот батальон во время кампании во Франции добился больших успехов. Штаб оперативного руководства вооруженными силами и генеральный штаб оказались заинтересованными в дальнейшем развитии подразделений, которые под соответствующей маскировкой могли быть применены в прифронтовом тылу противника. Поэтому уже в октябре 1940 года батальон переформировали в учебный полк «Бранденбург», а в декабре 1942 года — в дивизию «Бранденбург».

В эти части абвера в основном набирались фольксдойче, владеющие языком и знавшие страны предполагаемого применения. «Бранденбуржцы» за год войны добились огромных успехов в тылу фронтов противника. Но здесь не место подробно рассматривать эти операции.

Группа III в отделах абвера была самой многочисленной. В ее обязанности входила борьба со шпионажем и саботажем в широком смысле. Адмирал Канарис придавал большое значение превентивным мерам по охране государственных тайн. Каждый отдел абвера еще в 1935 году получил по пять сотрудников для использования в этом направлении. У них была задача в сотрудничестве с компетентными полицейскими силами проверять на надежность носителей тайн в вермахте, в органах административной власти и в военной промышленности, но с другой стороны — консультировать их при возникновении подозрений в шпионаже или диверсионной деятельности лиц из своего окружения и по вопросам сохранения государственных тайн.

Проверка тысяч лиц порождала для этих сотрудников обширнейшую переписку. Но центр тяжести в их работе приходился на обучение носителей государственных тайн в территориальной сфере деятельности отдела абвера. Поэтому им приходилось предпринимать постоянные поездки, чтобы обучать соответствующих сотрудников штабов, ведомств и военных предприятий правилам сохранения тайн и помогать им при мероприятиях по соблюдению тайн переписки и секретов на объектах.

В одном отделе абвера ведали сотрудники: III N по ведомствам и подразделениям сухопутных войск; III L по ведомствам и подразделениям люфтваффе; III M по ведомствам и подразделениям военно-морских сил; III W i по военным предприятиям и III C по органам власти.

В последующие годы были созданы другие сектора, занимавшиеся превентивными мерами охраны государственных тайн, а именно: III N по охране почтовой и телеграфной связи в рамках отдела абвера и III A O по охране секретных военных объектов, как, например, «линия Зигфрида». Во время войны добавился еще один сотрудник по превентивной охране тайн с обозначением III K g f, главная задача которого состояла в том, чтобы предотвращать шпионаж военнопленными.

Сотрудники, обычно в звании капитана, в подавляющем большинстве были офицерами службы комплектования. В основном речь шла о военнослужащих, которые после Первой мировой войны овладевали гражданскими профессиями и лишь в 1933—1935 годах снова призывались в вермахт. По большей части их самих еще нужно было обучать секретной работе.

Адмирал Канарис придавал большое значение основательному обучению своих офицеров. На совещаниях абвера в Берлине, на которые каждый раз собирали представителей соответствующих секторов со всего рейха, он принимал личное участие. Целыми днями терпеливо выслушивал, как его начальники отделов обсуждали с обучаемыми сотрудниками рабочие цели и применяемые методы.

«Зубры» абвера получали большое удовольствие, наблюдая за Канарисом во время совещаний. Он вмешивался лишь изредка, но если что-то говорил, то в самую точку. Правда, иногда новички понимали его не сразу

или намеревались, несмотря на возражения адмирала, продолжать по-своему ими намеченный путь в определенных операциях. Тогда шеф службы, лукаво улыбаясь, предоставлял их своей воле. Тот, кто его знал, мог по лицу адмирала прочесть, что он думал: «Что же, извольте! Пусть попытается! Может, несмотря на предстоящие трудности, ему удастся. В любом случае на этом пути он чему-нибудь научится».

Но адмирал давал инициативным офицерам абвера не только свободу действий, но и прикрывал их, и именно тогда, когда они, пойдя своим путем, от которого он их отговаривал, терпели поражение; правда, лишь при условии, что они использовали разрешенные им методы и вели себя безупречно.

При любой представляющейся возможности адмирал наказывал своим сотрудникам обязательно избегать аморальных или совершенно бесчеловечно жестоких средств. Каждый из офицеров, признавая за Канарисом профессиональный авторитет, прежде всего уважал его еще и за то, что он многое старался делать для своих подчиненных. Поэтому офицеры абвера со всей своей энергией принимались за работу даже в самых сложных и опасных ситуациях. Часто они отважно брались за дело, зная, что им обеспечена подстраховка со стороны шефа. Только с таким настроем можно добиться чего-либо выдающегося на тайном фронте.

Я сам принимал участие во множестве заседаний абвера в Берлине. На них мне посчастливилось, поскольку я мог причислить себя к «зубрам» абвера, выслушивать доклады адмирала о последних задачах его разведслужбы. По его словам, они всегда исходили из того, чтобы, заблаговременно распознавая угрозы отечеству, иметь возможность предпринимать контрмеры для сохранения мира. Кроме того, я с благодарностью вспоминаю моего первого учителя в абвере, капитана генштаба Вейсса и начальника данцигской уголовной полиции Фробёса, обучавших меня азам разведывательной работы.

Но для обучения молодой поросли оставалось очень мало времени. В военных округах спешно формировались новые дивизии. Им требовался присмотр абвера. Сверх того, разведки противника задавали темп. С тех пор как Гитлер утвердил закон о всеобщей воинской

повинности, они из Франции, Великобритании и соседних восточных стран стали засылать в рейх шпионов тысячами. Их хозяева желали во всех подробностях следить и знать, что происходит в Германии с военной точки зрения. Статистика приговоров за измену родине и передачу военных секретов угрожающе росла.

При этих обстоятельствах многие молодые офицеры абвера после недостаточных инструкций были вынуждены одни решать свои задачи, без помощников или какой-либо иной поддержки.

Например, перед сотрудником IIIWi стояла задача на каждом военном предприятии в своем округе поставить собственного ответственного за контрразведку и совместно с ним «просеять» весь рабочий коллектив. Это означает: на каждом предприятии найти сначала надежного и подходящего человека, проинструктировать относительно контрразведывательных задач и обязать к конфиденциальному сотрудничеству. Затем IIIWi должен был разработать и курировать с руководителями крупных военных предприятий в своем регионе так называемый план «катастрофы». Поскольку сотрудник ездил в одиночку, без какого-либо сопровождения, то ему приходилось осматривать предприятие, с которым он нередко лишь бегло знакомился по описанию, в компании руководителя, и затем решать, какие превентивные меры по защите уязвимых мест требуется предпринять и что необходимо сделать на случай большого пожара или крупной диверсии¹.

Задачи сотрудника отдела абвера IIIС были не менее сложными. К нему сходились сведения обо всех донесениях, касающихся подозрения в шпионской и диверсионной деятельности в военной области округа. Его задача состояла в том, чтобы вместе с уполномоченными сотрудниками IIIH, IIIЛ или IIIМ и соответствующими штабами и воинскими частями собирать дополнительные доказательства и затем свести их в заключение, чтобы все обработанные документы передать в руки соответствующих ведомств исполнительной власти и судебных органов для дальнейшего расследования.

Теперь многие вновь поступавшие в абвер сотрудники IIIWi приходили не с производства, и у немногих из

¹ Несколько лет спустя эта задача была передана ведомствам РСХА.

них имелась правовая подготовка. В результате нередко «новые специалисты» абвера с недостаточной правовой базой и подготовкой к разведдеятельности оказывались на секретной работе. У адмирала Канариса и подчиненных ему начальников групп, позднее отделений, была возможность для укрепления организации спокойно отбирать срочно требующиеся кадры из огромного числа кандидатов. Но особого наплыва в абвер не было. К сожалению, в Германии, в отличие от отношения населения во многих других европейских странах, не все понимали необходимость и важность секретной службы. Подавляющее большинство бывших офицеров, которых в 1933—1935 годах снова призвали на военную службу, предпочитали абверу ее.

Вновь набранные офицеры абвера были проникнуты любовью к отечеству и горели желанием принести ему пользу. Но одного желания мало и в разведке. Поэтому, оглядываясь назад, удивляешься, как абвер за короткий период во время войны — поставленный перед тяжелейшими задачами — в общем и целом проявил себя достойно.

И все же еще раз вернемся к реорганизации абвера. Адмирал Канарис после вступления в должность очень быстро понял, что не обойтись одними органами превентивной контрразведки для успешного подавления постоянно расширявшейся на территории рейха активности иностранных разведок. Сотрудники IIIH, IIII, IIIM, IIIC и IIWI работали исключительно внутри страны — их еще называли оборонными органами абвера. В Германии отсутствовало тайное оружие, которое в других странах, а точнее, в Великобритании и Франции, уже давно было опробовано и введено в действие, — контршпионаж. Адмирал Канарис ввел его в 1935 году как новую отрасль германской военной разведслужбы. Что же нового принес контршпионаж?

Все прежние меры «оборонного абвера» против иностранного шпионажа и саботажа ограничивались границами рейха. Они зарекомендовали себя как необходимые и эффективные. Но при их применении выявилась их недостаточность. Например, не имелось подходящих кадров, которые можно было бы использовать для негласного сопровождения подозрительных лиц, выезжавших за

границу. В результате допросы арестованных агентов и возбужденное против них уголовное дело хотя и давали сведения о том, с какими заданиями они засылались, но отсутствовала четкая картина, какие основные цели вражеские разведки преследовали в рейхе и в каком объеме использовали силы. Каждый арестованный агент был нацелен лишь на один или два объекта. Об истинных целях их заказчиков и имевшихся в их распоряжении силах и средствах обычно никто ничего не знал.

Если абвер желал более детально знакомиться с организацией, методами работы разведок противника и замыслами, направленными против Германии, было необходимо создать инструмент, способный работать в странах потенциального противника. По этой причине адмирал Канарис в 1935 году создал направление контршпионажа как новую отрасль абвера и дал ему следующее задание.

1. Произвести вербовку лиц, способных к выполнению контрразведывательных задач за границей, в особенности к наблюдению за подозреваемыми в шпионаже лицами и пригодными для использования при установлении резидентур противника и его персонала.

2. Изыскать средства для внедрения тайными путями в органы разведслужб противника и выяснения их методов работы и замыслов, направленных против рейха.

3. Наладить тайные контакты, с помощью которых можно было бы внедрять дезинформацию в разведслужбы противника.

Благодаря этим директивам центр тяжести работы по контршпионажу перемещался в страны противника, тогда как компетенция других секторов III службы абвера по-прежнему ограничивалась пределами страны.

В английской Интеллидженс сервис контрразведывательная работа издавна была распределена подобным образом. Сектор МИ-5¹ ее военной разведки в основном работает внутри страны, а сектор МИ-6 концентрированно за границей.

Заданием, отданным германской службе контршпионажа, прежде всего преследовали две цели. Во-первых, абвер желал иметь как можно более точные сведения о

¹ Military Intelligence — военная разведка (англ.).

том, какие опасности для рейха исходят от вражеских разведслужб, чтобы суметь предпринять контрмеры. Во-вторых, нелегалы собственной военной разведки, работающие в странах противника. Эта последняя задача могла быть решена лишь тогда, когда, соответственно, станет известно, какие лица в разведслужбах противника попали под подозрение, что они немецкие шпионы.

Насколько крайне важна и останется важной эта задача для любой секретной службы, продемонстрировала нам, немцам, английская Интеллидженс сервис в 1914 году. Сразу же после начала войны большинство германских информаторов в Великобритании было в мгновение ока арестовано. Интеллидженс сервис уже давно распознала в них инструмент германской секретной службы, но с арестом ждала до начала войны. Эти меры сильно ударили по германской разведке. Именно сейчас арестованные нелегалы могли бы выполнять очень важную работу, да и потери эти долго не восполнялись. Невозможно в течение нескольких недель или даже месяцев создать надежную сеть информаторов в чужой стране, в особенности во время войны. Таким образом, подобное в будущем следовало предотвратить с помощью контршпионажа.

Средства для достижения обозначенных целей контршпионажа были многообразными. Огромную роль при этом играли хитрость, притворство, подкуп и умение уговаривать. Светлые и темные, многочисленные, меняющиеся в зависимости от ситуации и обстоятельств, пути, которыми приходится идти в разведке, чтобы послужить родине.

У адмирала Канариса были и другие задачи, помимо подбора и обучения пригодного персонала для неизбежной реорганизации службы. До того как он пришел к руководству, абвер располагал малыми финансовыми средствами, которыми невозможно покрыть расходы, необходимые для выполнения требований, предъявляемых к нему после введения всеобщей воинской повинности. Поскольку Гитлер поначалу благоволил адмиралу, Канарису удалось обеспечить абверу бюджет, позволявший щедро финансировать все те предприятия и операции с нелегалами и агентами, для которых тре-

бовались только немецкие деньги. Валюта, напротив, далеко не всегда имелась в достаточном количестве.

Оснащение абвера техническими средствами оставляло желать лучшего. И в этом случае шеф вмешался лично. Еще в 1935 году он дал задание I отделу абвера задание сконструировать как можно более компактный радиопередатчик, который нелегалы и агенты за границей могли бы легко и незаметно прятать, перевозить и обслуживать. Такой аппарат в 1937 году действительно поступил в распоряжение службы, готовившей агентов-радивов. В первые годы войны он превосходил рации разведслужб противника, предназначенные для этой цели.

Хотя Канарис для нужд абвера мог распоряжаться суммами в рейхсмарках почти в неограниченном количестве, в своей частной жизни и на службе он оставался непритязательным и скромным. Это в нем отмечали и его позднейшие враги. Но когда речь шла о том, чтобы добыть важные сведения, адмирал не колеблясь давал разрешение и на большие расходы, если существовала перспектива достижения поставленной цели.

Каналы информации «Отец и Сын» и «Прекрасная графиня»

Как и отдел абвера в Восточной Пруссии, другие отделы, работавшие против Польши, само собой разумеется, также прилагали все свои силы в то напряженное время весной 1936 года, чтобы внести ясность в польские военные процессы и планы правительства страны. Служебные документы об их работе и ее результатах утрачены. Но многие участники тех событий из тогдашней военной разведки и контрразведки писали заметки о самых примечательных источниках информации того периода, которые они предоставили в мое распоряжение.

Из этого материала я беру только то, что мне кажется безусловно достоверным и важным. Перед рассказом о каналах информации «Отец и Сын» и «Прекрасная графиня» я хочу сделать примечание, что вместе с операцией «Большой канал» Адамчика и Гапке они представляют собой лишь малую часть тех мероприятий, которые абвер в целом осуществлял в тот период против Польши.

Отец и Сын¹

Отец жил в той части Восточной Верхней Силезии, что была оккупирована Польшей в 1921 году благодаря бунтовщикам. Она осталась в Польше, несмотря на то что плебисцит, проведенный под контролем представителей Лиги Наций, высказался в пользу Германии. Среди его предков преимущественно были чехи, но также и несколько немцев. Отец владел чешским, польским и немецким настолько хорошо, что мог изъясняться на всех трех языках. И все же он предпочитал чешский, да и ощущал себя чехом. Поляков он «ненавидел как заразу», говаривал он, разумеется в тесном семейном кругу. По профессии Отец был шахтером, выносливым и трудолюбивым.

Тео Радке², сотрудник абвера I в Бреслау, в 1929 году установил с ним контакт. Движимый своими чувствами к полякам, Отец прикладывал много сил, чтобы выполнять пожелания абвера. По работе он сталкивался со многими поляками и сообщал Радке обо всем, что, как он полагал, могло принести Германии пользу и причинить вред Польше. Несмотря на это, канал информации поначалу приносил мало пользы, но для общего сбора информации, в особенности в период напряженности, он все-таки годился.

Но в следующем году на военную службу призвали его сына. Члены этой семьи, поскольку они после включения этой территории в состав Польши остались жить на прежнем месте и не использовали право выбора гражданства в пользу Германии, стали польскими гражданами. Когда Радке узнал, что Сына призвали в польские вооруженные силы, ему пришла мысль завербовать его и оставить на длительное оседание. Радке, работавший на абвер с середины 1920-х годов, задумал убедить Сына сделаться образцовым польским солдатом, с виду примерно исполнять свой долг, а тайно работать против Польши. Правда, план обещал дать какую-либо отдачу лишь в том случае, если Сын окажется достаточно умным и не попадет в поле зрения польских властей за свои антипольские настроения.

¹ Речь действительно идет об отце и сыне.

² Позднее подполковник абвера.

Тео Радке обсудил план с Отцом. Тот с воодушевлением поддержал идею и считал, что у польских властей нет ничего против его сына. В польской армии служило много украинцев, белорусов, хорватов, словенцев и чехов. Вряд ли самих поляков хватило бы на военную службу, если бы они решили взять под полицейский контроль всех молодых граждан национальных меньшинств, проживающих в их стране. Впрочем, в последнее время многие офицеры польской армии были уже непольской национальности.

Сын, здоровый, крепкий и довольно умный парень, также дал свое согласие. Он сразу уяснил себе, что в дальнейшем в разговорах ему следует полностью избегать любых антипольских высказываний и на службе стараться соблюдать строжайшую самодисциплину, стремясь внешне сделаться образцовым солдатом. Отец и Сын охотно пошли на предложение Радке еще и потому, что тот пообещал им дополнительный приработок, что было немало важно в их положении.

Замысел удался. Сын на службе показывал отличные результаты в стрельбе и в других военных упражнениях. Тем временем ему посчастливилось начать карьеру унтер-офицера. По заданию Сын, в особенности в первые годы службы, очень редко брал отпуск, чтобы навестить родителей. Зато в результате он смог сообщить много ценного для абвера о том, что происходит непосредственно в польских частях. Отец каждый раз подробно записывал, что нового привез Сын, и передавал записи по надежным каналам связи или иногда на надежной явке лично капитану Радке. Последний с Сыном встречался только раз в два года, чтобы сообщить ему новые инструкции. Отец четко передавал поручения Сыну.

Таким образом, в общем и целом это был надежно выстроенный канал информации, бесперебойно поставивший массу сведений о войсковых частях, в которых служил Сын. Но самое большое значение источник приобрел, когда Сына в 1935 году произвели в сержанты и перевели в штаб 6-й пехотной дивизии в Кракове. Там у него появилась возможность знакомиться с секретной корреспонденцией штаба дивизии. Затем с весны 1936 года его донесения стали еще более ценными. В основном они подтверждали то, что в тот крити-

ческий период доносили Гапке, Адамчик и Марковски, ценнейшие источники Ганса Горачека, а именно: что хотя в штабе дивизии и в польских частях и говорили о возможности, даже вероятности войны с Германией, однако не предпринималось никаких мер, предусматривавших бы изменения на случай мобилизации.

На основании данных по названным каналам абвер в то время пришел к убеждению, что польский план развертывания войск, который в своих основных чертах был установлен и известен германским вышестоящим штабам, не изменился в марте 1936 года и в течение последующих месяцев.

Но что должно было бы означать, что в те кризисные недели в польских кругах так много говорили о предстоящей войне с Германией? Был ли это слух, распушенный польской пропагандой, или разговоры пошли оттого, что польское руководство серьезно раздумывало о войне с Германией? Об этом ценные сведения доносили политические каналы информации абвера.

Прекрасная графиня

Это была молодая, элегантная и богатая блондинка, к тому же начитанная, умная, с чувством юмора. Мужчины находили ее писаной красавицей. Она говорила по-французски и по-немецки так же бегло, как и на своем родном польском. Париж и Берлин были для нее родным домом, как Варшава и Вена. В крупных европейских столицах ее с удовольствием принимали в высшем свете. Она страстно любила танцевать и потому посещала разнообразные балы и вечеринки, на которых могла предаваться этой страсти. Тогда она вся излучала жизнерадостность и блистала остроумием.

Прекрасная графиня много путешествовала. С одной стороны, ей доставляло радость разъезжать на роскошном автомобиле из одной страны в другую, к каждому сезону по последней моде одеваться в Париже или же посещать танцевальные вечера, концерты, ходить в оперу в Варшаве, Берлине и Вене. Графиня к тому же была очень музыкальна и восторгалась Моцартом, Чайковским и конечно же Шопеном, великим польским ком-

позитором. Но путешествовала она еще и по другой причине.

У ее семьи были землевладения не только на территории бывшей провинции Познань, но еще и в германских восточных землях. Она следила за порядком в поместьях, заботилась о правильном ведении хозяйства. Она немного разбиралась в современном сельском хозяйстве и, если это было необходимо, могла быть такой же требовательной, какими иногда бывают управляющие. Однако ей редко приходилось пользоваться этим средством. Почти всего она достигала своим обаянием.

Весной 1936 года Прекрасная графиня совершала особенно частые поездки, постоянно находилась в пути. То она появлялась в Варшаве, то оказывалась в Париже и Берлине. Никому это не бросалось в глаза. Никому не приходило в голову чинить ей препятствия в ее разъездах. Во всех упомянутых столицах у нее имелись влиятельные покровители. В Варшаве, например, она вращалась в кругу ближайших друзей министра иностранных дел Бека. Еще меньше ее знакомым могла прийти в голову мысль, что в некоторых поездках она выполняла некую тайную миссию. И тем не менее в кризисные недели марта 1936 года она была одним из самых значительных источников, имевшихся у германского абвера в области политической разведки.

Как же могло случиться, что эта красивая и богатая полька сделалась информатором абвера? Может, она не любила свою родину? О нет! Именно ситуация на родине, столь беспокоившая графиню, привела ее к немецким друзьям, а через них в абвер. Как умная и жизнерадостная женщина, она принимала участие во внутривнутриполитической жизни страны. Для крупных землевладельцев это было само собой разумеющимся. В кругах, близких польскому министру иностранных дел Беку, она из первых рук узнала, каким путем собиралось двигаться польское правительство после смерти Пилсудского.

Министр иностранных дел Бек не был врагом бутылки. Иногда он выпивал лишнего. Для иллюстрации пристрастия Бека к выпивке можно привести такой эпизод. Когда первые сотрудники абвера после захвата Варшавы осматривали резиденцию польского министерства иностранных дел, дворец Брюль, они обнаружили огромный ящик пустых бутылок из-под шампанского и другие сле-

ды грандиозной попойки. Но самым примечательным в этом отношении оказались письма госпожи Бек к своему мужу, найденные там же во дворце. В одном из них была такая строчка: «Ночи, в которые ты не был пьян, я могу пересчитать по пальцам».

Именно тогда, в приподнятом настроении, Бек в высокопарных словах охотно делился со своими друзьями о будущем польской внешней политики. При таких обстоятельствах один из близких мужчин Прекрасной графини, друг Бека, в течение 1935 года и узнал о том, какие цели преследует министр иностранных дел.

Бек отвергал как идеи и предложения политика Дмовского, который ратовал за совместный путь Польши с Советским Союзом, так и политика Студницкого, выступавшего за налаживание взаимопонимания с Германией. Все больше и больше Бек склонялся к тезисам историка Адольфа Боженского, который провозглашал политику кровопролития как единственно верную для Польши. Он задумал с помощью держав Запада снова свергнуть Европу в большую войну. Поскольку Первая мировая война дала Польше самостоятельность и вернула часть исконных польских земель, следовало надеяться, что другая большая война подарит Польше остальные территории, на которые она могла претендовать.

Взгляды на подобное развитие дел вызывали у некоторых поляков большую озабоченность. Прекрасная графиня также не поддерживала эту политику кровопролития. Война для крупных польских землевладельцев могла нанести только ущерб. Кроме того, тогда пришлось бы распрощаться с ее замечательной кочевой жизнью по европейской метрополии. В таком смысле она высказалась однажды вечером в декабре 1935 года в дружеском кругу одной семьи в Берлине. В разговоре принимал участие один человек, который на следующий день с глаз на глаз предложил Прекрасной графине вступить в контакт с абвером, поскольку она желает, чтобы Германия не впуталась в военный конфликт.

Графиня согласилась и вступила в контакт с майором Юргеном¹, сотрудником абвера. Этот ловкий и эlegant-

¹ Юрген — псевдоним. В конце войны Юрген погиб в чине генерал-майора.

ный офицер сумел убедить графиню, что Германии не нужна война и что абвер сделает все возможное, что в его силах, чтобы избежать германско-польской войны.

С тех пор Прекрасная графиня работала добровольно и с воодушевлением. Ее способность к разведывательной работе подверглась испытанию уже через несколько недель. Она как раз находилась в Варшаве, когда Гитлер 7 марта 1936 года объявил о занятии германскими войсками демилитаризованной Рейнской области. На следующий день от близкого друга министра иностранных дел Бека она узнала, что тот сразу же после этого шага немецкой стороны в вежливой форме запросил Францию о военной помощи против Германии и рассчитывал на то, что в ближайшие дни начнется война. Тогда графиня села в свою самую быструю машину и на бешеной скорости помчалась в Берлин, чтобы донести в абвер об этом обстоятельстве.

Работа абвера против Советского Союза

До 1933 года абвер не вел какой-либо планомерной разведки в Советском Союзе. Правда, если появлялась благоприятная возможность получения сведений из районов по ту сторону Польши, то ею пользовались.

Разведка советских вооруженных сил в период до 1933 года для абвера в целом не имела того значения, как для польской армии. Тогда между рейхсвером и советской армией существовали дружественные отношения, в некоторых областях приведшие к тесному сотрудничеству.

Например, под руководством немецких офицеров и техников в Советском Союзе стали производиться и испытываться тяжелые вооружения, использование которых было запрещено Германии по Версальскому мирному договору. С другой стороны, немецкие специалисты передавали русским экспертам накопленный ими в Первой мировой войне опыт и оказывали поддержку в совершенствовании вооружений. Между тем немецкие офицеры, принимавшие участие в этом сотрудничестве, в общем и целом получали информацию о структуре, вооружении и численности армии и военно-воздушных сил Советского Союза. Их знания и опыт, само собой разуме-

меется, оценивались и анализировались абвером и отделом генерального штаба «Иностранные армии Востока».

Однако это не должно создавать впечатления, будто немецкие офицеры и специалисты имели в Советском Союзе свободу передвижения и могли осматривать все, что бы ни захотели. Самое точное представление об отношениях между немцами и русскими в ту эпоху дает забавный отчет одного офицера рейхсвера, который получил разрешение от советских властей на поездку через весь Советский Союз в целях изучения языка. Хотя он и мог путешествовать, но почти две недели его денно и нощно сторожили несколько сопровождающих-соглядатаев. Они заботились о том, чтобы у офицера были удобные места в самолете или поезде, они опекали его во всех ситуациях, а также вели с ним любезные разговоры, но ни на секунду не выпускали из поля зрения и в конечном счете определяли, что немецкий офицер мог видеть, а что «не стоило внимания».

Эта маленькая история должна наглядно показать, что абверу и отделению генерального штаба «Иностранные армии Востока» даже во времена военного сотрудничества с Советским Союзом было не так-то легко составить ясное представление о структуре и вооружении Красной армии.

Приход к власти национал-социалистов одним махом изменил ситуацию. Прежние источники информации в Советском Союзе исчезли и наступил полный информационный вакуум.

Гитлер уже через несколько недель после того, как стал рейхсканцлером, отдал абверу распоряжение начать разведку в Советском Союзе всеми имеющимися силами и средствами. Факт этот в контексте общей оценки Гитлера представляется значительным, поскольку вначале он запретил абверу вести активную разведывательную деятельность против Великобритании и некоторых других стран. Только в течение 1936 года он дал абверу зеленую улицу и против нее, после того как без всякого сомнения было установлено, что Интеллидженс сервис начала в огромных количествах засылку шпионов в Германию.

Итак, в 1933 году абвер приступил к планомерной разведывательной деятельности против Советского Союза. Наиболее благоприятную исходную позицию для этой

работы, как представлялось, имел отдел абвера в Кёнигсберге, поскольку у него были традиционно дружеские связи с военной разведкой Литвы. В Ковно постоянно находился офицер абвера, так что надеялись, что из Литвы можно будет засылать в Советский Союз определенное число нелегалов. Ведь общей границы рейха с Советским Союзом не существовало.

Хотя отношения Германии и Литвы в предшествующие годы подвергались сильным испытаниям, между представителями секретных служб обеих стран сохранилась дружественная атмосфера. В нашем случае примечательно то, что литовские офицеры каждый раз, как только в Ковно с визитом появлялись сотрудники абвера из Восточной Пруссии, устраивали праздник. При этом все затем выливалось в кутеж и празднование на восточный лад. В конце одного такого празднества, в котором принимали участие и женщины, дамы собрались сопровождать немецких офицеров в номера. Старший среди литовских офицеров заявил: «Господа, за все уже уплачено, включая дам». Он никак не мог уяснить себе, отчего немецкие товарищи отказываются от бесплатных спутниц.

Но, несмотря на такие дружественные отношения, этот путь не привел к существенным результатам. Сотрудники литовской разведывательной службы в этой работе не оказывали поддержки немецким коллегам, а сами и пальцем не шевелили в работе против Советского Союза.

И второй путь, попытка использовать экономические связи между рейхом и Советским Союзом, тоже оказался малоэффективным. Немецкие коммерсанты и промышленники, время от времени ездившие в Советский Союз, опасались выполнять секретные задания, поскольку они там имели дело исключительно с представителями государственных ведомств и, кроме того, находились под строгим контролем. Надзор за иностранцами в Советском Союзе осуществлялся крупными силами и был практически непрерывным, поскольку иностранцы получали разрешение на въезд только в очень ограниченном количестве.

Третий путь, открывавший возможность разведывательной деятельности против Советского Союза, все-таки давал некоторые, хотя далеко и не удовлетворительные результаты. Отделы абвера, у которых издавна существо-

вали нелегальные резидентуры в Польше, пытались засылать информаторов польской, белорусской или украинской национальности в Советский Союз. Для этой цели восточнопрусский отдел среди прочих завербовал одного польского офицера, обещавшего лучшие перспективы. Против своей страны он не желал работать ни при каких обстоятельствах, а вот шпионить против ненавистных красных, это да, он готов приложить все свои силы.

Но у него и других информаторов абвера на этом пути возникли почти непреодолимые трудности. В то время Красная армия на русско-польской границе создала нейтральную полосу с препятствиями из колючей проволоки, которая контролировалась со сторожевых вышек вооруженными часовыми. Сверх того, днем и ночью по дорожке вдоль полосы препятствий патрулировали солдаты в сопровождении собак-ищеек. По обеим сторонам этой дорожки земля была заборонована, так что пограничники могли видеть следы человека, которому темной ночью посчастливилось незаметно преодолеть проволочные заграждения и нейтральную полосу. К этому добавлялось то осложнение, что в приграничной полосе глубиной 30 километров ни один советский гражданин не имел права приютить незнакомца, направляющегося в глубь страны.

Результаты работы информаторов, засылаемых из Польши, против Советского Союза, как уже говорилось, были минимальными. Похоже, подтверждалось то, о чем говорили некоторые эксперты по России: «Нет никакого четкого представления о Советском Союзе и его военном потенциале, а лишь различные степени незнания».

Но существуют неисчислимые возможности попасть из одной страны в другую. Поэтому соответствующие сотрудники абвера неутомимо исследовали новые пути, могущие привести к раскрытию тайн в Советском Союзе. Военно-морские сотрудники I отдела абвера нашли иной путь. Они попытались переправить в Советский Союз нелегалов на кораблях, заходивших в русские порты. Получилось ли это, выяснить не удалось. Наоборот, один из участников подобной, к сожалению, неудачной попытки рассказывал мне следующее:

«В Кёнигсберге с борта русского судна сбежал один матрос. Это был умный парень. После беседы, проведен-

ной с ним полицейскими чиновниками и представителем абвера, он заявил о своей готовности на любую работу для Германии. Сотрудник отдела IM по Восточной Пруссии устроил русского матроса на германское судно, которое заходило в Кронштадт. Русский на судне пришел туда. В Кронштадте на корабле его спрятали в угольной яме, поскольку ночью должны были незаметно переправить на сушу. Но, услышав, что русские таможенники на борту, парень так грохнулся о стенку угольной ямы, что русские насторожились и обнаружили его. Разговор его с русскими неизвестен. Но капитану немецкого судна приказали тотчас же покинуть Кронштадт».

Но и совсем безрезультативной работа сотрудников IM не была. Им часто удавалось устраивать на суда, заходившие в русские порты, доверенных лиц с хорошей фотоаппаратурой. Некоторые из рейсов привозили отличные панорамные снимки русских береговых укреплений.

Обсуждалось много и других путей, как добиться разведывательных успехов против Советского Союза. Тогда, например, на территории Германии имелось определенное количество советских консульств и торговых представительств. Нельзя ли попробовать завербовать их сотрудников подкупом или каким-либо иным способом? Завлечь их, например, свободным образом жизни на Западе или тайно настроить их против коммунистической диктатуры, чтобы, поработав некоторое время на абвер, они потом навсегда остались в какой-нибудь из западноевропейских стран?

Само собой разумеется, соответствующие ведомства абвера разрабатывали и эти варианты. Работниками дипломатических, консульских и торговых представительств Советского Союза на территории Германии занимались прежде всего сотрудники III f, офицеры контршпионажа. В первую очередь они пытались завербовать на работу сотрудников названных советских учреждений. Но они обсуждали и второй путь, а именно — классический контршпионаж. Проверенные информаторы абвера, преимущественно те, у кого не было германского гражданства, по правдоподобным поводам вступали в контакт с советскими организациями и при удобных обстоятельствах предлагали свои услуги для шпионажа против Германии. Разумеется, подобные предложения не воспринимались

всерьез, однако они служили для зондирования, занимается ли соответствующее советское учреждение разведкой и против каких лиц и объектов на территории рейха направлена их шпионская деятельность. Но доверенные лица, направляемые германской службой контршпионажа, повсюду выпроваживались из советских дипломатических и консульских представительств.

Результаты других расследований, проводимых абвером и тайной государственной полицией по выявлению советских шпионов на территории рейха с 1934 года до начала войны, были почти что равны нулю. А вот на подпольно действующих коммунистических функционеров компетентные германские ведомства наталкивались довольно часто. Однако они, как это выяснялось, не имели ничего общего с собственно советской разведывательной службой. Но некоторое число из них удалось завербовать и использовать для разведки против Советского Союза. В кругу своих друзей и знакомых они, разумеется, по-прежнему выдавали себя за фанатичных коммунистов. Поэтому некоторые из них сумели использовать свои хорошие связи с коммунистическими функционерами соседних стран и добиться полезных результатов для военной и политической разведки. Однако германская служба контршпионажа в 1930-х годах с помощью «перевербованных» коммунистических функционеров не добилась сколь-нибудь значительных успехов в нейтрализации действовавших на территории рейха агентов советской секретной службы.

Лишь во время войны германской военной разведке и контрразведке, благодаря ликвидации агентурных групп «Красной капеллы» в Бельгии, Франции и Германии, удалось получить серьезные сведения об организации, методах работы и целях советской разведки. Только тогда стало ясно, какой огромной шпионской сетью советская секретная служба опутала европейские страны. В ходе допросов арестованных «красных агентов» также выяснилось, что советская секретная служба строго отделяла от шпионской работы пропаганду и подпольную коммунистическую деятельность за границей. Для последней лишь в исключительных случаях привлекались члены коммунистической партии. Руководство советской разведки избегало всякой шпионской деятельности, которая могла бы скомпромети-

ровать собственные дипломатические и консульские представительства. Поэтому-то работники советских консульств отсылали лиц, которые приходили к ним с предложением работать против Германии.

Затем тогда же выяснилось, что советская секретная служба вела шпионскую работу против определенной страны из резидентуры, законспирированно внедренной в третью страну. Так, московский Центр руководил шпионской сетью в Германии в основном через резидентуры в Швейцарии.

Как все дороги ведут в Рим, так бесчисленны и возможности получать информацию из страны противника. Поскольку разведка в Советском Союзе была сопряжена со столь большими трудностями, абвер постоянно искал новые, лучшие пути к разведываемым секретным объектам в Советском Союзе. Правда, нередко они оказывались совершенно недоступными, иногда же это приводило к дезинформации.

Однажды сотрудник I сектора отдела абвера по Восточной Пруссии установил контакт с одной группой русских эмигрантов в Данциге, называвшейся «Зеленый дуб». В нее входило несколько человек, которые еще хорошо помнили свою родину и будто бы через друзей в Прибалтийских странах состояли в переписке с советскими офицерами. До установления многообещающего контакта в Советском Союзе, казалось, было руку протянуть. Поэтому руководителя эмигрантской группы завербовали в информаторы и после подробного инструктажа, как рациональнее всего действовать, применили против Советского Союза.

Не прошло много времени, как завербованные русские эмигранты предоставили первый отчет о военном и политическом положении в стране. Кроме того, они доносили, будто через своих друзей в Прибалтике наладили рабочий контакт с высшими офицерами Красной армии, стоявшими в оппозиции Сталину и готовыми к диверсионной деятельности в Советском Союзе. При этом завербованные русские эмигранты называли некоторые имена известных бывших царских офицеров.

Первые сомнения в правдивости представителей «Зеленого дуба» возникли, когда они не захотели показать, как осуществляются их контакты с Советским Союзом

через друзей в Прибалтике. Когда задействованные офицеры абвера выразили свое неудовольствие этим, председатель эмигрантской группы, церковный староста русской колонии в Данциге, сослался на находящееся в Бухаресте руководство объединенной организации «Зеленый дуб».

Абвер решил до конца исследовать это дело. Один сотрудник I сектора, который говорил и писал по-русски, сообщил о себе руководителю «Зеленого дуба» как о члене данцигской эмигрантской группы. Офицер абвера действительно встретился в Бухаресте с «шефом» русских эмигрантов и получил от него целую кучу докладов, среди которых были отчеты и по советским общевойсковым соединениям, и о группах Сопротивления в Красной армии. О последних данцигское отделение «Зеленого дуба» уже давало кое-какие сведения.

Итак, отдел абвера в Восточной Пруссии дал материал для проверки и отзыва в отделение «Иностранные армии Востока» генерального штаба. Напряженно ждали оценки. Она не заставила себя ждать и гласила: «Тот же самый материал уже продавала одна русская эмигрантская группа с филиалами в Париже и Брюсселе, а именно: руководителю подотдела абвера в Кельне. Предлагаемые донесения сфабрикованы».

Дальнейшее расследование показало, что председатель данцигского филиала «Зеленого дуба», церковный староста, принадлежал к группе эмигрантов, которая хотя и была разбросана по различным крупным европейским городам, но в тесном сотрудничестве систематически обрабатывала все доступные им газеты для фабрикации «секретных» отчетов.

Таким образом, раскрылся классический пример информационного надувательства. Одна и та же русская эмигрантская организация продавала в Бухаресте, Данциге, Брюсселе и Париже якобы полученные от друзей в Советском Союзе донесения, которые на самом деле частично высасывались из пальца, частично черпались из открытой прессы.

Несмотря на этот случай и некоторые другие подобные опыты, сотрудники абвера, работавшие против Советского Союза, постоянно использовали эмигрантов, поскольку среди них, скорее всего, находились люди,

знавшие Россию и в совершенстве владевшие русским языком. Кто не отвечал этим условиям, был непригоден для секретного применения против Советского Союза или просто для использования на его территории. Хороших результатов абвер добивался при работе с украинскими эмигрантами. После русской революции в конце Первой мировой войны германские ведомства поддерживали устремления к созданию самостоятельного украинского государства, главой правительства которого стал гетман Скоропадский, мечтавший о создании автономной Украины в рамках царской Великороссии.

Политическое развитие в 1920-х годах превратили замыслы Скоропадского в несбыточные мечты. Однако в то время между немцами и украинцами завязались многочисленные дружественные связи. Именно бывшие русские и австрийские офицеры украинской национальности искали и находили контакты с германскими ведомствами. Это использовал абвер. Ему удалось привлечь к военной разведке в двух странах некоторое число германофильски настроенных украинцев, окольным путем через третьи страны поддерживавших отношения с Россией и Польшей. Но это применение, которым руководили офицеры I абвера, удерживалось в узких рамках.

После того как адмирал Канарис взял на себя руководство абвером и установил, что, принимая во внимание нарастающую напряженность, разведка в отношении Советского Союза была слабой, он распорядился проработать вопрос, нельзя ли использовать украинскую эмиграцию в гораздо большем объеме, нежели прежде. Результатом явилось решение адмирала в январе 1937 года установить контакт и начать сотрудничество с ОУН — Организацией украинских националистов. Но отныне для своих замыслов подходящих людей из украинской эмиграции должен был рекрутировать уже II абвер.

ОУН в основном финансировалась украинцами, жившими в западных странах. Большую поддержку она получала от земляков из США. Возглавлял ОУН в 1937 году Коновалец, революционер с умеренно реформистскими взглядами. Адмирал Канарис лично вел с ним переговоры о будущей совместной работе против Советского Союза. Принимавшие участие в этой встрече офицеры абвера свидетельствовали, что Канарис явно выражал

личную симпатию к революционеру Коновальцу. Это совпало с консервативно-национальными взглядами самого адмирала. Однако сотрудничество с Коновальцем продлилось короткое время. После нескольких переговоров, которые вели с ним уполномоченные офицеры абвера, он был убит в Нидерландах, где жил в изгнании. По данным следствия, проведенного нидерландскими властями, в качестве убийцы подозревались агенты одной восточной разведслужбы. Характерно для Канариса, что он, пока это было возможно, заботился об уходе за могилкой Коновальца.

После убийства Коновальца Мельник, бывший управляющий митрополита греко-католической церкви в Лемберге, графа Щептички, принял руководство ОУН. Его поддерживал Рикко Джери, бывший кадровый офицер австрийской армии. Но среди лидеров ОУН был и Стефан Бандера, радикал-революционер, имевший среди украинской молодежи в Галиции значительное количество приверженцев. Между ним и Мельником существовали столь сильные разногласия относительно целей и тактических методов, что это привело к разрыву между обоими. В соответствии с этим абвер работал как с Мельником, так и с Бандерой и его приверженцами.

Однако вернемся к строительству адмиралом Канарисом резидентур абвера против Советского Союза.

В первую очередь это было II отделение абвера, которое для выполнения своих задач подыскивало подходящие кадры среди украинских эмигрантов на территории рейха. В эти задачи в первую очередь входила подготовка диверсионных операций на случай войны и мероприятия по разложению войск противника.

Отобранные украинцы с 1938 года обучались частично в уединенно расположенном пансионате на озере Химзе, частично в лабораториях II отделения абвера в Тегеле под Берлином, частично в Квенцгуте под Бранденбургом. Обученные там украинцы до начала войны практически не использовались ни против Польши, ни против Советского Союза.

Отношения доверия, возникшие в результате этого сотрудничества между задействованными немцами и укра-

инцами, уже год спустя подверглись тяжелому испытанию. В особенности оттого, что Гитлер в 1939 году решил отдать украинскую часть Карпат Венгрии. Украинские партнеры были этим глубоко разочарованы. Вскоре после этого им пришлось пережить еще более неприятное. Как только 23 августа 1939 года был заключен германо-советский договор о дружбе, Гитлер запретил абверу какие-либо контакты с ОУН. Абверу строго запрещалась и какая-либо финансовая поддержка украинской организации.

Что примечательно, приказ Гитлера в какой-то степени производил впечатление, что в этот период фюрер хотел соблюдать пакт о ненападении с Советским Союзом. Или он так действовал по расчету, поскольку уже решился на войну с Польшей и хотел избежать любого осложнения германо-советских отношений — по меньшей мере в ближайшие месяцы?

После того как Гитлер запретил абверу сотрудничество с ОУН, сотрудники японской секретной службы перехватили тайные контакты с украинцами. Японцы как партнеры германско-японского антикоминтерновского пакта 1936 года были не менее озадачены и ошеломлены заключением германо-советского пакта о дружбе, нежели украинцы, состоящие в контакте с абвером.

Тем временем заключение германо-советского пакта о ненападении ничего не изменило в дружественных отношениях между абвером и японской секретной службой. Японские специалисты еще до того, как они подхватили у абвера украинских доверенных лиц, налаживали контакты с белорусами в Германии, оказывавшими им помощь в изготовлении антикоммунистических пропагандистских материалов. Японцы финансировали взятых под опеку украинских доверенных лиц в том же объеме, что раньше абвер. Это было очень важно. Ибо в июне 1941 года ситуация изменилась таким образом, что у абвера появилась настоятельная потребность вновь вернуть себе украинских доверенных лиц и стоящие за ними группы.

Во избежание недоразумений подчеркнем: сотрудничество с украинскими и другими эмигрантами не возобновилось не потому, что Германией планировалась война, а скорее оттого, что руководители военной разведки опасались спровоцировать войну с неприятельс-

кими странами. Кроме того, адмирал Канарис считал неотложной необходимостью ускорить строительство абвера, поскольку, как уже говорилось, он, по сравнению со странами потенциального противника, был слишком маленьким и слабым. Предварительная подготовка абвера к запланированной рейхом войне не рассматривалась уже потому, что Гитлер совершенно не посвящал Канариса в свои тайные планы.

До сих пор описываемые пути, которыми абвер через информаторов и агентов пытался проникнуть на территорию Советского Союза, начинались в рейхе. Но и в дружественных и нейтральных странах существовало множество иных возможностей обретения источников информации на территории Советского Союза. Поэтому I отделение абвера под руководством полковника генштаба Пикенброка в 1935-м и в последующие годы приступило к созданию небольших тайных резидентур в соответствующих странах. В Вене и Будапеште это происходило по согласованию с шефами секретных служб этих стран.

Но в те времена абвер I по тайным каналам искал людей, которых можно было бы использовать для выполнения своих задач, и в Болгарии, Румынии, а также в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Разумеется, всего за несколько лет до начала войны из небольших резидентур было нереально создать плотную сеть информаторов в странах потенциального противника. И все же проведенных в мирное время поисковых работ хватило для того, чтобы сразу в начале войны в течение нескольких месяцев абвер более или менее законспирированно сумел развернуть резидентуры и отделения в следующих странах: в Венгрии, Болгарии, Румынии, Турции, Иране, Афганистане, Китае и Японии.

В заключение о проводимой разведывательной работе абвера в предвоенные годы против Советского Союза можно сказать следующее: вряд ли какая-либо другая страна предпринимала столь обширные профилактические меры против внедрения шпионов, как Советский Союз. Поэтому тем более поразительно, что отделение германского генерального штаба «Иностранные армии

Востока» в те немногие мирные годы, в которые против Советского Союза велась военная разведка, смогло составить довольно полное представление о Красной армии, ее оснащении, вооружении и вероятном потенциале в мирное и военное время. Составленные этим отделом германского генерального штаба уже в предвоенное время сведения содержали точные данные по большинству советских частей, которые позднее воевали против Германии.

Канарис и Гейдрих. Попытка разграничения сферы деятельности между абвером и тайной государственной полицией (гестапо). Дело Тухачевского

В первое время после прихода к власти национал-социалистов у военной разведки и контрразведки была сильная позиция. Имперскому военному министерству удалось добиться распоряжения Гитлера, неоднократно именуемого как «кабинетский указ», который уполномочивал предпринимать все необходимые меры по охране вновь образованных вооруженных сил, исключительно за счет вермахта, в особенности что касалось борьбы со шпионажем и диверсиями. Поэтому абвер мог проводить широкомасштабные профилактические меры безопасности по всей территории Германии, вводить уполномоченных абвера в учреждения власти и на военных предприятиях и многое другое.

Начиная с указанного распоряжения Гиммлер и Гейдрих, руководители полиции и СС, старались урезать исключительную компетенцию военной разведки и контрразведки и все больше и больше распространяли свое влияние на дела разведки. Так как абвер по всем вопросам исполнительной власти вынужден был обращаться к тайной государственной полиции, в чьей компетенции находились аресты, обыски и допросы по делам государственной измены, то Гейдрих и тут пустил в ход все средства. Еще в 1934—1935 годах он, как руководитель гестапо в Пруссии, использовал любую представлявшуюся ему возможность, чтобы вмешиваться в работу военной разведки и контрразведки.

Предшественник Канариса, капитан 1-го ранга Патциг, энергично протестовал против подобного напора Гейдриха. Это также явилось единственной причиной, отчего Патциг ушел из абвера и вернулся на службу в военно-морской флот. Канарис стремился к примирению и пытался наладить терпимую рабочую атмосферу между абвером и тайной государственной полицией. Это пожелание было высказано адмиралу его тогдашним начальником, военным рейхсминистром фон Бломбергом, и шефом вермахта, генералом фон Рейхенау, при его напутствии, когда адмирал принимал руководство абвером. Фон Бломберг и Рейхенау явно хотели избежать конфликта с Гиммлером и Гейдрихом.

Поначалу казалось, что все идет хорошо. Канарис и Гейдрих давно знали друг друга еще со времени совместной службы в военном флоте. Многие годы назад Канарис был начальником Гейдриха и держал себя с ним как старый, добрый товарищ. Такое обращение явно импонировало Гейдриху, уволенному с флота в свое время за неблагоприятный проступок и комплексовавшему от этого.

В деловых отношениях Канарис придерживался умеренной тактики и шел навстречу пожеланиям Гейдриха в несущественных моментах, но не уступал в важных вопросах. Тем временем Гейдрих был недоволен мелкими уступками, что — чем далее, тем больше — приводило к трениям и противоречиям между военной контрразведкой и тайной государственной полицией. В конце концов Канарис и Гейдрих попытались заключить письменное соглашение из десяти пунктов, называвшееся потом среди своих «Десять заповедей», разграничивающих компетенцию обеих сторон. Основные положения «Десяти заповедей» в целом содержали следующее.

1. Так называемая Секретная служба сбора информации, то есть военная разведка в странах противника, как и прежде, остается в ведении абвера.

2. Сфера контршпионажа в основном оставалась в компетенции абвера, однако понятие контршпионажа в соглашении не было четко очерчено.

3. Далее абвер по своему усмотрению занимался подготовкой скрытного боевого применения на случай войны и при необходимости мог приводить его в действие.

4. В исключительное же ведение тайной государственной полиции передается:

а) оперативное расследование всех тяжких и государственных преступлений;

б) внутривнутриполитический контроль за всеми, с точки зрения гестапо, подозрительными слоями населения;

в) добывание политической информации из-за границы, в особенности из стран, враждебных Германии.

Но эти положения не смогли устранить трения и противоречия между абвером и тайной государственной полицией. Даже в военных округах, в которых представители абвера и тайной государственной полиции хорошо ладили между собой, выяснилось, что сферу контршпионажа не удается четко поделить между двумя ведомствами, поскольку всегда возможны дублирования, даже если стороны стараются придерживаться соглашения, что одна сторона действует только внутри страны, а другая за границей. Доверенным лицам контршпионажа, которых используют внутри страны, если они добиваются результатов, рано или поздно требуется выезжать за границу, чтобы скрытно вступать в контакт с представителями секретной службы противника. Именно при таких обстоятельствах у них появляется возможность добыть важные сведения. С другой стороны, действующие за границей нелегалы контршпионажа нередко добиваются результатов, делающих необходимым их использование внутри страны.

Еще более зыбкими становятся границы между военной и политической разведкой. Как, например, избежать бесед на политические темы, если абвер II готовит украинцев и белорусов для того, чтобы они подговаривали своих земляков, служивших в польской и советской армиях, чтобы те стали перебежчиками? Подобные операции оправданы лишь в том случае, если ведомства, проводящие их, имели полную информацию о политическом и военном положении на соответствующих польских и советских территориях. Следовательно, основательная военная и политическая разведка района применения была просто необходимым условием.

И что же оставалось делать адмиралу Канарису, когда от военных атташе за границей, подчинявшихся ему вместе с шефом группы заграничной службы, он получал важ-

ные донесения для политического руководства рейха? Должен ли был он их выбрасывать в корзину и запрещать отправителям и впредь собирать информацию по политическим вопросам? Нет, этого он не делал. Наоборот, как только подобные сведения поступали к адмиралу, он сразу же информировал Риббентропа и Гитлера и предостерегал их от возможных опасностей. Правда, в результате Канарис потерял расположение Гитлера и навлек гнев министра иностранных дел. Оба неохотно выслушивали неприятные новости. В той мере, в какой адмирал утрачивал свое влияние на обоих, росли и разногласия между военной контрразведкой и тайной государственной полицией, позднее главным управлением имперской безопасности, пока Канарис в конце концов в феврале 1944 года не был отстранен от своей должности.

Можно привести еще множество примеров, как многократно дублировались задачи главным управлением имперской безопасности и заграничной службой абвера. Отсутствие единого руководства порождало тяжкие последствия. Раздоры обеих служб и их органов в некоторых случаях заходили так далеко, что ведомства главного управления имперской безопасности и СД, занимаясь разведкой на вражеской территории, подвергали неоправданной опасности жизнь людей, не имея представления, что интересует военное командование. С другой стороны, нередко происходило так, что офицеры абвера и группы заграничной службы пользовались благоприятными возможностями для политической разведки, совершенно не зная, что конкретно важно для руководства рейха.

Но не только в связи с дублированием задач и неудовлетворительным разграничением полномочий постоянно возникали трения между абвером и органами главного управления имперской безопасности. Нередко резко расходились в мнениях по вопросам применяемых методов. Именно по этому пункту росла непреодолимая пропасть между Гейдрихом и Канарисом. Наиболее наглядно это проявилось в деле Тухачевского.

В начале 1937 года Гейдрих однажды лично обратился к адмиралу Канарису и попросил его о передаче документов, относящихся к периоду военного сотрудничества с Советским Союзом. Особенно важно для него было полу-

чить образцы почерка германских генералов фон Секта и фон Хаммерштейна, а также советского маршала Тухачевского. Кроме того, весьма желательно, чтобы абвер предоставил ему специалистов, имеющих опыт копирования почерков.

Канарис, догадывавшийся, что затевает Гейдрих, наотрез отказался выполнять это беспардонное требование. Примерно через два месяца адмирал узнал, какую бесчестную игру начал Гейдрих, когда в Москве пошла чистка верхушки Красной армии, в ходе которой Тухачевский¹ и ряд других высших офицеров советских вооруженных сил были приговорены к высшей мере и казнены. Тогда абвер узнал, что в руки тайной государственной полиции советской секретной службы — ОГПУ — через чешскую секретную службу попали документы о якобы предательском заговоре Тухачевского и других русских военных.

Гейдрих и его люди верили, что казнь Тухачевского объясняется их «игрой». Об этом советские власти, единственные, кто мог бы дать ясное и исчерпывающее объяснение, насколько мне известно, умалчивают.

Во всяком случае, Гейдрих был убежден в том, что тогдашний шеф ОГПУ Ежов попался на сфабрикованных им письменных документах. В одном разговоре Гейдрих похвастался этим своим подвигом перед Канарисом. Когда потрясенный адмирал спросил, а какой, собственно говоря, смысл имела вся эта операция, Гейдрих пояснил, что сама идея исходила от Гитлера и имела целью лишить Красную армию высшего руководства и ослабить ее на многие годы.

По теме разграничения компетенции и методов работы обеих секретных служб мне, если будет позволено, хотелось бы добавить несколько слов из моей более чем двадцатилетней практики.

Если наряду друг с другом в одной и той же стране работают две и более секретных служб, то даже при самом лучшем взаимопонимании между их руководителями это приводит к постоянным провалам или же чаще

¹ В канун 1963 года Советское правительство под руководством Хрущева Тухачевского полностью реабилитировало и причислило к жертвам сталинизма. (*Примеч. авт.*)

всего к бессмысленному дублированию. Этот успех или скорее неуспех проистекает уже из того, что одна секретная служба не раскрывает другой имен своих самых ценных информаторов и не ставит в известность об операциях, поскольку в противном случае имена мужчин и женщин, которые при выполнении опасных заданий рискуют своей свободой и жизнью, стали бы известны слишком большому кругу людей.

Важнейшие вопросы по одной стране для главы правительства составляют единое целое. Все, что ему докладывают о просьбах и неотложных потребностях министерств иностранных дел и экономики, вооруженных сил и других государственных ведомств, он поневоле обязан свести в единый план, по которому проблемы осмысливаются и получают свое разрешение. Поэтому для благополучия страны желательно, чтобы глава правительства назначил руководителем своей секретной службы человека, которому доверяет, с кем может открыто обсуждать все то, что следует установить и прояснить. Тогда руководитель секретной службы в состоянии осознанно использовать имеющиеся в его распоряжении силы и средства в фарватере политики правительства. При этом можно распределить задачи по различным отделениям и ведомствам так, чтобы каждое из них имело лишь частичное представление о разведываемых задачах и потребных мероприятиях.

Затем желательно, чтобы исполнительные органы ограничивались своими задачами. Если, чего доброго, полиция на свой страх и риск займется разведывательной деятельностью, как это делала тайная государственная полиция в период 1933—1945 годов, то это неизбежно приведет к постоянным трениям, провалам и бессмысленному дублированию.

Насколько больших результатов могла бы добиться военная разведка и контрразведка, если бы исполнительные органы ее поддерживали, а не соперничали с ней. Вероятно, можно было бы даже избежать Второй мировой войны, если бы Гитлер полностью доверял Канарису и внял бы его предостережениям. Адмирал оценивал потенциал англичан не ниже, нежели Гитлер, но при этом он оценивал их и исходящую от них угрозу более трезво.

Войны в период с 1935-го по 1938 год

Здесь имеются в виду многочисленные мелкие восстания и крупные правительственные перевороты, а также локальные войны, которые, к сожалению, почти непрерывно происходят где-нибудь на земном шаре. В канун нового 1963 года, названного некоторыми газетами одним из самых мирных на памяти человечества, боевые действия, например, шли в Катанге и во Вьетнаме, и на индийско-китайской границе друг другу противостояли крупные войсковые соединения.

Имеется здесь в виду нападение Италии на Абиссинию, затем Гражданская война в Испании и японско-китайская война. Разумеется, абвер внимательно отслеживал все эти события. На Испанском и Дальневосточном театрах военных действий, впрочем, развернулись сражения и между разными секретными службами, которые следует добавить к противоборству на тайном фронте на Востоке.

Война Италии против Абиссинии в контексте рассматриваемой темы важна лишь постольку, поскольку проливает свет на слабость женевской Лиги Наций и позицию тогдашних великих держав. Когда они оказались перед выбором понести материальный ущерб и тем самым предотвратить войну или заработать на войне, они решились на последнее.

Италию в прошлом столетии, как и германский рейх, при разделе колоний обделили. Хотя она владела Ливией, Киренаикой, Сомали и частью Эритреи, но все это были пустыни, в которых никто не желал селиться. Тем временем Италия переселяла излишек своего населения большей частью в заморские страны. И все же итальянцы, переселяясь в колонии, упорным, прилежным трудом шаг за шагом отвоевывали землю у пустыни.

Бенито Муссолини, мечтавший о великих временах Древнего Рима и о том, чтобы вновь установить итальянскую империю, намеревался избыток людских ресурсов своей страны использовать лучше. Поэтому он заботился об укреплении итальянских вооруженных сил. С их помощью он в подходящий момент хотел завладеть упоминаемые территории. В первую очередь Муссолини думал об африканской империи Абиссинии. Эта страна в своих недрах хранила богатые запасы сырья, а

ее райские плоскогорья замечательно подходили для поселений европейцев. Кроме того, пустынями и горами она естественным образом отделена от соседних государств.

В 1896 году Италия уже пыталась завоевать Абиссинию, но потерпела поражение под Адуа. Но память об этом не пугала Муссолини. Весной 1935 года он посылает один караван с войсками за другим через Суэцкий канал Красным морем в Эритрею, порты которой превращаются в армейский лагерь. В результате этого итальянский план стал очевиден. Поэтому Великобритания и Франция обязали Лигу Наций официально указать Муссолини, что Абиссиния является ее членом и имеет право на военную поддержку стран-участниц, если Италия нападет на нее.

Великобритания и Франция были заинтересованы в том, чтобы Италия не расширила свои колониальные владения и не стала слишком сильной. Поэтому они незамедлительно предприняли дипломатические шаги, отправив высокопоставленных правительственных чиновников в Рим, чтобы предупредить Муссолини и пригрозить, что война против Абиссинии будет иметь следствием ответные меры стран-участниц Лиги Наций.

Но Муссолини не дает себя запугать. В начале октября 1935 года итальянские части вторгаются на абиссинскую территорию и начинают боевые действия против плохо вооруженных частей негуса Хайле Селассие. Лига Наций в ответ на это 11 октября вводит санкции против Италии. Ее постановление недвусмысленно запрещало странам-участницам помогать Италии кредитами, оружием, сырьем, углем и нефтью.

Между тем выяснилось, что война в Абиссинии для итальянцев не оказалась прогулкой. Части аборигенов сражались блестяще в гористой местности среди бездорожья. Война могла быть в несколько недель проиграна, если бы Италия не сохранила поставки угля и нефти. Муссолини сам в этой ситуации высказался следующим образом:

«Если Лига Наций последует совету Идена и распространит экономические санкции на нефть, то я буду вынужден вывести войска из Абиссинии в течение восьми дней. Для меня это означало бы ужасную катастрофу».

Великобритания и Франция в то время имели решающее влияние в Лиге Наций, были достаточно сильными и могущественными, чтобы установить блокаду Италии. Но коммерческие интересы победили и привели к тому, что Италия вопреки решению Лиги Наций снабжалась нефтедобывающими странами.

Гитлер, делая крупные поставки угля Италии, также выгодно воспользовался ситуацией, правда, преимущественно политически. Первые шаги к «Оси Берлин—Рим» были сделаны.

Гражданская война в Испании

О Гражданской войне в Испании, ее возникновении и ходе уже написано довольно много. Поэтому в рамках данной книги я хочу ограничиться только разведывательными вопросами. Предварю это замечанием, что генерала Франко 2 октября 1936 года провозгласили главой государства и наделили всей полнотой власти для подавления красного террора в Испании.

Насколько сильно восточные секретные службы в свое время и до последнего времени имели дело с испанской Гражданской войной, явствует из доклада, который генерал-лейтенант в отставке Рудольф Бамлер сделал в 1950-х годах. Доклад назывался: «Германская секретная служба в период подготовки и во время Второй мировой войны» и был издан Германской секцией комиссии историков ГДР и СССР в рамках ученых записок «Вторая мировая война 1939—1945 годов».

Бамлер перед войной в звании майора и подполковника генштаба несколько лет был шефом III отделения абвера, то есть подчиненным адмирала Канариса. Из работы Бамлера я хотел бы процитировать несколько абзацев:

«При попытках приподнять завесу над тайной подготовки войны... прогрессивная историческая наука наталкивается на белое пятно, а именно: потому что один из факторов, который сыграл не последнюю роль, то есть влияние секретной службы, до сих пор в исторических сочинениях о Второй мировой войне по вполне понятным причинам либо полностью не обсуждался, либо освещался крайне скупо.

Как уже рассказывали множество моих предшественников, империалистические государства, среди них в особенности милитаристские круги Федеративной Республики, в литературе послевоенного периода пытаются и далее скрывать эту тайну или всеми возможными способами помешать разоблачению... В сущности, Вторая мировая война со стороны Германии началась уже в 1936 году в Испании, то есть далеко от последующих полей сражений. Об этом факте следует не забывать, особенно сейчас, после того как правительство Аденауэра недавно с помощью договора «Евроатом» и «Общего рынка» теснейшим образом оказалось связанным со старыми колониальными державами. Уже снова западные газеты, и в особенности гамбургская «Вельт», все больше места посвящают корреспонденциям о франкистской Испании и о связях каудильо с правительством Аденауэра...

Итак, в этой ситуации, требующей скорых решений, — в 1936 году — Канарис поставил на Франко как будущего главнокомандующего испанской контрреволюцией. Это решение быстро нашло поддержку и у Геринга с Гитлером. Сначала Геринг по представлению Канариса послал небольшую группу, две замаскированные под гражданские самолеты эскадрильи транспортной авиации, в Тетуан, чтобы перебросить Франко и авангард его частей в Севилью...»

Эти записки Бамлера соответствуют действительности, поскольку именно адмирал Канарис инициировал и реализовал военную поддержку генералу Франко. Хотя Геринг был заинтересован в том, чтобы продавать немецкие самолеты за валюту, но также еще и в том, чтобы опробовать новые типы самолетов в боевых условиях, однако перспективы испанского восстания военных казались ему сомнительными.

В этой ситуации Канарис связался с шефом итальянской секретной службы, полковником Роаттой, поскольку знал, что представители испанского восстания искали поддержку не только у Германии, но и у Италии. В Риме от влиятельных членов правительства Канарис получил заверения, что Италия срочно окажет помощь Франко. После такого предварительного зондирования Канарис поначалу заручился военной поддержкой Геринга, а затем и Гитлера.

В записках Бамлера не столь удивителен способ описания исторических событий, сколько их оценки. Я знаю Бамлера по многим личным беседам и с профессиональной точки зрения считаю его умелым и умным человеком. Поэтому я удивлен тем, что он тогдашнюю немецкую поддержку Франко определяет как начало Второй мировой войны. Разве не существуют признания историков ГДР и СССР, что вооруженные силы Советского Союза бок о бок уже воевали с испанскими революционерами, когда только началась немецкая помощь Франко? Ведь именно это подтолкнуло масштабно мыслящего Канариса встать на сторону Франко. Адмирал опасался расползания большевизма по региону Юго-Западной Европы и Северной Африки. Тогдашняя точка зрения Канариса верно отражается в записках Бамлера, который пытался исследовать исторические события с точки зрения ленинизма.

Нам, европейцам в свободных странах, стоит поблагодарить адмирала Канариса за то, что он так деятельно поддержал Франко в Гражданской войне в Испании. Кто знает, что было бы сегодня со свободами в Западной Европе и Северной Африке.

Еще несколько слов относительно одного момента в докладе Бамлера. На деле до сих пор опубликовано мало аутентичных материалов о влиянии крупных секретных служб в период с 1920-го по 1945 год. Это относится и к абверу. Но, к сожалению, в его случае дело обстояло так, что германская военная разведка и контрразведка в 1945 году была полностью разрушена и ее секретные документы и архивы распылены. Кроме того, как известно, национал-социалистический режим казнил адмирала Канариса 9 апреля 1945 года. А те, кто после него больше всех знал о тайных планах и делах абвера, шеф отделения Пикенброк и фон Бентивеньи, после 1945 года десять лет содержались в советской тюрьме и после освобождения, к глубокому прискорбию, очень быстро умерли.

Но задача данной книги хотя бы закрыть белые пятна с помощью воспоминаний бывших сотрудников абвера и пока еще доступных документальных свидетельств, появившихся в результате утраты архивов и смерти руководящих лиц тогдашней военной разведки и контрразведки.

Японско-китайская война

Она началась осенью 1937 года. У абвера появился повод увеличить число доверенных лиц и наблюдателей на Дальнем Востоке. В обеих воюющих партиях частично официально, частично скрытно находились представители абвера и следили за ходом боевых действий.

Германские ведомства на основе антикоминтерновского пакта поддерживали тесный контакт с Японией, тогда как при китайском руководстве находилась делегация германских военных советников под командованием генерала фон Фалькенхаузена.

Фон Фалькенхаузен и его товарищи исполняли свои обязанности на основе долгосрочных личных договоров. Но им пришлось вернуться на родину, когда министр иностранных дел Риббентроп из-за договора с Японией посчитал необходимым угрожающей телеграммой отозвать их в Германию. Это произошло в 1938 году.

Но некоторые нелегалы продолжали оставаться в окружении китайского военного руководства и сопровождали его при отступлении с побережья, где началась война, от Шанхая через Нанкин на Ухань и далее Чунцын. Некоторое количество американцев, англичан и французов в течение нескольких лет также сопровождали китайского главнокомандующего Чан Кайши от Тихого океана до внутренних районов Китайской империи. Большинство из них были журналистами, спецкорами и представителями информационных агентств. Но кто из этих американцев, англичан и французов не имел поручений секретных служб своей страны?

Абверу поручалось:

а) следить за ходом боевых действий на японской и китайской стороне;

б) выяснить, в какой мере другие страны и в особенности Советский Союз вмешиваются в японо-китайское противостояние, скажем, поставками самолетов и других военных материалов, посылкой военных советников или политическим влиянием;

в) проследить, какие политические и экономические последствия оказывает война на страны Дальнего Востока.

Вот такие важные донесения передавались руководству абвера в те годы информаторами из Японии и Ки-

тая. К сожалению, документальных свидетельств этому найти не удалось. Но совершенно точно, что некоторые нелегалы проделали тогда важную предварительную работу для более поздней военной организации абвера на Дальнем Востоке. О военной организации «КО Дальний Восток» будет рассказано в главе о войне между Германией и Россией.

Но за ходом японско-китайской войны следили не только секретные службы западных держав и абвер. Советская разведка тоже присутствовала. Дело Зорге, одно из самых громких шпионских дел Второй мировой войны, яркое тому подтверждение.

Последние недели перед началом войны. Тайны вокруг заключения в Москве германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года

Последние недели перед началом кампании против Польши были насыщены страшными событиями, позволявшими предчувствовать близость большой беды.

В Польше тлевшая почти два десятилетия ненависть ко всему немецкому вспыхнула ярким пожаром. Его поджигателями стали министр иностранных дел Бек и его премьер-министр Славой-Складковский.

Пламя пожара 4 августа 1939 года перекинулась на Данциг. Еще 29 июля вольный город направил Польше ноту протеста, в которой предъявил претензии польским таможенникам, увлекавшимся рукоприкладством. Одна данцигская газета воспользовалась случаем, чтобы потребовать применения репрессий против польских таможенников, при исполнении своих служебных обязанностей выходящих за предписанные им по договору рамки.

Ходацкий, дипломатический представитель Польши в Данциге, по согласованию с министром иностранных дел Бекком, в ответ на это вручил 4 августа 1939 года президенту сената вольного города ультиматум. В нем говорилось, что Польша перекроет импорт всех иностранных продуктов питания в Данциг, если правительство вольного города до 18 часов 5 августа не даст твердого согласия, что в будущем оно никогда не станет вмешиваться в деятельность польских таможенников. Впрочем, последние

в дальнейшем при исполнении своих обязанностей в Данцигской области будут носить оружие.

Содержание ультиматума означало не более не менее как угрозу, что Польша намеревается взять измором население вольного города Данцига, если его правительство не выполнит польских требований, поскольку в области вольного города производилось небольшое количество продуктов питания для населения.

По требованию Гитлера Грейзер, президент сената вольного города, следующим утром встретился с дипломатическим представителем Польши и заявил ему, что данцигское правительство подчиняется ультиматуму. Гитлер опасался, что ультиматумом Польша желает спровоцировать конфликт с Германией, и пока пытался сохранить мир.

Польша предъявила ультиматум, не проконсультировавшись с Верховным комиссаром Лиги Наций по Данцигу. Не только в Германии, но и во многих других странах сложилось впечатление, что польское правительство полностью игнорирует Лигу Наций и хочет взять на себя права Верховного комиссара. Сегодня известно, что Польша была готова к военному выступлению против Данцига, если бы ультиматум был отклонен. Министр иностранных дел Бек объявил это тогдашнему английскому послу в Варшаве Кеннарду поздним вечером 4 августа 1939 года.

В последующие дни и недели последовали удар за ударом.

6 августа, в День легионов Пилсудского, польский маршал Ридц-Смигли произнес в Кракове большую праздничную речь. Он заверил, что Польша готова отвечать за все последствия в споре вокруг Данцига. Тогда толпа как по команде закричала: «Отдайте нам Данциг! Отдайте нам Данциг!» Годами ведшаяся психологическая война против Германии переживала апогей.

Днем позднее, 7 августа 1939 года, уже произошел другой инцидент, имевший тяжелые последствия. «Иллюстрированный курьер» в Кракове, крупная польская газета, опубликовала статью, в которой с провокаторской беспардонностью описывалось, будто военные подразделения постоянно вторгаются на германскую территорию, чтобы разрушать военные объекты и ввозить в Польшу вооружение и военное снаряжение вермахта. Германский

рейх в те дни действительно подвергся целому ряду пограничных нападений с польской стороны.

То, что подобное поведение Польши должно привести к войне, ясно понимали большинство польских дипломатов и политиков. И все же многие из них были совершенно несогласны с политикой министра иностранных дел Бека. Посол Польши в США граф Потоцкий, например, в августе 1939 года встретился со своим министром иностранных дел, чтобы уговорить его заключить договор с Германией. Бек отказал ему. Об этой беседе со своим министром иностранных дел граф Потоцкий в одном месте выразился так: «Польша предпочитает Данциг миру».

Граф Потоцкий был не единственным польским дипломатом, высказывавшим озабоченность польской внешней политикой. И польский генконсул в Берлине, полковник Кава, пытался что-нибудь предпринять для налаживания германо-польского взаимопонимания. Он встретился с секретарем германо-польского общества, Робертом Бёнингом, и умолял его 13 августа 1939 года поехать в Варшаву и попытаться польских вождей, как он выразился, призвать к разуму. Хотя лорд Галифакс и министр иностранных дел Бек явно были настроены на войну с Германией, все же в министерствах польского правительства еще имелись люди, с которыми можно было разумно разговаривать. Среди них полковник Кава назвал шефа кабинета Бека, графа Михала Любиньского, затем государственного секретаря Арцышевского и чиновника министерства Куницкого. Но, к сожалению, все эти люди уже не могли изменить рокового хода вещей.

14 августа польские власти начали массовые аресты немцев в Верхней Силезии. Тысячи арестованных в принудительном порядке отправлялись в глубь страны. Тысячи других пытались бежать в Германию. Немецкие предприятия и благотворительные организации закрывались, немецкие общества потребкооперации и торговые объединения распускались. Панический страх охватил всех немцев, пока еще проживающих в Польше.

В свою очередь, доведя отношения между обоими государствами до невыносимого состояния, пресса в Германии начала дикую травлю Польши с самого начала лета. Но следует отметить, что, несмотря на ужасные

преступления национал-социалистов во время Второй мировой войны, поляки в Германии не подвергались такому террору, по меньшей мере в той степени, в какой немцы в Польше в августе 1939 года.

Страдания немцев в Польше еще не были исчерпаны. Последние работавшие немцы увольнялись, не получая пособий по безработице.

18 августа 1939 года барон Вюлиш, советник германского посольства в Варшаве, доносил во внешнеполитическое ведомство, что польские власти подготовили новые массовые аресты немцев, и теперь уже не только в Верхней Силезии, но и в Познани, Поморье и в Центральной Польше. В качестве повода использовалось утверждение, будто немцы в этих областях формируют многочисленные диверсионные отряды.

Донесение барона Вюлиша подтвердилось самым печальным образом, приведшим к кровавому террору, в том числе к так называемому Бромбергскому кровавому дню, когда жертвами пали тысячи немцев.

А в первой половине дня 31 августа, еще до того как Гитлер подписал приказ о наступлении на Польшу, внешнеполитическое ведомство получило донесение об убийстве германского консула в Кракове.

Тайны вокруг начала Второй мировой войны. Приложила ли советская секретная служба к этому руку?

О в высшей степени интересных с политической точки зрения неделях, предшествовавших началу Второй мировой войны, уже написано много книг. В том числе многие политики и военные с обеих сторон, среди которых были Черчилль и Сталин, давали комментарии по поводу тех дней, насыщенных событиями. Но все эти выступления и попытки исторически объяснить процессы того периода оказались не способны высветить одну примечательную тайну.

С 10-го по 22 августа 1939 года в Москве находилась особая миссия Великобритании и Франции. Обе делегации под руководством английского адмирала Дракса и французского генерала Дюмека вели переговоры с мар-

шалом Ворошиловым. Они зондировали, готов ли Советский Союз и в какой мере совместно с ними предпринять меры, чтобы запугать Гитлера. Последний уже несколько месяцев не скрывал своих намерений вновь присоединить к рейху Данциг и ведущий через бывшую Западную Пруссию в Балтийскому морю так называемый польский коридор.

Так обстояли дела, когда Дракс и Дюмек вели переговоры с Ворошиловым. При этом у Ворошилова сложилось впечатление, что правительства Великобритании и Франции окончательно не решились на войну в случае, если Германия нападет на Польшу. Хотя он доложил Сталину это свое мнение, тот предпринял следующие шаги: 19 августа сообщает Политбюро о своем намерении заключить пакт с Германией; 22 августа распоряжается отправить делегацию англичан и французов восвояси и 23 августа заключает с Германией пакт о ненападении. В более поздних публикациях Сталин, в отличие от своих генералов, аргументировал это следующим образом:

«Мы были абсолютно убеждены в том, что Германия, если бы мы заключили союзнический договор с Францией и Великобританией, вынуждена была бы отступить перед Польшей. Тем самым можно было бы избежать войны и последующее развитие событий при таком положении вещей приняло бы для нас опасный характер. С другой стороны, Германия, если мы принимаем ее предложение пакта о ненападении, точно нападет на Польшу, и вступление Франции и Великобритании в войну окажется неизбежным. Тогда с пользой для себя мы можем ждать момента, когда придет наша очередь. Поэтому наше решение очевидно: нам следует принять германское предложение и под вежливым предлогом отправить французско-английскую миссию. Повторяю, в наших интересах, если начнется война между рейхом и англо-французским блоком. Существенно для нас, чтобы она длилась как можно дольше, пока обе группировки не истощат друг друга».

Как случилось, что Сталин мог в то время предвидеть эффект и все последствия пакта о ненападении с Германией? Отчего с такой уверенностью он рассчитывал на то, что Гитлер после заключения этого договора нападет

на Польшу, а Франция и Великобритания в ответ на это вступят в войну против Германии?

Удивительно, что это хладнокровное и страшное решение Сталина было принято в момент, когда Гитлер еще рассчитывал, что хотя две страны и ответят на германское выступление против Польши всеми возможными политическими и дипломатическими средствами, но не вступят в войну. Подчинялся ли Сталин политическому инстинкту или же советская секретная служба смогла столь хорошо информировать его о замыслах ведущих политиков данных стран, что он был уверен в выгодности для своей страны принятого решения?

Советская разведка, как установили органы абвера в ходе войны, уже в то время имела чрезвычайно эффективную агентурную сеть в различных западноевропейских странах. Так что вполне возможно, что она компетентно консультировала Сталина по этому решающему вопросу. О том, что так оно и было в действительности, видимо, говорит следующий ход событий. Риббентропа и сопровождавших его лиц, 22-го и 23 августа 1939 года обсуждавших в Москве положения пакта о ненападении, после подписания договора пригласили на небольшой прием, во время которого произошел обмен тостами. Один из этих тостов в приподнятом настроении произнес сам Сталин: «Позвольте поднять этот бокал за умелого господина Берия!» — тогдашнего шефа советской секретной службы. Сталинский тост не сочетался с приемом по поводу заключения пакта о ненападении, он содержал как благодарность Берии, так одновременно и высокомерную иронию в адрес германской делегации.

То решение Сталина характерно для мышления и позиции руководителей Советского Союза. Сталин, по его же словам, знал, что от его решения зависят мир или всеобщая война. Он выбрал войну, обещавшую выгоды для его страны. Премьер-министр Советского Союза Никита Хрушев публично признал в 1959 году тогдашнее решение Сталина правильным и рациональным. Этого на Западе никогда не должны забывать.

Но вот о чем думал и что планировал в те дни Гитлер? С кем он советовался? Посвящал ли он до конца когонибудь в свои замыслы? И когда, в какой момент принял окончательное для себя решение напасть на Польшу?

Эти вопросы окутывает еще одна тайна, совсем не раскрытая историей. С адмиралом Канарисом, шефом своей разведки, Гитлер точно не консультировался, поскольку не доверял ему. Не посвящал в свои планы он и соответствующих командующих. Когда Гитлер 31 августа 1939 года в 17 часов подписал приказ о наступлении, фельдмаршал фон Рундштедт и начальник его штаба генерал фон Манштейн все еще полагали, что речь все-таки идет о блефе, ибо Гитлер уже отдавал подобный приказ конкретно 25 августа в 15.25, а в 20.30 уже его отменил. В течение лета 1939 года он также предпринимал и другие меры, в частности, приказывал проводить передвижения войск вблизи польской границы, которые могли бы означать начало боевых действий, однако явно предназначались для того, чтобы военными демонстрациями оказать давление на Польшу.

Оглядываясь назад, с точки зрения абвера можно сделать вывод: Гитлер, не доверяя собственным генералам, которые должны вести войну, и ни разу не приняв с докладом шефа собственной военной разведки о том, как тот оценивал ситуацию, поступал слишком безрассудно по отношению к самому себе, а по отношению к собственной стране в высшей мере безответственно.

Глава 3

1939—1945 ГОДЫ. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОГО АБВЕРА НА ТАЙНОМ ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут случилась большая беда.

Руководство военной разведки и контрразведки в связи с угрожающим развитием событий в предшествующие недели вынуждено было учитывать возможность начала войны и подготовиться к ней. Оно заранее довело до сведения высших штабов вермахта всю собранную и обработанную информацию о польской армии и ее мобилизационных планах и дало этим штабам офицеров-специалистов абвера I.

Тем не менее большинство офицеров абвера I оставались по расписанию мирного времени на постах прослушивания. Они, разведчики вражеских войск, военно-воздушных и военно-морских сил, в предшествующие годы выстроили не только сеть осведомителей на приграничных территориях, но и сверх того внедрили некоторое число проверенных информаторов в страны потенциального противника, снабженных агентурными радиопередатчиками. Эти нелегалы были основательно обучены и ориентированы на то, чтобы как можно быстрее по радио сообщать о событиях военного характера оттуда, где они проживали.

Подобная сеть нелегалов с рациями существовала и в Польше. В одной из ее частей работал капитан Ганс Горачек. Но в руководстве этими нелегалами в Польше принимали участие и сотрудники абвера I в Штеттине, Берлине и Бреслау. Все эти офицеры теперь, когда началась война, работали на родине вместе со своими радис-

тами на прием и напряженно вслушивались, что смогут сообщать их люди о военных процессах в Польше. Радиодонесения приходили, но наступление развивалось столь быстро, что большинство нелегалов с рациями были не в состоянии своевременно донести что-либо существенное.

Но на случай войны абвер подготовил и другие мероприятия. Впервые в авангарде армий, наступающих на территории противника, выдвигались небольшие, по 12—15 человек, отряды абвера, спешно сформированные и возглавляемые офицерами контршпионажа. Их задачей было искать на территории противника материал польских секретных служб, точнее, военных разведслужб и выслеживать сотрудников и агентов шпионской сети противника.

Формирование этих первых отрядов абвера основывалось на опыте, который в марте 1939 года при оккупации Богемии и Моравии приобрел майор Шмальшлегер, опытный германский офицер по контршпионажу. Когда он вошел в Прагу, там еще оставалось множество сотрудников английской и чешской секретных служб, в предшествующие годы заслуживших в Германию так много шпионов. Шмальшлегер хорошо знал их как своих противников и сразу после своего вступления в Прагу объявил в розыск тайной военной полиции. Но как только были приняты необходимые меры, разыскиваемые вылетели на самолете в Лондон. Сотрудники тайной военной полиции своевременно не подумали о том, чтобы взять воздушное сообщение под контроль.

Следовало избежать подобных провалов в Польше. Поэтому подразделения абвера получили приказ входить в города, где располагались отделения польской разведки, по возможности в авангарде наступающих частей.

После капитуляции Варшавы, последовавшей 27 сентября, офицер абвера капитан Буланг со своим отрядом начал поиск вражеских агентов и секретных материалов. В городе царил хаос: свежие могилы были вырыты прямо вдоль тротуаров; многочисленные разрушенные дома и воронки от бомб; отсутствие регулярного водоснабжения и электроснабжения и продуктов питания; во многих местах распространяющиеся запахи разложения — вот что в первую очередь обнаружил и отметил Буланг.

Сначала он посетил бюро II отделения польского генерального штаба на площади Пилсудского в Варшаве. Здесь располагалась резиденция Центра польской военной разведки. Отсюда почти два десятилетия направлялись шпионаж и психологическая война против германского рейха. Служебные помещения оказались пустыми, а сотрудники разбежались кто куда. Однако видна почти сотня металлических шкафов. Нет ли там секретной документации?

Специалисты отпирали один сейф за другим, но почти все они были пустыми. В одном из них находились рисунки, карикатуры с юмористическим изображением сцен из повседневной жизни польской секретной службы, предназначенные, вероятно, для поднятия настроения уютными вечерами. В трех шкафах были обнаружены материалы: собрание печатных служебных документов вермахта; адресные книги большинства крупных городов Германии; телефонные книги дирекции германских почт и обширная картотека эмигрантов во всем мире.

Разумеется, здесь остались несекретные рабочие инструменты, с помощью которых работали польские коллеги по секретной службе. Секретной же документации по лицам, ведущим шпионаж или диверсионную работу против Германии, в бюро II отделения польского генерального штаба обнаружено не было. Отряды абвера после дальнейших поисков в Варшаве уже не верили в то, что смогут найти какой-либо важный секретный материал. По всей видимости, противник безвозвратно уничтожил всю ценную деловую документацию.

Как-то в один из последующих дней капитан совершал длительную прогулку по Варшаве, во время которой вышел к форту легионов — крепости времен царизма, уже утратившей свое военное значение. Одни ворота форта казались незапертыми. Буланг растворил их, вошел внутрь и не поверил своим глазам. В огромном помещении со множеством полок стопками лежали папки с такими документами, как «Военный атташе Токио», «Военные атташе Рима и Парижа», «Филиал Бромберг» и множество других.

Речь шла о действительно секретном материале в огромных количествах. Только одна стопка с надписью «Фили-

ал Бромберг» отражала множество важных событий, поскольку это была резидентура, которая под руководством уже упоминавшегося майора Зикона в огромных масштабах вела шпионаж против Германии и Данцига. Потребовалось шесть грузовиков, чтобы вывезти из форта легионов весь секретный материал и распределить его среди соответствующих ведомств. Оценка его привела к установлению и аресту более 100 лиц, работавших на польскую разведку.

Арестованной оказалась и стенографистка Тышевска (агент польской секретной службы), сотрудница работавшего в Данциге офицера абвера К., уже несколько лет находившегося под подозрением. Тогда не удалось добыть доказательств, теперь дело прояснилось. Из обнаруженных документов следовало, что она многие годы работала на польскую разведку. Майор Зикон сам в свое время завербовал ее. Госпожа Тышевска поначалу не хотела соглашаться на сделанное ей польской разведкой предложение, ведь она была не только сотрудницей, но и возлюбленной офицера абвера К. Но Зикон сумел надавить на нее, и она стала предательницей.

Что испытала и пережила эта женщина! Выдавая первых информаторов абвера, которым грозили многолетние сроки заключения и даже смертная казнь, она понимала, что ей самой уже нет пути назад. Польская секретная служба, крепко державшая ее в своих руках, теперь могла оказывать на нее более сильное давление. Ей пришлось предавать и далее. В целом из-за нее в 1935—1939 годах под арест попали 16 нелегалов абвера в Польше.

Имперский военный суд осудил Тышевску и одну из ее сестер с мужем, также вовлеченных в предательскую деятельность, на смертную казнь. Офицер абвера, капитан-лейтенант К., за халатное отношение к службе получил наказание... пять лет тюрьмы.

Об обстоятельствах этого дела я узнал в конце июля 1940 года, когда по окончании кампании на Западе был назначен руководителем военного контршпионажа во Франции. Главное управление имперской безопасности посчитало уместным прислать в Париж криминальрата Абта, которого я давно знал, чтобы сообщить мне следующее: анализ польских секретных материалов показал мою невиновность в провале в свое время 16 доверенных

лиц отдела абвера в Данциге. Все эти лица, включая тех, кого я в 1934 году передал для дальнейшего руководства капитан-лейтенанту К., были выданы Тышевской.

Холодок пробежал у меня по спине, ведь из сообщения Абта следовало, что гестапо меня подозревало в том, что я предал тех людей, которых сам же завербовал для тайной работы на Германию, долгие годы вел их и затем по приказу передал капитан-лейтенанту К. Тогда это представлялось мне непостижимым. Но разве не следовало разведке просчитывать все варианты источников ошибок и предательства? Именно по секретным материалам, обнаруженным в форте легионов, было установлено дело, которое наводило на подобные размышления.

Одного немецкого таможенника, на протяжении лет успешно работавшего на абвер и наладившего ценные контакты в Польше, на основании польских секретных документов смогли изобличить в том, что он в то же время занимался шпионажем в пользу Польши. Он не предавал завербованных им для абвера информаторов, однако в другом месте выполнял для своих польских хозяев столь ценную шпионскую работу, что имперский военный суд его также приговорил к смертной казни.

Множество других лиц, разоблаченных на основе изъятых секретных документов, предстали перед судом в качестве вражеских агентов. Те из них, кто, будучи немцами, работал против своей страны, почти без исключения, жизнь поплатились за предательство.

Среди офицеров абвера, приехавших в Варшаву, разумеется, был и Ганс Горачек. Ход польской кампании подтвердил, что военная разведка и контрразведка правильно информировала вышестоящие германские штабы о польских вооруженных силах и их мобилизационных планах. Это с благодарностью единогласно подтвердили адмиралу Канарису и германские задействованные командующие. Они смогли прекрасно воспользоваться добытой и обработанной абвером информацией при проведении своих военных операций. Этот успех в значительной степени был обеспечен многолетней деятельностью Ганса Горачека. Оттого вполне понятно, что Канарис назначил его руководителем абвера в Варшаве.

1 октября 1939 года майор Горачек одновременно с частями 10-й Баварской дивизии вошел в Варшаву. Он лично от адмирала Канариса получил задание как можно быстрее приступить к разведывательной работе против Красной армии.

17 сентября 1939 года советские войска вошли в Восточную Польшу. Они продвинулись до границ, обозначенных в секретном протоколе между Советским Союзом и рейхом. 28 сентября в Москве был заключен германо-советский договор о границах и дружбе. В соответствии с его соглашениями часть области в районе между Вислой и Бугом, а также часть выступа под Сувалками отходила под германскую юрисдикцию, тогда как Литва — в русскую сферу влияния.

Едва был заключен этот германо-советский договор о границах и дружбе, как Канарис посчитал необходимым срочно наладить разведку военных процессов по ту сторону новой границы. С самого начала он придерживался мнения, что Советский Союз попытается извлечь максимальную выгоду из войны германского рейха с Польшей и западными державами, причем к этому времени Советский Союз уже явно не считался со своим временным партнером по договору — Германией.

Ход событий подтвердил правоту адмирала. Первый соответствующий акт произошел уже несколько месяцев спустя. Зимой 1939/40 года Советский Союз нападает на храбро защищавшуюся Финляндию. Западные державы не вмешиваются, они слишком сильно завязли в боевых действиях на германо-французском фронте. Лига Наций, к этому времени уже бессильная и утратившая всякое влияние, исключает Советский Союз из своих членов. Но это совершенно не затрагивает войну там, на севере, а только подстегивает. Она завершается 12 марта 1940 года, и Финляндия вынуждена отдать Советскому Союзу Выборг, Карелию и полуостров Ханко.

Несколько месяцев спустя Советский Союз предпринимает вторую акцию по захвату территорий, приступает к оккупации Прибалтийских стран и включает их в свою территорию. А 28 июня 1940 года он вынуждает Румынию уступить Бессарабию и Северную Буковину.

Канарис, несомненно, предвидел, что у его службы на оккупированных польских землях появится много рабо-

ты. Ибо одновременно с Горачеком он отправил множество других офицеров с заданием сформировать отделения абвера в Радоме, Чиханове, Люблине, Тересполе, Кракове, Сувалках и во многих других местах. Среди них задачу разведывать процессы, происходящие на территории, подвластной Советскому Союзу, а также замыслы московских правителей, в первую очередь получили сотрудники I отдела. Вскоре много работы имели и другие секторы, в особенности контршпионажа.

Итак, организация разведки против Красной армии по воле Канариса должна была происходить как можно быстрее. Но уже на этой стадии войны требования, предъявляемые к кадрам и материальному обеспечению, как выяснилось из практики абвера на иностранных территориях, могли удовлетворяться за счет людских и материальных ресурсов, поступающих с родины, слишком слабо и часто в совершенно недостаточных количествах.

Так майор Горачек, войдя 1 октября 1939 года в Варшаву, сначала получил в помощники лишь одного офицера и одного зондерфюрера, которые мало разбирались в разведке и не владели польским. Состоявшее поначалу только из этих трех человек отделение абвера в Варшаве имело лишь одну легковую автомашину, непригодную для польских дорог. Итак, отделению в первую очередь требовался переводчик, затем пригодные автомобили и другие транспортные средства. Не хватало и соответствующих денежных средств, пока боевые действия еще не закончились и на оккупированных территориях отношения еще не были урегулированы.

После того как адмирал Канарис пообещал прислать потребные кадры и материальное обеспечение, Горачек в бодром состоянии духа взялся за выполнение своих задач. Ведь теперь существовала непосредственная граница с разведываемым противником. И значительно легче станет собирать разведанные по организации и оснащению Красной армии и о замыслах ее командования, нежели ранее из Восточной Пруссии, полагал Горачек. Но уже первая его поездка вдоль Нарева и Буга, а также по так называемому «сухопутному» участку границы приготовила ему неожиданные трудности.

Советские посты на границе избегали контактов с немецкими военнослужащими. В большинстве случаев они

стояли, словно статуи, изучая Запад в бинокли. За ними из приграничных деревень в страшной спешке эвакуировали население. Затем Горачек наблюдал, как русские солдаты сносили расположенные на пограничной территории дома или делали их непригодными для жилья, выдирая рамы, ломая печи и вывозя из них мебель. Мгновенно на советской стороне была натянута колючая проволока, по ночам освещавшаяся прожекторами. Кроме того, при наступлении темноты вдоль границы ходили патрули в сопровождении собак-ищеек. Наконец, русские спешно строили и наблюдательные вышки.

После подобных мер безопасности, предпринятых Красной армией, в приграничной полосе воцарилась мертвая тишина. В остальном же вскоре выяснилось, что сохранились посты и секреты и на прежней границе Советского Союза. Разведчики, шпионившие для абвера на советской территории, соответственно были вынуждены пересекать вновь возведенные проволочные заграждения, затем пройти по оккупированной Красной армией польской территории и, наконец, преодолевать препятствия на прежней советской государственной границе. Горачеку стало ясно, что это могло бы удалиться только немногим, необычайно ловким доверенным лицам.

«Друзья, с которыми мы только что разделили Польшу, похоже, доверяют нам еще меньше, нежели мы им, — сказал себе Горачек. — А вот мы беспечны. Мы не предпринимаем никаких особых мер безопасности на границе».

Но, к сожалению, следовало вступать на описываемый тернистый путь, заниматься переправкой доверенных лиц через колючие заграждения и другие препятствия. Абверу было отпущено всего лишь несколько мирных лет, в которые он сумел широкомасштабно наладить разведывательную службу с помощью крупных, хотя и явно недостаточных валютных средств. Поэтому он не мог покрыть весь Советский Союз эффективно функционирующей сетью нелегалов из более благоприятно расположенных резидентур в таких странах, как, скажем, Турция, Афганистан, Япония или Финляндия.

Разумеется, абвер, принимая во внимание описанное положение дел, увеличивал свои усилия на оккупированной польской территории против советского «мирного»

фронта, чтобы всеми доступными путями добывать надежную информацию о военных процессах в Советском Союзе и замыслах Москвы. Так, в начале 1940 года резидентуры абвера, созданные в Румынии и Болгарии, должны были вести разведку и против Советского Союза. Во многих профессиональных областях абвер добился значительных успехов, однако его результаты в военной разведке вследствие ухудшившихся условий работы из-за войны были неудовлетворительными. О деятельности обеих резидентур, «КО Румыния» и «КО Болгария», будет рассказано ниже.

Другой канал сбора информации о Красной армии представился, когда Советский Союз в июне 1940 года оккупировал Прибалтийские страны. Тогда много молодых эстонцев бежали в Финляндию. Там они объединили свои усилия с соотечественниками, которые добровольцами на финской стороне принимали участие в зимней русско-финской кампании 1939—1940 годов. Эта национальная эстонская группа желала бороться за освобождение своей страны. II отдел абвера, прослышав об этом, направил нескольких эстонских офицеров, проживавших в Германии, в Финляндию, чтобы среди своих земляков рекрутировать добровольцев для разведывательной деятельности на территории Советского Союза.

Со стороны Финляндии операция была поддержана. На полуострове Сёко, примерно в 40 километрах к западу от Хельсинки, абвер открыл центр обучения завербованных. Специалисты секретной службы связи обучали здесь эстонских добровольцев агентурной радиосвязи и разведывательной работе в Советском Союзе. Но еще до того как стало возможным применение обучаемых в качестве разведчиков на советской территории, началась война с Россией¹ — внедрение оснащенных радиопередатчиками нелегалов в страну противника требует также длительной работы по обучению и подготовке.

Правда, после польской кампании у германской военной разведки и контрразведки не имелось эффективных источников на территории, контролируемой Советским

¹ Обученные эстонские добровольцы после начала войны заселились на советскую территорию в конце июня 1941 года и некоторое время выполняли ценную разведывательную работу.

Союзом. Поэтому агентам пришлось проникать опасными путями через бурные реки, протянутые колючие заграждения и прочие пограничные укрепления.

После своей поездки вдоль германо-советской демаркационной линии, проходившей через Польшу, майор Горачек, разочарованный и расстроенный, сидел в своей варшавской квартире. Среди каких слоев населения на польской территории искать ему людей, предположительно готовых к засылке их абвером через опасную пограничную зону, чтобы вести шпионскую работу в Советском Союзе? Для этого такие люди должны владеть русским языком, хорошо знать условия жизни в стране и их нужно одеть в местную одежду. К этим неизбежным условиям добавлялась еще одна трудность: для планомерного внедрения информаторов их необходимо снабдить подлинными документами, которые были бы действительны на советской территории в то время. Как же отделу абвера достать их в Варшаве?

В этой ситуации — военные действия закончились еще не по всей Польше — Горачеку позвонили из Берлина. Гарацимович, он же Гапке, бывший польский майор и многолетний нелегал абвера, жив! Несколько дней назад объявился в авангарде одной из германских танковых частей, когда та взяла Брест-Литовск. Он попросил доставить его к германскому командованию и доложить главному командованию в Кёнигсберге, что он еще жив и готов приступить к исполнению обязанностей в абвере. По его же желанию Гапке срочно отправили в Кёнигсберг. Но он желал снова работать непременно со своим прежним шефом, господином Гофманом — псевдоним Горачека. Так Гапке уже в первые дни октября 1939 года попадает в Варшаву к Горачеку, для которого это было весьма кстати.

Что рассказал Гапке о своих испытаниях с момента ареста в 1939 году, было просто страшно. Во время следствия он почти ежедневно подвергался физическим испытаниям. Всеми средствами польские полицейские и судьи пытались сломить его и вырвать признания. Когда германские войска приблизились к Варшаве, сидевших в местной тюрьме подозреваемых в шпионаже сковали между собой кандалами и погнали в Брест-Литовск. Но конвой разбежался, как только приблизились германские части.

У Гапке был лишь короткий отдых. В Тересполе на Буге, напротив Брест-Литовска, занятом частями Красной армии, он нашел новое поле деятельности. Здесь тертый калач секретных служб Гарацимович, он же Гапке, поначалу принялся изучать все видимые невооруженным глазом заграждения, устроенные советским противником, работа против которого, по его же словам, была его кровным делом.

В бедственных ситуациях материальные ценности играют гораздо большую роль, нежели могут представить себе люди, которым неведомы иные условия жизни, нежели в сытой, если не сказать перекормленной Федеративной Республике Германии. Непосредственно после окончания боевых действий в Польше царил хаос и среди широких слоев населения свирепствовала жестокая нужда. В первую очередь не хватало продуктов питания, голод причинял страдания.

По этой причине можно было предположить, что бедственное положение и антикоммунистический настрой многих людей непольской национальности, проживающих на оккупированных территориях, в частности украинцев и белорусов, побудит их обратиться в германские учреждения с предложением своих услуг. В связи с этим для отдела абвера в Варшаве было весьма важно создать небольшие запасы продуктов питания и деликатесов. Сотрудники абвера должны иметь возможность снабдить людей, которых можно рассматривать в качестве потенциальных информаторов, всем необходимым: достаточно хлеба, мяса, потом табака и, не забудем и это, водки. Некоторых авантюристов привлекала валюта, которую можно заработать на службе в абвере.

Далее некоторые надежды сотрудники абвера возлагали на то, что немецкие военнослужащие после окончания боевых действий в первые же месяцы завоюют искренние симпатии среди широких слоев населения, в том числе и поляков.

Таковы были основные принципы и идеи, из которых исходил майор Горачек, приступая к своей нелегкой задаче. Из нескольких подчиненных ему военнослужащих он сначала сформировал два новых наблюдательных пункта: во Влодаве и в Бяле-Подляска. Но все эти небольшие отделения состояли каждое из двух человек. Руково-

дитель — зондерфюрер в чине лейтенанта, его помощники — унтер-офицеры, исполнявшие одновременно работу машинисток и водителей.

Итак, три руководимых Горачеком наблюдательных пункта начали планомерно искать среди населения переводчиков и постоянный вспомогательный персонал, а также, разумеется, людей, способных совершать разведывательные поездки по польским территориям, оккупированным Красной армией.

Другие отделения, учрежденные в то же самое время абвером на польской территории, формировались по тому же принципу, что и отделения Горачека. Но в общем и целом в них насчитывалось не более 90—100 штатных сотрудников, среди которых, как правило, лишь руководитель и его заместители были обучены разведработе.

Принимая во внимание сложность преодоления пограничных препятствий и прочие крупные трудности, задача с польской территории горсткой людей вести усиленный шпионаж против Советского Союза поначалу представлялась почти непреодолимой. Но благодаря осмотрительности, трудолюбию и терпению нередко удавалось достичь гораздо большего, чем предполагалось в начале работы.

Первым успеха добился Гапке. За несколько недель многоопытный сотрудник сумел нащупать не только лазейки, но и на своей польской родине найти людей, которые частично по материальным, а частично по идейным причинам предложили свои услуги абверу. Многие из завербованных Гапке украинцев заявляли, что считают своим долгом оказать поддержку Германии, поскольку в один прекрасный день это принесет пользу их народу. Гапке все же удалось найти и нескольких польских соотечественников, которые считали правильным бороться против «большевиков» на стороне Германии.

В последующие недели дело пошло настолько хорошо, что лучших и проверенных информаторов после основательной подготовки стали отправлять в опасное путешествие через советские пограничные укрепления на разведку военных частей и объектов.

Но Горачеку и Гапке приходилось ждать дни и недели, пока тот или иной не объявлялся вновь. Большинство

же не возвращались. Говорят, что на любой войне гибнут самые лучшие солдаты. Точно так же обстояло и с доверенными лицами на невидимом фронте у Буга и Нарева. Потери лучших людей были сверх всякого ожидания высокими. Советская контрразведка, несомненно, была начеку.

Следовало ли после таких болезненных опытов в будущем отказаться от канала разведки через линию охранения противника? Но как бы иначе абвер разведывал военные мероприятия на советской территории? Эта задача всегда ставилась перед абвером и оставалась главной в любых ситуациях. Генеральный штаб, отделение «Иностранные армии Востока» желали видеть результаты, прежде всего желали знать, сколько и каких дивизий Красной армии стоит на оккупированной польской территории.

Отделы абвера были поневоле вынуждены и далее идти трудным, полным потерь путем. По окончании польской кампании человеческий материал снова был в изобилии, поскольку многие тысячи поляков и евреев, которые при приближении германских войск бежали на восток, теперь снова вернулись. Они лучше желали жить при немецкой, нежели при русской оккупации. В иные дни у русско-германской демаркационной линии скапливались сотни и сотни возвращавшихся.

Среди возвращенцев было множество подходящих для решения задач абвера людей, но также и шпионов, завербованных советской разведкой для работы против Германии. Поэтому при отборе среди возвращенцев следовало проявлять особую осторожность.

Со временем трудности при переправке через пограничную полосу не только не уменьшились, но и возросли. Морозы и снега суровой зимы 1939/40 года добавили трудностей. Но, несмотря на опасности и почти непреодолимые препятствия, все время находились люди, шедшие на риск нелегального проникновения на советскую территорию. Одни руководствовались материальными выгодами, другие — чтобы послужить Германии или верили в то, что так они смогут быть полезными своему народу.

Я чувствую, что у меня просто не хватает слов, чтобы воздать должное товарищам, которые с жертвенной от-

вагой вступали в бой на этом невидимом фронте, не пощадив своей жизни или получив жестокие увечья. Но Ганс Горачек записал особую историю. Я хочу привести ее, хотя это может показаться несправедливым по отношению к огромному числу людей, в похожих ситуациях также рисковавших и потерявших свою жизнь или получивших тяжелые ранения или увечья.

К Гансу Горачеку в Варшаве поздней осенью 1939 года присоединилось одно доверенное лицо по имени Симон¹, проверенный еще в мирное время нелегал. Его ценное достижение перед войной — добыча секретных документов по самой последней организации польской пограничной службы. Симон, крепкий и ловкий человек, прекрасно разбирался в ситуации в Польше. Когда он прибыл к Горачеку и услышал о больших трудностях, с которыми столкнулась военная разведка на советской территории, он сразу же согласился на то, чтобы его использовали в этом направлении.

Зимой 1939/40 года Симону неоднократно удавалось преодолевать советскую пограничную линию и возвращаться с отличными донесениями. Но при этих переходах он получил сильнейшие обморожения ног, требовавшие длительного лечения в лазарете. Несмотря на это, после выздоровления он настоял на том, чтобы его снова задействовали. Ему опять сопутствовала удача, и он вернулся с ценной информацией. Симон здоров и поныне. Разумеется, ему будет приятно, что хотя бы один информатор упомянут добрым словом в книге. Но это относится не только к нему, но и ко всем товарищам, кто, как и он, исполнял свой долг на тайном фронте.

Генеральный штаб, отделение «Иностранные армии Востока» отдавали должное участникам этих разведывательных операций, проводимых абвером и нередко требовавших жертв, но до зимы этого периода не были довольны результатами разведки. Пока еще не существовало ясности о численности и местах дислокации советских войск в польских областях, оккупированных Красной армией. Поэтому абвер продолжал с большей интенсивностью использовать этот тернистый путь, пролегающий через линию сложных пограничных укреплений.

¹ Псевдоним.

Противник, в свою очередь, перебрасывал еще больше людей, нежели абвер, чтобы разведать, какие германские дивизии дислоцированы на польской территории. Засылаемые советской разведслужбой шпионы по конвейеру выявлялись и арестовывались службой военного контршпионажа и оперативными ведомствами. Многие из засылаемых противником шпионов сдавались добровольно и заявляли, что русские оказывали на них давление и принуждали их к шпионажу. Имелось множество таких, кто притворялся, будто является противниками большевистского режима и ненавидит коммунистов. Тогда служба контршпионажа абвера проверяла этих людей, можно ли их использовать для собственной разведки.

Затем при сотрудничестве с I отделом абвера столь масштабно засылаемые противником на германскую территорию с шпионскими заданиями агенты «перевербовывались», как это называется на профессиональном языке, и засылались обратно с германскими разведзаданиями.

В течение 1940 года в результате этого происходила массовая засылка нелегалов с обеих сторон. Противник более или менее навязывал абверу подобный метод работы. Советская разведслужба в некоторых своих профессиональных областях охотно работает, используя сотни и тысячи людей. При описании борьбы абвера во время войны с Россией мы остановимся на этом подробнее. Большие потери на тайном фронте явно не играют для руководителей в Москве никакой роли, был бы достигнут результат. Такое массовое применение на «мирной» границе, проходящей по Польше между германской и советской зоной оккупации, стоило жизни многим, очень многим людям. При этом наибольшие потери понесли украинцы и поляки.

В тот период времени главным образом это были молодые украинцы, шедшие на сотрудничество с германскими ведомствами и надеявшиеся на создание самостоятельной Украины. Поэтому помимо сотрудников I и III отделов абвера на оккупированной польской территории находили для себя достаточно подходящих кадров и службы II отдела. Кроме того, абвер зимой 1940/41 года для выполнения спецзадания смог сформировать в лагере Нейхаммер под Лигницем целый ба-

тальянцев, украинцев, ранее служивших в польской армии и потому хорошо обученных в военном отношении.

Итак, достигла ли советская секретная служба в период с октября 1939 года до начала войны с Россией в июне 1941 года своих целей? Смогла ли она массовой засылкой шпионов установить замыслы германского командования и воспрепятствовать успешной работе абвера на своей территории?

На эти вопросы я, основываясь на предоставленных в мое распоряжение воспоминаниях бывших товарищей по абверу, могу решительно дать отрицательный ответ. Несмотря на массовое использование агентов и несмотря на широкомасштабные меры безопасности на демаркационной линии, советская разведка не смогла воспрепятствовать тому, чтобы абвер установил 77 дивизий Красной армии, на тот период дислоцированных на оккупированной русскими польских землях. Отделение «Иностранные армии Востока» генерального штаба сначала не хотело верить в достоверность этих разведанных, но после начала боевых действий в России убедилось в этом на деле. Дивизии, с которыми сталкивались наступающие германские части, абвер ранее установил и доложил.

Прояснение вопроса о намерениях германского руководства и готовилось ли оно тайно к выступлению против Советского Союза в тот период времени относилось к важнейшим задачам русской разведки. И эта задача не была решена противником. По свидетельству и впечатлениям сотрудников фронтовой разведки «Восток», в начале боевых действий советские войска были захвачены врасплох германским наступлением.

Хотя, по-видимому, советская разведка получала донесения о том, что германское руководство работает над вопросом нападения на Советский Союз, но в соответствии с собранными мной документами можно с уверенностью утверждать, что московские правители не рассчитывали на начало войны 21 июня 1941 года.

Массовое применение противником агентов при больших потерях не дало желаемых результатов. Абвер никогда не придерживался подобных методов работы. В связи с тогдашним положением на тайном фронте на Востоке можно также сказать, что массовое применение агентов, которых набирали, так сказать, с улицы и засылали на

территорию противника, явно не было подходящим методом, чтобы разведать замыслы Гитлера.

Правда, в тот период советская разведка пыталась прояснить вопросы, представлявшиеся ей важными, на территориях германской юрисдикции и по другим каналам, в том числе с использованием основательно обученных агентов. Об этом свидетельствуют два случая шпионажа, раскрыть которые удалось комиссару уголовной полиции Герхарду¹ в сотрудничестве с несколькими коллегами.

В начале марта 1941 года в качестве советских шпионов были установлены, арестованы и препровождены следователю пражского отделения народного суда следующие лица: Хула Мирослав из Моравска-Острава; Викапалек Ян из Праги; Калас Иржи из Пардубице и Бобак из Брюнна.

Эти люди в 1939 году с другими чешскими гражданами бежали от входящих германских войск через Польшу в Советский Союз. В Киеве пригодных для разведывательной работы отобрали и отправили в Москву. Там их обучили агентурной работе и обращению с рацией. После основательного обучения последовала их переправка в протекторат Богемия и Моравия. В Праге на связь с ними вышел законспирированный в советском генеральном консульстве сотрудник московской разведки, работавший под псевдонимом Молох.

От него четверо агентов получили шпионские задания военного и политического характера, а также крупные суммы денег. Результаты своей разведдеятельности они сообщали по двум каналам: первый раз по радио в Москву, второй — непосредственно через Молоха.

Четверо арестованных агентов в первую очередь разведывали количество и вооружение германских войск, далее передислокацию частей, военные объекты и типы вооружений и собранную информацию доносили своим хозяевам. Примечательно, что Молох побуждал их вербовать как можно больше сотрудников, но не говорить им, что те — вербовщики — работают на Советский Союз. Напротив, у четверых агентов было указание объяснять привлеченным к агентурной работе, что речь идет о под-

¹ Псевдоним.

польной деятельности для чешского правительства в изгнании или работе на английскую разведку.

Так, притворяясь, этим четверым агентам, прошедшим подготовку в Москве, удалось завербовать в протекторате множество сотрудников. Восемь из них смогли установить и арестовать. Все они верили, будто работают на английскую разведку и чешское правительство в изгнании.

Подобный же случай был раскрыт в Будвайзе, и тоже в марте 1941 года. Там удалось разоблачить и арестовать чешского гражданина Хайека Вацлава. И его в 1939 году завербовала советская секретная служба, неподалеку от Москвы обучили шпионажу и в начале марта 1940 года заслали в протекторат Богемия и Моравия с шпионско-диверсионным заданием. Донесения он отправлял по радио напрямую своим московским хозяевам. Как и другие арестованные агенты-радисты, он поддерживал личный контакт с одним из сотрудников советского генконсульства в Праге.

Возможно, руководство советской разведки и получило от своих агентов, прошедших основательную подготовку, отдельные интересные донесения. Однако важнейшие в тот период для Советского Союза вопросы, о которых шла речь, этими специалистами прояснены не были.

В то время как советская разведка после окончания польской кампании и до начала войны с Россией, как уже описывалось, засылала шпионов тысячами на территории, подвластные Германии, официальные отношения между германским рейхом и Советским Союзом оставались нормальными. Поэтому германские суда в ходе торговой войны с Великобританией беспрепятственно проходили через Северный Ледовитый океан и Берингов пролив в Тихий океан. Немецкие пассажиры также вплоть до последних дней перед началом войны против Советского Союза беспрепятственно пользовались Транссибирской магистралью. Были даже случаи, в которых Москва предупредительно шла навстречу германским пожеланиям, высказанным по дипломатическим каналам.

Вот пример тому. Когда во время польской кампании германские войска приближались к Варшаве, многие поляки побежали на Восток. Там они попали из огня да в полымя. Русские впахивали их в грязные, завшивленные коммунальные квартиры.

Среди тех, кто тогда попал на советскую территорию, оказался князь Четвертинский с другими польскими аристократами и крупными землевладельцами. У Четвертинского имелись высокопоставленные друзья в западных странах, некоторые из них были близки итальянскому королевскому дому. Последние направили службе внешних сношений в Берлине просьбу о ходатайстве перед Советским правительством об освобождении князя. В результате Четвертинский и еще 14 поляков вернулись в Варшаву, обовшивевшие и в неопиcуемо грязном платье. Тем не менее советский министр иностранных дел Молотов великодушно пошел навстречу дипломатической просьбе имперского правительства.

Майор Ганс Горачек встретился с Четвертинским непосредственно сразу после его возвращения, чтобы осведомиться о его самочувствии. Он был принят князем и его супругой, которые на хорошем немецком сразу же задали вопрос, прибыл ли визитер из СС. Когда Горачек ответил на это отрицательно, князь любезно, но сдержанно поприветствовал его. Князь и княгиня, бежавшие вместе, затем рассказали, каким недостойным образом русские разместили их и обходились с ними.

Примерно два месяца спустя Горачек получил от адмирала Канариса указание снова посетить Четвертинского и сообщить ему, что его два сына, оба польские офицеры, живыми и здоровыми содержатся в лагере для военнопленных Мурнау. Одновременно тот осведомился о делах одной из их дочерей, которая была замужем за итальянским дипломатом, но в настоящее время находилась или должна находиться на польской территории.

Выполнив свое поручение в сопровождении капитана Шотта, Горачек осведомился, нет ли у князя и княгини каких-либо пожеланий. Оба высокомерно и с холодной сдержанностью отклонили любую поддержку. Капитан Шотт после этого визита сказал Горачеку: «Даже рюмку шнапса не предложили, хотя князь расписывал, как на его винокуренном заводе делают коньяк».

Несмотря на подобный прием, адмирал Канарис через майора Горачека еще не однажды оказывал содействие польским фамилиям. В дальнейшем повествовании мы еще не однажды убедимся в том, как часто адмирал заботился о людях, находящихся или на немецкой, или на стороне противника, если считал, что их жизни что-то угрожает.

Для Горачека и меня, как и других товарищей, знавших в те времена его лично, становится почти непостижимым то, сколько всего Канарис сделал за месяцы после начала польской кампании. Адмирал с самого начала был убежден в затягивании войны, которая принесет неисчислимые бедствия европейским народам. Тогда две основные мысли заставляли его годами безустанно то на самолете, то в бешено мчавшемся автомобиле переезжать из одной горячей точки в другую. Его службы, его люди, он сам должны были предпринимать все самые немислимые усилия, чтобы иметь самую точную информацию о положении как друзей, так и противника и принимать меры к возможно быстрейшему окончанию жестокого истребления народов.

Это был один мотив. Вторая главная мысль адмирала — помогать: человеческая и материальная помощь везде, где только возможно!

И мы сопровождали адмирала в некоторых его поездках. Несколькими днями спустя после взятия Варшавы, 5 октября 1939 года, он появляется у сформированного там отдела абвера и требует, чтобы майор Горачек сел к нему в машину. Затем он объезжает разрушенный город вдоль и поперек, несколько раз толкает в бок Горачека и наконец говорит:

— Но это же ужасно! Это будет лежать пятном еще и на наших внуках!

Но осмотр разрушенного города не был собственно причиной поездки адмирала. Разумеется, сначала он потребовал от Горачека доложить, что им сделано по службе, какие дальнейшие мероприятия он считает необходимыми и какие силы и средства для этого нужны. Затем он сказал Горачеку:

— Подполковник Гартвиг¹ обнаружил жену капитана Шимански, последнего польского военного атташе

¹ Офицер абвера, последнее звание полковник.

в Берлине, с детьми в Люблине, куда она бежала. Она и дети переправлены в безопасное место. Сам Шимански вместе с другими сотрудниками польского посольства в начале войны покинул Германию. Кто знает, где он сегодня скрывается. Но мне удалось установить, что мать его жены живет здесь, на улице Улонска. Мы хотим съездить к старой даме и сказать ей, что ее дочь с детьми в безопасности.

Мать госпожи Шимански разрыдалась, так она была тронута визитом адмирала и добрыми вестями, что он привез. Сначала она не могла взять в толк, как это высокий немецкий чин приехал к ней, чтобы передать глубоко личные вести. Адмирал выслушал старую даму, что ей довелось пережить, и распрощался с ней. Но этим Канарис не удовлетворился. Горачек получил от него задание и в дальнейшем заботиться о матери госпожи Шимански и ее семье и, если возникнет необходимость, снабжать продовольствием и переправить в безопасное место.

Все, кто знал адмирала, возмущались по поводу фильма о нем. Там его изобразили как человека, презирающего людей.

Компетентные делопроизводители абвера, полковник Шольц и капитан Баун¹, в свое время заверили Горачека, что Шимански не поддерживает с абвером никаких тайных контактов. Но напрашивается мысль, что он принадлежал к тем польским кругам, которые делали все для предотвращения германо-польской войны, и в этом смысле он однажды беседовал с Канарисом на случайном официальном приеме.

В своем попечении семейства польского капитана адмирал зашел еще дальше. Он позаботился о том, чтобы госпожа Шимански повидала свою мать в Варшаве и затем смогла выехать в Швейцарию, поскольку принадлежала к дипломатическому персоналу прежнего польского посольства в Берлине.

Точно так же, как Канарис самолично убедился в положении дел в Варшаве, следил он и за другими службами абвера, сформированными в остальных польских местах.

¹ Последнее звание подполковник.

Другой пример: отделение абвера в Кракове еще находилось на стадии становления, как в один прекрасный день там появился адмирал, чтобы обсудить с руководителем службы, майором Визером¹, возникающие проблемы и меры по их разрешению. Адмирала сопровождали шефы I и II отделов, Пикенброк и фон Лахоузен, приехавшие в Краков через Лемберг. Там он посоветовал украинскому архиепископу переселиться на Запад и перевести церковные сокровища в более безопасное место. Канарис уже тогда, а это был ноябрь 1939 года, явно предвидел, какая беда обрушится на население Польши. Характерно для него то, что он спонтанно предложил архиепископу любую посильную помощь.

В краковском отделении абвера адмирал также провел служебную беседу с майором Ширником², обрабатывавшим текущие шпионско-диверсионные дела, а также вопросы превентивной безопасности. Первым вопросом адмирала Ширнику был: «Вы знаете, сколько евреев расстреляно на территории, находившейся в подчинении вашего отделения?» Ширник этого не знал. На что Канарис ответил: «Вы обязаны это знать, это в вашей прямой компетенции!» Хотя Ширник пытался в последующем прояснить этот вопрос, ему так никогда и не удалось заполучить документы о расстрелах евреев органами главного управления имперской безопасности. Сотрудники этой службы перед представителями абвера благоразумно держали рот на замке. Так и миллионы немецких фронтовиков никогда ничего толком не слышали о преступлениях, совершаемых расстрельными командами.

Военная организация абвера на Восточном фронте. Формирование соединений абвера фронтовой разведки. Применение полка «Бранденбург» и подразделений II отдела абвера

Во время кампаний против Польши и Франции сформированные заграничной службой абвера коммандо и отряды добывались в прифронтовой полосе ценных ре-

¹ Последнее звание полковник.

² Последнее звание подполковник.

зультатов. В особенности большую пользу собственному командованию приносили планомерные поиски и анализ военных секретных документов противника. Поэтому генеральный штаб в начале 1941 года издал приказ, содержащий основополагающие указания по формированию соединений абвера для будущих нужд. За ним закрепилось обозначение «Приказ Гальдера».

В прежние кампании строевые части, сформированные абвером, назывались абверкоммандо и группами. Части под командованием офицеров контршпионажа еще назывались «Летучими отрядами IIIf». Отныне строевые подразделения, сформированные I и III отделениями абвера, должны были именоваться группами фронтовой разведки. В качестве частей предусматривались коммандо фронтовой разведки, которым подчинялось не точно определенное количество групп. Позднее выявилась необходимость создания на Восточном и Западном театрах военных действий еще и командных пунктов фронтовой разведки, на которые возлагалось специальное, профессиональное руководство коммандо и группами.

В кадровом отношении части фронтовой разведки оставались по-прежнему малочисленными. В среднем коммандо насчитывал 25—40 человек, включая офицеров, переводчиков, радистов и других специалистов.

Обозначение «фронтовая разведка» проистекало от важнейших задач этих подразделений. Группами же они назывались потому, что в случае войны должны были двигаться в передовых порядках наступающих армий, чтобы изымать и анализировать секретные документы противника, далее, используя информаторов, допрашивая военнопленных и любыми другими доступными средствами, добывать информацию о численности войск и боевых порядках на фронте противника для собственного войскового командования;

группами они еще назывались оттого, что при необходимости должны были перебрасываться наземно или по воздуху через линию фронта для ведения разведывательных операций на территории противника;

наконец, группами они назывались, поскольку были обязаны в собственной прифронтовой полосе осуществлять меры прикрытия строевых частей и военных объектов от шпионажа и диверсий.

Подразделениями фронтовой разведки I командовали офицеры I отдела абвера. Они в первую очередь решали те из перечисленных задач, что были нацелены на разведку войск противника. Их главная задача — прояснить настоящие стратегические замыслы и находящиеся на стадии разработки оперативные намерения противника.

К выполнению этой главной задачи должны стремиться и подразделения III фронтовой разведки. Но они в основном боролись со шпионами и диверсантами, а также террористическими группами в собственной прифронтовой полосе. Главная профессиональная задача этих частей, которыми командовали офицеры контршпионажа, — разведка направленных против Германии замыслов и мероприятий секретных служб противника.

Иными словами, группы фронтовой разведки состояли из строевых формирований, которые, оперируя из прифронтовой полосы, выполняли все разведывательные задачи, интересовавшие их войсковое командование. Их работа и боевое применение служили для прикрытия фронтовиков и для обеспечения войскового командования. Поэтому подразделения фронтовой разведки с профессиональной точки зрения хотя и возглавлялись отделами или офицерами заграничной службы абвера, но оперативно, а частично также и дисциплинарно и в строевом отношении подчинялись войсковым группам и армиям.

Таким образом, подразделения I и III фронтовой разведки были новым родом войск с разведывательными задачами в прифронтовой полосе, тогда как части II отдела абвера и полк, а затем дивизия «Бранденбург» решали преимущественно особые войсковые задачи. В период наступления германских армий к ним в особенности относились скрытные операции за фронтом в тылу противника, в ходе которых следовало сохранить все важные для собственного командования мосты, железнодорожные узлы и промышленные объекты от разрушения их отступающим противником. Если же, напротив, наступал противник, части II отдела абвера получали задание уничтожить мосты и другие объекты, которые способствовали бы его дальнейшему продвижению.

Для выполнения этих трудных задач абвер II начал подготовку еще в предвоенные годы. В их строевые ча-

сти за границей в основном рекрутировались фольксдойче, владевшие определенными языками, так что при необходимости они могли перемещаться в соответствующей стране, не привлекая к себе внимания. Подобные условия были неизбежными, ибо боевое применение за линией фронта противника неоднократно происходило таким образом, что военнослужащим II отдела абвера поверх немецкой формы приходилось надевать шинель противника, которую они сбрасывали лишь тогда, когда добирались до объекта, предназначенного для охраны, и должны были демонстрировать себя и воевать как немецкие солдаты.

Солдаты для боевого применения во фронтовом тылу противника, разумеется, обучались весьма основательно. Прежде всего следовало научить их обращению с оружием и снаряжением стран предполагаемого противника. Они должны уметь прыгать с парашютом, чтобы их можно было выбросить с самолета неподалеку от цели применения. Далее часть из них должна проходить подготовку в качестве радиста. Многочисленные успехи, достигнутые строевыми подразделениями II отдела абвера во время войны, были бы немыслимы без подобной основательной подготовки.

И для групп фронтовой разведки I и III, применявшихся во время кампании на Балканах и в войне с Советским Союзом, было бы намного эффективнее, если бы они заранее формировались из отборного личного состава и тщательно готовились к предстоящим задачам. Но, к сожалению, этого не происходило. Их формирование началось буквально в последние дни перед началом боевых действий.

Боевое применение коммандо фронтовой разведки во время кампании на Балканах

Венский отдел абвера в феврале 1941 года получил от заграничной службы приказ спешно сформировать коммандо фронтовой разведки и несколько групп.

Начальником коммандо назначили опытного офицера отдела III. Отдел абвера распорядился о срочном призыве офицеров и рядового состава. Из лиц, призванных

в гражданской жизни разных профессий, едва ли кто толком знал что-нибудь о разведывательной работе. И разведывательной техникой, и стрелковым оружием ввиду недостатка времени части также оснащались неудовлетворительно. Для обучения разведработе личного состава оставались считанные дни.

В целом, включая офицеров, переводчиков, радистов, водителей и приданных сотрудников тайной военной полиции, штаб командо фронтовой разведки насчитывал 39 человек. Личный состав подчиненных групп в среднем насчитывал 12 военнослужащих.

Коммандо фронтовой разведки было слишком поспешно направлено на Балканы в 12-ю армию под командованием фельдмаршала Листа. Сначала он находился поблизости от штаба армии, располагавшегося в Софии, тогда как подчиненные ему группы направлялись в армейские корпуса и занимали исходные позиции на болгарско-югославской границе.

С начала боевых действий группы шли в передовых порядках танковых частей и штурмовых подразделений, чтобы как можно быстрее достигать указанных им целей. В первую очередь это были города, в которых располагались войсковые штабы или отделы югославских секретных служб. Быстрота нужна была для того, чтобы у противника не оставалось времени уничтожить секретные акты, планы и другие служебные документы. Когда группы фронтовой разведки обнаруживали секретный материал, требовалось как можно быстрее довести до сведения своего командования или штаба 12-й армии содержание документов, имеющих к ним отношение. Коммандо фронтовой разведки заранее сформировали пункт сбора и анализа материалов, куда группы должны были доставлять добытые документы.

Уже в первые дни вторжения в Югославию группы добыли множество документов, принесших большую пользу боевым частям. Среди них были планы югославских укреплений, специальные карты с точными данными о состоянии дорог, противотанковых укреплений, грузоподъемности мостов и многое другое. День за днем группы изымали секретные документы. Их анализ часто приводил к выводам, весьма важным для офицеров отдела Ic в зоне ответственности 12-й армии. Все ненужные

для воюющих частей документы переправлялись в Берлин через созданный специально для этого центральный сборный пункт в Вене.

В ходе боевых действий подразделения командофронтальной разведки добыли целые горы секретных документов. Потребовалось несколько барж на Дунае, чтобы все это доставить в Вену. Почти все без исключения югославские службы, обрабатывавшие и распределявшие секретные документы, имели от вышестоящего начальства указания в случае необходимости своевременно и полностью уничтожить весь секретный материал.

В других кампаниях картина была похожей. В вышестоящих штабах и отделах абвера чаще всего со временем скапливались горы бумаг. Казалось, делопроизводители в бюро секретных служб просто не могли с ними расстаться. Но вопрос заключается в том, что уничтожение подобных объемов бумаг обычно требует гораздо большего времени, нежели на это отводится по нормативам.

Разумеется, входившие в состав командо и групп фронтальной разведки люди из отдела IIIf в особенности старались заполучить в свои руки документы югославской разведки. Поэтому они осматривали все соответствующие здания и находили там богатую добычу. Примечательно, что информативные акты о шпионаже обнаруживались не только в отделах разведывательных служб и полиции, но и в архивах судов, назначенных для слушаний дел о государственной измене в Югославии.

Анализ этих документов показывал, что югославская разведка вела шпионаж против Германии в предвоенные годы в весьма ограниченных масштабах. Упор ее разведывательной деятельности однозначно приходился на некоторые соседние страны.

Но из изъятых дел в югославских судах можно было почерпнуть ценные сведения о причинах, по которым в некоторых случаях в Югославии осуждались информаторы.

Отслеживание этих сведений дало целый ряд дальнейших результатов. Так, удалось разоблачить некоторых предателей и мошенников в разведке, с которыми абвер поддерживал контакты.

Анализ изъятых в Югославии документов, впрочем, дал значимую информацию о методах работы и цели раз-

ведки секретных служб Великобритании, Франции и Советского Союза на Балканах.

Боевое применение частей военной разведки и контрразведки в прифронтовой полосе себя оправдало. Принимая во внимание то обстоятельство, что команды и подчиненные им группы фронтовой разведки в совокупности насчитывали не более сотни военнослужащих, большей частью не обученных методам разведывательной работы, их результаты производят особое впечатление.

Во время кампании на Балканах было введено в действие еще одно командо фронтовой разведки, а точнее, в Греции. Произошло это так.

Отдел абвера при штабе корпуса в Гамбурге в результате оккупации весной 1940 года Дании и Норвегии утратил район разведки. Руководитель отдела, капитан 1-го ранга Вихман, задумался о том, как с максимальной пользой применить высвободившиеся силы. Он пришел к выводу, что в ходе войны Средиземноморье приобретет большое значение. Вихман доложил о своих соображениях главному командованию военно-морских сил, но не встретил там особого интереса. Его собеседники объяснили, что средиземноморский район предоставлен итальянским союзникам. Несмотря на это, Вихман решил провести разведывательную операцию в Греции. С его точки зрения, было несомненным, что греческий регион, с его контролем выходов к Черному морю и в восточные районы Средиземного моря вокруг Крита, играет важную роль в оперативном планировании держав противника.

Поэтому Вихман в 1940 году отправил под видом коммерсантов двух офицеров абвера для тайной разведки в Грецию. Заняв апартаменты в одном из лучших отелей Афин, они в соответствии с заданием не ограничились лишь разведкой общей ситуации в стране и положения ее населения, а скорее исходили из необходимости наладить контакты с такими лицами, которые могли бы планомерно заниматься шпионажем в пользу Германии, если Греция вдруг окажется втянутой в военные события. У офицеров имелась рация. Ежедневно из номера отеля они передавали донесения в отдел абвера в Гамбурге. Через несколько недель они вернулись в Германию. Их

подготовительные работы в следующем году оказались весьма полезными.

Весной 1941 года, после неудачного нападения Италии на Албанию, Гитлер решил облегчить итальянцам ведение боевых действий внезапным ударом на юг, из румынско-болгарского региона. Он считал, что его к этому вынудили еще и потому, что английские войска, высадившись в Греции, создали на Крите военно-морскую и военно-воздушную базу. В этом он усматривал угрозу румынским нефтеносным районам, жизненно важным для Германии.

Пришло время оценить результаты разведки, проведенной двумя офицерами абвера в Греции. Капитан 1-го ранга Вихман своевременно подготовился к этому. Испросив согласия заграничной службы абвера, он сформировал абверкоммандо, состоявшее практически из офицеров и рядовых военно-морских сил. Коммандо, как и части абвера во время кампаний в Польше и Франции, должно было выдвигаться в передовых порядках наступающих войск. Цели и задачи этого боевого применения опять заключались в том, чтобы как можно быстрее захватывать секретные документы противника и после их оценки и сведений, полученных от доверенных лиц, информировать командование.

В середине марта 1941 года абверкоммандо выступило из Гамбурга. После сравнительно быстрого передвижения оно прибыло в войска, расположенные на болгарско-греческой границе. С начала боевых действий в Греции коммандо продвигалось с частями передовой линии и 27 апреля 1941 года в авангарде войск вошло в Афины.

Английский экспедиционный корпус численностью 57 тысяч человек, прибывший в начале марта 1941 года во время боевых действий в Греции, был низвергнут с Олимпа. И все же большая часть этих английских войск смогла погрузиться на корабли и бежать на Крит.

В Афинах абверкоммандо сразу заняло министерство военно-морских сил и изъяло секретные документы, весьма важные для дальнейшего хода войны. Командир абверкоммандо, еще молодой офицер, год назад совершивший ту разведывательную поездку, действовал при этом столь уверенно и со знанием дела, что глава мини-

стерства, греческий адмирал, подчинился ему беспрекословно.

После вступления в Афины началась собственно работа командо. Сразу же в его распоряжение поступили нелегалы, завербованные обоими офицерами в прошлом году. Они заложили краеугольный камень в тотчас же начавшееся противоборство абвера с разведками противника, действовавшими на греческой земле.

Исходный район групп фронтовой разведки по плану «Барбаросса». Начало кампании в России

Кампания на Балканах еще не завершилась. Действующее там преимущественно в районе Югославии командо фронтовой разведки уже подготовило некоторое число личного состава для операции против Крита, когда из заграничной службы абвера получило приказ срочно со всеми подчиненными ему частями вернуться в Вену. Там всю шла подготовка по плану «Барбаросса».

С занятых территорий Франции, Бельгии, Нидерландов, затем Дании и Норвегии, а также с родины в страшной спешке отзывались люди, пригодные для применения в подразделениях фронтовой разведки. Хотя среди них имелись военнослужащие, накопившие кое-какой опыт в частях фронтовой разведки во время кампании во Франции, но кто из них говорил по-русски и что-нибудь знал о непроницаемой организации советской секретной службы и ее методах работы?

Заграничная служба абвера в соответствии с приказом спешно формировала строевые части. В несколько недель в Вене и других городах появлялось множество новых командо и групп фронтовой разведки I и III отделений. Приказ о формировании подразделений был отдан главным командованием вермахта.

В те дни адмирал Канарис и полковник генштаба Пикенброк, шеф I отделения абвера, стали свидетелями, как Гитлер в высокопарных выражениях объявил, когда и как Советский Союз будет уничтожен в ходе блицкрига.

Но Канарис не хотел всерьез верить, будто Гитлер может быть настолько ослеплен, чтобы начать войну с Советским Союзом до заключения мирного договора с

западными державами. Об этом я слышал от одного из моих товарищей, который в те трагические дни разговаривал с полковником Пикенброком. В качестве подтверждения этих сведений я могу привести тот факт, что Канарис и Пикенброк еще незадолго до начала кампании в России послали на Дальний Восток в транссибирском экспрессе майора, позднее подполковника Эйзенрегера. Восемь часов спустя, как он оказался на китайской территории, началась операция «Барбаросса». Эйзенрегера, впоследствии возглавившего КО по Дальнему Востоку, несомненно, не отправили бы в длительную поездку по Сибири, если бы Канарис был убежден, что Гитлер все-раз говорит о нападении на Советский Союз.

В первые недели июня 1941 года заграничная служба абвера направила сформированные команды фронтовой разведки в группы армий «Север», «Центр» и «Юг», тогда как группы в строевом отношении и боевом применении подчинялись штабам армий. В течение дня 21 июня 1941 года армейские штабы послали группы фронтовой разведки вперед в танковые дивизии и отделения разведки. 22 июня между 1 и 2 часами ночи заграничная служба абвера получила от команды фронтовой разведки донесение, что они заняли исходные позиции. А в 3 часа был открыт ураганный огонь; гибельная операция «Барбаросса» началась. По всему Восточному фронту группы фронтовой разведки двинулись вперед на танках, с передовыми отрядами и ротами саперов.

Вряд ли многие в наступающих войсках догадывались, что для немецких солдат наступило время бесконечных опасностей, лишений и мытарств.

Поначалу вроде бы не было никаких оснований для беспокойств. Немецкие дивизии стремительно продвигались вперед, группы фронтовой разведки вместе с ними. В то время как части фронтовой разведки I с танковыми и другими моторизованными подразделениями пытались пробиться в Ковель, Лемберг, Вильно и другие города, в которых располагались вышестоящие штабы русских или дислоцировались до начала наступления, группы фронтовой разведки III старались как можно быстрее добраться до учреждений секретных служб противника. В некоторых случаях это удалось сразу в первые часы кампании, поскольку НКВД, главная ветвь советской секретной

службы, выдвинул свои органы вплотную к германо-советской демаркационной линии, проходящей по Польше.

Так, например, было в Брест-Литовске. Непосредственно после воздушного налета сотрудники командо III фронтовой разведки под командованием майора Т. вошли в город в передовых порядках наступающих войск и заняли здание НКВД. Капитан Д., участвовавший при этом, так описывает этот эпизод:

«Когда мы вошли в здание НКВД и произвели осмотр, то нашли все так, как если бы служащие учреждения только что покинули свою контору. Письменные столы, сейфы, стулья — все стояло на своих местах. Я установил, что междугородная телефонная связь через коммутатор, расположенный в подвале, была не отключена. Телефонные штекеры еще воткнуты в коммутационные гнезда, и коммутаторные лампочки продолжали гореть. Служащие учреждения, видимо, бежали сломя голову.

Поэтому в сейфах, вскрытых автогенами, мы, сверх ожидания, обнаружили множество секретного материала. Наше командо работало почти неделю, чтобы изъять и просмотреть все документы, найденные в НКВД. Подавляющее большинство материалов для анализа было отправлено в главное управление «Восток III» по фронтовой разведке, в так называемый «Штаб Валли». Но уже на месте мы смогли выудить много информации из советских секретных документов.

Например, мы обнаружили красный список телефонных адресатов размером со спичечный коробок, в котором перечислялись все без исключения служебные в Кремле и домашние телефоны членов Советского правительства.

Затем из изъятой секретной документации выяснились имена и адреса ведомых брест-литовским органом НКВД информаторов и агентов. Разумеется, мы сразу же стали их разыскивать, ибо из дел было также ясно, какие шпионские задания против Германии они выполняли и какие им еще предстояло выполнять. В некоторых случаях розыск привел к успеху.

Из груды документов, представляющих интерес для абвера, попавших мне тогда в руки, хорошо запомнилось дело, касавшееся одного офицера германской службы контршпионажа, а именно майора Фабиана, который пе-

ред войной служил в отделе абвера Бреслау. НКВД неоднократно подсылал к нему агентов, но он ни на одного из них не клюнул. Поэтому НКВД ставил его в пример собственным офицерам и при этом в особенности упирал на то, что на майора Фабиана не смогли повлиять ни с помощью алкоголя, ни соблазнить красивыми женщинами.

Впрочем, не только органы НКВД, но и весь советский гарнизон Брест-Литовска был полностью захвачен врасплох германским наступлением. Многие офицеры гарнизона вечером 21 июня 1941 года, в субботу, были на балу и еще крепко спали, когда в воскресные предрассветные часы началась бомбардировка города и затем наступление. Так получилось, что некоторые советские офицеры даже не смогли добраться до своих частей. Уже в первый день войны они попали в плен».

Эти свидетельства представляются мне по-настоящему примечательными. Из них совершенно однозначно следует: нападение 22 июня 1941 года для советского руководства оказалось полной неожиданностью.

Еще примечательнее тот факт, что крупные отделы советской разведки располагались в Брест-Литовске и других местах непосредственно у германо-советской демаркационной линии, проходящей по Польше. Они были укомплектованы, как и органы НКВД в глубине страны, и работали, словно повсюду царил глубокий мир. Сами списки и дела по своим информаторам и агентам они держали в сейфах, находившихся не далее километра от ближайшего германского поста.

Все это свидетельствует, что советская секретная служба ни в малейшей степени даже не задумывалась о том, что когда-нибудь придется уходить из Брест-Литовска и передислоцировать необычно далеко выдвинутые учреждения НКВД. Скорее советский противник обращал свой взор на Запад и явно рассчитывал на продвижение в этом направлении к определенному сроку. Здесь уместно вспомнить о причинах, которыми руководствовался Сталин, 23 августа 1939 года подписавший с Германией пакт о ненападении.

И у командо, и групп фронтовой разведки I в первый день войны с Советским Союзом были свои успехи. В покинутых полевых укреплениях и в зданиях, в кото-

рых располагались подразделения, они в изобилии находили секретные документы, ценные для германского командования, в которых содержались сведения о частях, противостоящих германским войскам.

Но первый день немецко-русской войны привел и к болезненным потерям и страшным деяниям, которые наглядно показывали немецким солдатам, с каким противником они имеют дело. Так, например, при осмотре одного учреждения НКВД одна группа фронтовой разведки подверглась внезапной атаке. Лишь немногим из группы удалось выжить. На другом участке фронта военнослужащие разведывательной группы попали в засаду. Все без исключения были уничтожены, и тела их безобразно изуродованы.

С другой стороны, нам, немцам, вообще не приходится гордиться тем, как главное командование вермахта планировало ведение боевых действий против русских. Ибо оно, пусть и по распоряжению Гитлера, еще за несколько дней до наступления отдало приказ, известный под названием «Комиссарский приказ», предписывавший в случае пленения политических комиссаров Красной армии расстреливать их на месте. Однако главнокомандующие и командующие группами армий и армейских корпусов уклонялись от его исполнения. Они воспротивились ему и в конце концов добились его отмены.

Стремительное продвижение германских войск в первые недели кампании позволило командам и группам фронтовой разведки побывать во многих городах и деревнях, в которых работали штабы Красной армии и советские учреждения. В их руки попадали горы секретных документов. Но в первые недели войны с Советским Союзом обнаружились и трудности, при которых были вынуждены работать группы фронтовой разведки. Далее выяснилось, насколько неудовлетворительно были оснащены и подготовлены к выполнению своих задач эти части военной разведки.

Представьте себе, в каких условиях личный состав этих частей должен выполнять свои обязанности. В целом группы фронтовой разведки на Восточном театре военных действий насчитывали всего лишь около 500—600 человек. А фронт между тем имел протяженность 3 тысячи километров.

Практически в первые месяцы военной кампании в России у них установился следующий метод работы: отдельные группы фронтовой разведки, в среднем численностью примерно 12 человек, выдвигались в авангарде наступающих частей до соответствующей цели. При подходе к городу войсковые подразделения старались пробиться сквозь него, чтобы не дать войскам противника ни малейшей возможности закрепиться на улицах и в зданиях. Если это удавалось, 12 военнослужащих оставались одни в незнакомом городе и вели поиск секретных материалов. При этом следовало как можно быстрее обыскивать здания, в которых располагались войска противника или учреждения.

Нередко эти военнослужащие обнаруживали ценные секретной документации. Тогда возникали новые задачи: сначала документы нужно было просмотреть, чтобы отсортировать те, чье содержание имело непосредственное значение для проводимых военных операций, то есть для германских оперативных штабов. Далее возникал вопрос, как можно эти важные для ведущих боевые действия частей документы быстро доставить в соответствующие инстанции и как и куда сдавать остальной материал. Соответствующие штабы нередко находились на удалении в несколько сот километров.

Иногда группы фронтовой разведки приходилось делить на две части, поскольку требовалось одновременно осмотреть два населенных пункта. Тогда оставалось по шесть военнослужащих, пытавшихся справиться с этими задачами. Они должны были постоянно поддерживать контакт с вышестоящими органами фронтовой разведки, с одной стороны, а с другой — с боевыми частями.

Когда группы фронтовой разведки или разделенные группы осматривали населенные пункты и исследовали найденные секретные документы, то обычно они были предоставлены сами себе. На многие километры ни одного другого немецкого солдата. Нередко их обстреливали отбившиеся группы противника, и тогда они несли потери. Но и там, где они могли работать без помех, их поджидали большие трудности. Не хватало грузовиков и полевых кухонь. Таким образом, личный состав подразделений фронтовой разведки вдобавок должен был ежедневно заботиться о своем пропитании. Но больше всего

сказывался дефицит переводчиков и людей, разбиравшихся в советской секретной службе.

По счастью, заграничная служба абвера своевременно позаботилась о том, чтобы сформировать два стационарных специальных управления в районе боевых действий, куда части фронтовой разведки могли обращаться со всеми вопросами, которые сами на месте не могли разрешить. Управления «Восток I» и «Восток III» фронтовой разведки располагались позади центра Восточного фронта неподалеку от Варшавы. На профессиональном языке они назывались «Валли I» и «Валли III». Действующие на востоке коммандо и группы фронтовой разведки I подчинялись «Валли I», коммандо и группы фронтовой разведки III — «Валли III».

Заграничная служба абвера назначила майора, позднее подполковника, Бауна начальником «Валли I» и подполковника, позднее полковника, Шмальшлегера начальником «Валли III». Оба — опытные офицеры абвера. Их первой заботой стало установление радиосвязи с подчиненными им частями. Таким способом удалось надежно управлять коммандо и группами фронтовой разведки, которые, как и все боевые части и фронтовые штабы на просторах Восточного фронта, все время находились в движении. С другой стороны, части фронтовой разведки имели возможность связи и начальников, которым они могли изложить не только свои пожелания, но и отправлять добытый секретный материал для дальнейшей обработки и оценки.

«Валли I» и «Валли III» на основании опыта первых недель русской кампании приложили все силы к тому, чтобы снабдить подчиненные им группы фронтовой разведки грузовиками, полевыми кухнями, фотоаппаратурой, короче, всем им необходимым, что те не могли достать сами или добиться в соответствующих армейских штабах.

Полк «Бранденбург» и сформированные абвером II строевые подразделения, набранные из украинцев и других иностранцев, симпатизирующих Германии, были лучше подготовлены для кампании в России. Это вполне объяснимо, поскольку в случае «бранденбуржцев»

речь шла о кадровой части, формирование и обучение которой началось еще в октябре 1939 года. И из набранных II отделом абвера украинцев строевые подразделения начали формировать уже в сентябре 1940 года.

Так, зимой 1940/41 года II отдел абвера сформировал в лагере Нейхаммер под Лигницем батальон из украинцев, служивших в польской армии и уже имевших хорошую боевую выучку. Этот батальон получил кодовое наименование «Нахтигаль»¹, поскольку в нем служили отменные запевалы. 22 июня 1941 года он, подчиняясь 1-му батальону полка «Бранденбург», вместе с ним участвовал в первых боях против Советского Союза.

Уже с начала боевых действий украинские солдаты батальона «Нахтигаль» отличились. Высланные ими разведгруппы во время боев за Лемберг получили информацию, будто поляки собираются уничтожить или уже расстреляли в городе множество их соотечественников. Поэтому командиры обоих батальонов приняли решение в ночь с 29-го на 30 июня 1941 года, то есть на семь часов ранее приказа о наступлении, отданном командованием, войти в Лемберг.

После того как сопротивление русских войск было сломлено, украинские командиры батальона «Нахтигаль» заняли лембергскую радиостанцию и провозгласили свободную, самостоятельную Украину. На это служба Розенберга несколькими днями позднее заявила резкий протест, и вскоре созданное министерство восточных территорий упразднило «Западную Украину» — область между Перемышлем и Тарнополем. Это была, к сожалению, одна из тех политических глупостей имперского правительства, вследствие чего народы, в начале войны симпатизировавшие Германии, постепенно превращались в наших врагов.

В боях под Лембергом и за него украинские солдаты проявляли образцовую храбрость. Население с ликованием встречало немецкие войска, вместе с ними вошедшие в город. В тот момент было бы просто набрать несколько полков и дивизий среди 40-миллионного народа Украины. Они разделили бы с немцами все превратности судьбы, если бы им разрешили самоуправление. Солдаты батальона «Нахтигаль» обнаружили в тюрьмах НКВД

¹ Соловей (нем.).

Лемберга тысячи только что расстрелянных своих соотечественников. Когда об этом стало известно, в стране вспыхнула жгучая ненависть к убийцам и множество украинцев изъявили желание пойти добровольцами на войну с Советским Союзом.

С 1939-го по 1941 год, когда германские войска на Востоке и на Западе одерживали блестящие победы, помимо украинцев и белорусов на службу в абвер шли представители и многих других народов. Среди них были и бывшие эстонские военнослужащие, которые после оккупации их родины Советским Союзом верили, что, воюя на стороне Германии, смогут наилучшим образом послужить своей стране.

В то время эстонская молодежь главным образом находилась в Финляндии среди бежавших туда от Красной армии и искавших возможность что-нибудь предпринять против Советского Союза. Чтобы подключить их к совместной борьбе, II отдел абвера в 1940 году направил нескольких офицеров-эстонцев в Финляндию с заданием подобрать среди своих соотечественников подходящих сотрудников.

Германскому военному командованию за несколько месяцев до кампании в России требовалась точная информация о русских войсках в Прибалтике.

Поэтому II отдел абвера решил искать эстонских добровольцев для крупной операции по получению информации с советской территории. В сущности, это было в компетенции I отдела абвера, однако выполнение этой задачи передали II отделу, поскольку у него имелись лучше налаженные связи с эстонцами, проживавшими на территории рейха.

Отобранных эстонцев собирались забрасывать на прибалтийскую территорию морем или воздушным путем и сбрасывать на парашютах, чтобы они вели шпионаж против Советского Союза. Разумеется, для такого боевого применения требовалась основательная подготовка. Участников операции необходимо было научить разбираться в организации, знаках отличия и вооружении Красной армии, а некоторых из них следовало подготовить как радистов. Для этой цели организовали подготовительный

центр на полуострове Сёко, примерно в 40 километрах к западу от Хельсинки. Во время обучения эстонцы, как иностранные добровольцы, носили форму вермахта. Компетентные финские власти не чинили никаких препятствий.

После первых успехов кампании в России стоило ожидать, что германские войска за короткое время войдут в Прибалтику. Поэтому представлялось вполне своевременным как можно быстрее использовать уже обученных эстонцев, примерно 80 человек. Они спешно доставлялись на остров Пеллинге, откуда должны с моря высаживаться на советскую территорию.

После первой безуспешной попытки примерно 40 обученных человек под командой старшего удалось доставить в бухту Кумна и там высадить на сушу. Когда следующей ночью попытались забросить на вражескую территорию остальные 40 человек, то катера в Финском заливе, атакованные советскими военными судами, вынуждены были вернуться назад.

Но тем временем радист высаженной группы вышел на связь с радиоцентром абвера. Решили оставшихся 40 эстонцев забросить в район боевых действий по воздуху. Находящаяся уже на месте группа провела необходимую подготовку. Прежде всего они подыскали подходящую площадку и подготовились к приему своих товарищей в ночные часы, что было подтверждено при радиообмене. Затем «Хе-111» и «Ю-52» точно прилетели в означенный район и люди спрыгнули на парашютах. Операция прошла безукоризненно, никаких сбоев не произошло.

И последующая переброска на советскую территорию эстонских разведчиков проходила планомерно. Небольшими группами они шли к поставленным им целям. Пять групп могли передавать результаты своей работы по радио. С другой стороны, абвер мог передавать им по радио новые, обусловленные настоящим положением на фронтах, разведывательные задания. Разумеется, в первую очередь в них учитывались потребности группы армий «Север».

Пять групп работали в районе около Аэгвийду, Ревалья, Везенберга и Нарвы. Прежде всего они разведывали пути снабжения русского фронта и установили, какие войска противника дислоцированы в их разведрайоне. Эстонская

группа, работавшая под Везенбергом, кроме того, имела задание находиться неподалеку от расположения советского командования и доносить о его передвижениях и вероятных намерениях.

По оценке германских экспертов, эстонские добровольцы в этой разведывательной операции оказались очень эффективными. Их достижения особенно нашли признательность в 16-й и 18-й армиях. Впрочем, большинство участников операции, когда немецкие войска подошли к району их действий, просочились сквозь боевые порядки русских и явились в германские части.

Операция прошла не без потерь. Некоторые из задействованных эстонцев получили ранения, другие пропали без вести. Несмотря на это, возможность боевого применения эстонских добровольцев в деле, получившем кодовое обозначение «Операция Эрн», в Эстонии была крайне полезной для Германии. Среди населения распространилась весть, что соотечественники, участвовавшие в войне Германии против Советского Союза, первыми ступив на родную землю, боролись за освобождение своей страны. Люди гордились тем, что успешно воевали на стороне Германии против Советского Союза.

Но, как и на Украине и других оккупированных территориях, политические и административные учреждения рейха и Эстонии добились того, что постепенно население перестало симпатизировать Германии. Это особенно ярко проявилось в том, что имперское правительство не разрешило создавать эстонские военные формирования, хотя соответствующие армейские штабы горячо ходатайствовали об этом.

Личный состав полка «Бранденбург», который также подчинялся II отделу абвера, в ходе Второй мировой войны также неоднократно находил боевое применение в тылу противника, правда, чаще всего в чисто военном отношении. В рамках данной книги, главным образом посвященной разведработе, я могу уделить лишь скромное внимание этим героическим деяниям. Но в заключение нельзя обойти хотя бы одно боевое применение «бранденбуржцев», развернувшееся примерно в то же время и тоже в Прибалтике.

Летом 1941 года для дальнейшего продвижения группы армий «Север» в Латвии важно было предотвратить взрыв русскими моста через Даугаву. Назначенные для этой операции офицеры и рядовые полка «Бранденбург» без промедления начали подготовку. Они надели добытое обмундирование русских, наложили бинты, чтобы как-то сойти за раненых красноармейцев. Затем на русских автомашинах просочились на ослабленном участке фронта русских и пристали к советским отступающим войскам, пока не дошли до моста через Даугаву. Там они скинули русское обмундирование и остались в немецкой форме, заняв мост. Благодаря такому дерзкому предприятию группа армий «Север» смогла быстро выдвинуться в район Риги. Командующий группы армий с признательностью написал об этом в благодарственном письме адмиралу Канарису.

Возвращаясь к боевому применению подразделений фронтовой разведки во время кампании в России: командирам фронтовой разведки «Восток I» и «Восток III» удалось быстро ликвидировать по меньшей мере самый вопиющий дефицит в снаряжении и обеспечении подчиненных им командо и групп. Прежде всего свои части они обеспечили грузовиками и легковыми автомобилями, лучше приспособленными для движения по бездорожью, нежели тот транспорт, с которым они начинали войну.

Впрочем, в первые дни войны командо и группы фронтовой разведки в боевых действиях принесли Германии большую пользу. Те части фронтовой разведки, входившие в Лемберг, например, без всяких усилий среди местного населения находили столько надежных переводчиков и вспомогательного персонала, сколько им было необходимо. Украинское население подготовило немецким военным служащим восторженную встречу. На улицах воздвигались триумфальные арки и проходили службы благодарственных молебнов, в которых в равной мере принимали участие как немецкие солдаты, так и местное население.

В Прибалтийских республиках на службу в части фронтовой разведки в первую очередь шли бывшие эстонские и латвийские офицеры разведки. Эти сотрудники абвера

в течение войны за редким исключением зарекомендовали себя верными и надежными.

При поддержке вспомогательного персонала, знавшего страну и язык, команды и группы фронтовой разведки I и III обнаружили множество мест, в которых находили советские секретные документы. Добытая документация стала скапливаться в организованных «Валли I» и «Валли III» еще в первые недели русской кампании пунктах сбора и обработки материалов. Поскольку части фронтовой разведки все время поставляли новый материал, эти пункты в результате непрерывной обработки изъятых русских секретных материалов превратились в стабильный источник новой важной информации о вооруженных силах и секретной службе Советского Союза.

Следующая фаза войны должна была поставить команды и группам фронтовой разведки еще более богатую добычу. В середине лета 1941 года под Вязьмой, Уманью и Брянском русские попали в котел. После эвакуации бесчисленных раненых и отправки сотен тысяч русских военнопленных перед уцелевшими сотрудниками фронтовой разведки открылся необозримый ландшафт, изрытый бомбами и гранатами, усеянный павшими солдатами, трупами лошадей, подбитыми танками, орудиями и всевозможными автомобилями.

И тут перед соответствующими командами и группами встала задача как можно быстрее собрать и проанализировать брошенную противником секретную документацию в автомобилях и на командных пунктах. Особенно многое зависело от того, насколько быстро на основе изъятых документов проводился обзор по воевавшим в котле войскам противника и далее получение информации о том, как он планирует дальнейший ход войны и готовится к ней.

Знойное лето вызвало распространение чумных запахов над полями сражений. Но ничто не отменялось, солдаты фронтовой разведки шли в этот ад, выполняя свой долг.

То, что пришлось пережить военнослужащим, было ужасно, страшно, безжалостно. Один из участников тех событий уверяет, что страшные картины ландшафта смерти и по сей день нередко встают у него перед глазами и пугают его.

Добыча секретного материала на этих полях сражений была сверх ожидания богатой. Один грузовик за другим привозил изъятые документы в пункты сбора и обработки информации.

Дело о шпионаже Зорге как пример того, что секретная служба может иметь решающее военное значение. Пронизавшая весь мир шпионская сеть Советского Союза в 1941 году

В октябре 1941 года, когда русские армии после неслыханно кровопролитных боев на многих участках фронта оказывали еще слабое сопротивление немецким войскам, руководство советской секретной службы получило радиogramму из Японии, в которой, по оценкам некоторых экспертов, предрекалась конечная победа Советскому Союзу. Это послание отправил из Японии своим московским заказчиком доктор Рихард Зорге через своего радиста Макса Клаузена. Вот его дословный текст:

«От Рамзеса директору. 15 октября 1941 года. Квантунская армия не будет наступать в Сибирь. Япония решила продвигаться лишь на юг. Повторяю: японский нейтралитет абсолютно надежен. Япония не нападет на Россию».

Военное командование Советского Союза на основании донесения своего высококлассного агента на Дальнем Востоке решило как можно быстрее перебросить войска, дислоцированные в Сибири, на военный театр и отбросить германские армии.

На вопрос, имело ли это решающее значение для войны, ответить с полной уверенностью невозможно. Тем не менее совершенно очевидно, что деятельность доктора Зорге, немца, стоила жизни сотням тысяч германских солдат.

Как доктор Зорге пришел к выводу, что японцы во время германо-русского противоборства будут придерживаться нейтралитета? И что подвигло его сослужить Советскому Союзу службу, которая, как он сам убедился, прольет много немецкой крови и приведет Германию к поражению?

Доктор Рихард Зорге, родившийся 4 октября 1895 года, был одним из тех миллионов немецких солдат, мно-

гие годы проведенных на фронте в Первую мировую войну. Утратил ли он уже тогда все общепринятые критерии? Превратили ли его ужасные и представлявшие ему бессмысленными события мировой войны в не знающего покоя искателя другого, более человеческого миропорядка? Окрыляла ли его надежда, что после разрушения старого порядка и устоев под коммунистическим руководством возникнет новый, более прекрасный мир?

Как бы там ни было, в период между войнами он установил контакт с Москвой. Он, всей душой ненавидевший национал-социализм, решил вступить в борьбу на стороне коммунистического мира, попытавшись изгладить все воспоминания о своих соотечественниках, кроме России. Во всяком случае, доктор Зорге полностью утратил какое-либо чувство привязанности к родине, когда он поступил на шпионскую советскую службу. Действительно ли он верил, что тем самым сослужит человечеству службу? Не сознавал ли он ужас своего заблуждения, когда при обучении у своих московских работодателей ему стало ясно, что на службе у них не может идти никакой речи о личной свободе, а, напротив, неизбежно слепое подчинение?

Мы находим доктора Рихарда Зорге в начале войны в качестве официального корреспондента Германского информационного бюро (ДНБ) в Токио. Ему, обладавшему чувством юмора, было совсем не сложно завязать знакомства среди немцев и японцев. Он вел беспокойный образ жизни и часто с иронией говорил, что мог бы легко поменять свои антинацистские взгляды. Благодаря своим взглядам и напористости особенно сильное воздействие он оказывал на женщин.

Доктор Зорге сумел так искусно выстроить свою агентурную сеть в Японии, что поначалу нигде не вызывал подозрений. Его работа на ДНБ позволяла ему легко налаживать дружеские отношения с сотрудниками германского посольства в Токио. Так, например, в доме самого посла и его супруги он всегда был желанным гостем. Доктору Зорге удалось провести даже представителя Главного управления имперской безопасности Мейзингера, работавшего в немецком посольстве под прикрытием должности атташе. Дело дошло до того, что Мейзингер всегда защищал предателя, если кто-то относился с

недоверием к взглядам Зорге или говорил о его недостатках. Он имел обыкновение искренне объяснять: «Зорге — самый убежденный национал-социалист здесь, в Японии. Он прирожденный «испытанный боец», революция у него в крови».

В связи с Мейзингером мне уместно будет добавить: после войны в западногерманской прессе появились сообщения, будто доктор Зорге работал на советскую разведку, но в то же время передавал донесения в абвер. Это не соответствует действительности. Бывший руководитель отдела абвера «КО Дальний Восток», подполковник Эйзенрегер, хорошо знает об этом. Он и его прежние сотрудники решительно опровергают, будто доктор Зорге поддерживал контакты с представителями абвера. По всей видимости, слух о передаче Зорге информации абверу в Берлин возник оттого, что Мейзингер и его помощники охотно выдавали себя за представителей абвера. На самом же деле они служили в Главном управлении имперской безопасности (РСХА).

Из личных контактов с германским послом и Мейзингером доктор Зорге узнавал о секретных вещах, с которыми по долгу службы имели дело германский посол в Японии и его сотрудники. Но как ни были желанными донесения об этом доктора Зорге его московским заказчиком, более важным той осенью 1941 года для них оставался вопрос, останется ли Япония нейтральной по отношению к Советскому Союзу или же, воодушевленная немецкими победами, попытается воспользоваться представившейся возможностью, чтобы завоевать Сибирь.

Доктор Зорге прояснил этот важный вопрос. Ему удалось завербовать японских информаторов из руководящих кругов страны. От них он узнал, что правительство Японии во главе с императором считает нападение Германии на Советский Союз роковой ошибкой. Все достигнутое до октября 1941 года немецкие успехи якобы не были решающими. Впрочем, авторитетные японские политики признавали, что Германия вынуждена приложить все силы, чтобы разбить Советский Союз. Исходя из этой трезвой оценки сложившейся ситуации, японское правительство решило занять по отношению к Советскому Союзу выжидательно нейтральную позицию. Но немец-

кого посла в Токио японцы заверили, что примут участие в германско-русском противостоянии, и дали понять, что в определенных обстоятельствах в подходящий момент готовы вступить в войну против Советского Союза.

Германский посол пока еще какое-то время верил в искренность этих японских заверений. Но доктор Зорге знал точнее и передал процитированную в начале этой главы радиограмму в Москву.

Представляется удивительным, что советские вожди приняли на веру, без колебаний содержание пришедшего по радио донесения как вполне объективное и сделали из этого вывод, перебросив дислоцированные в Сибири войска на фронт. Следует напомнить, что это проблематичное решение японского правительства в тот день 15 октября 1941 года было известно лишь небольшому кругу японских руководителей и имперское правительство еще надеялось на скорое наступление японцев на Сибирь.

Как глубоко советская разведка знала фанатичного доктора Зорге! Как твердо она была убеждена в том, что из ненависти к национал-социализму он способен нанести не только такой чудовищный удар собственному народу, но и что для него эти деяния означают даже освобождение от рабства, просто достижение цели своей жизни.

Я не могу отказать в своем уважении сотрудникам советской секретной службы, которые вели доктора Зорге. Он доставил им много хлопот при его основательной проверке и личном с ним знакомстве. Незаурядные информаторы должны быть верно оценены своими заказчиками. В противном случае возникает опасность, что ответственные лица не будут знать, как поступить с такими ценными донесениями. Как часто в истории разведслужб значительные результаты шпионажа оказывались невозможными!

Классический пример тому «дело Цицерона».

Один албанец, камердинер английского посла в Анкаре сэра Хью Нэтчбулл-Хьюгессона, во время Второй мировой войны принялся тщательно готовиться, намереваясь разбогатеть, к продаже секретных материалов своего шефа. Он изготовил дубликат ключа от сейфа посла и фотографировал находящиеся там документы,

незаметно проникнув в служебный кабинет своего хозяина.

В октябре 1943 года он установил контакт с одним из ответственных чиновников германского посольства. От него албанец для дальнейшего ведения был передан представителю Главного управления имперской безопасности, атташе Мойзишу.

В последующие месяцы Цицерон — псевдоним албанца — передавал бесценные документы политического и военного характера. Какие, например, секретные договоренности были достигнуты между турецкими и английскими генштабистами в ущерб интересам Германии. Особую важность имели английские служебные отчеты по конференциям в Москве, Каире и Тегеране, на которых державы противника обсуждали, какую участь они собираются уготовить Германии.

Большое значение Германия прежде всего придавала решениям Большой тройки — Рузвельта, Черчилля, Сталина, — принимавшимся в Тегеране. Знание позиции и замыслов руководителей противной стороны тогда, вероятно, еще могло быть использовано имперским правительством, чтобы добиться приемлемого для Германии завершения войны. Но ответственные работники Главного управления имперской безопасности и министерства иностранных дел отнеслись недоверчиво и не поверили материалам Цицерона. Показательно, что министр иностранных дел фон Риббентроп о переданных ему документах из сейфа английского посла в Анкаре как-то сказал: «Это слишком потрясающе, чтобы быть правдой».

Как этот, так и многие другие примеры учат, что даже самые важные контакты не приносят никакой пользы, если руководители важного источника не очень хорошо знают информатора и его побудительных мотивов. Тогда нет основы для надежной оценки, поскольку ответственные лица в большинстве случаев страшатся решительно использовать поступающую к ним информацию. Все усилия и труд, прилагаемые при ведении подобных информаторов и агентов, и все деньги, потраченные при этом, оказывались напрасными. Правда, Цицерон, действовавший из жадности и ненависти к англичанам, получал крупные суммы фальшивых денег, посылаемых Главным

управлением имперской безопасности ничего не подозревавшему атташе Мойзишу.

Этот факт характерен для национал-социалистического режима и близорукости руководителей секретных служб в РСХА. Разведка, собирающаяся работать для своей страны на длительную перспективу (десятилетия и более), должна избегать расплаты фальшивыми деньгами вместо звонкой монеты. Подобный обман может удаться раз или два. Но если он вскроется, никогда больше ни Цицерон, ни какой-либо другой крупный агент не станет искать контакта с такой разведкой.

Абвер, разумеется, расплачивался только настоящими деньгами. В последние годы войны через мои руки как командира групп фронтовой разведки «Запад III» прошли целые ящики с банкнотами разных стран, которые я выдавал подчиненным мне командам и группам для оплаты или же содержания информаторов и агентов. За это время не было передано ни одного фальшивого банкнота.

Впрочем, из этой оплаты фальшивыми купюрами выяснилось также, насколько руководящим сотрудникам Главного управления имперской безопасности были чужды принципы серьезной разведки, действовавшей по всему миру. Информаторы и агенты, какими бы людьми они ни были, идеалистами или авантюристами, все без исключения ожидают, что представители секретной службы, под чьим руководством они работают, при любых условиях сдержат данное им слово.

Должна ли в подобных исключительных случаях, как с доктором Зорге и Цицероном, информация надлежащим образом оцениваться, в значительной степени зависит от задействованных сотрудников секретных служб. Ведь лишь одни они знают поставщиков информации и обстоятельства, при которых оказалось возможным подобраться к соответствующим секретам. Если они — задействованные представители разведок — убеждены, что получают выдающийся результат, то их долг и обязанность энергично продвигать наверх это мнение, невзирая на то, что у них могут возникнуть неприятности, а также не обращая внимания на то, что их донесения могут оказаться досадными для высоких господ из правительства и не понравиться им.

В деле доктора Зорге очевидно, что ведущие специалисты советской разведки распознали не только важность поставляемой им из Японии информации, но и сумели подвигнуть к немедленным действиям Сталина, своего самого главного патрона. Это свидетельствует об их высоком профессионализме. Они сумели использовать достижения своего сверхагента в Японии таким образом, правда стоившим много немецкой крови, что в конце концов нанесло большой вред всему свободному миру.

После того как доктор Зорге передал в Москву эти решающие донесения, он, по свидетельствам очевидцев, впал в состояние болезненного беспокойства и ярости. Как безумный, чаще всего пьяный, носился он на своем мотоцикле по улицам Токио; избегал знакомых или оскорблял их небрежно брошенными ядовитыми и двусмысленными замечаниями. Что так мучило его в эти дни? Было ли это сомнение в том, что его поступок даст человечеству добрые плоды?

Несколько дней спустя доктора Зорге арестовали. Макс Клаузен и все другие члены его шпионской сети в Японии также попали в руки японской полиции безопасности — кэмпэтай. По сообщениям японских служб, Зорге приговорили к смерти в сентябре 1943 года и повесили вместе с японцем Одзаки 7 ноября 1944 года, в 24-ю годовщину красной революции. Но в мировой прессе до последнего времени постоянно раздавались громкие голоса, будто бы доктор Зорге остался в живых, поскольку русские вступились за своего сверхагента, и его после Второй мировой войны видели в Советском Союзе.

О человеческой стороне дела и побудительных мотивах доктора Зорге много написано. В большинстве своем объяснения таковы: будто ненависть к Гитлеру и национал-социализму обратили его к коммунизму и бросили в объятия советской секретной службы. Мне представляется, эту историю все же просто объяснять нельзя. В то же самое время, что и доктор Зорге в Японии, именно в Германии и западноевропейских странах на советскую разведку работали французы, англичане, бельгийцы, нидерландцы и граждане Швейцарии, в том числе и против своей страны. Ненависть к Гитлеру и национал-социализму не играла для них никакой роли. Во всех деталях мы знаем об этом по делу «Красной капеллы»,

когда абверу в 1941—1943 годах удалось взять сотни ее агентов.

Правда, в шпионскую сеть «Красной капеллы» в Германии, Франции, Бельгии и Швейцарии входили не только люди, действовавшие по убеждениям и фанатично борющиеся за торжество коммунистических идей и в поддержку Советского Союза, но много людей исключительно из-за денег и других материальных благ. Но супер-агенты, будь то французы, немцы или англичане, всегда были идеалистами, заблуждавшимися людьми, поверившими в до сих пор исходящим из Москвы высокопарным фразам о человечности и великодушии. Они в недостаточной степени или совсем не знали грубой коммунистической действительности в Советском Союзе.

Но не стоит заблуждаться, что входившие в шпионскую сеть «Красной капеллы» французы, англичане, бельгийцы и другие европейцы во время войны в основном работали против Германии. В связи с этим затем распространялось мнение, будто они, как и доктор Зорге, прежде всего боролись против национал-социализма. Но шпионская сеть «Красной капеллы» в Бельгии и Франции начала плестись московскими специалистами задолго до того, как разразилась война, и именно не с целью шпионажа против Германии и против западных держав. Таким образом, в предвоенные годы было тоже немало французов, англичан и бельгийцев, взявшихся шпионить для Москвы против своей страны и своего народа.

Шпионская сеть «Красной капеллы» в Германии возникла позднее, нежели ее же сети в Бельгии и во Франции. Зато немецкие «красные агенты» проводили в высшей степени основательную работу. Самым важным человеком сети в Германии считался капитан люфтваффе Шульце-Бойзен, служивший в министерстве военно-воздушных сил, получивший псевдоним Коро. В апреле или мае 1942 года он передал чрезвычайно важные документы о задуманном дальнейшем немецком наступлении, затем о запланированном наступлении на Кавказ, о германских люфтваффе, производственных мощностях немецкой авиационной промышленности и многое другое суперагенту «Красной капеллы» в Брюсселе для дальнейшей передачи в Москву. К такому обходному пути Коро был вынужден прибегнуть, поскольку радиосвязь, нала-

женная для прямой передачи донесений из Германии в Москву, оказалась невозможной по невыясненным причинам.

В то время как в 1941 году во Франции и Бельгии работали десятки радистов-агентов «Красной капеллы», в мае и июне 1942 года в Германии еще не работало ни одного. Это совершенно точно установлено в ходе ликвидации абвером в ходе войны многочисленных красных радистов-агентов во Франции и Бельгии. Я упоминаю об этом в доказательство того, что разворачивание сети радистов красных во Франции и Бельгии началось задолго до войны, иначе не могло бы столь широко функционировать в 1941—1942 годах.

Шульце-Бойзену не повезло. Секретные документы, переданные им своим «коллегам» в Бельгии, были обнаружены при одном аресте, проведенном абвером в Брюсселе совместно со службой радиоперехвата абвера. Анализ изъятых документов и расследование обнаруженных улик привели к аресту Шульце-Бойзена и многих других агентов шпионской сети красных в Германии, Бельгии и Франции. В целом в период с декабря 1941-го по конец 1943 года под арест попали около 800 человек, шпионивших на Москву. Многие из них, в том числе Шульце-Бойзен, за свои деяния были приговорены к смертной казни.

Короче говоря, в деле доктора Зорге и «Красной капеллы» я хотел бы особенно обратить внимание на два момента: с одной стороны, на разветвленность шпионской сети, которую советская разведка содержала уже в 1940-м и 1941 годах, а с другой — на то, как она уже тогда имела обыкновение рекрутировать себе агентов в определенных кругах в странах свободного мира.

Советской разведке в годы перед Второй мировой войной удалось выстроить в Японии и перечисленных европейских странах такую эффективную шпионскую сеть, которую соответствующим контрразведывательным службам не удалось обнаружить. Благодаря этой широко разветвленной секретной организации московские службы в первые два военных года добились результатов, бесценных для обороны Советского Союза.

Подобной по эффективности шпионской организации в тот период не обладала ни одна разведка мира. Я ду-

маю, что могу это утверждать, поскольку во время войны как руководитель контршпионажа на западном оперативном направлении принимал участие в ликвидации многочисленных шпионских сетей западных держав и Советского Союза. Агенты английской, американской и голлистской разведок, арестованные оперативными органами по поручению абвера, были не так основательно обучены, как сотрудники советской секретной службы. Кроме того, их техническое оснащение оставляло желать лучшего. Совершенно не удовлетворяло, например, качество агентурных радиопередатчиков западных разведслужб, во всяком случае в 1941-м и 1942 годах.

Хотя абвер к тому времени уже сконструировал отличные радиопередатчики, но он не обладал такой эффективно работающей шпионской сетью в Советском Союзе. Это объяснялось тем, что на мировой арене он начал работать только примерно с 1935—1936 годов. Попытки абвера завербовать источники информации в Советском Союзе из резидентур в сопредельных с ним странах, о которых уже говорилось, слишком запоздали. Кроме того, им сильно мешала внутренняя борьба между обеими германскими секретными службами, абвером и Главным управлением имперской безопасности.

Но все-таки огромная заслуга абвера состоит в том, что во время войны он раскрыл и ликвидировал шпионскую сеть «Красной капеллы» в Бельгии и Франции, которую не сумели распознать местные власти. Однако это замечание не умаляет и не может умалить больших достижений советской разведки в первые годы войны, ставших возможными, поскольку компетентные люди в Советском Союзе издавна придавали большое значение секретной службе и предоставили все необходимые силы и средства. Но разведка Советского Союза добивалась выдающихся успехов не только в то время. В последующие после Второй мировой войны годы были достигнуты значительные успехи. Это дела выдающихся шпионов Элджера Хисса, Тейлора Кента, Клауса Фукса, Бруно Понтекорво и других. Разведки западных держав тем временем смогли приобрести ценный опыт методов работы этого противника и получили представление о его опасности.

Благодаря опыту, приобретенному во время войны, можно с уверенностью сказать, что сегодня, как и тог-

да, повсюду в свободном мире, где встречаются недовольные или умные люди, которые внимают раздающимся из Москвы якобы истинным фразам о благе всего человечества, обязательно присутствуют агенты с Востока, с одной стороны, формирующие благоприятные для проникновения коммунизма настроения, а с другой — подыскивающие людей, подходящих для разведывательной работы. С необыкновенной ловкостью восточные агенты проникают в круги нашей молодой интеллигенции на Западе, в среду студентов, деятелей искусства, фанатиков и авангардистов. Другая группа людей также находится под пристальным наблюдением восточных разведчиков. В нее преимущественно входят люди, которые не в ладах с буржуазным мироустройством, или они оступились и конфликтуют с законом, или им тесны раз установленные границы.

Все это известно и секретным службам держав свободного мира. Но нашли ли они соответствующие средства, чтобы положить конец этим проискам советской разведки и их пособникам в странах-сателлитах? У общественности не складывается подобного впечатления, поскольку в наших газетах непрерывно публикуются статьи, в которых при описании какого-нибудь очередного шпионского скандала подчеркивается, что восточные агенты десятками тысяч наводняют западные страны.

Вопрос заключается в том, хотят и могут ли западные разведки в тесном сотрудничестве создать такой же крупномасштабный аппарат для подавления деятельности восточных агентов, какой службы противника содержат для разведки в свободном мире. Достаточное количество людей для этого бы нашлось. Тут я имею в виду миллионы людей, в течение последнего десятилетия бежавших из стран восточного блока на Запад с презрением и ненавистью в душе. Даже носители коммунистических тайн бегут не столь уж редко. Например, не проходит и месяца, чтобы несколько сотрудников «народной полиции» не перебежали к нам на Запад из советской зоны Германии. Затем я думаю о миллионах поляков, украинцев, венгров, чехов, болгар и других эмигрантов с Востока, вынужденных искать себе новую родину в западных странах. Многие — большинство из них — являются непримиримыми врагами коммунистического режима.

Если секретные службы западных держав собираются использовать ненависть, как это делала советская разведка в деле доктора Зорге и в других случаях, то среди названных групп людей, несомненно, найдутся десятки тысяч тех, кто изъявит свою готовность участвовать в разведке. Было бы даже целесообразно часть этих людей под различным прикрытием или под личиной раскаявшегося перебежчика внедрять в Советский Союз и там с их помощью создать «синюю нелегальную сеть»¹. Я не знаю, используется и насколько этот метод западными державами. Но думаю, что ненависть даже на невидимом фронте не может получить одобрения. Мне, однако, представляется настоятельной необходимостью, чтобы западные секретные службы срочно объединили усилия для эффективно отражения тайных атак восточного противника на свободный мир.

О дальнейшем применении групп фронтовой разведки в русской кампании

Месяцы с начала кампании в России вплоть до октября для групп фронтовой разведки превратились в сплошную охоту за все новыми объектами, которые следовало осмотреть. Постоянное боевое использование групп фронтовой разведки, столь малочисленных и во время наступления совершенно предоставленных самим себе, было очень утомительным. Кроме того, большинство из них несли тяжелые потери личного состава, а также потери транспорта.

Несмотря на это, группы фронтовой разведки в конце лета и осенью 1941 года добились значительных успехов. Среди прочего им в руки попала вся секретная переписка советской 19-й армии. Она стала кладезем очень ценной для германского командования информации. Необходимость анализа этого и других добытых материалов породила бесчисленное количество срочных поездок. Было важно как можно быстрее пе-

¹ Термин «синяя нелегальная сеть» выбран мной потому, что на военных картах синим цветом всегда обозначается расположение своих войск, а красным — противника.

редавать полученную информацию соответствующим штабам.

Внезапно в этой охоте наступил перерыв. Оперировавшие в зонах ответственности разных армий группы фронтовой разведки были отозваны начальниками их командо, чтобы подготовить к действиям в Ленинграде, Москве, Киеве, Одессе и других крупных русских городах. Но в ноябре 1941 года наступление застопорилось. Немецкие части вынужденно отошли на линию озеро Ильмень—Вязьма—Харьков, и рано наступившая суровая зима заставила фронт замереть. Она вынудила группы, до того становившиеся лагерем в лесах, теперь расквартировываться далеко от фронта.

Зимние месяцы позволили «Валли I» и «Валли III» доукомплектовать личным составом подчиненные им командо и группы фронтовой разведки и пополнить снаряжение. Кроме того, у частей абвера появилась новая задача. Стоил фронту встать в оборону, как в тыловом районе начались диверсии и обстрелы автотранспорта, если одиночные автомобили появлялись в уединенной местности. «Валли III», командование групп фронтовой разведки «Восток III», сразу установило, что речь идет о целенаправленных акциях секретной службы противника. Для этого, понятно, она предпочитала безлюдную, заболоченную и лесистую местность.

Фронтовые части и командиры в тылу срочно потребовали принятия энергичных мер против диверсионно-террористических групп. Для их подавления офицеры армейских отделов Ic зимой 1941/42 года использовали приданные им группы фронтовой разведки. Они с энтузиазмом принялись за выполнение поставленной задачи. Но после кровопролитных стычек выяснилось, что диверсионно-террористические группы трудно достать в их умело выбранных укрытиях и, кроме того, они часто оказывались больше по численности атаковавших групп фронтовой разведки.

Из этой ситуации возникала новая задача для групп фронтовой разведки «Восток III»: в районах, где бесчинствовали диверсионно-террористические группы, вербовать доверенных лиц, чтобы с их помощью устанавливать местонахождение и количественный состав агентурных групп противника, а затем во взаимодействии с террито-

риально уполномоченными командирами соответствующими силами бороться с ними. Сами группы фронтовой разведки в военном отношении были слишком слабы для подавления этого противника.

Однако, несмотря на все усилия немецкой стороны, советской разведке удалось на просторных, почти не занятых войсками тыловых районах создавать все больше баз с постоянно возрастающими силами.

«Валли III», служебная руководящая инстанция групп фронтовой разведки «Восток III», быстро выяснил, что советская разведка действует по плану, разработанному еще в мирное время. В районах, которые Красная армия вынужденно оставила, находились сотни подготовленных агентов. Чаще всего речь шла о людях, в мирное время занимавшихся внутривнутриполитическим надзором. Но выяснилось, что многих из них готовили и к выполнению других задач на случай войны.

Среди них были следующие специалисты:

- а) разведчики, обученные военному шпионажу;
- б) подготовленные диверсанты;
- в) агенты, специализировавшиеся на создании партизанских отрядов в подходящих для этого районах.

Эти выводы фронтовая разведка «Восток III» частично сделала из допросов арестованных агентов противника, частично благодаря добытым во время наступления секретным документам советской разведки. Далее оценка письменных документов показала, что НКВД покрыл всю территорию Советского Союза плотной, для западного понимания непостижимой, сетью информаторов и шпионов, часть из которых была заранее подготовлена для выполнения оборонительных, а часть для наступательных акций и задач. НКВД обладал невероятной властью. Кто на территории Советского Союза не был лоялен к секретной службе, рассматривался как враг родины или изменник.

НКВД имел три следующих органа: Главное управление государственной безопасности; Управление пограничных войск; Управление особых отделов.

В рамках Красной армии, а именно в сухопутных войсках, в ВВС и ВМФ работали военные отделы советской разведки. Они подчинялись Народному комиссариату обороны и Народному комиссариату Военно-морского

флота и, с одной стороны, вели военную разведку иностранных сухопутных войск, ВВС и ВМС, а с другой — принимали превентивные меры по тайной охране собственных войск и штабов. Но через Управление особых отделов НКВД оказывал сильнейшее, до конца 1942 года даже решающее, влияние на Красную армию и ВМФ. Особисты УОО предназначались не только для наблюдения и обеспечения безопасности всех штабов, частей и служб Красной армии, даже в Генеральном штабе и среди высшего командного состава советских вооруженных сил представители особых отделов играли важную роль. Правда, зимой 1942/43 года Сталин несколько урезал их полномочия в пользу офицеров вышестоящих штабов.

Абвер оказался неподготовленным к противоборству с этой хорошо обученной и в количественном отношении многократно превосходящей службой противника. «Валли III» всеми силами укреплял личный состав групп фронтовой разведки «Восток III» и занимался обучением своих сотрудников. Служба также добилась увеличения количества групп и доведения их личного состава до 25 человек. В целом личный состав групп фронтовой разведки «Восток III» в конце концов достиг примерно тысячи военнослужащих. Но что это означало на территории, где население говорило на незнакомом языке, где армия агентов противника была в тысячи раз больше?

В то время как фронтовая разведка «Восток III» зимой 1941/42 года и в последующие месяцы старалась усиливать свои части и вела борьбу со шпионами, диверсантами и террористами, число которых и дерзость все время возрастали, фронтовая разведка «Восток I» оказалась перед другой, не менее важной проблемой: какие советские дивизии противостоят германскому фронту? Какой у них численный состав и как они вооружены? Есть ли среди них части, дислоцированные в Сибири? Как выглядят ближайшие тылы советского фронта? Формируются ли новые соединения? Как работает оборонная промышленность Советского Союза? Какие планы вынашивает советское руководство?

Еще в пунктах сбора и анализа лежали вагоны секретных материалов, добытых во время наступления, ожидавших своей оценки, но на перечисленные насущные

вопросы эти материалы уже не могли дать ответов. Это означало, что необходимо засылать разведчиков в тыл советского фронта и точно установить военную ситуацию у противника. Большинство до сих пор завербованных подразделениями и отделениями абвера I, II и III в ходе кампании в России информаторов, среди которых опять выделялись украинцы, в разведывательных операциях по ту сторону фронта не могли быть задействованы. Об их связи с немецкими службами знало местное население. Они «сгорели» бы, как это называлось, и подверглись бы опасности быть сразу опознанными и расстрелянными. К тому же многие из них недостаточно хорошо говорили по-русски.

Тогда среди русских военнопленных, насчитывавшихся сотнями тысяч, стали подбирать доверенных лиц, подходивших для вербовки, и обучать их. Этим в первую очередь занимались команды фронтовой разведки «Восток I», приданные группам армий «Север», «Центр» и «Юг». Но выполнением этой задачи занимались также и референты I различных отделов абвера на родине и на оккупированных территориях.

Теперь для проведения необходимых мероприятий потребовались силы, которые могли быть полезными офицерам абвера при подготовке информаторов. Помощники должны владеть русским языком и хорошо знать Красную армию.

Также из многих русских доверенных лиц следовало подготовить радистов и обучить прыжкам с парашютом. После завершения подготовки ночью их доставляли в район боевого применения и сбрасывали. Русские информаторы, не годившиеся для прыжков с парашютом, готовились для заброски через линию фронта наземным путем.

Одним из первых доверенных людей, кого в качестве помощника использовали для подготовки русских пленных, стал известный читателям бывший польский майор Гарацимович, имевший псевдоним Гапке. Он блестяще зарекомендовал себя на этом поприще в борьбе против Советского Союза. Сотни из завербованных среди русских агентов прошли через его руки. Его умение и способность располагать к себе людей были поразительными. Уже через несколько месяцев агенты, заброшенные

Гапке на советскую территорию, стали передавать по радиции ценные донесения или сами возвращались с разведывательного задания с важной информацией. Бывшего польского офицера приняли на службу в вермахт и присвоили звание зондерфюрера в чине лейтенанта.

Но в 1943 году ему не удалось уйти от своей судьбы. В обязанности Гапке также входила задача доставлять на фронт подготовленных агентов и переправлять их. В сотнях случаев все проходило без сучка без задоринки. В результате он стал слишком доверчив и беспечен со своими подопечными. Но если из среды русских военнопленных для разведывательной деятельности отбирались только те, кто внушал доверие в вопросе бесповоротного отказа от большевизма, все равно проникали и такие русские, которые переходили линию фронта с заданием вести шпионаж. Поэтому следовало учитывать и то, что некоторые военнопленные лишь делают вид, будто искренне идут на вербовку.

Во время одной из таких поездок на фронт Гапке сидел в кабине рядом с водителем, а агент, предназначенный к переброске, на заднем сиденье. Внезапно он трижды выстрелил в Гапке, оборвав его жизнь, полную приключений. Так погиб человек, хотя и с некоторыми недостатками, но которого все, знавшие его, высоко ценили. Преступнику удалось бежать. Ему, как и многим другим до него агентам, выдавали пистолет, чтобы в случае необходимости он смог обороняться. Но Гапке должен был передать агенту оружие только на линии фронта и с соблюдением всех мер предосторожности.

В связи с этим следует сказать несколько слов о том, как сотрудниками абвера проводилась вербовка военнопленных для разведывательной работы. Нашими бывшими противниками после 1945 года неоднократно выдвигались обвинения, будто абвер силой принуждал русских военнопленных к шпионажу против собственной страны. Но это не так. Подтвердить могут все оставшиеся в живых бывшие сотрудники абвера. Согласно принципиальным указаниям и директивам шефа абвера, адмирала Канариса, при вербовке запрещалось оказывать любое силовое воздействие и давление. Подобные методы работы в абвере считались предосудительными. Вербовались только те из русских военнопленных, кто шел на добро-

вольное сотрудничество. Впрочем, завербованные имели право в любой момент — даже после многодневной подготовки — заявить, что задача пересечь линию фронта и вести там шпионаж им не под силу. Это доводилось до сведения всех военнопленных при вербовке сразу и затем неоднократно повторялось в ходе обучения. Те из них, кто отказывался от разведывательной работы, использовались на предприятиях, охраняемых абвером, или переводились в лагеря военнопленных с обязательством сохранять в тайне вербовку и обучение.

Подготовка военнопленных и лиц, пригодных для разведывательной работы в тылу русского фронта, из числа гражданского населения на оккупированных территориях протекала быстро. Отделение «Иностранные армии Востока» генерального штаба хотело как можно быстрее получать информацию о военных мероприятиях в Советском Союзе, после того как фронт замер в ноябре 1941 года из-за суровой русской зимы. Комmando фронтовой разведки «Восток I» и некоторым сотрудникам I отдела абвера уже в первые месяцы 1942 года удалось переправить через фронт подготовленных агентов поодиночке или небольшими группами.

О подавляющем большинстве этих агентов абвер так ничего никогда и не услышал. И остальные давали лишь скудную информацию. Правда, разведчики, снабженные рациями, передавали полезные, даже ценные донесения. Другой части агентов удавалось пробраться обратно через линию фронта и лично доложить о своих донесениях.

С самого начала следовало рассчитывать на то, что многие из проникавших на вражескую территорию описанными каналами агентов попытаются незаметно раствориться среди населения или сдать советским органам. Но других, более надежных каналов у абвера не было. Несмотря на ненадежность и сложность этих каналов, все же были достигнуты значительные успехи.

Из советских секретных документов, добытых во второй половине 1942 года, выяснилось, что практически множество агентов, заброшенных группами фронтовой разведки в первые шесть месяцев этого года на вражескую территорию, явились в русские органы или попали под арест. С другой стороны, секретные документы

позволяли выяснить, что часть агентов успешно работала на абвер и доставила советской разведке массу хлопот.

Особенно четко это следует из одного приказа, который Берия — тогдашний шеф советской секретной службы — отдал штабам и службам, а также всем гражданским властям страны. Этот документ гласил, что применение германских радистов-агентов, поодиночке или небольшими группами, в последние недели усилилось. Агенты частично подбираются из рядов пленных красноармейцев, частично из жителей оккупированных Германией территорий и используются для шпионажа и диверсий в тылу советского фронта. Часть таких агентов добровольно сдается, другая часть арестовывается с помощью населения. Но опасность этим не устранена. Поэтому необходимо подключить все население к контрразведывательной борьбе в еще большей степени, нежели ранее. Затем шли указания, как в дальнейшем вести борьбу со шпионажем и диверсиями противника и как следует действовать при арестах агентов. Вот некоторые особенно примечательные места из этого приказа дословно:

«Вражеский агент, после разрешения компетентных органов НКВД, расстреливается в том месте, где произошел его арест, в присутствии населения. Гражданским лицам казнь преподает наглядный урок. Пособники агентов также подлежат аресту и осуждению на многолетние сроки заключения».

Эти приказы, адресованные всем военнослужащим и гражданскому населению, говорят сами за себя.

Но разумеется, советская секретная служба не ограничилась мерами по ликвидации немецких шпионов и диверсантов. Для главных штабов Красной армии именно в период с декабря 1941-го по лето 1942 года было особенно важно разведать численность германских армий и их дальнейшие наступательные планы. Ибо в боях 1941 года советские вооруженные силы несли чрезвычайно большие потери. Поэтому командованию противника требовалось получить точные данные о германском вермахте, чтобы как можно эффективнее использовать для обороны ослабленную Красную армию.

Тем временем советская разведка тоже начала готовить агентов и сотнями и тысячами засылать их через

линию фронта или сбрасывать на парашютах на оккупированную Германией территорию. В результате этого в тыловых районах немецких войск началось противоборство между группами фронтовой разведки «Восток III» и советской секретной службой в сфере контрразведки, которое в последующие годы принимало все более масштабные размеры.

Уже в первой половине 1942 года противнику удалось забросить некоторое число агентурных групп в немецкую прифронтовую полосу, скрывавшихся в лесистой, заболоченной местности. С этих баз часть агентов врага производили разведывательные вылазки, другие нападали на одиночные машины вермахта.

Советской разведке при распространении этих групп агентов в тылу германского фронта помогало то, что она еще в довоенные годы покрыла всю территорию Советского Союза густой сетью своих доверенных лиц. В задачи мирного времени этой организации прежде всего входила поддержка органов НКВД, если где-нибудь внутриполитические противники режима создавали вооруженные группы или появлялись бандитские формирования. В сеть этих информаторов в первую очередь попадали члены коммунистической партии, отобранные их функционерами.

Но сотрудники этой заблаговременно сформированной организации, предназначенной для ликвидации банд и внутриполитического противника еще в предвоенные годы, обучались и готовились на случай войны. В этом случае в их задачу входила организация партизанских отрядов в тылу противника и нарушение коммуникаций врага.

Эта широкомасштабная заблаговременная шпионско-диверсионная подготовка на случай войны сегодня кажется нам невероятной. Тем не менее добытые советские секретные документы подтверждают это. Из них, между прочим, далее явствует, что в эту организацию главным образом входили люди, освобожденные от военной службы. Этим людям, оставленным на территории, оккупированной немецкими войсками, в основном предписывалось создание в тылу нашего фронта уже к первой половине 1942 года небольших баз и опорных пунктов для советской разведки, благодаря которым она в после-

дующее время развернула формирование банд и затем партизанских отрядов.

В июле 1942 года на юге Восточного фронта началось новое германское наступление. Двумя ударными клиньями немецкие армии устремились вперед, на север к Волге в район Сталинграда, на юг в район горы Эльбрус на Кавказе. Для этого наступления было подготовлено и приведено в боевую готовность некоторое число групп фронтовой разведки. Своевременно удалось укомплектовать личный состав и обеспечить его снаряжением. Здесь снова следует особо отметить украинцев, добровольно шедших на службу и выполнявших важную работу переводчиков.

Но что означало применение пары сотен человек фронтовой разведки на столь обширных пространствах! Для них это наступление по бесконечным, разбитым и покрытым непролазной грязью дорогам стало непосильно трудным. Чтобы не отставать от фронта, а с другой стороны, иметь возможность обследовать на предмет секретных документов взятые города, группы без передышки и в большой спешке двигались вперед к постоянно меняющимся целям. Небольшими группками они растворялись на казавшихся бескрайними равнинах, в лесах и среди болот. К осени 1943 года площадь оккупированной на Востоке территории достигала около трех миллионов квадратных километров, то есть более чем в одиннадцать раз больше площади ФРГ.

Плохие дороги и обширные пространства чрезвычайно затрудняли работу групп. Несмотря ни на что, и в этом наступлении они добывали значительное количество секретных материалов, в особенности в крепости Севастополь. И снова следовало обнаруженные недавние приказы военного командования Красной армии изъять и как можно быстрее доставить собственным вышестоящим штабам. Но все остальные документы требовалось доставить в пункты сбора и анализа, располагавшиеся неподалеку от Варшавы при главном управлении фронтовой разведки «Восток I» и «Восток III». От тогдашнего фронта, где-то под Сталинградом, до Варшавы было более 1500 километров. Но сегодня трудно представить, что означало проехать такое расстояние на грузовиках по большей частью проселоч-

ным, размытым, разбитым до сотни метров в ширину дорогам.

Оценка добытых в наступлении документов вновь дала результаты, признанные военным командованием как очень ценные. К сожалению, за этот успех пришлось заплатить дорогой ценой. Части фронтовой разведки в этот период времени понесли очень тяжелые потери, поскольку им нередко — совершенно одним — приходилось действовать на территориях, кишевших бандами.

В последние месяцы 1942 года в результате тяжелого поражения германского командования, в особенности в кольце Сталинграда, наступление застопорилось. С Кавказа немецкие войска пришлось даже отводить.

Началась новая фаза войны, и не только в боевых действиях, но и на невидимом фронте. Руководители советской секретной службы обнаружили большие возможности, которые им предоставляли огромные пространства в германском тылу, практически не контролируемые войсками. Их час пробил. Они дополнительно к уже существующим открыли сотни новых шпионских школ. Путем вербовки и принуждения из Красной армии, а также из отраслей промышленности и сельского хозяйства на обучение направлялись тысячи и тысячи мужчин и женщин. Всех их должны были засылать через линию фронта. Одни из них стали радистами, другие занимались военной разведкой, третьих готовили к диверсионной деятельности и партизанской войне. Длительность подготовки зависела от ума и задач, к которым готовили обучаемого.

Затем в течение 1943 года они толпами стали появляться в нашей прифронтовой полосе. Большинство из них просачивались сквозь передовую линию, которая во многих местах разрывалась. Но многих присылали в район применения на самолетах и сбрасывали на парашютах. Неоднократно служащие фронтовой разведки наблюдали, как агенты поодиночке или небольшими группами прыгивали даже без парашютов с летящих на бреющем самолетов в глубокий снег.

Советская разведка не очень церемонилась со своими доверенными лицами. Строгость при вербовке, обучении и применении агентов доходила до жестокости.

Каждый месяц с 1943-го по 1945 год группы фронтовой разведки обнаруживали минимум тысячу вражеских

агентов и сообщали о них исполнительным властям. Органы тайной военной полиции и гестапо непрерывно проводили бесконечные аресты. Несмотря на это, поток просачивавшихся агентов становился все мощнее. Руководство противника знало об огромных потерях, поскольку получало донесения об этом с баз на бандитских территориях, с которыми поддерживало связь по радио, частично даже через курьеров. Решимость руководящих функционеров советской разведки все больше и больше отправлять своих информаторов и агентов на тайный фронт против Германии ничто не могло поколебать, в том числе и все возрастающие потери.

Советские агентурные группы, несмотря на успешное противостояние абвера, росли в германской прифронтовой полосе количественно и по численному составу. Большинство шпионов и диверсантов, засланных врагом, которых не удалось арестовать, примыкали к уже работавшим агентам и бандам.

Когда в 1942—1943 годах из оставленных советской разведкой доверенных лиц и оказавшихся в окружении красноармейцев в глухих лесах и на болотах стали формироваться первые агентурные группы в тылах нашего фронта, основная масса населения не желала иметь с ними ничего общего. Такое негативное отношение было еще и оттого, что члены агентурных групп в местностях, где не дислоцировались войска, частично для пропитания, частично для обогащения, отбирали у населения все, что им хотелось.

Но чем сильнее становились группы агентов при все ухудшавшемся для Германии положении на фронтах, тем большее влияние они стали оказывать на местное население. Многие местные шли на сотрудничество с агентурными группами из страха мести, поскольку знали, что это организация, которой руководит советская секретная служба. Пропаганда противника также влияла на настроения населения на оккупированных территориях в пользу агентурных групп. Теперь она уже не говорила об интернациональных задачах, а об отечественной войне. Некоторые местные жители были обижены мерами германской гражданской администрации и отношением ее представителей и по этой причине вступали в контакт с советским невидимым фронтом.

Так из агентурных групп формировались банды, а из тех сравнительно хорошо вооруженные партизанские соединения, личный состав которых исчислялся тысячами.

Одна из важных задач этих групп агентов и банд состояла в проведении диверсий на железных дорогах, складах вооружений и на других объектах, а также в нарушениях коммуникаций германских войск. Вскоре отдельные машины вермахта уже не могли совершать длинных поездок, и зимой 1943/44 года дело дошло до того, что партизаны стали обстреливать и небольшие колонны автомашин.

Затем агентурные группы планомерно переходили к тому, чтобы вербовать среди населения информаторов и обязывать их для шпионажа поступать на службу в германские учреждения. Это была вторая важная задача, которую перед ними поставил НКВД.

В-третьих, организованные банды планомерно работали против немецких частей и учреждений, представлявших им самыми опасными. Руководство НКВД, несомненно, знало, кто больше всего доставляет хлопот их органам в немецкой прифронтовой полосе. Поэтому противник переходил к тому, чтобы засылать контршпионов в части фронтовой разведки. Агентурные группы пытались совершать покушения, выводя таким образом из строя отдельные группы фронтовой разведки и полицейские службы. Насколько известно, все же в большинстве случаев эти запланированные преступления удавалось своевременно раскрывать, а исполнителей арестовывать.

Советская разведка для решения задач особой важности, точнее, для целей военной разведки засылала самостоятельных, с особой тщательностью подготовленных агентов, независимых от агентурных групп и партизанских соединений. Некоторые из них выдавали себя за немецких военнослужащих. В одном случае советский агент в форме немецкого лейтенанта прямо на улице попросил солдата остановить проезжавшую мимо машину, поскольку хотел подъехать на ней. В машине ехал капитан. Солдату лейтенант показался странным. Он доложил о своих подозрениях. Капитан тотчас же вышел, и мнимый лейтенант был разоблачен как советский шпион.

Но так хорошо заканчивались далеко не все случаи. В 1943 году, например, одному советскому агенту, который

в Ровно выдавал себя за немецкого обер-лейтенанта, удалось похитить немецкого генерала Зауэрбруха¹ и вывезти его на вражескую территорию. Агента основательно подготовили для этой вылазки. Он был родом из Прибалтики и хорошо говорил по-немецки, правда, с заметным акцентом. Появившись у коменданта города Ровно, полковника, он предъявил ему служебное удостоверение заграничной службы абвера на имя обер-лейтенанта Пауля и заявил, что прибыл с секретным заданием. Вполне возможно, продолжал мнимый обер-лейтенант, что при выполнении своего задания он будет вынужден обратиться за помощью к господину коменданту. Своими разговорами о секретных заданиях абвера он завоевал расположение коменданта. На вопрос полковника, может ли он что-то узнать о задании, которое дала ему заграничная служба абвера, мнимый обер-лейтенант Пауль ответил:

— Разумеется, господин полковник. Сначала речь идет о создании библиотек для добровольческих соединений, состоящих из говорящих по-русски солдат. Для этого мы хотим воспользоваться местной городской библиотекой и библиотеками вокруг Ровно. Разумеется, я должен тщательно проследить за тем, чтобы книги коммунистического содержания были уничтожены. Могу ли я в случае необходимости рассчитывать на вашу поддержку, господин полковник?

— Разумеется! — ответил комендант города.

В результате советский агент Грачев¹, игравший роль немецкого обер-лейтенанта Пауля, получил полную свободу передвижения в немецком тылу. Если бы возникли непредвиденные осложнения, он мог надеяться на подстраховку коменданта города Ровно. Поэтому Грачев, он же Пауль, принялся за выполнение своего задания, состоявшего в том, чтобы вывезти генерала Зауэрбруха живым на советскую территорию.

Зауэрбрух играл важную роль при формировании стрелковых соединений из русских добровольцев. НКВД решил его арестовать.

¹ Псевдоним. Случай этот после войны описывался и в советских публикациях.

² Подлинную фамилию агента Грачева позднее, в ходе проведенного расследования, установила фронтовая разведка.

Зауэрбрух жил в Ровно в доме, где кроме него проживала лишь домработница Ньюша. Хотя перед домом был выставлен двойной пост, но службу несли русские добровольцы. Грачев долго не раздумывал. С помощью нескольких помощников он скрутил генерала, когда тот однажды около 22 часов вошел в свой дом. Грачев, по-прежнему в форме немецкого обер-лейтенанта, заставил Зауэрбруха выпить снотворное и увез его на автомобиле.

Вероятно, советские агенты не посчитали безопасным переправлять захваченного в плен немецкого генерала через линию фронта. Скорее всего, можно предположить, что они доставили его в один из партизанских отрядов и потом вывезли на самолете. Подобные операции по вывозу из немецкого тыла на самолетах к тому времени уже не были чем-то чрезвычайным. Впрочем, с другой стороны, зимой 1943/44 года нередко и немецких доверенных лиц вывозили на самолетах с советской территории. Для таких операций абвер использовал самолеты «Хе-111». Все это было вполне возможно на необъятных русских просторах.

Дело генерала Зауэрбруха примечательно в двойном отношении. Во-первых, оно поучительно для служб, в которые являются неизвестные военнослужащие: личность последних должна основательно выясняться в вышестоящей инстанции, направившей его. Служебное удостоверение не является доказательством, тем более во время войны. Группы фронтовой разведки изымали у русских военнопленных громадное количество удостоверений. С другой стороны, множество немецких служебных удостоверений попадало в руки противника. Во-вторых, беспечность дает разведке противника преимущество. В местности, наводненной партизанами, генерал Зауэрбрух должен был жить не один, а вместе с другими немецкими военнослужащими.

Что в 1943—1945 годах абвер мог противопоставить подавляющему численному превосходству вражеской секретной службы? Что делалось для ликвидации полчищ агентов в собственной прифронтовой полосе? И насколько еще возможно отслеживать военные мероприятия у противника, в особенности разведывать замыслы советского командования?

Для соответствующих групп фронтовой разведки I это была почти неразрешимая задача. Служба контрразвед-

ки противника в тылу советского фронта сплела густую сеть осведомителей и шпиков, а также предприняла ряд охранных мероприятий. Выслеживаемым по всей стране разведчикам было непросто избежать внимания. О любом чужаке, появлявшемся в деревне или городе, они тут же доносили в ближайшее учреждение НКВД. В результате из доверенных лиц, засланных в первые месяцы 1943 года на вражескую территорию группами фронтовой разведки «Восток I», вернулись лишь единицы. Отныне уже не имело никакого смысла засылать информаторов в гражданской одежде. Потери были слишком велики, а результат ничтожен.

Но еще имелись пленные офицеры Красной армии, которые, будучи ожесточенными врагами большевизма, горели желанием что-то предпринять против властителей в Кремле. Некоторые из них в обмундировании военнослужащих Красной армии засылались на советскую территорию. Многие приносили чрезвычайно важные сведения. Среди прочего они посещали фронтовые штабы противника, представляясь, будто прибыли от вышестоящего начальства, и получали из первых рук от младших полевых командиров ответы на вопросы, которые им составил абвер. Тот или иной из них вывозился на самолете и тогда делал личный доклад.

Но в течение 1943—1944 годов подобные переброски стали все более и более затрудняться работой советской контрразведки, все реже давая удовлетворительные результаты.

В этой ситуации и проявилось, что способен дать контршпионаж, сектор¹ военной разведки, созданный адмиралом Канарисом в Германии в 1935 году. Группы фронтовой разведки «Восток III», строевые подразделения контршпионажа, с одной стороны, способствовали большим потерям агентов советских групп, а с другой — непрерывно получали сведения об оперативных замыслах противника, используя достижения контрразведки.

Для групп фронтовой разведки III (всего лишь около тысячи человек) в 1943—1944 годах на тайном Восточном фронте работы также было с избытком. Стоит не забывать,

¹ В других странах эта отрасль секретной службы развивалась десятилетиями.

что в те военные годы в прифронтовом тылу располагались сотни, даже тысячи военных и гражданских учреждений, в которых призывались и обязаны были служить на вспомогательных должностях мужчины и женщины из местного населения. Кроме того, из русских военнопленных формировались добровольческие части. Неоднократно описанная в послевоенные годы армия Власова имела численность около двух миллионов человек. Ясно, что советской секретной службе не нужно было прилагать особых усилий, чтобы бесчисленные агенты и военнослужащие Красной армии соглашались на вербовку в германские добровольческие части или учреждения для тайного шпионажа.

Принимая во внимание малочисленность имеющихся в распоряжении сил, успешная ликвидация агентов советской армии представлялась почти бесперспективной. Но сотрудники групп фронтовой разведки, в свою очередь, искали и находили среди гражданского населения и военнопленных многочисленные вспомогательные кадры, которые они «внедряли» в группы агентов. Поскольку военнопленные сбегали и скрывались в лесах, чтобы примкнуть к партизанским отрядам, с другой стороны, было не сложно тех русских военнопленных, кто вместе с Германией желал бороться против большевизма, тем же самым путем отправлять в лес, правда, уже с заданием некоторое время пробыть среди партизан, разведать их численность, наличие разведывательных подразделений и их замыслы, затем вернуться и представить отчет. Информаторов, завербованных группами фронтовой разведки среди гражданского населения, тоже можно было засылать этим путем для поиска укрытий групп вражеских агентов.

Целеустремленное квалифицированное руководство группами фронтовой разведки «Восток II» полковником Шмальшлегером и неутомимая работа их сотрудников позволили добиться большего, чем поначалу ожидалось в подобных обстоятельствах. Еще в течение 1942 года были раскрыты и ликвидированы десятки групп агентов вместе с их командирами, радистами и другими членами. Теперь группы фронтовой разведки «Восток III» научились систематически использовать достижения контрразведки для получения сведений о Красной армии.

Шпионы противника кое-что знали о своих поручителях по ту сторону фронта, их замыслах и целях. Поэтому арестованных агентов, где только возможно, тщательно допрашивали. Некоторые отмалчивались, но большинство из них при хорошем обращении лихорадочно выкладывали все, что знали. Результаты подобных допросов чаще всего давали много сведений и были весьма полезными для военного командования.

Еще важнее для так называемых радиоигр было использование раций, изъятых у раскрытых агентов. Советская разведка поначалу даже не могла предположить, что это абвер у аппарата, когда сотрудники фронтовой разведки продолжали радиосвязь сразу после ареста агентов противника. Разумеется, это было возможно лишь в том случае, если в наших руках оказывались секретные шифровальные коды. Со временем к группам фронтовой разведки «Восток III» попало более 30 радиостанций, изъятых у агентов противника, для ведения радиосвязи с органами НКВД.

В радиоиграх преследовались две цели: во-первых, выявление интересов и замыслов советского руководства, во-вторых, введение в заблуждение противника. Каждое шпионское задание, переданное НКВД по радио, содержало сведения военного характера, над чем в данный момент работает командование противника. Чем больше заданий такого рода поступало, тем проще штабам армейских групп и армий было составить картину военных мероприятий и планирования неприятеля. И тем легче с помощью сотрудников фронтовой разведки становилось передавать сведения, вводившие советскую разведку в заблуждение относительно истинного положения немецких войск.

Эти игры с лета 1942 года приобретали все большее значение. Генштаб и штабы групп армий на Восточном фронте были очень заинтересованы в их результатах. Поэтому группы фронтовой разведки «Восток III» пользовались любой предоставлявшейся возможностью, чтобы начать очередную радиоигру. Правда, при задержаниях групп агентов, имевших радиосвязь со своими хозяевами, иногда дело доходило до стычек и потерь с обеих сторон.

Вот один тому пример.

Летом 1942 года в укрытии под Гомелем обнаружили группу агентов (пятерых мужчин и одну женщину), сброшенную на парашютах. Сдаться они отказались. В результате перестрелки трех агентов застрелили, оставшихся двух и женщину схватили. Трех агентов, включая женщину, отправили в полевую комендатуру в Гомеле и там передали подразделению фронтовой разведки «Восток III», командиром которой был капитан Д. Капитан, несмотря на свой большой опыт в вопросах контрразведки, от этой троицы не смог ничего добиться. Арестованных агентов не удалось «перевербовать» и начать «контригру».

В других случаях арестованные радисты и шпионы все же проявляли готовность к сотрудничеству. Капитан Д. описывает один такой эпизод, произошедший осенью 1942 года:

«Информаторы донесли мне, что в одном здании неподалеку от полевой комендатуры в Гомеле уже несколько недель находятся агенты, сброшенные на парашютах и имеющие радиосвязь с Москвой. Командир агентов — капитан Красной армии, который в целях маскировки работал дорожным рабочим. После соответствующего наблюдения их арестовали. Помимо мужчин схватили и одну женщину — радистку группы. Выяснилось, что ее, несмотря на шестой месяц беременности, заставили прыгать с парашютом. У противника явно ощущался дефицит радистов.

За жестокость НКВД по отношению к этой женщине следовало отомстить. Она согласилась с мнением немецких военнослужащих из фронтовой разведки, что советские хозяева поступили с ней бесчеловечно. Поэтому она выразила готовность передавать по своей радиации донесения в органы НКВД, которые получала от сотрудников фронтовой разведки. Радистка была явно благодарна за хорошее с ней обращение и раскрыла тайный знак, который обязана была незаметно подать НКВД при радиосеансе, если бы попала под арест. Каждый радист перед отправкой получал от советской разведки такой секретный радиопароль. Радиоцентр НКВД, получая такой сигнал, догадывался, что абвер начинает радиоигру.

Впрочем, радистка выдала и текст радиограмм, уже переданных в советский Центр. Она прятала документы

деятельности ее группы в консервной банке. Их расшифровка дала ценные сведения об объектах и вопросах, которые должна была разведывать группа агентов, а также о том, что успели передать арестованные своим хозяевам.

Поэтому предпосылки для начала радиоигры для дезинформации секретной службы противника в этом случае были необычайно благоприятными. Разумеется, эта возможность использовалась соответствующим образом. Радистка работала надежно на своих немецких хозяев. Несколько месяцев спустя родился ребенок. По желанию матери командир подразделения фронтовой разведки взял над ними шефство. Радиоигры в последние годы на тайном фронте стали важнейшими источниками сведений о вооруженных силах противника и его замыслах. Одновременно они, как уже говорилось, служили инструментом для его дезинформации.

Но не только фронтовая разведка, вышестоящие штабы также нередко пытались ввести в заблуждение противника, в особенности когда дело касалось утаивания оперативных замыслов. Для этой цели группы армий и отдельные армии время от времени проводили настоящую перегруппировку. И у советской разведки складывалось вполне определенное мнение о замыслах германского командования, когда его шпионы будут сообщать об этих маневрах.

Так, 2-я армия генерал-полковника Вейсса¹ в июле 1943 года под Курском перед операцией «Цитадель» симулировала крупное наступление для оттягивания сил противника от района действительного наступления. Именно с этой целью осуществлялась переброска частей и перевозка их по железной дороге, оборудовались помещения для штабов, которые на самом деле были не нужны, и даже прокладывались дороги, совершенно бесполезные для подлинных скрытых задач армии. Впрочем, задействованные войска проводили эти маневры согласно ложным радио- и телефонным переговорам. С уверенностью можно было рассчитывать на то, что службы радиоперехвата противника прослушивают эти радио- и телефонные переговоры, а рассеянные по

¹ Речь идет о бывшем капитане Вейссе, который в 1923 году завербовал меня в абвер.

всей территории шпионы, наблюдая за маневрами, станут доносить о них своим хозяевам. Тогда дезинформация противника удастся.

У групп фронтовой разведки «Восток III» помимо уже описанных возможностей имелась еще одна для получения информации об оперативных замыслах командования противника. Обрабатываемые шпионские задания, которые давала советская разведка своим агентам, позволяли по меньшей мере постоянно устанавливать, какими объектами и районами интересуется противник.

Чем больше удавалось арестовывать агентов и обрабатывать их разведывательные задания, тем четче вырисовывался круг преследуемых противником разведцелей и территориально районы наибольшей концентрации агентов противника. В районах позади германского фронта, которые он хотел захватить, противник имел обыкновение засылать шпионов в массовом количестве перед тем, как начинал наступление. Руководство фронтовой разведки «Восток III» на основе планомерной оценки нередко было способно предсказывать, откуда следует ожидать следующее наступление русских.

Советская секретная служба — не единственный противник групп фронтовой разведки на оккупированных восточных территориях. Уже в начале 1942 года, когда подразделения фронтовой разведки оперировали на захваченной русской территории, английская Интеллидженс сервис в Польше и тогдашнем протекторате Богемия и Моравия выбросила агентов-парашютистов — поляков и чехов, в большинстве своем военнослужащих ВВС, используемых на родине для шпионажа и диверсий. Особенно они должны были уделять внимание ударам по железнодорожным узлам и военным коммуникациям, но в значительной мере вести и разведывательную деятельность и результаты доносить по радио в Лондон.

Одна из групп, руководимая из Лондона, провела в мае 1942 года в Праге покушение на Рейнгарда Гейдриха, тогдашнего имперского протектора Богемии и Моравии. Всех участников вместе с главарем Габчиком удалось арестовать. Второй член группы, Карел Курда, чех-эмигрант, заявил, что лондонские хозяева противились поку-

шению, поскольку опасались жестоких репрессий против населения. В этом они не заблуждались. Главное управление имперской безопасности провело массовые карательные мероприятия.

Но и они не могли воспрепятствовать тому, что в Польше и на территории бывшей Чехословакии все увеличивалось число шпионов, диверсантов и террористов противника. Подразделения фронтовой разведки не участвовали в карательных мероприятиях и мерах безопасности, проводимых Главным управлением имперской безопасности. Тем не менее они расследовали дела арестованных на польской и чешской территории вражеских агентов. Это было необходимо хотя бы только для мер безопасности управлений фронтовой разведки и школ по подготовке агентов, расположенных в этой местности.

На оккупированных польских и чешских территориях группы фронтовой разведки также добивались некоторых контрразведывательных успехов. Но их главный район боевых действий располагался поблизости от фронта. Месяц за месяцем разыскивали они там тысячи и более вражеских агентов. Несмотря на это, число шпионов, диверсантов и партизанских отрядов росло. Советская разведка была в состоянии на место каждого арестованного агента засылать двух-трех новых. Потери же в подразделениях фронтовой разведки во многих случаях вообще было нечем восполнить.

Так соотношение сил между группами фронтовой разведки и полчищами агентов от месяца к месяцу становилось неблагоприятнее. Однако военнослужащие фронтовой разведки при постоянно возрастающих потерях исполняли свой долг, пока военное поражение германских армий не разметало выживших.

Еще раз о КО на Ближнем и Дальнем Востоке

КО на Ближнем и Дальнем Востоке, действовавшие до конца войны, существуют и поныне.

Первое небольшое отделение на Ближнем Востоке абвер открыл в начале 1941 года в Тебризе, административном центре провинции Восточный Азербайджан на северо-западе Персии. Его руководитель, майор Шульце-

Хольтус, работал под прикрытием должности секретаря местного немецкого консульства. Его пребывание в Тебризе оказалось кратковременным. Когда английские и советские войска в августе 1941 года вошли в Персию, Шульце-Хольтус, его жена и другие немцы были интернированы в Ширване под Тегераном.

Далее ему вместе с женой удалось бежать из лагеря для пленных. После авантюрного побега они попали к кашгаитам, воинственному племени на юге Персии. Оттуда жена Шульце-Хольтуса, переодетая в местные одежды, через Курдистанские горы пробралась в Турцию, явилась в одно из немецких учреждений и предложила, чтобы на самолете послали двух людей для поддержки майора и его гостеприимных хозяев в Южной Персии.

Вскоре после этого английские войска окружили Шульце-Хольтуса и его верных друзей. Развернулась буквально настоящая маленькая война за одного человека. Англичане были вынуждены всерьез использовать личный состав и технику, поскольку кашгаиты защищали своего гостя. В конце концов им не осталось ничего иного, как ввиду превосходства англичан выдать Шульце-Хольтуса.

Его семья образцово выполнила свой долг. Вдали от родины и без всякой связи с ней они действовали на свой страх и риск, чтобы служить Германии, насколько это позволяли обстоятельства.

Отдел «КО Ближний Восток» в Анкаре с отделением в Стамбуле, как уже однажды упоминалось, открылся только в июле 1941 года. Руководил им работавший под прикрытием германского посольства майор Мейер-Церматт. О деятельности отделения в Стамбуле под командованием капитана запаса, позднее майора запаса, Леверкюна сохранились точные записи.

Перед Леверкюном поставили важные задачи, но сначала не дали персонала. Когда он приступил к исполнению обязанностей в Стамбуле, у него не было ничего, кроме трех пустых, выделенных ему помещений в германском генеральном консульстве. Однако в секретной службе не всегда все зависит от большого количества средства и многочисленного персонала. Леверкюну особенно пригодились, что он уже хорошо знал Ближний Восток и использовал для выполнения своих задач прогермански

настроенных турецких и арабских деятелей. Приобретая необходимую мебель и пишущую машинку, он начал подбирать вспомогательный персонал. Ему удалось нанять на работу Паулу Кох, выросшую в Алеппо и лично знавшую большинство немцев, которые на Востоке имели какой-либо вес. Кроме того, она поддерживала дружеские отношения с влиятельными арабскими семьями.

Паула Кох во время Первой мировой войны руководила лазаретом в германской армии, под командованием Крессенштейна наступавшей на Суэцкий канал. Она выдвинула лазарет вплотную к линии фронта, проявив осмотрительность и мужество. В связи с этим и касательно ее вклада как сотрудницы отделения КО в Стамбуле, после 1945 года в одном иллюстрированном журнале появилась статья, в которой Паула Кох прославлялась как Мата Хари Второй мировой войны. Леверкюн по этому поводу заметил: «Этот пример неубедителен: Мата Хари была девушкой легкого поведения в Париже, Паула Кох же глубоко верующей католичкой».

Но на деле же Леверкюн был обязан Пауле Кох первыми эффективными связями. Среди прочих через нее он познакомился с племянником муфтия Иерусалима, Мусой Хуссейни, и другими важными лицами арабской эмиграции в Стамбуле. Многих из них изгнали из родных стран англичане или французы. Поэтому они охотно воспользовались возможностью сотрудничества с германской секретной службой. В результате Леверкюн смог в течение нескольких месяцев завербовать некоторое число высококвалифицированных информаторов и использовать их для решения поставленных перед ним задач.

Самая важная задача, поставленная перед отделением КО в Стамбуле, — непрерывная разведка войск противника на Ближнем и Дальнем Востоке, включая Египет. Эта страна служила союзникам базой для всех военных операций в Северной Африке и на Востоке. Так как Средиземное море вследствие применения немецких подводных лодок для морских коммуникаций противника использовалось в ограниченном объеме, вражеские державы были вынуждены снабжать свои части, находившиеся в Египте, Сирии и Иране, морским путем вокруг Южной Африки через Красное море.

Благодаря вербовке и обучению арабских доверенных лиц Леверкюну удавалось непрерывно получать ценные сведения о войсках противника в Египте и Малой Азии и их передвижениях. Его разведанные, направлявшиеся ему абвером через отделение генштаба «Иностранные армии Запада», особенно были полезны для германского корпуса в Африке.

Но главные штабы и имперское правительство, разумеется, хотели знать больше, нежели только объективные данные о том, где на Востоке дислоцируются войска противника и какова их численность. Решающее значение они придавали вопросу, как вражеское командование собирается применить установленные части. С этим увязывался и другой вопрос большой политики: будут ли турки, связанные договором с англичанами, сохранять нейтралитет по отношению к Германии в течение всей войны?

Прояснение этих вопросов — важнейшая часть поставленных перед Леверкюном задач. И разведка военных замыслов противника также имеет смысл лишь в совокупности с прояснением политической ситуации.

Из разговоров с турецкими друзьями Леверкюн выяснил, что члены турецкого правительства стремятся сохранять нейтралитет, но опасаются давления англичан. Подобное давление может осуществляться союзниками через военную угрозу южным районам Турции из Сирии и Ирака. Таким образом, именно там находился центр тяжести задачи военной разведки для Леверкюна. Базируясь в Газиантепе, Урфе и других опорных пунктах в Южной Турции, он должен был попытаться разведать, как себя ведут и что планируют английские и французские части в сопредельных на юге странах.

С помощью разведчиков оказалось довольно легко установить, какие армии противника дислоцируются в Ираке, Сирии и Египте. Но гораздо труднее Леверкюну было узнать, когда и как правительства вражеских держав собираются применить эти армии. И здесь Леверкюну снова помогли его связи с турецкими друзьями. В первую очередь следовало благодарить многолетнее германо-турецкое военное сотрудничество: турки открыто обсуждали с абвером некоторые шепетильные вопросы.

Во всяком случае, Леверкюн смог узнавать от своих турецких друзей, занимавших высокие посты, об отноше-

ниях Турции с правительствами союзников гораздо больше, нежели это было бы возможно с помощью самой разветвленной сети военных разведчиков. Друзья Леверкюна по собственному почину сообщали ему политические новости, получаемые ими от дипломатических представительств Турции по всему миру. Турки не делали тайны из важности сохранения нейтралитета страны. В первую очередь они информировали Леверкюна о мероприятиях и планах союзников, направленных на то, чтобы затруднить Турции сохранение нейтралитета, во-вторых, о мероприятиях, открывавших германскому рейху перспективы начать переговоры для окончания войны.

Так, в 1941—1944 годах представителю абвера в Стамбуле поступали многочисленные донесения большой политической важности. Но абверу в принципе запрещалось заниматься политической разведкой. Чтобы добытые им сведения не легли под сукно, Леверкюн передавал их для оценки фон Папену, германскому послу в Турции. Копии этих документов он направлял адмиралу Канарису.

Сведения, полученные от надежных друзей в Германии, кроме того, касались следующего: попыток Советского Союза вступить в переговоры с имперским правительством, затем непрерывного тайного обмена мнениями между русскими и японцами, а также усилий японцев воспрепятствовать переговорам между германскими и американскими уполномоченными представителями. Иностранные дипломаты в 1942—1943 годах неоднократно доводили до сведения турецких партнеров, что у Германии имеется возможность закончить войну с Советским Союзом, по меньшей мере остановить кампанию в России.

Другая возможность закончить военные действия представилась в марте 1943 года. Турецкое министерство иностранных дел дало знать германскому послу фон Папену, что архиепископ Нью-Йорка, нынешний кардинал Спеллмен, намеревается приехать в Турцию для переговоров с германским послом или уполномоченным им лицом. Фон Папен предложил Спеллмену в качестве такового Леверкюна. Но министерство иностранных дел в Берлине энергично запротестовало.

Именно майор запаса Леверкюн, действовавший совершенно согласованно с Канарисом и имевший возможности для завязывания мирных переговоров в благоприятном

для этого месте — Стамбуле, именно он стал невольным виновником отставки шефа службы и разрушения абвера.

В филиале «КО Ближний Восток» в Стамбуле, руководимом Леверкюном, служил сотрудник доктор Эрих Фермерен. В феврале 1944 года он с женой сбежал к англичанам. Позднее супруги Фермерен заявили, что по нравственным и религиозным причинам для них стало невозможным дальнейшее сотрудничество с Гитлером.

Этот инцидент явно не имел никакого существенного значения для хода войны. Но донесение об исчезновении Фермерена из отделения Леверкюна вызвало у Гитлера приступ необычайного бешенства. Имя Леверкюна снова было названо вместе с именем Канариса и политическими событиями, представлявшимися фюреру нежелательными. Он отправил в отставку адмирала Канариса и издал приказ следующего содержания:

«1. Приказываю создать единую секретную службу сбора информации.

2. Руководство тайной службой сбора информации возлагаю на рейхсфюрера СС. Он и шеф главного командования вермахта вместе согласуют, каким образом военная разведка будет преобразована в секретную службу сбора информации».

Тем самым в феврале 1944 года была бесповоротно решена судьба абвера, а адмирал Канарис отправился навстречу своей печальной участи.

«КО Дальний Восток» с 1941 года до окончания войны

В июне 1941 года один высокий стройный человек ехал на транссибирском экспрессе из Германии в Китай. Путешествие казалось ему бесконечным. Перед его отъездом в офицерских кругах в Берлине шептались о возможной войне с Советским Союзом. Беда, если человека разразившаяся война застигнет в Сибири! Ибо путешествующий под именем коммерсанта Эрхардта в действительности был офицером абвера — майором Лотаром Эйзентрегером¹. Однако ему посчастливилось. За

¹ Последнее звание подполковник.

восемь часов до начала германского нападения на Россию Эйзентрегер въехал на китайскую пограничную станцию Манчжули, откуда он смог беспрепятственно отправиться в место своего назначения — город Шанхай.

Центр тяжести его задания поначалу приходился на добычу стратегически важного сырья, преимущественно вольфрама, цинка и каучука, которые на судах должны были вывозиться из восточноазиатских портов. Шанхай к тому времени еще не был занят японцами. Поэтому в «колонии иностранцев» города жили дипломатические представители разных народов — включая немецких, английских, французских и советских, — как и прежде, мирно друг подле друга.

Многонациональное общество большого города предоставило Эйзентрегеру, аккредитованному при германском посольстве в качестве чрезвычайного и полномочного представителя и знавшему Дальний Восток по прежним годам, отличные возможности для выполнения его задания. Он без труда достал необходимое количество потребного сырья. Но тем временем Великобритания с помощью радаров настолько расширила зону контроля, что рейсы германских блокадопрорывателей становились все более и более невозможными.

Эйзентрегер в октябре 1941 года получил от адмирала Канариса задание организовать «КО Дальний Восток» и взять на себя руководство им. Руководимое до сих пор неким господином Зауэром¹ отделение в Шанхае с 1938 года в основном занималось выполнением заданий группы I М отдела абвера I. Среди прочих задач оно вело разведку в регионе Тихого океана с восточноазиатского побережья, чтобы информировать оперировавшие там германские рейдеры о маршрутах пароходов неприятеля и предупреждать их об опасностях, угрожавших им от вражеской авиации.

Однако влияние кампании в России сделало продолжение морской войны Германии на Тихом океане практически невозможным. Начало японско-американской войны бесповоротно положило ей конец. В результате этого задание, которое в свое время получило отделение абвера в Шанхае, утратило актуальность.

¹ Псевдоним.

С малочисленным персоналом Эйзентрегер оказался перед лицом новой, казавшейся вряд ли разрешимой задачи. Ее главными целями были:

1. Разведка американских и английских частей, воюющих против Японии и перебрасываемых и используемых для поддержки Китая; в связи с этим наблюдение за военной ситуацией на Дальнем Востоке.

2. Выяснение, поддерживает ли и в какой степени Советский Союз Китай и сотрудничает ли с Великобританией и США?

3. Наблюдение за связями между Японией и Советским Союзом.

За эту последнюю часть задания можно было приняться быстрее и легче всего. У Советского Союза на протяжении всей войны в Шанхае располагалось большое в кадровом отношении и энергично действовавшее генеральное консульство. Цель находилась прямо под руками. Но как «КО Дальний Восток» мог проникнуть в тайные отношения и работу генерального консульства?

Эйзентрегер искал и нашел возможности в большом китайском портовом городе для поиска информаторов. Тогда в городе находилось множество дипломатических и консульских представителей нейтральных стран, которые из-за военных действий более или менее были обречены на бездействие. Среди них Эйзентрегер приобрел друзей, с помощью которых «КО Дальний Восток» удалось установить контакт с дипкурьером советского генерального консульства и завербовать его.

У курьера в Шанхае проживали близкие родственники, настроенные антикоммунистически и с готовностью поддерживавшие сотрудников КО при его вербовке. Курьер многие годы честно работал на абвер. В первую очередь он поставлял сведения о том, что происходило внутри советского генконсульства в Шанхае. Не менее ценными были его донесения о результатах поездок и своих наблюдениях в Советском Союзе.

Эйзентрегеру и его сотрудникам в Шанхае удалось завербовать и других ценных информаторов. Но как он мог подступиться к выполнению первых двух заданий? Разведка войск в дальневосточном регионе и прояснение вопроса, насколько китайское правительство в Чунцине пользуется поддержкой западных держав и Советского

Союза, представлялись возможными лишь через доверенных людей, если удастся покрыть шпионской сетью обширные пространства Китая. Но это оказалось не по силам Эйзентрегеру и его сотрудникам ввиду громадных пространств и военного противостояния Японии и Китая. От Токио до Чунцина, где тогда располагалось китайское правительство, расстояние было три тысячи, а от Японии до самой удаленной точки на китайско-русской границе свыше пяти с половиной тысяч километров. Сверх того, потребовались годы и сотни кадровых сотрудников, а также огромные валютные средства, чтобы организовать тайную сеть на этой обширной территории. Итак, все это исключалось. Но где же тогда подходящий выход?

Большие расстояния дальневосточного региона вынуждали и друзей и противников использовать передачу секретной информации по радио, ежели это было необходимо на Европейском театре. Эйзентрегер исходил из этого. Следовало попытаться создать станции прослушивания, чтобы перехватывать секретные радиопереговоры. Техническое оборудование и в первую очередь необходимое число радистов и других специалистов организовать было можно, поскольку в Шанхае и в других восточно-азиатских гаванях стояли германские торговые суда, на которых находились необходимые кадры и оборудование.

Однако размещать подобные станции радиоперехвата было можно только по согласованию и с помощью соответствующих японских инстанций. Итак, Эйзентрегер начал переговоры с генеральным штабом в Токио и главным командованием японских армий, ведущих боевые действия в Китае. Прошли месяцы, прежде чем его выслушали и он получил поддержку. У японских партнеров по переговорам из-за боевых действий имелось и без того множество других забот. Наконец генерал Тяго, шеф германского отделения в японском генштабе, и генерал-лейтенант Иване Матсуи, главнокомандующий японской (Квантунской) армией в Китае, дали разрешение на реализацию проекта.

Тем временем прошел почти год. После длительного безуспешного ожидания решения вопроса Эйзентрегер с двойной энергией взялся за создание аппарата технической разведки. Тем, что в течение нескольких месяцев ему удалось развернуть две станции радиоперехвата в Пеки-

не и Кантоне, в первую очередь он был обязан активно-му содействию прикомандированного к нему японского офицера Такасиму. Он энергично устранял все препятствия, возникавшие при реализации операции в Китае, и в остальном деятельно поддерживал контакты между Эйзентреггером и главными японскими штабами.

В канун 1943 года станции прослушивания в Пекине и Кантоне смогли начать свою работу. На каждой трудились по 30—40 подготовленных радистов, дешифраторов и других специалистов. Большинство из них плавали на немецких судах. Но некоторые пришли на грузовых судах нейтральных стран, заходивших в китайские порты. Эти моряки, в том числе и иностранцы, предпочитали принять немецкое предложение о сотрудничестве за хорошую плату, нежели снова на своем судне идти в море и подвергаться опасности быть торпедированными.

Когда в 1943 году началась работа по прослушиванию, Эйзентреггер был поражен объемом перехваченных радиообменов, содержавших тайные сведения. В течение нескольких недель обе станции зафиксировали от 80 до 90 русских, английских и американских передатчиков, которые регулярно передавали информацию, и их можно было непрерывно прослушивать. Поразительно, многие из них не шифровали радиোগраммы, касавшиеся конфиденциальных и даже секретных тем. Другая часть перехваченных радиোগрамм шифровалась ненадежно, так что их легко дешифровывал помощник Эйзентреггера, капитан запаса Хабенихт.

Хабенихту, специалисту в этой области, среди прочего удалось расколоть код американской береговой службы оповещения. Поскольку шифр никогда не менялся, а использовался американцами при проведении всех десантных операций, Эйзентреггер получил масштабный доступ к сведениям американского военно-морского командования у дальневосточного побережья.

Результаты этой работы направлялись не только в заграничную службу абвера, но и в соответствующие японские ведомства. Эйзентреггер считал, что японцы использовали эту информацию в недостаточной мере. Однако американцы после войны были очень злы на него за то, что тот передавал японским союзникам материалы прослушивания.

Станции прослушивания в Пекине и Кантоне ежедневно перехватывали до 2 тысяч радиogramм. Их анализ, помимо уже описанного проникновения в замыслы американского военно-морского командования, давал и многочисленные другие выводы военного и политического характера.

Так, станция прослушивания в Кантоне прежде всего перехватывала радиообмен американской службы воздушного наблюдения в дальневосточном регионе. Поскольку английские и американские эскадрильи вследствие огромных расстояний были вынуждены летать по пеленгу, станции радиоперехвата могли в любое время зафиксировать количество и направление полета самолетов. Поэтому Эйзенрергер смог с помощью своих помощников в главном командовании группы «Юг» японской армии в Китае смонтировать и обслуживать огромную наглядную карту с множеством разноцветных лампочек, включением которых с центрального пульта воздушного наблюдения можно было наглядно показать, где и в каком количестве самолеты находятся на подлете к целям или же возвращаются с задания.

Другим почти что неисчерпаемым источником важных сведений стал перехват радио- и телефонных переговоров между ведомствами китайского правительства и английскими и американскими штабами. Эйзенрергер рассказывал, он не мог себе представить, насколько беспечны были даже высшие офицеры союзнических войск при радиообменах с маршалом Чан Кайши и его сотрудниками.

Станция радиоперехвата в Пекине также добилась значительных успехов. С ее помощью прослушивались некоторые радиостанции противника, располагавшиеся в Монголии и Сибири. Советские командные инстанции, железнодорожные узлы, склады и военные предприятия, расположенные в этих районах, ввиду больших расстояний также были вынуждены интенсивно пользоваться радиосвязью. Из этого третьего источника ежедневно поступали важные военные, политические и экономические сведения о мероприятиях в Советском Союзе, потребностях и планировании в дальневосточном регионе.

Большое политическое значение в особенности имели перехваченные сведения служебных и частных пере-

говоров между советскими и китайскими ведомствами и их сотрудниками.

Разговоры между японскими и русскими официальными лицами, среди которых Эйзентрегер приобрел немало друзей и доверенных лиц, также можно было использовать во благо германского рейха, если бы у нас имелся министр иностранных дел, способный улавливать веяния времени.

В целом достижения и результаты, которых добился Лотар Эйзентрегер и его сотрудники, против ожидания были велики, особенно если вспомнить, что организация прослушивания в чужой стране создавалась на пустом месте и «КО Дальний Восток» в целом насчитывал не более сотни человек. А что означала при тогдашних военных событиях с учетом бескрайних азиатских пространств какая-то сотня человек!

К сожалению, ценнейшие данные «КО Дальний Восток» стали поступать лишь к 1943—1944 годам, когда звезда абвера стала закатываться. Если бы Эйзентрегер смог создать аппарат технической разведки на пару лет раньше, кто знает, опираясь на информацию о военном, политическом и экономическом положении в Сибири и в дальневосточном регионе, Канарису, может быть, все же удалось переубедить Гитлера.

Но сверхважные донесения «КО Дальний Восток» поступили слишком поздно. Адмирал проиграл свою борьбу за мир и против Гитлера.

КНИГА ВТОРАЯ

**ТАЙНАЯ ВОЙНА
НА ЗАПАДЕ**

Один шпион в нужном месте заменит двадцать тысяч солдат на фронте.

Наполеон I

Из всех солдат шпион представляется мне самым значительным; если враг его в большинстве случаев ненавидит, то лишь оттого, что в большинстве случаев боится.

Король Георг V

Агенты должны быть умными; в решающий момент они не останавливаются ни перед какими жертвами.

*Директива № 185796
советской разведки*

Шпионаж — занятие для мужчин.

Полковник Николаи

Глава 1

КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА ГЕРМАНСКОГО АБВЕРА В 1935—1939 ГОДАХ

Над Эйфелем яркий майский день. Я сижу на открытой террасе рестораника в Килльтале и любуюсь пейзажем. Передо мной ручей, который, сверкая на солнце, журча и тараторя, живописными извилами устремляется к Мозелю. Лиственные леса по обе стороны долины весело шумят свежей весенней зеленью. Кукует кукушка, снова и снова подающая голос, приветствуя чудесный день. И больше ни звука, стоит мирная тишина. Ничто не напоминает о том, что всего в каких-нибудь 50 километрах, в треугольнике, где сходятся границы трех стран — Франции, Люксембурга и Германии, — начинается Западный фронт, который тянется оттуда по границе Саарской области и Пфальца в юго-восточном направлении и затем вдоль Рейна на юг до Швейцарии.

Я в штатском. Годы интенсивного труда позади. Первые месяцы с начала войны оказались для меня особенно напряженными. Некоторое количество тайных операций на фронте, в Люксембурге и Бельгии были мной не только разработаны, но и проведены лично. Теперь я надеюсь на небольшой отдых и разрядку в Килльтале. Но не тут-то было. Мой помощник, зондерфюрер Даус, приезжает за мной. Наконец-то отдан приказ о наступлении на Западе.

Никогда, даже в своих самых смелых мечтах, я не предполагал, что стану солдатом и буду заниматься разведкой и контрразведкой. В западнопрусской земле Кульмер мои

¹ Э й ф е л ь — западная часть Рейнских Сланцевых гор на западе Германии. Природные парки. (Здесь и далее примеч. авт.)

родители имели крупное поместье. Грянувшая Первая мировая война в один миг разрушила мое безоблачное детство.

В 1914 году, еще гимназистом, я добровольцем вступил в пехотный полк. После короткой подготовки попал на войну и основательно познакомился с ней на Восточном и Западном фронте. Дважды был ранен. Домой вернулся в звании лейтенанта запаса. Но вскоре после этого, в начале 1920 года, земля Кульмер снова стала польской. И потому мне пришлось покинуть мою старую родину. В Данциге я нашел место в полиции. За сравнительно короткое время дослужился до чина комиссара уголовной полиции, криминальрата и начальника уголовной полиции Данцига. В 1933 году к власти пришли национал-социалисты, вскоре и у меня начались разногласия с членами партии. В результате я перешел в вермахт.

1 октября 1934 года, после короткого обучения, в звании капитана я был назначен в только что созданный штаб корпуса IX АК¹ и поступил в распоряжение отдела Ic (АО) к подполковнику Гофману, который в качестве начальника отдела Ic штаба корпуса, как тогда было принято, одновременно был и начальником отделения абвера в IX военном округе. Здесь я познакомился с различными направлениями военной контрразведки и несколько месяцев спустя стал сотрудником контрразведки этого округа. Я неоднократно принимал участие в деловых совещаниях в Берлине, проводимых полковником Роледером, руководителем рабочей группы по контрразведке заграничной службы абвера. Там я впервые встретился с шефом службы, адмиралом Канарисом. Ему больше приходилась по душе сфера деятельности отдела IIIf, как тогда называлась контрразведка. Он терпеливо выслушивал доклады офицеров отдела IIIf о своей работе. Но мог и вспылить, если предлагались пути и средства, бывшие ему не по нутру. По этой причине в один из дней 1935 года он начал обсуждать широко освещавшееся тогда в прессе дело польского ротмистра Сосновского, арестованного в 1934 году в Берлине за шпионаж.

Сосновский, офицер польской разведки, незадолго до того прибыл в Берлин под видом обеспеченного граждан-

¹ Армейский корпус.

ского лица. Он искал доступ и сумел войти в доверие к семьям, в которых были дочери, служившие в военном министерстве. Он вступил с ними в любовную связь. Каждая верила, что Сосновский женится на ней, поскольку тот не скупился на соответствующие намеки и обещания.

Но ротмистр использовал эти отношения лишь для шантажа. Среди прочего он распорядился заснять любовные сцены с ними, чтобы в случае необходимости серьезнейшим образом скомпрометировать этих женщин. Затем Сосновский начал шантажировать их и потребовал, чтобы они приносили ему секретные документы со службы в военном ведомстве. Поэтому двух из них за измену родине приговорили к смертной казни через повешение; третья получила длительный срок лишения свободы.

По этому поводу Канарис заявил: «Кто из моих офицеров будет работать подобными методами, сразу вылетит! Против такого я применю всю власть».

В целом в 1935 году в немецкой военной контрразведке служило всего около 40 офицеров. В ходе войны число их возросло до неескольких сотен.

После занятия Рейнской области в марте 1936 года меня в качестве «авангарда» отдела IIIf перевели в Трир, и моей зоной разведки стала вся Франция. Важнейшей задачей, так называемой высшей целью, было: тайными путями проникнуть в деятельность тех французских служб, которые непрерывно засылали шпионов в Германию. Число арестованных на ее территории агентов, шпионивших в пользу Франции, в последнее время возрастало из месяца в месяц, но все же не было ясности, в каком объеме французские спецслужбы действуют в германском рейхе и какую угрозу они представляют военным объектам.

Хотя теперь я и был облечен доверием, мне стоило задуматься над тем, что я недостаточно знал территорию и людей в Рейнской приграничной области. Кроме того, в моем распоряжении находились всего лишь один сотрудник и одна машинистка. У меня не было даже шофера, так что помимо прочих трудностей мне еще предстояло самому водить машину в моих многочисленных разъездах. Итак, задачи передо мной стояли не из легких.

1936—1937 годы. Первые попытки дезинформации спецслужб противника

Но разве мне не нужно завоевывать доверие, добиваться поддержки запланированных мной операций? В первую очередь это зависело от того, удастся ли привлечь на свою сторону местные власти, учреждения которых располагались на границе между Аахеном и Саарбрюккеном. К ним относились начальники отделений тайной государственной полиции¹ в Трире, Саарбрюккене и Аахене, а также начальники таможенных пунктов и местные полицейские власти. Всех по служебным каналам известили, что я из Трира руковожу деятельностью отделения IIIf. Но какой от этого был прок, если упомянутые местные начальники, в подчинении у которых находились сотни чиновников на границе, не пожелали бы сотрудничать, если их не интересовала контрразведка и если они, вполне возможно, дали понять своим подчиненным, что для них была бы нежелательна поддержка работы отдела IIIf; все это сказало бы весьма плохо на моей деятельности.

Подобной позиции прежде всего следовало ожидать от начальника гестапо, хотя тогда еще существовали договоренности адмирала Канариса с РСХА, чтобы офицеры абвера в контрразведывательных целях имели право подключать сотрудников гестапо в качестве кураторов-осведомителей. Офицеру абвера в таких случаях вменялось в обязанность лишь устно, в общих чертах, ввести в курс дела вышестоящее начальство привлекаемых сотрудников.

Но местные власти сверх ожидания проявили заинтересованность и принципиальную готовность оказывать содействие. Начальники отделений тайной государственной полиции в Трире и Саарбрюккене не были исключением. Они также помогали отделению IIIf в чем только было возможно. С их помощью я вступил в контакт с некоторыми надежными сотрудниками на границе, которые согласились подыскивать полезных для отделения людей. Подобранный местными руководителями персонал состоял из мужчин 30—40 лет, в большинстве случаев бывших унтер-офицеров, уже давно служивших на соответствующих пограничных переходах и хорошо информированных

¹ Гестапо.

о людских перемещениях через границу в обе стороны. Они были распределены на шести пограничных пунктах и могли моментально выдавать справки по немцам и иностранцам, в последнее время совершавшим очень частые поездки во Францию, Германию и Люксембург.

Привлеченные чиновники работали совершенно независимо. Ни один из них не знал о тайной деятельности другого. Каждый, будь то полицейский или таможенник, уже обладал соответствующей накопленной информацией и сразу понимал, о чем идет речь. Один из них, по имени Клейнерт, в первой же беседе со мной заявил: «На границе я хожу вместе с одним французским таможенником, он лотарингец и, по-моему, его легко подкупить. Мне кажется, он довольно ограничен. Когда мы встречаемся с ним на границе, вечно выкладывает мне все, что у него на душе. У него очень низкое жалование, а ему не терпится жениться на одной девушке с претензиями. Уверен, он польстится на деньги».

Шесть сотрудников, или разыскников, как их называли, в последующие годы проявили себя компетентными, скрытными и ценными сотрудниками для разведывательной деятельности в области контршпионажа. Самыми энергичными были сотрудники пограничной охраны Глокке и Герман, а также упомянутый таможенник Клейнерт. Уже в первые месяцы сотрудничества я получил от них массу ориентировок, в том числе указания на лиц, которые, возможно, представляли или могли представлять интерес для контрразведки.

Прежде чем приступить к разработке ориентировок, вербовке людей, которые должны были работать на германскую контрразведку во Франции или Люксембурге, мне предстояло самому осмотреться в Люксембурге и Бельгии. Особенно необходимой я считал поездку в Люксембург. По моему мнению, оттуда, скорее всего, можно было бы подобраться к отделениям французских секретных служб в Меце, Лонгви и Диденгофе.

Расположенная на Эльце столица произвела на меня впечатление. Укрепленный верхний город с замком и кафедральным собором напоминал о том важном значении, которое Люксембург имел в средневековье.

В целях безопасности я совершал эту поездку без сопровождающих. Когда сотруднику секретной службы для

выезда за границу необходимы маскировка и легенда, одному пробираться гораздо легче, нежели в компании нескольких человек.

Богатый край, в особенности благодаря наличию руд и песчаников на юге страны. Этот район, так называемый бассейн Рюмелинг-Эша и Диффердинген-Родинген с горными и металлургическими предприятиями с точки зрения моей задачи представлял особый интерес, поскольку был тесно связан с лотарингским промышленным районом. Ежедневно сотни люксембуржцев трудились на французской территории. С другой стороны, и французы работали на люксембургских предприятиях. Население Люксембурга говорило по-немецки, корни у них в основном мозель-франконские, однако особого расположения к немцам оно явно не испытывало. «Пруссаки», как в большинстве случаев именовались немцы, очевидно, не пользовались любовью, а кое-где их даже ненавидели. К французам и франкоговорящему населению, несомненно, относились любезнее. Разве это не наводило на размышления?

Результаты поездки в Люксембург в основном же разочаровали. Поэтому я колебался, устанавливать ли там контакты с названными мне доверенными. И вдруг объявился один из случайно рекомендованных в Трире людей...

Сын крестьянина, Петер Бреннер, около 30 лет, массивный, светловолосый, сильный, предприимчивый, с крупной головой и примечательными чертами лица. Его родители давно владели большим хутором, расположенным примерно в 20 километрах от Люксембурга. Все члены семьи сохранили германское гражданство и пользовались репутацией добропорядочных немцев.

Мне удалось так устроить, что я переговорил с Петером Бреннером без свидетелей. Он, сияя от радости, согласился на сотрудничество. обстоятельная беседа с ним показала, что он оценивает ситуацию в герцогстве Люксембург как более благоприятную, нежели мне показалось. Бреннер объяснил, что в «карликовом» государстве все же существует определенное число немцев, на которых можно положиться как на патриотов. Сверх того, немалое число коренных люксембуржцев с антигерманскими и профранцузскими настроениями вообще не находили понимания среди большей части населения. Отношение к Германии

резко ухудшилось лишь в последние годы. Эмигранты, покинувшие страну из-за мер, предпринятых против евреев, и перебравшиеся в Люксембург, умело раздували эффективную противогерманскую пропаганду.

У Петера Бреннера был обширный круг друзей и знакомых в Люксембурге. Некоторые из них совершали по работе частые поездки во Францию. Человек с такими связями мне был весьма кстати для создания агентурной сети в Люксембурге, Бельгии и Франции.

У него к тому же имелось достаточно времени для тайной деятельности, поскольку он был холостяком и не слишком занят на хуторе своих еще довольно крепких родителей. В его распоряжении находился тяжелый мотоцикл, следовательно, можно рассчитывать на его мобильность.

Но, к сожалению, все же имелось и слабое место. Дело в том, что Бреннер — член НСДАП — в кругу друзей и знакомых слыл ярым национал-социалистом. Потому предполагалось, что люксембургские власти уже обратили на него внимание и установили тайную слежку.

При использовании Бреннера следовало заранее принять это во внимание. А потому я настрого предписал ему две вещи: во-первых, никто не должен ничего знать о его связи с немецкой секретной службой, даже родители и братья; во-вторых, по своему почину он никогда не должен никого (даже своего лучшего друга) вербовать в абвер. Сотрудничество с Бреннером уже через несколько месяцев принесло свои первые плоды. Среди прочего удалось установить двух сотрудников французской секретной службы, которые — замаскировавшись под вино-торговцев — жили в Люксембурге и оттуда действовали против Германии.

Далее для абвера были важны ориентировки, данные Бреннером на людей, которых, с его точки зрения, можно было с успехом привлечь для работы в немецкой контрразведке. Бреннер умел не только давать подробные сведения по этим лицам, но в то же время, сам себя при этом не афишируя, незаметно создавал такую ситуацию, которая облегчала мне или уполномоченному мной лицу проводить вербовку.

Среди вербуемых были не только немецкие, но и люксембургские, бельгийские и французские граждане. По-

степенно образовывалась сеть разыскников, понимаемая германской разведкой как система надежных опорных пунктов, с помощью которых должен будет нанесен дальнейший и решающий удар по французской секретной службе. Подобная агентурная сеть создавалась абвером с 1936-го по 1939 год как основа для последующих операций службы разведки. Осведомители — это глаза и уши контрразведки — содействовали планомерной разведке так называемых E- и GV-каналов.

Благодаря работе проверенных разыскников в Меце, например, я был в состоянии следить за местным отделением Второго бюро, чтобы выяснить: точное расположение отделов бюро и финансовое положение, семейное положение, привычки и слабости сотрудников этого отделения французской секретной службы. Такая разведка в конце концов была нацелена на то, чтобы подкупом или каким-либо иным способом завербовать сотрудников Второго бюро в Меце. Если это удавалось и завербованный честно информировал о служебных делах на своем рабочем месте, то возникал так называемый канал E, по которому удавалось внедряться в службы противника.

Дело Фукса

Когда осенью 1936 года я начал работу над созданием этих каналов E, то, без каких-либо усилий с моей стороны, вдруг появился один интересный канал GV4.

С унтер-офицером окружного военного комиссариата Фуксом в Ганновере пытался установить контакт французский агент. В вермахте существовали инструкции относительно того, как солдату следовало себя вести, если его попытается завербовать иностранная разведка. Фукс был соответствующим образом проинструктирован и повел себя правильно: не отверг предложения вербовщика, но сделал вид, что пошел на них, сильно колеблясь. Он заявил, что ему нужно точно знать, чего от него хотят, чтобы решиться, не слишком ли это для него опасно. Агент возразил, что о собственной безопасности ему следует беспокоиться самому. Впрочем, для него — braveго унтер-офицера — выполнить поручения французского за-казчика окажется просто детской игрой.

И всего-то потребуется снять копии или фотографии некоторой письменной документации окружного комиссариата. А за доставку такого материала по учету призывников для вермахта и формирования новых частей ему заплатили бы тысячи рейхсмарок. На это унтер-офицер ответил, что ему хотелось бы осмотреться на службе и установить, удастся ли подобраться к требуемым секретным документам. Затем он договорился с агентом о новой встрече через пару дней.

Унтер-офицер незамедлительно доложил об обстоятельствах дела по службе, начальство в свою очередь тотчас же уведомило соответствующую службу абвера при штабе корпуса в Касселе.

При следующей встрече унтер-офицер, в соответствии с указаниями абвера, заявил агенту: в принципе он согласен, но прежде чем станет добывать секретные документы, ему необходимо лично переговорить с французским заказчиком. При этом разговор шел не только о цене, но и о гарантиях на право жительства и работы во Франции, если в Германии он окажется под подозрением и ему придется бежать. Унтер-офицер Фукс так хорошо и убедительно играл свою роль, что агент французской секретной службы простился, пообещав все передать своему заказчику и вернуться через одну-две недели.

Тем временем к делу подключился я и подробно обсудил с унтер-офицером его последующее поведение. Фукс производил хорошее впечатление. Сомневаться в его искренности не было причин. У меня даже не возникало сомнений, можно ли его отпустить за границу, если французский заказчик предложит ему встречу за пределами рейха.

Когда Фукс в оговоренное с противником время прибыл на вокзал в Люксембурге, его сразу же встретил уже знакомый агент и провел к французскому заказчику, который ждал его в здании вокзала. Даус и я наблюдали за этой встречей и сумели скрытно заснять момент представления и обмена приветствиями. Прекрасно выглядевший французский хозяин был крупным, представительным брюнетом, видимо офицер. Этого не мог скрыть даже его элегантный костюм. Позднее абвер по снятым нами с Даусом фотографиям установил, что он является сотрудником Второго бюро в Меце.

После поездки унтер-офицер Фукс подробно сообщил о беседе, состоявшейся у него с французским хозяином, пообещавшим ему высокое вознаграждение за доставку необходимой секретной документации, и гарантировал ему, что тот, само собой разумеется, в случае опасности сможет перебраться во Францию.

По заданиям, полученным унтер-офицером Фуксом в Люксембурге, было видно, что французская разведка остро интересуется структурой и оснащением германского вермахта во всех деталях.

В последующие месяцы унтер-офицер Фукс неоднократно выезжал в Люксембург, чтобы передать французскому хозяину микропленки с секретной служебной документацией. Но отснятые документы были фальшивкой, подготовленной штабом корпуса в Касселе специально для данного дела с целью дезинформации французской разведки. Абвер в Берлине проверил дезинформацию. Весь материал, будь то подлинные документы или дезинформация, который собирались подкинуть по каналам GV иностранной разведке, прежде должен был проходить экспертизу и разрешение в отделе III D абвера.

Французский хозяин держал свое слово. Унтер-офицер Фукс за каждый добытый лист получил по тысяче марок. К сожалению, эту контригру удалось вести лишь восемь месяцев. Предположительно, с какого-то времени французская разведка раскусила фальсификацию получаемых документов, и тогда поездки унтер-офицера в Люксембург стали небезопасными. Но даже если эта контригра велась всего чуть больше полугода, все равно она дала важные сведения о намерениях и целях, а потом и о методах работы, сотрудниках и агентах французской разведки.

Подобные GV-каналы, которые также обозначались термином «контригра», в последующие годы стали наиболее распространенным инструментом, который абвер использовал против вражеских разведок на Востоке и Западе. Контригра — одно из лучших средств длительного контакта с разведкой противника и выявления вынашиваемых против рейха планов и шпионских атак. Разумеется, при этом случалось, что и офицер отдела III f попадал впросак и вербовал агента противника, полагая, будто приобрел надежного осведомителя. И все же подобные случаи были редки, как позднее в ходе

войны выяснилось при обработке захваченной секретной документации. С другой стороны, если германскому абверу с 1935-го по 1939 год и потом во время войны и удалось с успехом провести множество контригр, то, несомненно, в основном благодаря только что народившейся германской контрразведке, вплоть до самого начала войны действовавшей неприметно и с большой предосторожностью под руководством сравнительно небольшого круга офицеров. Противник же раскрывал ее замыслы лишь спустя годы.

Внедрение в службы противника как высшая цель: дело Флобера

С помощью агентурной сети против французской разведки в Люксембурге и Бельгии удалось запустить множество контригр в течение всего нескольких месяцев. Отныне большинство агентов-осведомителей получило задание отыскивать в первую очередь таких сотрудников французских секретных служб, которых, предположительно, можно было подкупить. Требовалась вербовка нескольких руководящих сотрудников французской разведки, если абвер хотел иметь достаточное представление об организации, оснащении, методах работы и постановках задач этого противника.

Удалось и это, а именно: в самом первом деле уже в начале 1937 года. Когда я однажды встречался с моим люксембургским куратором агентуры осведомителей Петером Бреннером, он сказал:

— Господин доктор, у меня есть для вас одна интересная ориентировка. Недавно от одного моего друга я узнал, что комиссар Сюрте Рене Флобер из Лонгви часто ездит в Люксембург и там крепко поддает. От другого друга, он живет в Эше и хорошо знает Лонгви — у него там свое дело, — я знаю, что Флобер сильно задолжал. Он пьет и тратит много денег на женщин.

(Агенты-осведомители перед войной в целях маскировки обращались к офицерам абвера в гражданском «господин доктор».)

Сначала я думал подослать Флоберу женщину (что сделать было несложно), которую мы могли бы посвятить во

все и использовать против комиссара. Но в конце концов мне, памятуя об отношении к этому Канариса, идея показалась столь неприемлемой, что я стал искать другой путь.

Как это часто и бывает, и в данном случае помогла самая простая идея. Я навел справки, в какой компании Флобер совершает свои хмельные турпоездки. Одним из его собутельников был некий люксембургский коммерсант по имени Шнейдер, также любитель выпить, уже довольно сильно подорвавший свое дело. Я обсудил с Бреннером, который лично знал Шнейдера, положение вещей и спросил его:

— А где и при каких обстоятельствах можно выйти на Шнейдера? Вербовка Флобера могла бы дать весьма ценные сведения, поэтому я сам хотел бы заняться этим делом и попробовать вербовку. Вы же, Петер, при этом не должны ни коем образом светиться. Если я вступлю в переговоры со Шнейдером, а позднее и с Флобером, оба они не должны даже подозревать, что вы имеете к этому отношение. Люксембургский регион для проведения вербовки вызывает у меня сомнения. Итак, через одного из своих людей вам следует попытаться выяснить, не наезжает ли Шнейдер время от времени в Германию и с кем он ездит или встречается там.

— Хорошо, господин доктор, — сказал Бреннер, — думаю, вскоре мне будет известно гораздо больше. Иногда Шнейдер по делам ездит в Кёльн. Вот тут мы и попробуем.

Уже через восемь дней Петер Бреннер разыскал в Кёльне коммерсанта, с которым Шнейдер обычно встречался. Мне оставалось только позвонить коммерсанту в Кёльн, чтобы узнать, когда он ждет Шнейдера. В телефонном разговоре, который, естественно, велся под вымышленным именем, как бы случайно всплыл объяснимый коммерческими интересами вопрос о Шнейдере.

Теперь я знал, к какой отрасли принадлежала кёльнская фирма и какие дела она вела с коммерсантом. Через одного из своих доверенных лиц я распорядился найти какую-нибудь из фирм, которая интересуется подобной коммерцией. После непродолжительных поисков такая фирма была обнаружена в Кобленце. Повезло, что уполномоченный агент-осведомитель так быстро нашел профилирующее немецкое предприятие, занимавшееся им-

портом сельхозпродукции из Люксембурга; ибо подобная торговля велась лишь в сравнительно небольших объемах. Вообще торговый оборот между Германией и Люксембургом в те времена был незначительным. В больших объемах из Люксембурга в Германию ввозилась исключительно железная руда.

В сопровождении Дауса я встретился со Шнейдером в одном винном погребе в Кёльне. Мы отрекомендовались торговыми представителями, желающими от имени одной немецкой фирмы, с которой он мог бы вести те же самые дела, что и со своим кёльнским деловым партнером, установить со Шнейдером контакт. Теплая атмосфера переговоров подогревалась изысканными винами. Шнейдер очень быстро заинтересовался как сделкой, так и вином и предложил Даусу и мне обычные комиссионные в случае, если сделка состоится. Но я, совершенно сразив его, заявил, что мы отказались бы от комиссионных, если бы он познакомил нас с комиссаром Сюрте Флобером. Шнейдер быстро просчитал ситуацию и в задумчивости замолчал. Через некоторое время он пожелал знать, было ли сделанное ему коммерческое предложение серьезным. Я подтвердил и дал ему понять, что на обещанной сделке не только он, но и вместе с ним Флобер мог бы недурно заработать. Чтобы развеять возможные сомнения Шнейдера относительно того, с кем он имеет дело, я предъявил ему свое служебное удостоверение, но так, чтобы он не смог прочесть, на чье имя оно выдано.

Перспектива заработать вдвойне против обычного быстро развеяла сомнения Шнейдера. Он, не смущаясь, выдал всю информацию о характере и недостатках Флобера, сказав, что тот из-за долгов в сильно стесненном положении. Кредиторы преследуют его. Если бы ему дать достаточный задаток и пообещать за поставку полезных сведений платить столько, чтобы он смог покрыть все свои долги, от него можно получить много ценного материала. Также Шнейдер (ловкий, хитрый парень) изъявил готовность при первой же возможности переговорить об этом с Флобером.

Не стоило сомневаться, что он сдержит обещание в смысле наших договоренностей. Поэтому я передал Шнейдеру тысячу рейхсмарок, которые тот должен был вручить Флоберу в качестве задатка. Кроме того, сам он

получил пятьсот марок как компенсацию за поездку. Но попытку вербовки Шнейдер должен был провести не на французской территории, а лишь при подходящих обстоятельствах в Люксембурге. Он уехал, пообещав сделать все, чтобы склонить Флобера.

Уже примерно через две недели Шнейдер дал знать, что в ближайшие дни прибудет в Германию для обсуждения одного важного дела. Это сообщение пришло по конспиративному адресу, предназначенному исключительно Шнейдеру.

Все превзошло мои ожидания. Флобер без колебаний пошел на предложение и со вздохом облегчения принял тысячу марок, обмененную на французскую валюту, заявив, что для него это просто спасение. Кредиторы его так осаждали, что возникла опасность лишиться службы. Также Флобер передал Шнейдеру конвертик с просьбой, как можно скорее передать его немецкому заинтересованному лицу и подвигнуть того в ближайшее время выплатить еще несколько тысяч марок, чтобы он смог удовлетворить наиболее назойливых кредиторов. В хорошо прошитом пакетишке находилось 25 фотокопий секретных документов французской Сюрте насьональ. В них говорилось о предписаниях вышестоящих инстанций учреждению Флобера, далее о двух делах, находящихся в производстве, в соответствии с которыми во Франции множество лиц находились в разработке по подозрению в шпионаже против Франции в пользу Германии.

Без всякого сомнения, это был подлинный секретный материал, который для службы абвера, по-видимому, был бы очень полезен. Теперь вопрос заключался только в том, передал ли его Флобер без ведома своего вышестоящего начальства, то есть стал ли он уже предателем своей страны или же доложил о попытке вербовки Шнейдера и получил задание якобы пойти на предложение и дать материал. В таком случае французская разведка, вероятно, исходила из того, чтобы заманить немецкого заказчика на встречу с Флобером в Люксембург и там провалить его. Люксембургское правительство приняло закон, позволяющий арестовывать и осуждать любого представителя иностранной разведки, действующего на территории Люксембурга, даже если он ничего не предпринимал против самого государства.

Подобную возможность при развитии контакта следовало учитывать. Если я уже охотно контактировал с Флобером, чтобы выведать у него подробности о методах и целях работы французской секретной службы против Германии, то в Люксембург я мог выехать лишь будучи совершенно уверенным, что исключена провокация французской контрразведки. С другой стороны, я не мог позволить Флоберу приехать в Германию. Опасность, что при пересечении немецкой границы его выследят агенты французской секретной службы, была слишком велика.

Я передал Шнейдеру для Флобера в качестве платы еще тысячу марок и сказал ему, что материал пока будет проверяться. Возможно, после окончательной проверки можно будет выплатить более солидную сумму. Впрочем, германские заказчики придают большое значение дальнейшим поставкам секретной документации, им точно известно, что Флобер имеет доступ к более важным документам.

Когда я с моим помощником Даусом, участвовавшим в переговорах, возвращался в Трир, он сказал:

— Мои поздравления, господин Райле! Товарищи в Берлине просто ахнут, получив этот подлинный материал. Я даже не мог и предположить, что наша служба имеет так много подобных источников. Впрочем, я удивлен, как Шнейдер соглашался со всем, что бы вы ему ни говорили. Он даже удовлетворился вознаграждением Флоберу всего в тысячу марок.

— Благодарю, дружище Даус! Я тоже считаю, что, обработав полученный от Флобера материал, мы получим ценные сведения по разведывательной работе Франции против Германии. Ведь наша служба только складывается и у нее пока еще не столь много каналов получения подлинных документов из органов французской разведки. Теперь мы явно создали так называемый канал Е, с помощью которого глубоко заглянем в организацию и деятельность французской разведки, если сумеем им воспользоваться. Само собой разумеется, поставленная Флобером документация стоит гораздо больше тысячи марок. Просто подсчитать, сколько денег нам пришлось бы потратить на наших разыскников, которые хотя и незаметны и даже при наличии разных каналов поступления документов остаются весьма ценными, однако весь этот

секретный материал тоже не появляется из воздуха. Кроме того, было бы неверным передавать ему более тысячи марок. Флобер ни в коем случае не должен иметь на руках крупные суммы. При его пристрастии к алкоголю и женщинам следует опасаться, что он в результате своего пьянства, оргий и швыряния деньгами привлечет к себе внимание, окажется под наблюдением и будет арестован. Тогда мы лишимся ценного источника. Поэтому его следует держать на коротком поводке. Понятно, Даус?

— Ясно, господин Райле, но как-то не до конца. Уж больно сурово.

— В подобных делах, к сожалению, мы не можем поступать по своему вкусу, Даус. Наоборот, мы обязаны холодно и объективно взвешивать, как можно добиться наибольшей выгоды для нашей страны. Впрочем, я решил выдавать не более тысячи марок еще и по тем соображениям, что Флобер пока довольно долго не будет поставлять самый важный секретный материал, который ему доступен. Он дал лишь кое-что на пробу, чтобы посмотреть, сколько денег Шнейдер ему за это привезет. Но и одна тысяча марок для человека столь стесненного, как Флобер, это все же немаленькие деньги. Не забывайте, Даус, ваш месячный оклад не превышает пяти сот марок! Но если Флобер даже ожидал и большего и был разочарован, он все равно станет поставлять информацию, потому что деньги ему нужны позарез.

— Ваш холодный расчет теперь вполне понятен, господин Райле. Но у меня еще вопрос относительно позиции Шнейдера. Отчего он беспрекословно соглашался на все ваши условия и задания и даже не пытался серьезно протестовать, когда вы высказали предположение, что его друг Флобер может играть двойную игру?

— Я представляю себе дело так: Флобер и Шнейдер — два бедных, достойных сожаления мошенника. Ради того, чтобы заполучить денежки, они пойдут на любое опасное дело, на предательство. Но такие люди и всех остальных считают проходимцами. Сверх того, Шнейдеру из моих высказываний стало ясно, что его будущее зависит от нас в гораздо большей степени, чем он полагал вначале. Ведь от тех методов, какими мы продолжаем развивать контакт, многое зависит и для него, причем не только деньги, но в случае чего и его свобода. Если мы допустим

ошибку, возможно, за это поплатится и он. Поэтому мой намек на то, что Флобер мог вступить в сговор со своим вышестоящим начальством, заставил Шнейдера задуматься. Вероятно, на него также произвело сильное впечатление, что мы столь усиленно печемся о его безопасности. Понимание этих обстоятельств его привязывает к нам так же сильно, как и перспективы без особых усилий хорошо зарабатывать.

Эта оценка вскоре подтвердилась. Уже через две недели Шнейдер появился с новой порцией секретных документов, и хотя в дальнейшем за поставки я выплачивал сравнительно небольшие суммы, тем не менее тот регулярно каждые три-четыре недели привозил новые фотокопии документов с места службы Флобера. Этот секретный материал Сюрте насъональ был для германского абвера крайне важен. Одного немецкого нелегала, ведшего во Франции разведку, удалось своевременно отозвать из Франции и спасти от ареста, когда из документов Флобера стало ясно, что французские секретные службы обратили на него пристальное внимание.

Теперь я убедился, что Флобер действует без ведома своего начальства и пошел на широкомасштабную государственную измену. Подобного рода важная документация могла сделать невозможной применение французской контрразведки в качестве материала для контригры против германского абвера. Компетентные офицеры берлинского Центра были того же мнения. Тем не менее еще раз возникло серьезное подозрение, не стоит ли все же за материалами Флобера французская контрразведка.

Однажды Шнейдер перевез фотокопии документов, которые содержали полное изложение структуры и задач «Surveillance du territoire»¹ помимо данных о руководителях этой секретной службы. Речь шла о новой отрасли французской контрразведки, созданной всего один-два года назад. Хотя служба абвера в Берлине о ней уже слышала, но пока еще не добыла никаких более детальных данных. Центру казалось невероятным, чтобы какой-то комиссар Сюрте в Лонгви имел доступ к столь важным секретным документам. Поэтому эта поставка Флобера сначала считалась материалом для игры западного про-

¹ Территориальный надзор (фр.).

тивника, французской контрразведки. Однако повторная проверка всего поставленного Флобером секретного материала окончательно убедила отдел абвера в Берлине в том, что в его лице мы обрели подлинный, чрезвычайно важный источник.

Тогда я решил, что настало время самому встретиться с Флобером и в ходе беседы с ним обсудить вопросы, возникшие при обработке материалов. Кроме того, я хотел попытаться использовать Флобера для работы по французской военной секретной службе — так называемого Второго бюро. Именно эта французская служба на вербовала толпу агентов, обучила и заслала в Германию, чтобы вести разведку против вермахта и выявлять секретные сооружения оборонного значения. Несомненно, Флобер был знаком с офицерами Второго бюро, работавшими с приграничной французской территории против Германии. Он наверняка мог дать о них детальную информацию, об их деятельности, замыслах и агентах.

Чтобы не подвергать Флобера опасности, встречу следовало провести на люксембургской территории, в удаленном от посторонних глаз местечке, лучше всего в Эхтернахе. Шнейдер получил задание организовать эту встречу в день, удобный для Флобера. А верный Петер Бреннер с двумя другими проверенными людьми должен был незаметно опекать и прикрывать встречу. Ресторанчик, где мы встречались, находился неподалеку от пограничной реки Сюр. Шел август 1937 года. В случае предательства можно было попытаться переплыть на германский берег.

Но встреча прошла по плану и без каких-либо помех. Флобер делал вид, будто он очень рад лично увидеть и переговорить со своим немецким другом, как он выразился. Я проговорил с ним много часов в присутствии моего помощника Дауса. Флобер услужливо отвечал на любой вопрос. Он нисколько не смутился, получив поручение шпионить против Второго бюро, хотя именно ему было приказано прикрывать и защищать эту французскую секретную службу. Но ввиду этого нового задания он затребовал больше денег, чем прежде. Не оставалось ничего иного, как согласиться. Впрочем, такое решение не оказалось для меня трудным, поскольку благодаря Флоберу появились перспективы получить новые

данные. Кроме того, он мне убедительно рассказал, что у него все еще имеются внушительные долги.

Флобер был пошлым предателем. Хотя и француз по рождению, он продавал все, что знал о тайнах французских служб и о чем мог разузнать. Что при этом он наносил своей стране тяжелейший ущерб, похоже, не трогало его ни в малейшей степени. Выглядел он при этом как и любой человек, но лишь его беспокойно бегающие глаза выдавали это аморальное, опустившееся существо. За деньги он готов был сделать все, что я от него потребую.

На обратном пути, на родину, Даус облегченно воскликнул:

— Ну и парень! Да он насквозь пропах выпивкой и бабами! Слава богу, что мы вырвались из этого гадючника! Понимаю, что вам пришлось обращаться с ним как с джентльменом исключительно из-за того, что парень рассказал нам о чрезвычайно важных вещах. А он принял все за чистую монету и расцвел от радости. Даже я, сопровождая вас уже полтора года, с трудом сумел заметить, как вы сдерживаетесь, чтобы оставаться вежливым и изображать из себя снисходительного шефа.

— Вы правильно подметили. Я обязан так держаться. Для меня это не трудно. А вот добиться нужно, чтобы Флобер после встречи уехал с чувством, будто мы те, на кого можно положиться. Те, кто держит свои обещания, понимает его положение и разделяет его тревоги. На самом же деле я беспокоюсь, как бы он совсем не потерял голову, не попал у себя под наблюдение. Вот тогда он будет для нас потерян.

— Это я понимаю, господин Райле. Такого человека, как он, который при каждой встрече предаёт агентов французской секретной службы и хладнокровно выдает их на расправу, не так-то просто найти. Но меня вот что настораживает. Пока что он назвал нам только немцев, завербованных Вторым бюро. Они у себя же на родине ведут шпионаж на Францию.

— Но ведь и мы поступаем точно так же, дорогой Даус! Мы пытаемся, как вы сами видите на примере Флобера, во Франции завербовать французов. Немцы во Франции вряд ли дадут тот же результат, какого мы добились с помощью Флобера. Само собой, вы же знаете, что здесь мы ведем разведку с помощью местного населения и разных

иностранцев, если только они каким-либо образом могут быть нам полезными. Но как и мы постоянно стремимся во Франции завербовать французов, так и французские службы для шпионажа в Германии ищут в первую очередь немцев. Уверен, Флобер точно так же отдаст нам на расправу и французов, если у него будут веские к тому доказательства. Во время разговора у меня сложилось впечатление, что он не только совершенно аморален, но и корыстолюбив.

Но кое-что все-таки смушало меня. Отдел абвера только что прислал мне статистический обзор числа уголовных дел о государственной измене, которые в прошлом году вел имперский суд в Лейпциге. Эта статистика показывала, что количество государственных измен по сравнению с предыдущими 1934-м и 1935 годами неизмеримо выросло. Тем самым страны потенциального противника рейха в последние годы удвоили, если не утроили объем своей шпионской деятельности. При этом дело касалось не только Франции, но почти всех соседних стран, однако больше всего — Польши и Чехословакии. Все они занимаются усиленным и профессиональным шпионажем против нас, тогда как наша служба была еще совсем малочисленной и находилась только в становлении. Офицеров отдела III f на западных границах рейха можно пересчитать по пальцам. Иными словами: наши ограниченные силы необходимо компенсировать удвоенным напряжением.

Машина, которой управлял я, неслась по прямому отрезку дороги от Битбурга в Трир. Некоторое время можно было слышать лишь шум мотора. Затем Даус спросил:

— Чем вы объясняете это, господин Райле? Как же так получается, что наши соседи оказывают нам столь пристальное враждебное внимание?

— Мне не хотелось бы говорить на эту тему, дорогой Даус, — отвечал я. — Но как добрый товарищ, я все же должен дать ответ. Когда мы сегодня по дороге в Эхтернах пересекли мост через Сюр и подъехали к люксембургскому посту паспортного контроля, не обратили ли вы внимание, что чиновники, проверив наши паспорта, спрашивали, из какой мы местности?

— Да, верно, только что общего имеет этот вопрос с тем, что соседние страны с некоторыми пор стали у нас активнее шпионить, нежели прежде?

— Люксембургские чиновники, дорогой Даус, хотели выяснить, не евреи ли мы. Все говорит о том, что они поджидают евреев, выезжающих из Германии.

— Но это просто смешно, господин Райле! Меня принять за какого-нибудь еврея!

— Я считаю дело совсем не смешным, а весьма серьезным. В определенных обстоятельствах меня можно принять за еврея. Но вы сами убедились, что у люксембургских пограничников были сомнения и на ваш счет, и это при вашем-то росте и несмотря на то, что вы блондин.

— Так что же стоит за вопросом люксембургских чиновников?

— Смотрите, Даус! За последние годы в результате принятых имперским правительством мер выехало множество евреев, они разъехались и в соседние страны, и по всему миру. Германию они покинули отнюдь не друзьями и теперь используют все свои влиятельные связи, чтобы настраивать и возбуждать общественное мнение против Германии и в особенности против национал-социализма. Теперь они весьма умело используют тот факт, что в последние годы выросла мощь нашего вермахта. К сожалению, здесь абвер пока что не очень преуспел. Короче, есть утверждение — Гитлер вооружается для войны. Воздействие этой пропаганды уже чувствовалось, когда я полтора года назад делал свою первую ознакомительную поездку по приграничным странам. Правда, тогда я пока еще не видел серьезной угрозы войны. Конечно, кое-что происходящее внутри страны, с политической точки зрения, мне не нравилось. Но к счастью, абвер не имеет никакого отношения к внутренней политике. Кроме того, мое спецзадание носит исключительно оборонный характер. От меня требуется лишь одно: напрячь все свои силы, чтобы как можно раньше распознавать и предупреждать посягательства на Германию, в особенности на обороноспособность страны и безопасность наших солдат.

В свете этой задачи я уже неоднократно писал полковнику Роледеру, начальнику отдела IIIf абвера, и настоятельно просил подкрепления. Мне дополнительно нужны были хотя бы один офицер-помощник и еще одна машинистка. Однако Роледер не в состоянии прислать требуемые кадры. В те годы выяснилось, что немцы в целом не очень-то расположены к секретным службам. Боль-

шинство офицеров, участников Первой мировой войны, призванных тогда из запаса, предпочитали службу в войсках. Мало кто добровольно шел в абвер.

В течение 1937 года я получал от различных агентов сообщения и секретные материалы из Франции, но Флобер оставался моим самым ценным и высокопродуктивным поставщиком. Ему удалось подружиться с офицерами Второго бюро, так что теперь он, кроме документов с собственной службы, смог поставлять и информацию о деятельности французской военной секретной службы.

Так подошел 1938 год. До тех пор я еще не знал ни срывов, ни неудач. Все мои замыслы, казалось бы, без сучка без задоринки воплощались по плану, тогда как офицеры-соседи по абверу уже повторно теряли своих сотрудников-осведомителей в результате арестов во Франции, Бельгии и Люксембурге. И вот однажды все-таки появился Петер Бреннер с роковой вестью, будто бы Флобера арестовали. Информация подтвердилась. Флобера за измену родине осудили к многолетнему заключению. (Если мне не изменяет память, приговор гласил 20 лет тюрьмы.) Но заключение для него продлилось всего два года. Для миллионов людей ужасное несчастье, Вторая мировая война принесла Флоберу свободу: он был освобожден вошедшими во Францию немецкими частями.

— Вот не повезло, вот свинство! — разозлился Даус, узнав об аресте Флобера. — И что теперь?

Прежде всего следовало оградить Шнейдера от ареста. К счастью, он последовал моему совету и в последнее время больше не появлялся во Франции. Теперь как можно быстрее его нужно перебросить в Германию, устроить жильё и работу.

Этим занялись уже на следующий день. Итак, Шнейдер был в безопасности, в результате ареста Флобера исчез ценный источник. Но еще хуже: французская секретная служба в результате этого обратила внимание на нашу столь опасную для нее активность. Флобер был слишком нестойким и мягким, чтобы противостоять методам допросов нашего противника. Следовательно, уже в ближайшее время нужно было ожидать мощного ответного удара французских секретных служб.

В результате нам пришлось принимать далеко идущие решения. Во-первых, необходимо заново проинст-

руктировать кадры, которые по нашим заданиям вели агентов или принимали участие в руководстве. От всех людей, еще не прошедших окончательную проверку, следовало избавиться. Розыск и вербовку нового персонала осведомителей проводить как можно более основательнее и предусмотрительнее. Во-вторых, мы сами при подготовке и проведении встреч должны быть гораздо предусмотрительнее, нежели прежде. Бесперывные смены мест встреч и прежде всего незаметное сопровождение встреч надежными кураторами групп осведомителей были обязательными. Если Даус и я уже установлены французским противником, нам следовало быть начеку. Тогда противник, возможно, попытается познакомить фрейлейн Венцель с каким-нибудь обворожительным молодым немцем на их службе, а к Даусу и мне подослать очаровательных агентов.

Впрочем, наше бюро не имело надежной защиты. Нужно было подумать о переезде в пограничную комендатуру Трира. За два с половиной года слишком многие служащие и другие люди в городе и на границе знали, что я офицер. Трир — слишком маленький, чтобы долгое время вести отсюда разведку, маскируясь под коммерсантов.

Уже несколько недель спустя произошел переезд в здание пограничной комендатуры. Комендант, генерал Маттенклотт, размещался там со своим штабом, но оставалось еще достаточно свободных помещений для другого персонала. Одновременно со мной в это административное здание переехал и другой офицер абвера, майор Штеффан. Вместе с ним и нашими сотрудниками мы теперь образовывали трирский филиал абвера, находившийся в его подчинении в XII военном округе в Висбадене. Штеффан, пожилой, добродушный и остроумный господин, являлся сотрудником отдела I абвера, так называемой «секретной службы сбора и доставки донесений» с главной задачей — военной разведкой в странах потенциального противника, а именно — Франции. Поэтому было очень удобно, что мы оказались в одном здании и могли обмениваться опытом и результатами.

Штеффана назначили руководителем филиала абвера в Трире, а меня его заместителем. Однако профессионально я оставался абсолютно самостоятельным и, как и прежде, подчинялся отделу IIIf абвера в Берлине и отве-

чал только перед полковником Роледером. Несмотря на различие задач и служебного подчинения, между нами возникло доброе и плодотворное сотрудничество, которое в течение 1938—1939 годов выразилось в нередкой поддержке друг друга.

И после переезда в пограничную комендатуру я продолжал ходить в гражданском, чтобы не переодеваться каждый раз перед выездом на контакт с осведомителями и не тратить на это слишком много времени. Задания абвера становились все более обширными и требовали повышения моей активности. Однако положение на всех участках германской контрразведки было схожим, в том числе и работа против английской секретной службы.

Интеллидженс сервис и дело Dr. h. c.¹ К.

В предвоенные годы, когда я создавал свою сеть осведомителей, чтобы активной контрразведкой противодействовать все усиливающемуся шпионажу французской секретной службы, другие офицеры отдела IIIf работали теми же методами против английской разведки.

Внутри- и внешнеполитический курс Гитлера поставил Великобританию перед настоятельной необходимостью любой ценой и всеми доступными средствами непрерывно и надежно добывать сведения о германском перевооружении и секретных военных планах немецкого руководства. Политические события и быстрое возрождение мощной военной промышленности в Германии определяли темп. Оттого английская Интеллидженс сервис была вынуждена в большой спешке восстанавливать организацию для военного и политического шпионажа. Но торопливость в разведывательной работе, по опыту, очень легко приводит к провалам и потерям.

В Германии контрразведка против Великобритании велась из Центра в Гамбурге. Руководитель местного филиала отдела IIIf абвера, капитан, позднее майор фон Ф., был страстным, энергичным специалистом. За сравнительно короткое время он нашупал следы, указывав-

¹ Почетный доктор (*лат.*).

шие на деятельность немцев, состоявших на службе английской разведки. Среди лиц, попавших под подозрение в шпионаже, оказались множество тех, кто еще в оккупационный период после 1918 года был связан с английской администрацией. Затем стало известно, что, само собой разумеется, английская Интеллидженс сервис пыталась вербовать новых агентов в тех немецких кругах, которые по идеологическим и политическим мотивам являлись противниками национал-социалистического режима.

Наблюдение за подозреваемыми и сообщения осведомителей службы контршпионажа наконец показали, что многими агентами, работающими на английскую разведку в рейхе, руководили из Нидерландов. Английская Интеллидженс сервис для этой цели открыла резидентуру в Гааге, начавшую свою тайную деятельность примерно с 1934 года под официальной крышей Офис паспортного контроля (PPCO).

Такой вынесенной за границу службе приходилось, разумеется, в широком масштабе отказываться от мероприятий безопасности, которые может и должна проводить любая секретная служба у себя в стране. Потому важным и решающим фактором являлось, чтобы маскировка службы в Гааге не была прозрачной. Ни один непосвященный не должен догадываться, чем служащие Офиса паспортного контроля занимались на самом деле. Если служба вызовет подозрение у какой-либо секретной службы противника, для нее возникнет опасность раскрытия не только ее руководящих сотрудников, но и законспирированных агентов.

PPCO постигло несчастье оказаться скоро раскрытым немецкими службами контршпионажа. Руководитель службы абвера IIIf в Гамбурге сумел этим воспользоваться, завербовав в Гааге многих осведомителей, которые использовались для наблюдения за законспирированной английской службой и для разведки ее персонала. Административное здание PPCO располагалось всего в 30 метрах от городского канала. Это обстоятельство способствовало германской контрразведке время от времени выставлять своих наблюдателей на большой барже, которая обычно швартовалась на набережной непосредственно у PPCO. Оттуда из окон кают легче всего незаметно

фотографировать жильцов, сотрудников и посетителей этого дома. Далее осведомители и агенты устанавливали имена и псевдонимы, места жительства, деятельность и связи, а также экономическое и семейное положение сфотографированных лиц. Люди, выявленные как несомненные сотрудники РРСО, брались под особое наблюдение проверенными немецкими нелегалами-осведомителями. В отдельных случаях даже удалось подвести к ним осведомителей, то есть вступить в личный контакт с сотрудниками РРСО, не вызвав у тех никаких подозрений, с кем они имеют дело.

Тогда пришло время открыть против английской службы в Гааге маленькие предупредительные боевые действия, которые велись до самого начала войны с тем результатом, что большинство ведомых РРСО агентов, пытавшихся в Германии выполнять шпионские задания, мало-помалу выключались или их «перевербовывали». Несмотря на это, по всей видимости, английская Интеллидженс сервис даже не заметила, в какой мере ее законспирированная служба в Гааге была накрыта германской контрразведкой. В противном случае РРСО не оставался бы еще пять лет в том же здании и не продолжал бы как ни в чем не бывало свою деятельность.

Наибольший успех, которого германская контрразведка добилась в работе против РРСО, было дело почетного доктора К.

Проверенные осведомители доносили, что английский майор Д., в 1936 году руководитель РРСО, после вскрытия факта растраты им денег, покончил жизнь самоубийством. Его помощника и сообщника, английского гражданина, уроженца Нидерландов по имени Х., немедленно уволили. В 1939 году этого человека удалось разыскать и «закупить» для германской контрразведки. Х. жил в Нидерландах, назвался представителем промышленности, тратил больше, нежели мог заработать своей профессией, и был завсегдатаем казино в Остенде и Спа. Его знания о сотрудниках, задачах и деятельности РРСО, которые он за хорошую плату продавал германской контрразведке, оказывались ценным подтверждением и дополнением к добытым на тот период германской контрразведкой сведениям.

Когда знания Х. о секретах английской Интеллидженс сервис, казалось, были уже исчерпаны и тот опасался

потерять абвер в качестве источника денег, одному опытному офицеру отдела IIIf после драматического ночного бдения удалось выведать его последнюю большую тайну.

Х. знал и выдал имя одного из самых крупных агентов на службе военно-морского отдела Интеллидженс сервис в Германии.

Вот история этого агента и его дело...

К., бывший немецкий инженер-офицер кайзеровских военно-морских сил, вскоре после окончания Первой мировой войны оказался завербованным английской военно-морской разведкой. Работа его доставляла особое удовлетворение заказчику, который в благодарность за это, используя тогдашнее влияние Великобритании в Германии, способствовал его карьере и общественному положению.

К. был незаурядной личностью, знающим инженером и талантливым изобретателем. Как хороший специалист и почетный доктор, он играл значительную роль во влиятельных отраслевых союзах германской промышленности, затем в союзах инженеров и флотских офицеров, а также в авиастроении и на некоторых верфях. Здесь в Германии перед ним были открыты все двери.

Германия периода Веймарской республики для Великобритании не представляла никакой серьезной угрозы. Оттого она имела для английской разведки второстепенное значение. В тот период гораздо более важными разведывательными объектами являлись другие страны. Тем не менее разведывательная служба неприметно и дальновидно продолжала курировать К. Поэтому ей, Интеллидженс сервис, не составило труда после прихода Гитлера к власти в гораздо большей степени, нежели ранее, вовлечь К. в шпионаж против Германии. И он работал так, что английская служба имела все основания награждать его по-царски.

К. своей предательской деятельностью нанес ощутимый ущерб обороноспособности страны. Однако английские хозяева вели К. столь умело, что его предательскую деятельность, несмотря на внушительный размах, было не так-то просто раскрыть, если бы Х., прежний сотрудник РРСО, не дал на него ориентировку. Интеллидженс сервис сумела снабдить К. надежной легендой. В Германии как само собой разумеющееся воспринимали то, что

К. часто выезжал в Нидерланды и в свою очередь часто получал оттуда денежные переводы.

Впрочем, К., как хорошо обученный и с многолетним опытом шпион, вел себя крайне осторожно. На территории Германии он никогда не делал каких-либо письменных записок или помет о своей шпионской деятельности, обладал отличной памятью, изменнические отчеты своим хозяевам печатал только на машинке, когда оставался один, без свидетелей, в номере гостиницы в Гааге.

Несмотря на достоверные показания Х., было весьма непросто добыть неопровержимые доказательства шпионской деятельности К. Расследования, проведенные контрразведкой, поначалу дали лишь подтверждение того, что Х. рассказал о личности и профессиональной карьере почетного доктора К. Первое доказательство того, что последний действительно совершает государственную измену, было добыто, лишь когда абвер выстроил сеть надежных осведомителей, обеспечившую наблюдение за К. и при его выездах за границу.

Решающие данные мы получили лишь летом 1939 года. В июле К. сутками пропал в Вильгельмсхафене, Киле и Гамбурге. За ним велось постоянное наблюдение и негласное сопровождение, когда он затем из Гамбурга через Энсхеде отправился в Гаагу. Там в своем гостиничном номере он целый день стучал на машинке. Затем вечером встретился со своим «компаньоном», в котором точно установили сотрудника английского Офиса паспортного контроля в Гааге. Тем самым круг замкнулся.

К. арестовали в середине августа 1939 года. Уже на первом допросе он полностью признался в шпионаже, работая на английскую разведку почти 20 лет.

В начале сентября 1939 года, после объявления войны с Великобританией, К. в камере предварительного заключения сам свел счеты с жизнью.

Глава 2

ТАЙНЫ ВОКРУГ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. БЫЛА ЛИ ЗАМЕШАНА СОВЕТСКАЯ СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА? ПРИМЕНЕНИЕ АБВЕРКОММАНДО В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ФРАНЦИИ В 1940 ГОДУ

О неделях, предшествовавших началу Второй мировой войны, в высшей степени интересных с политической точки зрения, уже написано немало книг. Свои комментарии по тем насыщенным событиям дням с обеих сторон дали и разные политики и военные, в том числе Черчилль и Сталин. Но все эти высказывания и попытки исторически разъяснить и истолковать процессы того периода не способны высветить одну жуткую тайну.

В период с 10-го по 22 августа 1939 года в Москве находилась особая миссия Великобритании и Франции. Обе делегации под руководством английского адмирала Дракса и французского генерала Дюмека вели переговоры с маршалом Ворошиловым. Они зондировали, готовы ли Советский Союз и насколько далеко зайти в совместных с этими странами действиях, чтобы запугать Гитлера. С их точки зрения в последние месяцы он откровенно преследует цель снова присоединить к рейху Данциг и создать так называемый польский коридор, ведущий по бывшим восточнопрусским землям к Балтийскому морю. Фактически с лета 1939 года в германской прессе и на радио была развязана безобразная пропагандистская кампания против Польши. Отношения между Германией и Польшей были крайне напряженными.

Так обстоят дела, когда Дракс и Дюмек встречаются с Ворошиловым. При этом у последнего создается впечатление, что правительства союзнических стран пока еще твердо для себя не решили, вступят ли они в войну, если Германия нападет на Польшу. Хотя он докла-

дывает Сталину эти соображения, тот предпринимает следующие меры: 19 августа сообщает на политбюро свою точку зрения о необходимости заключения пакта с Германией; 22-го — отсылает делегацию англичан и французов; 23-го — заключает с Германией пакт о ненападении.

В более поздних публикациях Сталин объяснял это свое решение вопреки мнениям генералов так:

«Мы были абсолютно убеждены, что Германия, если заключим союзнический договор с Францией и Великобританией, будет вынуждена отступить от Польши. Так можно было бы избежать войны и последующее развитие событий при таком положении вещей приняло бы для нас угрожающий характер. С другой стороны, Германия, если мы принимаем ее предложение пакта о ненападении, обязательно нападет на Польшу, и тогда вмешательство Франции и Англии в эту войну становится неизбежным. В этом случае мы с выгодой можем ждать, когда очередь дойдет до нас. Потому наше решение вполне определенное: мы должны принять германское предложение и отослать французско-английскую миссию под каким-либо благовидным предлогом. Я повторяю, в наших интересах, если вспыхнет война между рейхом и англо-французским блоком. Для нас весьма существенно, чтобы война тянулась как можно дольше, пока обе группировки не исчерпают себя».

Почему Сталин тогда смог так точно предвидеть действие и последствия заключения пакта о ненападении с Германией? Отчего он с уверенностью рассчитывал на то, что Гитлер после подписания этого соглашения нападет на Польшу, а Франция и Великобритания в ответ на это вступят в войну против Германии?

Удивительно, как хладнокровное и страшное решение Сталина совпало с моментом, когда Гитлер еще надеялся, что страны-союзники ответят на немецкое нападение на Польшу всеми возможными политическими и дипломатическими средствами, однако не объявлением войны. Действовал ли Сталин, руководствуясь своим политическим чутьем, или же советская секретная служба так хорошо информировала его о намерениях руководящих лиц в упоминаемых странах, что он был совершенно уверен, принимая столь выгодное для своей страны решение?

Советская разведка, как установили органы абвера в ходе войны, уже тогда обладала чрезвычайно эффективной агентурной сетью в различных западноевропейских странах. Вполне возможно, она давала Сталину компетентные консультации по этому решающему вопросу. В том, что так могло и быть, говорит следующее.

Когда Риббентроп со своей делегацией 22-го и 23 августа 1939 года обсуждал в Москве процедуры пакта о ненападении, то после подписания договора их пригласили на небольшое торжество, во время которого был обмен тостами. Один из этих тостов Сталин почти ликующим голосом провозгласил сам: «Позвольте нам выпить за деловые качества господина Берии!» Берия — тогдашний шеф советской секретной службы. Этот тост Сталина не вписывается в протокол празднования по случаю подписания пакта о ненападении. Он мог соответственно означать как благодарность Берии, так и высокомерную насмешку в отношении немецкой делегации.

То решение Сталина представляется характерным для образа мыслей и позиции руководящих лиц в Советском Союзе. Глава государства, по его же собственным словам, знал наверняка, что от его решения зависит мир или мировая война. Он выбрал войну, так как она сулила выгоды для его страны. Никита Хрущев, будучи в то время премьер-министром Советского Союза, в 1959 году публично признал тогдашнее решение Сталина как верное и целесообразное. Этого на Западе забывать не должны.

Но что же обдумывал и планировал Гитлер в те дни? К чьим советам он прислушивался? Кого до конца он посвящал в свои замыслы? И когда, в какой момент он принял окончательное решение напасть на Польшу?

Эти вопросы скрыты за непроницаемой завесой тайны, которую исторические исследования до сих пор не в состоянии до конца приоткрыть. В любом случае Гитлер не советовался с адмиралом Канарисом, шефом своей разведки, так как ему не доверял. Не посвящал он и соответствующих командующих. Когда Гитлер 31 августа 1939 года в 17 часов отдал приказ к выполнению плана развертывания войск против Польши, фельдмаршал фон Рундштедт и начальник его штаба генерал фон Манштейн все еще полагали, что в действительности речь идет о блефе; ибо Гитлер уже однажды отдавал подобный приказ, а имен-

но 25 августа в 15.25, но уже в 20.30 отменил его. За лето 1939 года он уже отдавал и другие распоряжения, в особенности о передислокации войск в непосредственной близости от польской границы, которые могли означать начало военных действий, но явно предназначались лишь для того, чтобы оказать на Польшу давление демонстрацией военной мощи.

Бросая взгляд в прошлое, с военной точки зрения, можно сделать вывод: кто, как Гитлер, не доверяет собственным генералам, которым предстоит вести войну, а шефу собственной разведслужбы перед началом войны не дает возможности доложить об оценке обстановки, поступает по отношению к самому себе крайне безрассудно, а по отношению к собственной стране в высшей степени безответственно.

Первоначальная фаза войны на Западе. Деятельность подотдела абвера в Трире с 1 сентября 1939 года по 9 мая 1940 года

Уже через несколько дней после начала польской кампании на Западе установилась позиционная война. Ее фронт простирался от пограничного треугольника у Перля на Мозеле, далее на юго-восток по Саарской области и Пфальцу до Рейна, а затем вдоль этой реки на юг до швейцарской границы.

Это была утомительная, ни на что не похожая война. Французы называли и называют ее «странной войной» — «*d'ôle de gueg*». Союзные сухопутные войска не демонстрировали особого наступательного порыва. Немецкая сторона этому радовалась, поскольку тем временем ее основные силы вели бои в Польше.

После начала войны я мог продолжать свою контрразведывательную работу из Трира. По прямой до фронта было всего лишь 40 километров. Временами отзвуки канонады докатывались до бюро в пограничной комендатуре. Время от времени через город пролетали и французские самолеты, однако на этом этапе войны Трир оставался нетронутым.

Мне присвоили звание майора, и я получил в свое подчинение несколько офицеров запаса. Даус был про-

изведен в зондерфюреры и оставался моим помощником.

Из-за разразившейся войны пассажирское сообщение между рейхом и граничащими на западе такими нейтральными странами, как Нидерланды, Бельгия и Люксембург, сильно сократилось. В Германию приезжало значительно меньше иностранцев. В результате контроль за ними существенно облегчился. С другой стороны названные страны усилили свои пограничные посты и основательнее проверяли выезжающих из Германии. Это осложнило мою работу. Чтобы успешно выполнять свою задачу — разведывать французскую секретную службу, устанавливая ее агентов и прежде всего выявлять замыслы, направляемые против рейха, — я был вынужден поддерживать с моими доверенными лицами, работающими из Бельгии и Люксембурга против Франции, скоротечные контакты. Кроме того, как и большинство служивших на западе рейха офицеров I и IIIf отделов, в связи с военным положением я получил новое неотложное задание.

Теперь почти ежедневно я получал зашифрованные телексы с разведывательными заданиями управления абвера. То в той, то в другой части Франции нужно было устанавливать, какие там расквартированы части. У меня имелся приказ всех надежных осведомителей бросить на западное направление, чтобы постоянно знать о дислокации сухопутных сил союзников. Особенно важны были места скопления войск.

Теперь окупалось то, что я изучил западные границы рейха как свои пять пальцев и с доверенными лицами еще в мирные годы разведывал и облазил нелегальные переходы. Так что в сопровождении помощника Дауса я часто без труда нелегально пробирался в Люксембург и Бельгию и устраивал встречи с кураторами доверенных лиц Петером Бреннером и Фольмером — главными фигурами в тайной войне против западных секретных служб и вооруженных сил. Каждый независимо друг от друга имел множество ценных наблюдателей, которые, как и прежде, могли совершать разведывательные поездки по Франции.

В первые недели войны этих лазутчиков как можно чаще отправляли в поездки, и именно в те районы Франции, а иногда также и Бельгии, в которых по поручению

службы абвера необходимо было разведать, какие дивизии противника там дислоцируются. При этом результаты наблюдений шпионов как можно быстрее должны придти ко мне, а затем в службу абвера, так как противник в случае необходимости мог передислоцировать войска в совершенно новое место всего за несколько дней.

По этим причинам в сентябре 1939 года мы с Даусом почти каждую вторую ночь выезжали, чтобы встретиться с осведомителями на люксембургской или бельгийской территории, забрать у них донесения и передать им новые инструкции.

Данные осведомителей по Франции поначалу представлялись не особенно важными. Собственно говоря, они подтверждали лишь то, что службе абвера было и так известно о дислокации войск противника. В инспектируемых районах не обнаруживалось ничего, что могло бы свидетельствовать о подготовке крупного наступления противника.

Вечно усталые, как собаки, возвращались мы с Даусом из наших ночных экскурсий. Полученная информация тотчас же пересылалась по телетайпу в Берлин.

Даус, как мне казалось, до конца не осознавал всю важность сведений, собираемых нашими наблюдателями во Франции и Бельгии.

— Осмелюсь спросить, господин майор, — сказал он однажды, — отчего управление в Берлине придает такое большое значение тому, чтобы мы постоянно посылали наших людей на вражескую территорию, хотя мы уже многократно доносили, что в разведываемых районах ничего существенного не происходит?

Я невольно улыбнулся:

— Дорогой Даус, основные наши силы в настоящее время воюют в Польше. Донесения позволяют предполагать, что польская кампания закончится в ближайшие недели не в последнюю очередь потому, что несколько дней назад в кампанию против Польши с Востока вступили и армии Советского Союза. Понимаете, отчего такое значение теперь приобретает для нас Западный фронт? На нашем Западном фронте в целом стоят примерно 45 или 46 дивизий. Правда, большинство из них были сформированы совсем недавно и имеют ограниченную боеготовность. Танковых и моторизованных частей на Западном фронте

нет вообще. Основная масса люфтваффе также задействована против Польши. А противник на Западе располагает свыше сотни французских дивизий.

В этой связи высшее руководство считает, что западные державы после начала польской кампании предпримут крупное наступление на рейх, чтобы уменьшить давление на своих атакованных на Востоке союзников. С этой вероятностью приходится считаться и сегодня. Тревожно лишь то, что до сих пор мы не смогли обнаружить присутствие во Франции английских войск¹. Пока вермахт на Западном фронте не стал сильнее, чем в данный момент, крайне важно, чтобы наша служба своевременно обнаружила вероятную подготовку французских и английских частей к крупному наступлению на рейх. Только тогда мы сможем те немногочисленные соединения, которые имеются у нас в резерве, заранее сосредоточить в нужных направлениях и заблаговременно перебросить с Востока уже освободившиеся части. Потому большинство дислоцированных на границах офицеров I и IIIf отделов абвера, как и мы оба, трудятся не покладая рук днем и ночью, чтобы использовать все имеющиеся возможности для выяснения этого решающего вопроса. Я не имел права сказать вам об этом раньше, а теперь обязан попросить вас никому об этом не говорить, в том числе и нашим разведчикам Бреннеру и Фольмеру. Конечно, оба давно подтвердили свою надежность. Но мало ли что, Даус!

Перед наступлением на Западе

В первые месяцы 1940 года Гитлер снова отдавал приказы о выдвигании войск на исходные позиции для наступления, однако тут же отменял приказ. Но вдруг положение еще более осложнилось, правда, уже на другом театре. Проводилась комбинированная воздушно-сухопутно-морская операция против Дании и Норвегии. Хотя англичане вступили в бой, но германский вермахт после ожесточенных боев захватил обе страны. Это событие в

¹ Первые английские дивизии появились во Франции лишь в октябре 1939 года.

Северной Европе явилось тревожным звонком вслед за угрозой западным державам. Многие немцы, среди них и офицеры, которые уже не верили в наступление на Западе, снова начали всерьез подумывать об этом.

Моя задача после оккупации Дании и Норвегии не изменилась. Однако значительное число служивших на Западе офицеров и других сотрудников абвера переводились в обе Скандинавские страны; там они должны будут, исходя из условий, взять на себя обязанности по разведке и контрразведке. Таким образом, мне теперь придется меньшими силами выполнять те же задачи.

Если теперь и ждали немецкого наступления на Западе, тем не менее приказ, развязавший там кампанию, все же оказался неожиданным. В течение апреля Гитлер снова несколько раз отдавал приказ о наступлении и отменял его. Казалось, все это опять указывало на его нерешительность.

Напряжение последних месяцев и сильное расстройство желудка серьезно ухудшило состояние моего здоровья. Войсковой врач настоятельно рекомендовал мне несколько дней абсолютного покоя и строгую диету, чтобы привести желудок в порядок. 7 мая я позвонил майору генштаба фон Уккерману, из I отдела 16-й армии, не будет ли возражений против краткосрочного отпуска.

Фон Уккерман ответил, что не возражает. «Думаю, — буквально сказал он, — в ближайшие дни не произойдет ничего существенного. Так что отправляйтесь в отпуск! Желаю скорейшего выздоровления! Правда, оставайтесь поблизости от Трира, чтобы с вами можно было связаться. При непредсказуемости некоторых наших руководящих инстанций в конце концов никогда не можешь знать точно, что произойдет завтра. Вы меня понимаете, не так ли?»

Я его понимал.

Абверкоммандо под началом Райле во время кампании на Западе

Утром 8 мая я выехал в Эйфель. Уже к полудню следующего дня я почувствовал себя настолько окрепшим, что даже предпринял небольшую прогулку. После обеда, лежа на закрытой террасе, я вдруг увидел автомобиль,

бешено мчавшийся вверх по долине. Это был Даус. Самое позднее завтра к 3 часам утра подразделения абвера (личный состав был уже оповещен) должны стоять наготове в предписанном районе. Итак, на этот раз дело с наступлением было нешуточным. С помощью Дауса я собрал свои пожитки.

Местом сбора отряда служила одна из казарм Трира. Даус и я в полевой форме уже к 18 часам были на месте. В течение ближайших часов поодиночке или небольшими группами подходили и другие сотрудники отряда. Но только к полуночи все оказались в сборе, вооружены и распределены.

Мой отряд получил официальное наименование абверкомmando ОКВ¹ IV. Три других отряда формировались севернее и в то же самое время готовились к выступлению в полосе ответственности других армий. Я имел приказ моими разведывательными группами абвера форсировать Мозель и Сюр в разных местах одновременно с передовыми отрядами 16-й армии. Из последних донесений отдела Ic 16-й армии прояснилось, что эта армия образует южное крыло наступающих сил и одновременно их фланговое прикрытие.

Я распорядился большинство подчиненных мне групп разделить для форсирования рек под Вассербиллигом и Эхтернахом, в то время как сам с оставшимися группами влился в авангард, который должен был переправляться через Мозель значительно южнее, а именно под Винхеринген—Вормельдингенom.

Марш в сомкнутых колоннах при погашенных фарах проходил медленно. Было около 3 утра, когда я с группами вступил в район сосредоточения по дороге в Винхеринген. Мотоциклист отряда доложил, что группы в полном составе сосредоточились на месте. И глубокая темнота, и гнетущая тишина снова сгустились над ждущими колоннами. Сознание, что наступательная операция против западных держав действительно разразится всего лишь через несколько часов, тяжелым грузом наваливалось на ожидающих.

Особенности нашего положения были таковы: мост у Винхерингена, по которому предстояло переправиться в

¹ ОКВ — верховное командование вермахта.

Люксембург, находился в 20 километрах от германо-французского фронта и линии Мажино. Что делать, если враг откроет огонь по мосту? Глухая тишина, чем дольше длилось ожидание, становилась все зловещее.

Вдруг на востоке блеснул первый рассветный луч. Сначала смутные очертания, потом все более четкие контуры ожидавших колонн проступали из ландшафта. И вот лавина пришла в движение, не раздаются ни громкие команды, ни единого выстрела. Мост преодолен, все спокойно. Перед колоннами сонно лежала люксембургская земля, открывавшая теперь прямой путь к столице страны.

Тем временем совсем рассвело. Высоко в небе вдруг начался бой нескольких немецких и французских самолетов, но треск их пулеметов длился всего несколько секунд. После этого слышалось только урчание моторов грузовиков, спешащих обогнать колонны.

Применение абверкомmando в Люксембурге

10 мая 1940-го. Яркое, безоблачное небо. Стремительным броском, нигде не останавливаясь, мой отряд входит в центр города Люксембурга. На подходящей площади делаем привал. Командирам подразделений я отдаю устное распоряжение:

— Господа! У вас уже имеются письменные инструкции с задачами по городу Люксембургу. Сегодня в первую очередь необходимо провести мероприятия, которые могли бы обезопасить наши проходящие части от предательских вылазок: розыск установленных нами вражеских агентов, до сих пор действовавших против нашей страны из Люксембурга.

При проведении операции учтите, что мы пока единственные немецкие солдаты в городе. Части, вместе с которыми мы вошли, в западном и юго-западном направлении будут продвигаться вперед, пока не войдут в контакт с противником.

Еще одно принципиальное замечание: во всех ситуациях я прошу сохранять корректность. При арестах незамедлительно подключается комиссар тайной военной полиции, доктор Моммзен, который будет постоянно находиться при штабе отряда.

Штаб отряда с двумя отделениями пока что оставался на месте, другие группы отправились работать, как если бы они были на германской территории при проведении учения. Все проходило спокойно и без суеты.

В сопровождении Дауса, Петера Бреннера и нескольких солдат я поехал в городскую тюрьму, чтобы освободить находившихся там под арестом наших нелегалов, схваченных и осужденных в Люксембурге в прошлые годы за разведывательную деятельность в пользу Германии. Начальник тюрьмы заявил протест, разумеется, я не мог его удовлетворить.

Радость освобожденных нелегальных агентов (шестерых мужчин и одной женщины, работавших на абвер) не поддается описанию. Только двое из них прежде были моими нелегалами, остальные работали на службы абвера в Кёльне и Мюнстере. Они оказались полезным подкреплением для моего отряда, поскольку хорошо знали страну и людей и помимо немецкого говорили на французском.

К двум освобожденным агентам после их ареста на допросах люксембургские полицейские применяли жестокие методы, а во время заключения издевались тюремщики. По этому поводу составили протокол. Но впоследствии дело против люксембургских чиновников никогда не возбуждалось, во всяком случае нашими освобожденными нелегалами. Фактически по результатам расследований речь шла о несущественных издевках.

Этот день 10 мая 1940 года передо мной, как командиром отряда в Люксембурге, поставил еще много других вопросов и потребовал быстрого принятия решений. Важное донесение прислал капитан запаса Бруннер, возглавлявший одну из 11 групп, а по гражданской профессии — адвокат. Он установил, что участок железной дороги Трир—Люксембург на люксембургской территории в целом ряде мест подготовлен к взрыву.

Бруннер основательно подошел к ситуации и в одной из люксембургских служб отыскал не только ключ к минным камерам, но и служебную переписку соответствующих ведомств о задачах и целях минирования. Из документов следовало, что люксембургские власти в этом деле действовали в тесном сотрудничестве с французскими службами.

Уже через полчаса я был в Мерше, расположенном в 17 километрах севернее столицы Люксембурга, у офицера транспортной службы 16-й армии и передавал ему добытые документы и ключ к минным камерам, указав как на необходимость принять срочные военные превентивные меры и меры по разминированию, а также на политическое значение переписки.

Два дня спустя с коротким визитом в Люксембурге появился адмирал Канарис в сопровождении полковников генштаба Пикенброка и фон Бентивеньи. Он был в хорошем расположении духа.

— Читал твои донесения, — сказал он. — Но ты допустил одну ошибку, сынок. Ящик с ключом к минным камерам и документацию о люксембургско-французском сотрудничестве тебе следовало привезти мне. А уж я бы сумел воспользоваться ими у Гитлера на пользу абвера и для признания твоих заслуг. А так, кто знает, доберутся ли когда-нибудь документы до Гитлера по каналам 16-й армии и группы армий «А».

— Я посчитал, что в первую очередь необходимо обеспечить безопасность участка дороги Трир—Люксембург, господин адмирал. Потому и передал ключ с документами в 16-ю армию.

— Ну ладно, продолжай в том же духе. И мои приветы нелегалам, которых ты успел освободить! До свидания!

Канарис, будучи в добродушном настроении, имел привычку обращаться на «ты» к офицерам абвера, которых хорошо знал по работе.

Но трое людей из французской конкурирующей фирмы, как узнал Петер Бреннер, ныне унтер-офицер при моем штабе, все же бежали из Люксембурга. Во всяком случае, группы, ворвавшись в квартиры трех французских коллег, уже никого не застали. При этом был захвачен один радиопередатчик. В целом с ними поддерживали отношения 22 человека. Четверо из них нам показались подозрительными. Речь шла о полицейских. Двое из них — те самые сотрудники уголовной полиции, что принимали участие в допросах освобожденных нами доверенных лиц. По свидетельству наших людей, они были особенно жесткими и антигермански настроенными. Но этого слишком мало, чтобы возбудить против них расследование и допросить их.

Их следовало взять под неусыпное наблюдение. Возможно, они захотят и теперь передавать врагу донесения о наших частях на этой территории. С уверенностью можно было предположить, что канал связи во Францию через линию фронта у них отсутствовал. Не имелось и почтовых голубей, как уже установили. Таким образом, у них оставались лишь две возможности: рация или канал через нейтральные страны. Итак, мы должны позаботиться о том, чтобы пеленгаторы нашей службы радиоперехвата основательно прочесали люксембургскую территорию. А во-вторых, уполномоченная военная цензура будет внимательно просматривать письма, отправляемые из Люксембурга в Швейцарию и Швецию. Другие обходные каналы для письменных донесений вряд ли стоило принимать во внимание. Третья мера заключалась в негласном наблюдении секретных агентов за подозреваемыми.

Тем самым в первый день наступления нашим отрядом было сделано все, что представлялось необходимым.

Применение абверкомmando ОКВ IV в ходе кампании во Франции. Марш на Седан—Шарлевиль—Ирсон—Камбре—Аббевиль

Быстрее чем ожидалось абверкомmando получил приказ от службы Ic АОК 16 по дальнейшему применению. Уже 16 мая 1940 года в первой половине дня я вместе с моим штабом в сопровождении девяти отделений абвера покинул столицу Люксембурга. Следующим объектом был Седан. У Арлона наша колонна без задержек вступила на бельгийскую территорию. Быстрым маршем мы двигались все дальше на Запад. Примерно к полудню достигли Бульона.

После короткого отдыха в этом городке двинулись дальше. До Седана уже было рукой подать, всего 13 километров. После того как мы пересекли границу Франции, свидетельства боевых действий стали встречаться все больше: разрушенные дома, дымящиеся руины, расстрелянные автомобили и разбившийся французский самолет. Мы расчистили завалы на дороге и сразу после полудня достигли Седана.

На первый взгляд город казался полностью покинутым и пустым. Фактически жители большей частью эвакуировались или бежали. Но в некоторых зданиях размещались раненые, французские и немецкие солдаты. Я тотчас распорядился установить, из каких они частей. Донесение о результатах опроса было срочно отправлено с мотоциклистом в отдел Ис АОК 16 и по радио передано в службу абвера. Впрочем, это были те же части, о которых мы еще две недели назад доносили в Берлин. Наши осведомители отлично сработали по меньшей мере в районе Седана. И все же других результатов отряду в Седане добиться не удалось. Административные здания и казармы оказались основательно очищенными.

Во второй половине дня улицы Седана ожили. Входили части с пополнениями для фронта. Появился и немецкий медперсонал. Потому я принял решение уже следующим утром продвигаться далее вперед, а именно до Шарлевиля, если боевые действия не воспрепятствуют этому продвижению.

17 мая 1940 года отряд снялся рано утром и поначалу без всяких происшествий выступил в направлении Шарлевиля. Но на половине пути надолго задержало препятствие: мины. Германские танковые части, за которыми я следовал, это место могли обойти. Отряд же, в основном на легковых автомобилях, был не в состоянии этого сделать. Нужно вызывать саперов для обезвреживания мин и расчистки препятствия. Прежде чем продолжить движение, мы осмотрели и обследовали расположенные неподалеку разрушенные укрепления линии Мажино. Не было обнаружено ничего существенного. И тем не менее из сохранившихся обрывков документов и записок мы установили, какими французскими частями оборонялись эти бункеры.

После трехчасовой задержки отряд смог продолжить движение и в полдень вошел в Шарлевиль, город, расположенный на Маасе, неподалеку от подножия Арденн. Напротив, отделенный только рекой, лежал город Мезьер, плотно забитый вражескими войсками.

Сотрудники отряда в Шарлевиле увидели пустынные улицы и необитаемые, частично разрушенные дома. Не видно было ни одного человека. В результате последовавших основательных розысков не удалось обнару-

жить ни немецких солдат, ни оставшихся местных жителей.

Мост через Маас в Мезьер был взорван. Его стальной каркас, лишенный какой-либо облицовки, высокой искривленной дугой дотягивался почти до другого берега, хотя и сильно перекрученный и опиравшийся на быки только на этом берегу. В Мезьер нам нужно обязательно попасть на предмет обследования секретных документов, потому я вместе с командиром группы, капитаном Бруннером, попытался переправиться по какой-то удивительной, почти гимнастической лесенке. Несколько солдат, не страдающих головокружением, последовали за нами и благополучно переправились через реку.

В Мезьере мы тщательно обыскали казармы и административные здания. Нигде ни души. Повстречали лишь двух больных брошенных лошадей: одна из них ступила рану на ногу в водах Мааса. При обследовании зданий мы обнаружили пару свидетельств о частях, остававшихся последними в казармах Мезьера.

Ближе к вечеру квартиреры отряда обнаружили большую, чистую гостиницу неподалеку от шарлевильского железнодорожного вокзала. Комнаты в ней и помещения ресторана оказались неповрежденными и в полном порядке. Важно, что в погребах отеля сохранились запасы отличной провизии и напитков. Бежавшие или эвакуировавшиеся хозяева ничего не успели забрать из своих сокровищ. Целый день отряд обходился без горячей пищи, даже крошки хлеба по рту не было. Ни у штаба, ни у отряда не имелось полевых кухонь. Отряд занимался самообеспечением, насколько это было возможно, или становился на довольствие в первой же ближайшей части. Но где теперь искать эту танковую часть, которая перед нами прошла через Шарлевиль?!

Выдача провизии и вина контролировалась, личный состав предупредили о возможности строгого наказания за злоупотребления. Как у начальника абверкоммандо, у меня были права наложения дисциплинарных взысканий на командира отдельного батальона.

Вскоре в нашем пристанище стало оживленно и уютно. Добрые французские вина делали свое дело. Вражеские самолеты, появившиеся поздним вечером и сбросившие бомбы в непосредственной близости на

вокзал Шарлевиля, не смогли испортить общего настроения.

На следующий день выступили на рассвете — необходимо как можно быстрее снова войти в контакт с частями на фронте. Следующим пунктом был город Ирсон примерно в 50 километрах, расположенный по дороге Шарлевиля—Камбре. Во время марша повсюду виднелись свежие следы недавних боев: сожженные дома в деревнях, в полях беспризорные лошади, бездомные собаки и ревушие коровы с распухшим выменем, поскольку их никто не доит. На дороге картины, полные трагизма: колонны за колоннами беженцев из Седана, Шарлевиля и окрестностей. Буквально перед занятием этой местности немецкими войсками они добровольно пустились в бегство или стали эвакуироваться. Но в этот момент их обогнали как отступавшие французские войска, так и следовавшие за ними германские танковые и моторизованные соединения. С детьми и скарбом, на лошадях или машинах люди медленно ползли, измученные и молчаливые, в направлении Ирсон—Камбре. И куда они шли? На фронт? Их было нелегко убедить, что лучше и безопаснее всего им вернуться к родным очагам.

Ирсон также был пуст. Таким образом, у абверкоммандо снова была полная свобода выбора поста.

Поиск секретной документации в городке оказался безрезультатным. Поэтому я решил оставить в Ирсоне в качестве резерва два отделения, а самому с несколькими группами двинуться в направлении Гиз—Сен-Кантен, а остальную часть отряда под командой капитана Бурге-ра отправить на Камбре. Однако и эти броски не дали существенных результатов. За Камбре и Сен-Кантен еще шли бои. Правда, можно было точно установить, какие части противника сражались на этом участке.

Бои на линии Камбре—Сен-Кантен велись упорные и кровопролитные. На полях всюду валялись трупы солдат: вповалку друг на друге немцы, англичане и французы. Боевые действия вынуждали и друзей, и врагов оставлять своих погибших товарищей там, где они были убиты. Никто не заботился об этой армии павших, где друг и враг мирно покоились рядом.

Я с небольшим количеством моих солдат тоже был не в состоянии похоронить их. Мне не оставалось ничего

инного, как собирать документы для донесения в соответствующие инстанции.

Вечером 18 мая все группы отряда сосредоточились в месте сбора в Ирсопе. Меня совершенно не удовлетворили результаты первых трех дней на французской территории. Поэтому я поразился радиограмме, переданной 19 мая службой абвера:

«Продолжайте! Донесения о частях противника, участвующих или участвовавших в боях на определенных участках, очень важны. *Пикенброк*».

20 мая из берлинского Центра пришла еще одна радиограмма, не менее неожиданная:

«Бельгийцы переводят нелегалов, содержащихся до сих пор под арестом в Брюсселе, в направлении Аббевиля. Попытаться освободить любыми способами. *Роледер*».

Определившись с местонахождением, я прямо в ночь с 20-го на 21 мая выехал из Ирсона в сопровождении всего лишь одной группы под командованием обер-лейтенанта запаса Нибура. К Камбре подъехали еще в предрассветных сумерках. Из-за горизонта, казавшимся столь широким, дома сливались и были едва различимы. Проезжая через местечко, я обратил внимание, что весь транспорт немецких войск укрывался, плотно прижавшись к домам, а у каждого автомобиля выставлен двойной пост. Части явно находились в боевой готовности.

Я со своими людьми продолжил движение в направлении Арраса. Город должен быть взят еще вчера вечером. Через несколько километров подъехали к деревне Маркион. В предрассветных сумерках во многих местах виднелись кучки солдат, которые, скорчившись, прятались за домами. Что это, передовое подразделение?

На выезде из деревни под раскидистым деревом стоял генерал с несколькими офицерами. Я вышел из машины и отрапортовал:

— Майор Райле, начальник абверкомmando ОКВ IV, следую со спецзаданием в Аббевиль.

— Вот как, у нас пропагандисты? — воскликнул генерал. — Мы ждем танковой атаки.

— Мы не пропагандисты, господин генерал. У меня приказ из службы абвера разыскать и освободить наших сотрудников, арестованных в Брюсселе и перевозимых в Аббевиль.

— Через Аррас вам не проехать. Город снова занят противником. Перед нами ни одной германской части. Лучше разворачивайтесь поживее, пока совсем не раскисло, чтобы понапрасну не попасть в передрагу.

— А есть ли где проезд на Ду, господин генерал?

— Кто сейчас скажет? Рискните.

Мы поискали и нашли дорогу на Ду и оттуда на Аббевиль. На протяжении более чем 100 километров пути мы встретили только одно немецкое подразделение численностью с роту. Проехав его, мы неожиданно натолкнулись на французскую колонну, разоружили ее и взяли солдат в плен. И больше ни одной живой души в окрестностях. Но дорога и примыкающие поля на некоторых участках были усеяны танками и грузовиками. Очевидно, всего несколько часов назад немецкие самолеты расстреляли английские колонны. В некоторых грузовиках за рулем или где их настигла смерть застыли мертвые солдаты. Разоружение ошеломленной французской колонны — двух офицеров и 80 рядовых — вылилось в задержку на несколько часов, поскольку пришлось долго ждать, пока не подошло немецкое подразделение, которому пленные были переданы.

Несмотря на эту проволочку, я с группой обер-лейтенанта Нибура около полудня все же вошел в Аббевиль. Сразу же начались напряженные поиски тюрем и других зданий, в которых могли держать разыскиваемых нелегальных сотрудников. Но все поиски и розыски оказались тщетными. Позднее выяснилось, что разыскиваемых нелегалов как раз в это время отправили в Южную Францию. Их нашли там в конце французской кампании и освободили.

При обследовании административных зданий в Аббевиле я впервые во Франции натолкнулся на канцелярские шкафы, в которых оказались в полной сохранности документы по ведшейся вплоть до последнего дня корреспонденции военных и гражданских служб. Основательно загрузившись подборкой секретной документации, к вечеру тронулись в обратный путь в Ирсон. С этого момента у дешифровщиков, аналитиков и переводчиков отряда работы стало выше головы. Они отсортировывали важный материал от несущественного, перерабатывали фактическое содержание секретных документов для донесений и отобранную, но все же менее важную для оперативного

руководства документацию отправляли на обработку в предназначенные для этого службы абвера в Висбадене. Пока аналитики, дешифровщики и переводчики корпели, группы абвера ежедневно добывали все новую и новую секретную документацию вражеских частей и служб в Гизе, Сен-Кантене, Камбре, Аррасе, Ду, Аббевиле и других городах, а также на полях сражений.

Эти успешные операции с 22-го по 31 мая 1940 года проводились в узкой захваченной полосе, которая тянулась по линии Седан—Шарлевиль до побережья Ла-Манша под Аббевилем и отрезала воюющие в Бельгии вражеские сухопутные войска от армий во Франции.

Но в эти дни судьба битвы еще не была решена. Вплоть до первых дней июня противник отчаянно пытался прорвать захваченный немецкими армиями плацдарм, чтобы восстановить сообщение между своими войсками во Франции и Бельгии. Подобные попытки прорыва предпринимались особенно в районах предмостных укреплений и оборонительных рубежей на Сомме у Аббевиля, Амьена и Перонны. Из-за этих контратак противника некоторые из подчиненных мне групп абвера оказывались втянутыми в боевые действия. Счастливо, потери в них были немногочисленными.

1 июня 1940 года абверкомmando в составе всех отделений подтянулось в южнобельгийский городок Абэ-ла-Нёв. Солдаты отряда нуждались в краткосрочном отдыхе, чтобы восполнить снаряжение, в особенности транспорт. За прошедшие три недели — с начала наступления — личный состав отряда без передыху находился в деле и в большинстве случаев был вынужден ночевать в необитаемых и разрушенных зданиях или же в пути в своих машинах.

Абэ-ла-Нёв война пощадила. Население местечка жило своей обычной жизнью. Для большинства моих солдат и офицеров встреча с мирным населением деревни стало огромным потрясением, так же, как и для меня самого. Мужчины и женщины местечка, жители страны, которая за несколько недель до того была наводнена немецкими войсками, приняли солдат отряда сдержанно и молчаливо, но в целом достаточно корректно и невраждебно.

По правде, за такое отношение местного населения благодарить следовало пастора Абэ-ла-Нёв. С ним, умуд-

ренным, многоопытным и высокообразованным человеком, любили беседовать офицеры отряда. Но о войне при этом речь почти не заводили. Основные темы разговоров — общечеловеческие проблемы и великие мастера искусства и литературы. Как-то само собой получилось, что жители деревни и солдаты отряда стали вместе посещать службы в церкви общины, в то время как на севере страны еще не закончилось одно из самых значительных сражений кампании.

Солдаты абверкоммандо в полной мере наслаждались выпавшими днями отдыха. Одни преимущественно сидели на своих удобных квартирах, погрузившись в чтение припасенных с собой любимых книг; большинство же искали отдыха и разрядки на воле. Неподалеку от деревни у прозрачного ручейка имелись славные полянки, чтобы поваляться и помечтать. Кроме того, стояла прелестная погода.

Правда, передышка в Абэ-ла-Нёв слишком быстро закончилась. Вечером 4 июня я получил из отдела Ис штаба 16-й армии от майора генштаба фон Уккермана устную информацию: «Дюнкерк сегодня пал. Кровопролитное сражение в Северной Бельгии в целом завершено. Перегруппировка войск для второго этапа кампании только что закончилась. Уже утром наши армии начинают новое крупное наступление. 16-я армия снова будет прикрывать фланг и потому продвинется мало, пока армии правого крыла не выдвинутся вперед. Оперативно и по времени многое будет зависеть от того, сумеет ли 4-я армия, как запланировано, с ходу форсировать Сомму на участке Амьен—Аббевиль и вдоль побережья быстро пройти на юг. И все-таки пройдет несколько суток, прежде чем дивизии нашей армии со всей мощью устремятся в направлении Вердена.

При условии, что управление абвера не ставит для вас никаких других задач, я предлагаю, чтобы вы послали свои группы в Дюнкерк, Кале, Булонь и Лилль. Хотя, к сожалению, нескольким сотням тысяч англичан и десяткам тысяч французов удалось уйти из Дюнкерка морем через Ла-Манш, зато трофеи в виде секретных документов ваши люди должны там найти в изобилии. Задавшие деру были на седьмом небе от счастья, что им удалось спасти свою шкуру.

Правда, для 16-й армии было бы несравненно важнее установить, какие части противника противостоят им, какие силы находятся на участке Верден—Мец—Нанси и, прежде всего, ведется ли и какая подготовка для контрудара командованием противника. Командующий нашей армией, генерал-полковник Буш, очень интересуется прояснением этого вопроса, только я сомневаюсь, что вам что-либо удастся там сделать».

Я не совсем разделял его мнение и возразил:

— Наш I отдел, как вам известно, располагает во Франции определенным числом нелегалов, проверенных еще в мирное время. Большинство из них имеют надежные каналы связи, некоторые снабжены даже радиопередатчиками. Правда, под вопросом, функционируют ли еще эти каналы. В любом случае нам следует проинформировать об этом службу абвера. Не знаете, сделано ли это?

— Думаю, пока что нет! При моем последнем разговоре с отделом Ic группы армий «А» не шло речи об уведомлении службы абвера.

— Тогда я советую послать в Берлин в управление абвера радиogramму следующего содержания: «Для командования 16-й армии срочно запрашиваются разведанные о дислокации и сосредоточении частей противника на участке Мец—Нанси—Верден—Вогезы».

— Согласен!

— Впрочем, я попытаюсь разведать этот участок, столь важный для вашей армии, по некоторым спецканалам.

В те дни, когда я вместе с моими сотрудниками и переводчиками старался внести ясность в эти вопросы, столь важные для военного командования, группы абверкоммандо действовали в полосе Дюнкерк—Кале—Булонь—Аррас—Лилль и захватывали там секретные документы вагонами.

При поиске и изъятии материалов абверкоммандо ограничивались наиболее важными документами военного, оборонительного и политического характера. В противоположность этому державы-победительницы после окончания войны искали в Германии в исследовательских центрах, патентных бюро и промышленности документацию экономического свойства. Пресса западных держав в 1945—1946 годах ликовала: изъяты богатейшие трофеи всех времен.

В последние недели кампании во Франции было обнаружено очень много и английских материалов. Войсковые штабы побросали их. Эти документы давали сведения по дивизиям противника, которые на первом этапе кампании противостояли нашим частям в Бельгии и Северо-Восточной Франции. Одновременно из них явствовало, что значительная часть этих дивизий была уничтожена или бежала в Великобританию; в этом отношении для германского военного командования имело значение, как с уверенностью можно заключить из материалов, что эти разбитые и обращенные в бегство дивизии противником на втором этапе кампании уже не могли быть введены в действие.

Тем временем германские наступательные операции разворачивались снова. Лучше всего развивало успех в направлении Руана правое крыло германского фронта, простиравшееся до Ла-Манша, несмотря на храброе сопротивление французских войск. Некоторые дивизии 4-й армии уже 9 июня вышли к Сене.

Абвер в Париже

20 июня 1940 года в сопровождении моего шофера я отправился в Париж. Верден и Шалон-сюр-Марн уже были позади. Шофер жал на педаль газа: я хотел как можно быстрее добраться до Парижа. Там меня ждали новые задачи.

Еще 18 июня я из Меца выехал в Верден, сдал там отделу Ic штаба 16-й армии отчет и затем в тот же день с большинством подчиненных мне групп абвера выехал в южном направлении. Моей следующей целью был Нанси. Абверкомmando я приказал войти в этот город по возможности одновременно с боевыми частями. Нужно спешить, если отряд хочет заблаговременно войти в контакт с передовыми подразделениями армии.

Днем позднее, 19 июня, абверкомmando вошел в Нанси через несколько часов после первых подразделений. Некоторое время спустя явился унтер-офицер, радист отряда, и передал мне следующую радиограмму из аппарата абвера: «Майор Райле переводится в службу абвера в Париже. Командование отрядом передать обер-лейте-

нанту Науману и немедленно убыть. Доложить начальнику по адресу Париж, 46, бульвар Распай».

Едва я успел дочитать радиограмму, как появился оберлейтенант Науман, которому я и передал командование отрядом.

И вот я уже на пути в Париж. Прощание с подчиненными мне до сих пор офицерами и солдатами далось мне тяжело. Но приказ есть приказ.

Наконец смутным силуэтом вынырнул из-за горизонта Париж. О том, что адмирал Канарис рассчитывал на продолжительное пребывание немецких войск во Франции, свидетельствовала организованная там уже на шестой или седьмой день оккупации города служба абвера.

Я сразу же доложил о себе знакомому мне по прежним годам полковнику Рудольфу, начальнику управления абвера в Париже. Рудольф, голубоглазый блондин под пятьдесят, крепкого телосложения и импозантный, был кадровым офицером еще в Первую мировую войну. Теперь же он считался одним из старейших сотрудников абвера. Коммуникабельный, ценящий юмор и острое словцо, по службе он не терпел никаких шуток. Немногословный, он ограничивался самым существенным и проверенным сотрудникам предоставлял большую свободу действий. Возможно, это было связано с некоторой склонностью к комфорту и с его убеждением лучше ничего не делать, чем сделать ненужное.

— Я рад, — сказал он, — видеть здесь старого знакомого и приветствовать в вашем лице начальника отдела IIIf. У вас будут полностью развязаны руки. В данный момент я только знаю, что обнаружен большой объем секретных материалов, обработка которых — ваша первостепенная задача. Поначалу я могу дать вам только одного сотрудника, капитана Лейерера. А остальной персонал будет предоставлен в ваше распоряжение в ближайшие дни, поскольку сюда следует несколько абверкоммандо. Ознакомьтесь с положением дел и затем дайте мне свои предложения, как и какими силами вы желаете приняться за работу. Ну а сейчас вам конечно же лучше всего расположиться в своих двух комнатах и отдохнуть. Вечером, наверное, за ужином, вы сможете рассказать мне о действиях вашего отряда, а завтра с утра познакомите капитана Лейерера со всеми сотрудниками отдела.

Прежде всего я позаботился о том, чтобы моего шофера устроили на постой, и затем уже велел отвезти себя в мой приют, находившийся на четвертом этаже отеля «Лютеция». Из моей комнаты было видно пол-Парижа, в особенности Латинский квартал. Я впился взглядом в лежавшую передо мной панораму, словно оказался здесь мимолетно, проездом, и лихорадочно пытался запечатлеть в своей памяти прелестную картину города. Если бы тогда кто-нибудь попытался мне предсказать, что я проживу в этой квартире более четырех лет и Париж станет тем уголком на земле, к которому накрепко привяжется мое сердце и где я буду чувствовать себя дома, я счел бы того сумасшедшим или шутником.

Итак, на следующий день утром я отправился в наше бюро в отеле «Лютеция» и впервые побеседовал со своим помощником, капитаном Лейерером — человеком среднего роста, стройным, темноволосым, бывшим офицером полиции. В абвере капитан служил уже два года. Хотя он пришел с оперативной работы, но она ему была не особенно по душе; с бóльшим удовольствием он зарабатывал в бюро хитроумные процессы. Многие годы подряд Лейерер являлся одним из моих неприметно эффективных сотрудников.

Затем я попросил капитана Лейерера познакомить меня с работавшими в отеле сотрудниками службы. Группы и сектора были заняты столь плотно, как когда-то службы абвера до войны у нас дома. Правда, группу II психологической войны и борьбы с диверсиями и деморализацией войск на вражеских территориях представлял всего лишь один начальник. Напротив, в группе I были заполнены все сектора. Начальник ее майор Вааг, племянник адмирала Канариса. В своей работе по разведке в странах противника он использовал богатый опыт, накопленный еще в мирные годы.

Группа III со своими разнообразными секторами для тщательной контрразведки и защиты от агрессивного шпионажа и диверсий, как и в большинстве служб абвера, была укомплектована персоналом лучше всего. Начальник группы — капитан 2-го ранга Лангендорф — тоже опытный офицер абвера. Однако вследствие одного-единственного, не взвешенного замечания в своем докладе, на котором присутствовал адмирал Канарис,

несколькими месяцами спустя он навлек на себя неудовольствие шефа.

В целом на этот момент служба абвера в Париже насчитывала примерно 25 офицеров, 20 штабных сотрудниц, а также от 20 до 30 унтер-офицеров и рядового состава — радистов, шоферов и прочего вспомогательного персонала. Большинство сотрудников жили в отеле «Лютеция», и там же располагались их рабочие помещения. Обедали также в гостинице. Это заставило меня задуматься, в особенности когда я установил, что обслуживающий персонал кухни (кстати сказать, отменной) полностью состоял из французов, а в ресторане и баре в любое время были доступны шампанское и вина лучших сортов по смехотворным ценам.

То, что в памятные дни разгара лета после победного завершения кампании праздновали и перепробовали множество замечательных вин из прямо-таки неисчерпаемых запасов Франции, было вполне понятно. Вполне объяснялись и весьма нежные отношения, установившиеся между некоторыми сотрудниками службы мужского и женского пола. Несмотря на это, в отеле никогда не случалось непривлекательных сцен или безобразных выходов. Если когда-либо кто-то набирался сверх меры, то товарищи вежливо, но твердо отводили его в свою комнату. Французский персонал гостиницы «Лютеция» также с первого до последнего дня оккупации по отношению к немецким служащим бюро оставался ровно вежливым, но слегка сдержанным, хотя это не всегда было даже заметно. Эти французы и француженки, будь то кельнеры, повара или горничные, серьезно относились к своим профессиональным обязанностям и желали продемонстрировать немецким постояльцам, насколько хорошо работают во французских гостиницах и как в них уютно и чисто. Впрочем, они, конечно, были заинтересованы и в сохранении своих рабочих мест.

То, что этот микроклимат поддерживался годами, что немцы и французы за долгую войну без трений работали и уживались друг с другом под одной крышей, в первую очередь говорило о заслуге полковника Рудольфа, который своими манерами и сознательно холодным дистанцированием как от собственных подчиненных, так и фран-

цузского персонала заботился о том, чтобы никто не выходил за рамки.

22 июня в сопровождении Лейерера я предпринял длительную поездку по Парижу, чтобы ознакомиться с покинутыми административными зданиями французских министерств военных и иностранных дел и составить себе представление об объемах конфискованных секретных материалов, которые находились под охраной. Улицы Парижа, столь оживленные в обычные времена, были почти пустыми. То, что время от времени по ним медленно проезжали машины с немецкими солдатами, осматривавшими достопримечательности чудесного города, лишь усиливало впечатление его опустошенности. Большинство парижан эвакуировались, поскольку французское правительство первоначально собиралось оборонять свою столицу. Но когда французский фронт между Ла-Маншем и линией Мажино оказался прорванным, 13 июня Париж провозгласили открытым городом.

И в зданиях, где еще несколько недель назад работали французские высшие чиновники, не было ни души. Административные помещения почти все без исключения стояли с растворенными настежь дверьми. Папки и служебные документы горами валялись в шкафах и на письменных столах. Только часть зданий охранялась, поскольку существовала опасность, что беспризорная документация может быть украдена или сожжена.

Уже через несколько часов мне стало ясно, что необходимо срочно вызывать несколько отрядов абвера, для обеспечения надлежащей сохранности и классификации находящегося во множестве мест материала, до сих пор даже приблизительно не оцененного.

Когда я вернулся в отель «Лютеция», меня ждало еще одно донесение: группа абвера под Орлеаном обнаружила железнодорожный состав, полностью загруженный секретными архивами французского военного министерства. По всей видимости, состав направлялся через Орлеан в Южную Францию, но не смог переправиться через Луару, так как немецкие летчики разбомбили мост через реку.

Я нередко в полном одиночестве охотно бродил по Парижу и обстоятельно осматривал памятники архитектуры. Собором Парижской Богоматери, церковь Святой

Мадлены, Домом инвалидов, церковью Сакре Кёр и другими сооружениями и монументами я любовался, лишь проезжая мимо них. Только у Триумфальной арки я вышел, чтобы посетить Могилу Неизвестного Солдата и осмотреть это внушительное сооружение, на которой высечены даты славных битв из французской истории.

В этот день мне было не суждено предаться спокойным размышлениям и размеренной работе. Я намеревался заняться планом по дальнейшим действиям отдела III французской службы абвера, но тут поступило известие, что французы приняли условия, переданные им 21 июня, и подписали в Компьене перемирие. Вследствие этого вся служебная деятельность приостановилась. В большом зале ресторана отеля сотрудники абвера также собирались вокруг отдельных столиков. За веселыми разговорами оказалась опустошена не одна бутылка шампанского.

С кем бы я в этот вечер ни говорил, все сердечно радовались окончанию кампании. Товарищам, похоже, представлялось само собой разумеющимся скорое заключение мирного договора с Францией и Великобританией. Это настроение царило целую неделю. То обстоятельство, что генерал Де Голль из Великобритании призвал французов к продолжению войны с Германией, было немецкой общественности малоизвестно или не принималось ею во внимание. Маршал Петен в связи с призывом Де Голя 23 июня 1940 года официально объявил, что генерал смещен со всех постов.

Правда, всего несколько недель спустя надежды на скорый мир развеялись, по меньшей мере в офицерских кругах, которые узнали об изданных 16 июля и соответственно 1 августа директивах Гитлера № 16 и 17. Первая касалась по высадке в Великобритании так называемой операции «Морской лев», вторая — ведения воздушной и морской войны против страны. Но круг людей, достаточно информированных, чтобы более-менее верно оценивать общее положение после усиления воздушной войны против Великобритании, оставался узким. Кроме того, тому, кто к нему принадлежал, приходилось помалкивать, поскольку он подвергался опасности быть заклеянным как пораженец и понести наказание.

Уже в этот ранний период, в августе 1940 года, геббельсовская пропаганда душила любую публичную дискуссию

о неблагоприятной ситуации и тенденциях развития, благодаря якобы своей особой изошренности, после войны так часто приписываемой ей в прессе и на радио.

Правда, у меня не оставалось времени целыми днями праздновать, как многие другие военнослужащие. Когда я следующим утром, 23 июня, стал трезво обдумывать свои задачи, мне стало ясно, что нужно срочно приняться за необходимую подготовку, поскольку строительство сети осведомителей требует времени, особенно в чужой стране. Отдел IIIf опоздает, если уже после возникновения пожара начнет формировать пожарную команду. Но сначала я использовал два отделения тайной военной полиции и только что прибывший отряд абвера, чтобы выставить охрану в обнаруженных точках с секретными материалами. Затем я посоветовался с Рудольфом.

В Париже и окрестностях обнаруженными в огромных объемах секретными документами можно было бы полностью загрузить несколько железнодорожных составов. Под Орлеаном, как доносили, фактически стоял целый эшелон, груженный исключительно документами французского военного министерства. Необходимо срочно подготовить в Париже вместительное здание, чтобы свезти туда изъятые архивы. Вскоре подходящее здание нашлось. Многие эвакуировавшиеся парижане еще не вернулись в свои жилища. Да, кроме того, здания, в которых размещались французские министерства и другие власти, пустовали.

Уже через несколько дней изъятые документы огромными кучами громоздились на сборном пункте. При первом же взгляде на гору этих документов мне сразу стало ясно, что необходимы неотложные меры по охране, обработке и анализу всего этого богатства.

Вскоре о находке документации во Франции прослышали внешнеполитическое ведомство, затем Главное управление имперской безопасности и другие берлинские центральные ведомства и заверили, что в скором времени пришлют уполномоченных, которые примут участие в обработке.

Требовалось подготовить инструкцию для обеспечения планомерной классификации, обработки архивов и воспрепятствия произвольному вмешательству представителей разнообразных служб и органов. Иначе многие

тысячи единиц документов могли разлететься по разным местам.

Разработанные мной положения гласили:

1. Офицеру абвера поручается охрана материалов и руководство по его классификации и обработке.

2. Все военные и гражданские служащие, получившие в своих ведомствах или от своих начальников задание провести обработку документации на сборном пункте, должны доложить о себе его начальнику. К классификации и обработке документации допускается лишь персонал, подтвердивший в том служебную необходимость.

3. Все оригиналы документов остаются на сборном пункте. В случае необходимости с документа может быть снята фотокопия.

4. Документы, с точки зрения германской стороны не представляющие интереса, но могущие иметь ценность для Франции, готовятся для последующей передачи соответствующим французским властям.

Полковник Рудольф после согласования с зарубежной службой абвера одобрил эти директивы. Позднее стало ясно, что издание этого предписания оказалось очень своевременным.

Впрочем, в те же дни капитан абвера Виганд со своей командой обнаружил еще одно место хранения французской документации, имевшее особое значение для абвера. Речь идет о центральной картотеке и управлении делами Сюрте насьональ в Париже, рю Суссе, 11. Бежавшие французские чиновники оставили служебные помещения со всей документацией в таком порядке, словно дела велись вплоть до последнего дня перед оккупацией Парижа.

По моему предложению надзор за материалами возложили на капитана Буланга — человека энергичного и вполне способного выдержать натиск высоких чинов и министерских служащих из Берлина. Разумеется, в подчинение ему выделили по меньшей мере 10—20 унтер-офицеров и солдат.

Для обработки документов, с точки зрения интересов абвера, нам, кроме того, потребовалось еще несколько зондерфюреров с отличным знанием французского языка, затем несколько офицеров абвера, которые могли бы оказать мне помощь при обработке отобранных материалов, представляющих для абвера интерес. Большинство

этих людей следовало направить на сборный пункт, руководимый капитаном Булангом, с заданием просмотреть весь материал и прислать мне для более детального анализа фотокопии тех документов, в которых речь идет о планах, мероприятиях, служащих, нелегалах и агентах французских секретных служб.

Разумеется, особенно тщательно мы искали документы по шпионажу и диверсиям против рейха и вермахта. С несколькими помощниками я хотел просмотреть направленный мне материал, с точки зрения интересов вермахта, чтобы установить, какие отделы нашей службы или подразделения абвера на территории рейха следует подключать для дальнейшей обработки материалов. Тогда отдельные документы можно было отправлять в соответствующие инстанции с сопроводительными письмами и кратким изложением содержания.

Когда здесь, в Париже, мы обнаруживали, например, отчеты вражеских агентов и изменников родины об их деяниях, то III отдел нашей службы в Берлине в сотрудничестве с местными компетентными подразделениями абвера на родине мог лучше и быстрее, чем мы, проверить все обстоятельства дела. Впрочем, возбуждение уголовных дел по подобным составам преступлений в большинстве случаев являлось компетенцией судов Германии.

Вторая причина представлялась мне еще более весомой. Мы находились на вражеской территории. В настоящий момент все было спокойно. Наши военнослужащие и парижане нормально ладят друг с другом. Они обоюдно надеются, как казалось, на скорейшее заключение мира. Но пока невозможно даже предугадать, как долго мы здесь будем оставаться. Также раньше или позже может измениться отношение населения. Поэтому мне представлялось разумным как можно скорее начать с собственно работы отдела IIIf, с обнаружения друзей, вербовки нелегалов и агентов среди населения, и не только в Париже, но и на всей оккупированной территории Франции. В нашу задачу входило — иметь по всей стране неприметных, втайне наблюдающих осведомителей, с помощью которых мы могли в известной мере постоянно контролировать пульс французов. Одновременно, благодаря этим тайным сотрудникам в

стране, мы исследовали бы возможность каким-либо образом, например через Испанию или Португалию, наладить контрразведывательную работу против Великобритании. Нам нужно было каким-то способом попытаться подобраться к нашему на тот момент самому крупному противнику — Интеллидженс сервис.

Чтобы суметь реализовать эти замыслы, нам требовались еще специалисты, в первую очередь офицеры по линии отдела IIIf, обладающие опытом в вербовке и руководстве доверенных лиц и агентов. Далее, нам следовало привлечь всех испытанных перед войной в разведывательной и контрразведывательной работе нелегалов, в особенности тех из них, которые владели французским настолько хорошо, что среди населения могли сойти за французов. Чем быстрее мы привлечем сюда эти кадры, тем лучше. Уже в ближайшие недели, пока множество эвакуированных и бежавших во время боевых действий французов еще только возвращались и многие из них подыскивали себе новое жилье, нам лучше всего бы удалось «законсервировать» хорошо говорящих по-французски нелегалов. В этой связи представлялось желательным создание на оккупированной французской территории новых подразделений абвера. Было немыслимо успешно руководить из Парижа проведением по всей Франции необходимых контрразведывательных мероприятий без подключения отделений.

Но создание сети нелегалов во Франции я считал первоочередным делом, потому хотел заниматься обработкой и передачей интересующих нашу службу секретных документов лишь в той мере, в какой это было неизбежно.

Полковник Рудольф разделял мое мнение. Адмирал Канарис, так сказал он, видимо, исходит из таких же или аналогичных соображений. Он уже отдал распоряжение сформировать ряд других подразделений абвера на занятой французской территории. После того как подразделения будут сформированы, нам придется выполнять двойную задачу: во-первых, как парижский отдел абвера местной компетенции по Парижу и пригородам (Большой Париж); во-вторых, как главное управление абвера по Франции в качестве профессионального оперативного руководства всеми подразделениями абвера на французской территории.

Чтобы иметь возможность выполнять новые задачи, мне следовало изыскать дополнительный вспомогательный персонал.

В последующие недели улицы Парижа стали постепенно снова оживать. Эвакуировавшиеся семьи начали возвращаться, приниматься за свой прежний труд, жизнь опять запульсировала почти как прежде. Все это не в последнюю очередь благодаря мерам, принятым командующим войсками во Франции и его администрацией. Среди прочего им столь удачно был назначен обменный курс французской валюты 20 франков = 1 марка. С одной стороны, немецкие военнослужащие все-таки могли себе что-то позволить на свое денежное довольствие, а с другой — французское население отнюдь не без энтузиазма принимало немецкие марки в качестве оплаты за труд или проданные товары.

В результате летом 1940 года в Париже наладилось своеобразное житье-бытье. Повсюду были видны немецкие военнослужащие, прогуливающиеся по бульварам в компании очаровательных женщин, разглядывающие достопримечательности или сидящие со своими спутницами за столиками в бистро или кафе и наслаждающиеся едой и напитками. По вечерам такие крупные увеселительные заведения, как «Лидо», «Фоли-Бержер», «Шехерезада» и прочие, переполнялись. И вне Парижа в предместьях, знаменитых по истории — Версале, Фонтенбло, — почти в любой час встречались небольшие группы немецких солдат, уцелевших в боях и желавших полной мерой насладиться жизнью.

Пока военнослужащие немецких войск таким образом предавались отдыху и наслаждениям, абвером уже предпринимались меры, которые должны были на длительный срок обеспечить широкомасштабную работу по разведке и контрразведке во Франции. Адмирал Канарис добился открытия новых отделений абвера в Сен-Жермен-ан-Ле, затем в Дижоне, Анже и Бордо. Позднее сформировались еще некоторые подотделы абвера, в том числе в Бресте; затем отдельных офицеров абвера направили в крупные гавани на побережье Ла-Манша, а других откомандировали в главные штабы ВВС. Резидентуры абвера появились также в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Уже в конце 1940 года боль-

шинство из перечисленных резидентур были работоспособны.

Во Франции отдела абвера, в компетенцию которых территориально входили все оккупированные районы севернее и западнее так называемой демаркационной линии, в качестве оперативных придавались группы тайной военной полиции. Органам РСХА исполнение оперативных задач во Франции было поручено только в июне 1942 года.

После занятия юга Франции в ноябре 1942 года новые учреждения абвера открылись в Лионе, Марселе, Тулузе и Лиможе.

Южная Франция была оставлена в качестве суверенной территории французскому правительству во главе с маршалом Петеном с резиденцией в Виши. В этом регионе вплоть до его оккупации немецкими частями исполнительную власть осуществляло исключительно правительство Виши. Поэтому с 1940-го по 1942 год случалось, что органы полиции арестовывали нелегалов абвера, выполнявших задания в Южной Франции.

Таким образом, по ту сторону демаркационной линии, с точки зрения службы абвера в Париже, находилась сфера влияния иностранного государства. Однако соблюдение паспортных и таможенных формальностей для французов, желавших пересечь демаркационную линию, не требовалось. Почтовое сообщение между двумя разделенными частями Франции также функционировало беспрепятственно: словно бы демаркационной линии не существовало. Равным образом велись неконтролируемые междугородные телефонные разговоры между обеими частями Франции, что приобретало для контрразведывательной работы важное значение. Сил для отслеживания междугородных переговоров не хватало.

В то время как негласная работа всех направлений абвера в июле и августе 1940 года набирала обороты, дислоцированные во Франции части, как уже описывалось, наслаждались продолжительным отдыхом. Немецкие военнослужащие очень быстро освоились во Франции и, благодаря своему корректному и дисциплинированному поведению, завоевали симпатии у французского населения. Доходило до того, что французы открыто ликовали,

когда немецкие люфтваффе сбивали английские самолеты, появившиеся над Парижем.

Эти корректные, во многом дружественные отношения между немецкими солдатами и французами ничем не омрачались в течение почти года. Большинство немцев и французов в июле 1940 года надеялись на скорый мир, поэтому на готовность Гитлера в своей публичной речи 19 июля 1940 года к мирным переговорам с Великобританией и резко отрицательный ответ лорда Галифакса несколько дней спустя, казалось, почти никто не обратил внимания или воспринял трагически. Но иллюзия оказалась обманчивой. На оккупированных французских территориях нашлось, пожалуй, немало французов, с большим интересом воспринявших призыв генерала Де Голля к продолжению борьбы против Германии и понявших, что могли бы означать заявления английского лорда в будущем. На этот период времени круг таких французов, по данным абвера, был еще очень узок. Кроме того, большинство его членов благоразумно вели себя тихо и выжидательно.

Обработка огромной массы секретных материалов потребовала создания новых подразделений абвера. В конце июля 1940 года полковник Рудольф однажды сказал мне:

— В этой работе меня интересуют три вопроса: во-первых, будет ли результатом обработки материала наказание изменников родины?

Во-вторых, как и насколько успешно французские секретные службы вели шпионаж в Германии? Правильно ли оценивали соответствующие французские органы военную мощь Германии?

В-третьих, остались ли на оккупированной французской территории сотрудники вражеских разведслужб? Отмечена ли уже где-нибудь во Франции новая активность иностранных разведслужб? Нам следует безудержно заниматься именно этой проблемой.

— На первые два вопроса, — сказал я, — управление абвера даст заключительный ответ только тогда, когда будут обработаны и проанализированы все изъятые секретные материалы. Но видимо, пройдет еще не один месяц, прежде чем будет результат. Только в центральной картотеке Сюрте насьональ, рю Суссе, 11, складировано огромное количество карточек и папок.

Тем не менее мне кажется, что на первый вопрос приблизительно можно ответить уже сейчас. Наши аналитики за последние три-четыре недели своей работы в Париже обнаружили множество шпионских отчетов из Германии. Большинство этих донесений о секретах рейха, в особенности о воинских частях, оборонительных сооружениях и секретных технологиях оборонной промышленности, поступало от агентов, которые от случая к случаю на время засылались французскими секретными службами в Германию специально для шпионажа. Эти агенты, как только установят их имена и личности, будут объявлены в розыск. Правда, большинство из них могут оказаться вне нашей досягаемости. Если их удастся схватить, с уверенностью можно ждать возбуждения уголовного преследования за государственную измену или же умышленное разглашение военной тайны.

Некоторые из пока что обнаруженных шпионских донесений исходят от лиц, до сих пор проживающих в Германии. Эти документы уже отосланы в III отделение службы абвера в Берлине. Ясно, что против установленных изменников, как только их схватят, будет выдвинуто обвинение. Возможно, наши аналитики в ближайшие месяцы обнаружат еще массу материалов, дающих повод для уголовного преследования.

По второму вопросу на основании имеющихся пока что результатов с уверенностью можно сказать, что службы Второго бюро за годы перед войной заслали в Германию огромное число агентов с разведывательными целями. Для этого они предпочитали вербовать немцев, служивших во французском Иностранном легионе или по каким-либо иным причинам покинувших Германию. Но в качестве шпионов в Германию засылались бельгийцы, люксембуржцы и другие иностранцы, так же как в некоторых случаях и французские граждане.

По вопросу, верно или ложно соответствующие французские службы оценивали военную мощь рейха на основании полученных ими разведанных, пока я еще не могу высказаться. Вообще-то это задача I отделения нашей службы в Берлине, куда для изучения этого вопроса будут направлены соответствующие документы. Между тем, просматривая документы, которые поступают ко мне, я обратил внимание на некоторые длинные шпион-

ские отчеты, принадлежащие эмигрантам. Авторы, в большинстве случаев промышленники, писатели и художники, хотя и были хорошо информированы относительно общей обстановки, однако, как мне кажется, ненависть к национал-социализму исказила их оценку. Они склонны предвзято указывать на слабости НСДАП и обороноспособности страны. Мое частное мнение основывается на том, что компетентные органы Франции, судя по всему, не сумели оценить военной мощи рейха в ее полном объеме.

— То, что вы мне сейчас сказали, больше, чем я ожидал услышать. Но что с моим последним вопросом? Смогли ли абверкомmando и ваши осведомители нащупать следы, которые указывали бы на активизацию иностранных разведок на оккупированной французской территории?

— Нет, господин полковник. Хотя в Париже установлены несколько чиновников Сюрте, но пока не обнаружено никаких доказательств того, что они были оставлены для ведения подрывной деятельности против нас. Полагаю, что сейчас у них и возможностей нет передавать донесения в Великобританию, даже если бы они того хотели. В этой связи примечательно, что наша тайная военная полиция повсеместно наладила превосходные контакты с органами муниципальной полиции.

Полковник Рудольф также считал, что в настоящий момент у британской разведки на французской оккупированной территории нет планомерно работающих агентов и явочных квартир. Но все может измениться. Нам следовало сохранять бдительность.

Усиленная вербовка доверенных лиц и агентов. Первое появление Интеллидженс сервис в оккупированных областях. Первый арест вражеского радиста

Германская контрразведка имела в своем распоряжении значительное число военнослужащих и нелегалов, отлично владевших языком и нередко, подобно Нибуру и Ноттерману, замаскировавшись под английских или голландских офицеров, вступавших в контакт с аген-

тами шпионских сетей или членами Сопротивления. В каждом отделе абвера в Нидерландах, Бельгии и на оккупированных французских территориях имелись такие особо одаренные мужчины и женщины. Многие из них внесли выдающийся вклад, сутками и месяцами поддерживая личные контакты с вражескими агентами и при этом подвергаясь ежечасной опасности быть разоблаченными и убитыми.

Готовность к работе этих людей тем более достойна внимания, что на службе военной контрразведки они не могли рассчитывать ни на высокие награды, ни на материальное вознаграждение. Они выполняли опасные для жизни задания по идейным соображениям, считая себя обязанными приложить все силы и отдать свою жизнь на то, чтобы оградить Германию и товарищей по вермахту от шпионажа, диверсий и прочих опасностей. Многие из них погибли, как, скажем, один капитан парижского отдела абвера, застреленный во время операции.

Впрочем, эти активнейшие и удачливые сотрудники германской контрразведки и после войны ни в коем случае не могли быть спокойными за свою жизнь. Многие из них судами стран-победительниц были приговорены к смерти и казнены. Этой судьбы среди других не избежал и патер Филуциус¹. Другие бывшие нелегалы абвера получали многолетние сроки лишения свободы во Франции, Бельгии и Нидерландах.

По опыту из произошедшего в Вильнюсе дела доктора Бенджамена я посчитал настоятельно необходимым существенно расширить базис работы отделения IIIf во Франции. Все офицеры получили указание усилить вербовку осведомителей и агентов. Найти в Париже агента для руководителя нелегалов отделения IIIf не представляло труда. Миллионный город приютил достаточное количество авантюристов и сомнительных субъектов, готовых к сотрудничеству за хорошую плату или какое-либо иное материальное вознаграждение. Агентами отделения IIIf были представители самых различных наций, русские и чешские эмигранты, итальянцы и выходцы из Северной Африки, а в некоторых случаях и французы, которые — как упомянутая в деле доктора Бенджамена хиромантка — из

¹ О нем пойдет речь позднее.

презренной алчности могли предать даже собственных соотечественников.

Разумеется, на таких людей, завербованных агентами, нельзя было полностью положиться, в особенности в рискованных и опасных делах. Как только война стала склоняться не в пользу Германии, многие из этих агентов, легко переходивших в стан противника, стали даже опасными для своих немецких хозяев. Руководство ими требовало осторожности и осмотрительности. Не каждый куратор осведомителей отделения IIIf справлялся с такими людьми.

Потому большее внимание абвером уделялось другой категории секретных сотрудников, а именно мужчинам и женщинам, бывшим на стороне Германии по идейным соображениям. Это были по-настоящему доверенные лица.

К таким моим самым ценным секретным сотрудникам принадлежал Феликс, бывший бельгийский летчик, фламандец по национальности, и патер Филуциус, католический священник из парижского предместья. Оба — не знавшие друг друга и работавшие независимо друг от друга в соответствии с заданиями в различных направлениях. Самостоятельно, но почти одновременно, а именно зимой 1940/41 года, они пришли к результатам, содержащим первые указания на то, что английская секретная служба нащупывает почву во Франции и Бельгии и пытается открыть тайный фронт против германских оккупационных властей.

Одной поездки из Парижа в Брюссель, совершенной в декабре 1940 года с определенной целью, оказалось для Феликса достаточно, чтобы там установить контакт с одной из групп Сопротивления, которая собиралась наладить курьерскую связь с Великобританией. Курьерский маршрут должен пролегать через Монпелье на юге Франции, а далее через Испанию и Португалию в Лондон. Феликс отслеживал эту группу, пока она по курьерскому маршруту не получила передатчик и не начала по радио из Брюсселя передавать в Лондон шпионские донесения. Арест членов этой шпионской сети теперь был неизбежен. Благодаря четким указаниям великолепного осведомителя, оказалось не сложно обнаружить передатчик и арестовать радиста вместе с некоторыми

его товарищами. Так в начале 1941 года прошла первая ликвидация вражеского радиста германской контрразведкой в Бельгии.

У патера Филуциуса был большой круг знакомых, и через него он иногда узнавал о подготовке к шпионской деятельности и тайном сопротивлении германским оккупационным властям. Как-то от одного друга ему стало известно, будто порученец британского премьер-министра Черчилля вошел в контакт с членом правительства Виши, с целью склонить маршала Петена на сторону Великобритании. Патер Филуциус почел за свой долг передать эту информацию мне, чтобы, как он считал, послужить делу мира. Он страстно мечтал о скорейшем мире и долгосрочном германо-французском союзе. Об англичанах он отзывался нелестно и придерживался мнения, что лишь они виноваты, что до сих пор нет мира. Патер Филуциус рассматривал генерала Де Голля как орудие в руках англичан, которые желают лишь бессмысленно затянуть дело. Он же был верным приверженцем маршала Петена.

В январе 1941 года я представил полковнику Рудольфу отчет о содержании донесений, которые получал от Феликса и патера Филуциуса. К этому моменту раскрытая Феликсом группа Сопротивления в Брюсселе еще не имела позднее захваченную нами шпионскую радиостанцию.

Я предложил полковнику Рудольфу:

— По информации одного из моих лучших людей, британская секретная служба устанавливает курьерский маршрут через Португалию, Испанию и Южную Францию к группе Сопротивления в Бельгии, которую она собирается снабдить передатчиком. Цель этой операции в первую очередь шпионаж против нас в Бельгии. По сведениям другого надежного источника, у посланца Черчилля был тайный контакт с людьми из окружения маршала Петена. Я предлагал передать эту информацию главнокомандующему и представить подробный отчет шефу нашей службы. Но самым важным я считал нацелить все подразделения на Западе, включая службу радиоперехвата, на то, что службы противника готовы установить со своей агентурной сетью радиосвязь. Теперь все соответствующие силы и средства должны

быть сосредоточены на контратаке на нашем тайном фронте.

Так и поступили; полковник Рудольф одобрил предложения.

Во Франции обстоятельства для вражеской разведки складывались гораздо благоприятнее, нежели в Бельгии. Для Интеллидженс сервис и голлистской службы было не сложно создать явочные квартиры с радиостанциями в Южной Франции и оттуда постоянно засылать шпионов на оккупированную территорию. Демаркационная линия для вражеских агентов не была препятствием, и на юге Франции, на суверенной территории правительства Виши, мы не обладали никакой исполнительной властью. Появились ли уже подобные явочные квартиры в Южной Франции, мы не знали. Но с уверенностью могли рассчитывать на то, что рано или поздно англичане и Де Голль начнут действовать именно таким образом. Вражеские службы крайне редко пользовались и курьерскими маршрутами этих групп, которые из Франции через Испанию и Португалию вели в Великобританию. Шли недели, прежде чем связник добирался до Лондона, и доставлявшиеся донесения, по большей части, уже устаревали. Тайный фронт нашего противника был опасен для нас лишь тогда, когда он оснащался достаточным количеством передатчиков.

Впрочем, я с оптимизмом смотрел на состояние контрразведки. До сих пор на французской территории мы не выявили ни одного сеанса вражеского радиообмена. Однако подобная оценка была не совсем корректной. Ибо фактически за несколько недель до того в Париже начал работать передатчик британской Интеллидженс сервис.

Дело французского капитан-лейтенанта Анри Луи Оноре д'Этьена д'Орва. Разведслужба голлистов

Иногда секретные разведывательные службы гораздо быстрее продвигались, благодаря неожиданным посторонним помощникам, нежели планомерной разведывательной работе сети собственных нелегалов и технических средств. Эти посторонние помощники — везение и случай. Так начальник отделения абвера IIIf в Анже, майор Дернбах, благодаря случаю играючи разрешил одну

задачу, которую я с помощью доверенных лиц и агентов сумел разъяснить только частично в ходе многомесячной, трудоемкой работы.

Несколькими неделями спустя после этого разговора с полковником Рудольфом агент голлистской разведки явился в одно из германских учреждений на оккупированной французской территории. Он показал, что несколько дней назад вместе с французским капитан-лейтенантом д'Этьеном д'Орвом и несколькими другими французами ночью был переправлен морем через Ла-Манш и высажен на французском побережье. Д'Этьен д'Орв имел задание создать на северо-западе Франции подпольную явку, вести разведывательную работу против немецких оккупационных войск и передавать результаты шпионажа по радио в Лондон, поскольку сам он был радистом д'Этьена д'Орва.

Показания голлистского агента подтвердились. Местное компетентное учреждение абвера в Анже с помощью этого предателя смогло без особого труда схватить д'Этьена д'Орва вместе с несколькими его помощниками и заполучить рацию. Этот аппарат, передававший в Великобританию информацию для голлистской разведслужбы, теперь можно было использовать в ущерб голлистам. Майор Дернбах, с привлечением переметнувшегося радиста, установил связь с радиоцентром в Лондоне, где поначалу не могли и предполагать, что передатчик находится в руках немцев. Благодаря этому счастливому случаю впервые с оккупированной французской территории оказалось возможным начать радиоигру против действующего в Лондоне разведывательного радиоцентра и некоторое время передавать дезинформацию хозяину д'Этьена д'Орва.

Но гораздо важнее этой контригры для германской контрразведки были данные, которые изменник-агент сообщил о структуре и мероприятиях голлистской разведки в Великобритании. Из них стало ясно, что руководство голлистской службы разведки в Лондоне в январе 1941 года впервые получило возможность заслать во Францию офицеров с радистами и помощниками. Переброску попытались осуществить двумя путями: один раз морем через Ла-Манш (в случае с д'Этьеном д'Орвом), в другом — через Португалию и Испанию. Этим каналом в январе 1941 года из Лондона в Южную Францию дол-

жны были отправиться уже несколько подобных разведывательных групп.

Все эти сведения для абвера оказались очень важными. Однако германской контрразведке важную информацию поставляли не только изменники, но и конфискованный передатчик весом примерно 30 килограммов, примитивной конструкции и слишком громоздкий, не позволявший его незаметно куда-нибудь вмонтировать. С подобной аппаратурой голлистская разведка вряд ли могла достичь больших успехов. Ясно, что вскоре она будет вынуждена оснащать своих агентов более легкими и надежными передатчиками.

Д'Этьен д'Орв и арестованные с ним помощники предстали перед военным трибуналом. В этом случае доклад отделения абвера в Анже о результатах прежних расследований компетентному суду был неизбежен, так же как и возбуждение уголовного дела об изошренном военном шпионаже. Радист, выдавший своего офицера, все же сохранил себе свободу и жизнь. Со служебной точки зрения было даже выгодно, чтобы в кругах агентов противника заговорили, что мы благосклонно обращаемся со шпионами, когда они приходят к нам с повинной и доносят о своем задании. Так произошло, что графа д'Этьена д'Орва, благородного человека знаменитой французской фамилии, осудили на смертную казнь и 29 августа 1941 года расстреляли, а радист остался жить.

Этот случай учит, что никогда нельзя отправлять на территорию противника более двух-трех человек вместе для выполнения опасного задания. И это только при условии, что люди по-человечески близки друг другу и при любых обстоятельствах стоят друг за друга.

Правда, ни одна секретная служба не застрахована от предательства.

Приезд адмирала Канариса в Париж. Обзор положения во Франции с июля 1940-го по июль 1941 года

В целом германским войскам во Франции с июля 1940-го до начала кампании в России в июне 1941 года секретная работа вражеских разведок причиняла мало

беспокойств. Диверсии против военных объектов и нападения на немецких военнослужащих были редкостью. Попытки британской Интеллидженс сервис и голлистской разведки создать подпольные опорные пункты для шпионажа на оккупированной французской территории и создание движения Сопротивления неоднократно эффективно пресекались с немецкой стороны.

При этом германская служба контрразведки, благодаря анализу раскрытых случаев шпионажа, заблаговременно выявила, что лондонский Центр голлистской разведки планирует и готовит развертывание во Франции в больших масштабах тайного фронта против Германии. Но если успехи этой службы до лета 1941 года были весьма скромными, то все же рано или поздно абверу следовало ожидать многочисленной засылки крупных голлистских шпионских групп, проведения диверсий и создания движения Сопротивления. Из этих соображений службу III в оккупированных западных областях значительно усилили, а также ускорили создание сети нелегалов, направленной на выявление ожидаемого тайного наступления врага.

Офицеры III отдела в этот период были самыми занятыми немецкими военнослужащими во Франции. Тем не менее еще до лета 1941 года они могли спокойно все планировать и реализовывать. Еще не царила лихорадочная нервозность, которая проявилась позднее, когда начались ежедневные диверсии и нападения.

В течение этого первого года оккупации адмирал Канарис посещал подразделения абвера во Франции всего лишь несколько раз. В последующие годы он появлялся в Париже гораздо чаще. Тогда он постоянно заслушивал подробные отчеты руководителей групп и помощника отделения III о работе и неудачах, об их тревогах и пожеланиях. В большинстве случаев в заключение он наносил визит главнокомандующему на Западе, фельдмаршалу фон Рундштедту, и командующему войсками во Франции, генералу Отто фон Штюльпнагелю, чтобы с ними обсудить важнейшие результаты работы абвера и одновременно узнать, какие у них имеются пожелания и претензии.

Командующий во Франции, как начальник администрации, которому на оккупированной территории по принципиальным вопросам подчинялись и французские поли-

цейские власти, интересовался всеми проблемами, касавшимися поддержания порядка и безопасности. Потому он принимал живое участие в делах, связанных с контрразведкой. Фельдмаршал фон Рундштедт, как главнокомандующий армиями, дислоцированными на оккупированных в Западной Европе территориях, напротив, в тот период в первую очередь интересовался военными событиями в Великобритании. Он желал получать непрерывно и по возможности подробную информацию о численности и структуре британских вооруженных сил, о производительности военной британской промышленности, так же как и о вероятных замыслах и планах английского правительства, направленных против Германии.

Эти вопросы и пожелания ставили перед занимавшими ими сотрудниками военной разведки, так называемого I отдела, крайне сложные задачи. Британские службы безопасности создали настолько отличную систему контроля, что доверенным лицам, во время войны нелегально внедрившимся в Великобританию, практически было невозможно долгое время действовать незамеченными.

Адмирал Канарис хорошо понимал потребности в разведданных главнокомандующего войсками на Западе и командующего войсками во Франции. Поэтому он придавал большое значение тому, чтобы главное управление абвера по Франции прилагало все силы для возможно исчерпывающего информирования этих двух главных штабов. Примечательно, что, приезжая, он всегда осведомлялся у обоих командующих, удовлетворительны ли достижения руководящих сотрудников абвера в Париже. Офицеры, не оправдавшие его ожиданий, быстро освобождались от должности и исключались из абвера.

Один подобный случай произошел в Париже летом 1941 года. Канарис приказал начальникам групп доложить о происшествиях в зонах своей ответственности в присутствии всех помощников главного управления абвера по Франции. Капитан-лейтенант Лангендорф, начальник группы III отдела абвера, в своем докладе упомянул, что среди прочего несколько групп испанцев-республиканцев подставили под угрозу общую безопасность в некоторых департаментах оккупированных территорий. Наличной полевой полиции оказалось достаточно, чтобы взять под надежный контроль круг всех антигермански настроенных

лиц да еще и испанцев. А вообще говоря, стоило бы подумать об интернировании всех испанцев-республиканцев в концентрационный лагерь.

Лангендорф был далек от того, чтобы предлагать это все всерьез. Но само упоминание концентрационного лагеря в этом контексте стало роковым. Канарис в видимом раздражении перебил докладчика. С трудом сдерживаясь, он высказал свое неудовольствие ходом мыслей капитан-лейтенанта, явно учитывая, что часть присутствовавших офицеров находятся в подчинении докладчика. Но тот, кто знал Канариса ближе, понимал, что звонок прозвенел. Некоторое время спустя капитан-лейтенант Лангендорф покинул абвер.

Насколько большое значение Канарис придавал тому, чтобы подчиненные ему офицеры и солдаты отдавали все свои силы поддержке обороноспособности страны, настолько жестко он следил за тем, чтобы сотрудники абвера не превышали своих полномочий и при проведении служебных операций строго держались в правовых и гуманных рамках. Невыносимой, даже бесчеловечной для него была сказанная капитан-лейтенантом Лангендорфом мысль отнять свободу у несчетного количества невиновных людей.

При каждом удобном случае адмирал письменно и устно повторял, что станет принимать строжайшие меры против тех сотрудников абвера, кто будет обходиться с арестованными ненадлежащим образом. Такая его позиция принесла свои плоды. Она стала общим достоянием офицерского корпуса абвера и сохранялась и тогда, когда Канарис уже не был шефом заграничной службы абвера. Отдаваемые им приказы оказались жизнеспособными. Еще зимой 1944/45 года я приводил личному составу подчиненных мне четырех отрядов фронтовой разведки (прежде абверкомандо) письменные приказы адмирала об обращении с военнопленными.

Глава 3

**ПЕРИОД С ИЮНЯ 1941-ГО ПО ЛЕТО 1942 ГОДА.
ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ ПОСЛЕ НАЧАЛА КАМПАНИИ
В РОССИИ. ДЕЛО «ПОРТО». ВЫСТРЕЛЫ В ПАРИЖЕ
ПО СОЛДАТАМ ВЕРМАХТА. РАССТРЕЛ ЗАЛОЖНИКОВ И
АРЕСТ ПРОКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ТЕРРОРИСТОВ.
ДЕЛО «ПОЛЯ» (RÉSEAU INTERALLIÉ). РАДИОПЕРЕХВАТ,
ОПЕРАЦИЯ В ЮЖНОЙ ФРАНЦИИ**

После начала кампании в России военные эшелоны покатили с Запада на восточный театр военных действий. Постепенно из обширных регионов во внутренней Франции стали исчезать германские войска. Французские коммунисты, которые до сих пор вели себя смиренно, теперь все сильнее разворачивали подрывную деятельность, и ведущаяся из Лондона антигерманская пропаганда начала оказывать все большее воздействие. Во многих городах и деревнях Франции собирались группы, решившие работать против оккупационной власти. В течение нескольких недель положение здесь изменилось прямо на глазах. Так, стали непрерывными акты саботажа на железнодорожном транспорте и диверсии против воинских эшелонов.

Начался новый этап войны. Для абвера ситуация во Франции становилась все неблагоприятнее, а для разведок противника, к которым теперь принадлежала и советская, все более выгодной. То, что все с большей вероятностью следовало ожидать активизации тайной войны, мне было совершенно очевидно. Но и немецкая контрразведка не бездействовала. За год своей работы во Франции она завербовала множество ценных осведомителей и агентов. Предстояла великая битва между атакующими вражескими разведками и германским абвером. В чью же пользу она закончится? Дело «Порто» оказалось прямо в ее эпицентре.

Дело «Порто». Голлистская разведка и британская Интеллидженс сервис

В деле «Порто» при проведении так называемой контригры было установлено свыше одной тысячи человек, проживающих во Франции и Бельгии, объединившихся в группы, чтобы с помощью шпионажа, диверсий и тайного сопротивления работать против германских интересов. По завершении этого дела молниеносно арестовали 962 человека. В истории борьбы Германии со шпионажем и саботажем еще не было акций подобного масштаба. Исключительную же роль на протяжении многих месяцев играли два ценнейших сотрудника абвера в непосредственном контакте с вражескими агентами.

Героем этого дела стал Андреас Фольмер, по прозвищу Пат, мужчина ростом под метр девяносто, стройный, крепкий, черноволосый и с темными пронизательными глазами. К моменту проведения этой контригры он в звании зондерфюрера служил в главном управлении абвера по Франции, находился в моем непосредственном подчинении и в связи с его заданием ходил в Париже всегда в цивильном.

Пат — прежде люксембургский гражданин немецкого происхождения; много лет прослужил в бельгийской колониальной армии в бельгийском Конго; будучи коммерсантом, поездил по миру и повидал свет; манеры у него были грубоватые. То, как он обращался с подчиненными или зависимыми от него лицами, напоминало унтер-офицера в казарме, не терпящего никаких пререканий. Но Пат, несмотря на эти манеры, имел золотое сердце, которое он, правда, открывал только своим ближайшим друзьям, если его глубоко трогали переживания и размышления, становясь в подобные часы словоохотливым. Впрочем, он был весьма начитан и знал многих известных авторов французской, немецкой и английской литературы, французским владел так же свободно, как и немецким; и английский язык не вызывал у него особых затруднений.

Пат считал меня своим другом. Мы отлично понимали друг друга со времени нашей первой встречи и еще до начала контригры «Порто» провели несколько совместных акций абвера.

В середине июня 1941 года я вызвал Пата к себе.

— У меня для вас есть опасная роль, Пат! — начал я. — Вы будете изображать в Париже резидента британской Интеллидженс сервис.

— Как это понимать, шеф? Насколько я вас знаю, речь может идти о серьезном деле. Вы подобными вещами не шутите.

— Конечно же нет. Вот послушайте! Большинство французов, за последнее время покинувших Францию, чтобы поступить на службу к Де Голлю или уехать в Соединенные Штаты, через Испанию едут в Лиссабон. Там им легче всего запросить и получить въездную визу в Великобританию или США. Но с английским посольством в Лиссабоне ищут контактов и сторонники генерала Де Голля, оставшиеся во Франции. Многие крупные голлистские группы готовы планомерно в больших объемах работать против Германии. Нам это известно. Они уже начали шпионскую деятельность против оккупационных войск. Но им срочно требуется канал выхода на Лондон, по которому они получали бы указания и могли сообщать о результатах.

— А какие детали известны, шеф?

— Интеллидженс сервис пришла к мысли взять группы Соппротивления в Париже под свое покровительство и пользоваться ими для собственных целей. Для этого англичане ищут опытного в подпольной работе, энергичного и надежного человека, могущего взять на себя руководство французскими группами. С его помощью они хотят попытаться создать в Париже резидентуру, которая проложит курьерский маршрут в Лиссабон и как можно скорее установит радиосвязь с Лондоном.

— Очень хорошо, шеф. И тогда вы подумали обо мне. Я же имею опыт разведывательной работы и достаточно энергичен. А вот как убедить англичан, что я в их смысле надежен?

— Давайте рассмотрим дело подетальнее! В Париже в ближайшие дни должен объявиться некий представитель английской секретной службы. Это мы установили. Назовем его Макс! Он встречается тут с одним своим старым другом, чтобы сориентироваться в ситуации на оккупированной территории. Этот друг, очень интересная личность, которого мы в отчетах собираемся имено-

вать под псевдонимом Гай, тайно поддерживает нашу службу. Гай рекомендует вас Максусу в качестве помощника Интеллидженс сервис во Франции.

— Но тогда мне нужно как можно быстрее переговорить с Гаем и обсудить, что он расскажет обо мне Максусу. — Пат задумчиво поглядел на меня и спросил: — А Гай точно надежен, шеф? Я охотно возьму на себя эту роль, но в игре должно быть все четко. Если Гай поведет двойную игру, я за свою жизнь гроша не дам.

— Ваши сомнения вполне понятны. В любом случае вам придется поставить свою жизнь на карту. Нам обоим это следует сразу осознать. И все же на нашего друга Гая положиться можно. Я подготовил с ним встречу уже на завтра. Тогда мы обсудим все необходимое, когда и где Гай якобы сумел познакомиться и оценить вас и что еще следует учесть. Все нужно разработать так, чтобы комар носа не подточил. Макс, естественно, будет обо всем подробно докладывать своему начальству, а английская секретная служба проверять в том числе и легенду вашего знакомства с Гаем.

— Мне недавно удалось сделать себе подлинные французские документы на имя Альбера Риша. Они отлично подойдут для легенды.

— Замечательно, Пат! Тогда мы еще обдумаем, как при выполнении нашего плана полностью вывести Гая из игры. Он не должен попасть под подозрение, что выдал членов Сопrotивления. После удачной контригры нам, вероятно, придется провести аресты. Поэтому Гай будет рекомендовать вас Максусу самым горячим образом, но одновременно просить, чтобы его в это дело дальше не вмешивали. Он обоснует это тем, что живет далеко от Парижа, и полагает, что лучше сослужит Великобритании, если останется у себя дома и будет глядеть в оба. Если все обойдется, Гай познакомит вас с Максусом, но потом станет для вас недоступным. Макс конечно же ни в коем случае не должен подозревать, кто вы на самом деле. Все понятно, Пат?

— Так точно, шеф.

— Если Гай не сможет подыграть, вам потребуется сообщник, который прикроет ваши встречи (хотя бы первые) с командирами групп Сопrotивления, но и выступит связником между вами и группами Сопrotивления.

Вам самому будет просто не под силу проводить все необходимые встречи и переговоры. Далее важно, чтобы ни один из членов Сопrotивления не смог узнать, где проживает Альбер Риш, этот выполняющий секретную миссию представитель Интеллидженс сервис, или где его можно найти. После первой же встречи вы познакомите своего связника с командирами групп и при этом определите, по каким дням и в каких местах вы или ваш связник будет приходить на явку, чтобы проводить совещания, давать задания, а также забирать донесения. Сам собой, командиры групп также не должны знать, где проживает или где можно найти вашего связника.

— Думаете, что командиры групп пойдут на подобные условия, шеф?

— Не уверен. Но думаю, Макс привезет с собой удостоверение или письма Интеллидженс сервис, которые помогут вам надежно внедриться в качестве их представителя. А если командиры групп вас признают, то тогда поймут, что Альберу Ришу необходима глубокая конспирация. Заодно вы сможете даже упомянуть, что среди членов Сопrotивления, возможно, имеются немецкие шпионы, которых вам приходится остерегаться. Впрочем, вам следует внушить Максy, чтобы и он ни словом не обмолвился людям Сопrotивления, где в Париже можно найти Риша. Он найдет это желание вполне резонным. Что вы скажете по поводу такой схемы контригры, Пат?

— Не проста и небесспорна. Но меня привлекает это задание. А на роль связника Альбера Риша у меня уже есть кое-кто на примете.

— Кто же, Пат?

— Мой товарищ Феликс, вы же его хорошо знаете и цените. Он более неприметен, чем я, а значит, сможет поддерживать постоянные контакты в определенных местах. Вы же знаете о его успехах. Феликс умен, молниеносно ориентируется в ситуации, находчив и ловок, короче, просто создан для роли связника Альбера Риша.

— А как у Феликса с языками?

— Французским и немецким владеет в совершенстве. С английским у него неважно, но это ничего. Ведь у Альбера Риша должен быть помощник, который у себя дома во Франции и Бельгии, верно? Людям из Сопrotивления это будет хорошо понятно.

— Ясно. Тогда еще сегодня посвятите Феликса в угованную ему роль! Теперь для вас обоих существует лишь одна эта задача. Завтра я познакомлю вас с Гаем. А Феликс должен быть все время наготове, чтобы вы смогли ввести его в игру, как только это потребуется. Будем надеяться, что все получится. Вам неоднократно придется действовать по своему усмотрению. На протяжении всей игры мы сможем встречаться только по ночам. Правда, в самых неотложных случаях можно попытаться мне позвонить. Разговоры должны быть закодированы. Нам неизвестно, прослушивает ли противник телефонные линии.

— Все понятно, шеф! Денечки будут горячими.

— Потребуется все силы, Пат. Вам нужно сохранять полное самообладание. Иначе вас могут взять за горло.

— Ясное дело, шеф. И, несмотря ни на что, я хочу сыграть роль резидента Интеллидженс сервис во Франции.

— Еще кое-что весьма важное, Пат! Мы не должны и не хотим провоцировать людей из Сопrotивления. Разумеется, вы не сможете не передавать некоторые инструкции, которые Риш получает от Интеллидженс сервис для последующей передачи их командирам групп. Каждый отдельный случай мы будем детально обсуждать. По возможности нужно передавать только те инструкции, которые не смогут причинить большого ущерба нашим интересам. Уже одно это было бы для нас весьма ценным. Но, наконец, и для самих членов Сопrotивления пойдет только на пользу, если в результате контригры мы добьемся, чтобы эти группы пока что не занимались диверсиями. В случае возбуждения против них уголовных дел они понесут более мягкое наказание. Об этом тоже следует никогда не забывать. Но вы должны попытаться еще и выяснить, в какой мере группы Сопrotивления пока занимаются шпионажем и диверсиями на свой страх и риск, но в будущем готовы работать по инструкциям Интеллидженс сервис.

В этом заключается ядро нашей задачи. Мы должны попытаться получить точную информацию о планах и замыслах групп Сопrotивления, чтобы предотвратить акции, угрожающие безопасности оккупационных войск. Естественно, вам или, точнее, Ришу придется иметь дело

с людьми, которым не терпится совершить гораздо больше, чем от них потребуют инструкции Интеллидженс сервис, переданные нами. Тормозите таких людей как только можно! Скажем, Риш может им говорить, что благоприятный момент для проведения данной операции еще не настал, что Лондон пока не желает проведения этой акции, поскольку может быть нарушена структура Сопrotивления и многое другое. Внушите это и Феликсу!

— Так точно, шеф! А как мы будем называть это дело в отчетах?

— Назовем его «Порто». Из Португалии привозят такой добрый портвейн.

И началась контригра по программе. Макс появился в точно намеченный срок у Гая в Париже, и тот познакомил его с Альбером Ришем.

Сияя от счастья после встречи с Максом, у меня возник Пат, он же Риш, и сообщил, что все прошло как надо. Макс явно рад так быстро найти человека, готового и, как ему показалось, способного выполнять секретные задания Интеллидженс сервис в Париже. С собой он привез четыре письма своей службы, адресованных членам командирам групп Сопrotивления, а именно: В...ап, В...in, F...el и Ch...ne. В письмах указывалось на донесения, которые названные лица ранее направляли в английскую резидентуру в Лиссабоне. Адресатов настоятельно просили безусловно доверять их подателю. Ему поручено получать от них донесения и пожелания и переправлять их Интеллидженс сервис. Кроме того, Макс передал Ришу документ, который в случае необходимости он может предъявлять членам Сопrotивления в качестве удостоверения, что службой Интеллидженс сервис на него возложена секретная миссия во Франции.

Для начала было вполне достаточно. Но вышло даже лучше. Макс уже отправился в обратный путь, чувствуя себя во Франции неуверенно. Передав Ришу инструкции, он передоверил ему и все остальное. Таким образом, при проведении контригры теперь мы могли действовать полностью по собственному усмотрению.

Макс в деталях согласовал с Патом (Ришем), как тому следовало отправлять со связником отчеты и донесения в Лиссабон. Затем он пообещал Ришу установить радиосвязь с Лондоном, если тому удастся добиться хороших

результатов. Впрочем, Макс был помощником майора Кларка из резидентуры Интеллидженс сервис в Лиссабоне. Для финансирования четырех групп имелись значительные средства. Как только выяснилось, на что способны четверо адресатов со своим персоналом, Риш мог затребовать крупные денежные суммы, необходимые для поездок и проведения акций. При подсчетах возникающих расходов он не должен мелочиться.

С каждым из четверых командиров групп нужно было, разумеется, встречаться по отдельности и всеми четырьмя группами руководить раздельно. В первых же беседах с каждым из командиров Пату (Ришу) следует завоевать доверие собеседника. Перепроверка всех четверых командиров групп Сопrotивления показала, что они были известны как добрые французы, настоящие патриоты. Ни один из них не поддерживал никаких связей с немецкой администрацией.

Итак, после этого пролога начался первый акт. Пат в роли Риша и секретного спецуполномоченного Интеллидженс сервис появился на сцене. Все шло хорошо, Пат добился даже большего, нежели мы с ним оба ожидали.

Риш встретился с месье В...in, одним из четырех командиров, у него на квартире. Тот сразу понял, что Риш хотел бы переговорить с ним с глазу на глаз. Тогда Риш передал адресованное ему и доставленное Максом письмо и попросил его полностью доверять и сообщить о своих пожеланиях и проблемах, чтобы он мог передать их в вышестоящую английскую инстанцию.

У месье В...in не возникло никаких сомнений, да он был, несомненно, рад появлению Риша. Он тотчас объявил, что у него в Париже и его окрестностях много друзей, полных решимости заниматься диверсиями и шпионажем против немцев. Большинство членов его группы уже действуют и неоднократно передавали донесения о дислокации войск во Франции, расположении военных аэродромов и многом другом. Он достал пачку документов и передал Ришу, правда, немного поколебавшись, полагая, что тот не сможет оценить, полезны ли эти донесения для Интеллидженс сервис или нет. До сих пор он действовал по своему усмотрению и будет только приветствовать, если ему смогут определять цели и ориентиры для дальнейшей работы. На это Риш сказал, что Ин-

теллидженс сервис прежде всего нужны данные по численности членов и боеспособности группы, только тогда он сможет дать инструкции для дальнейшей подпольной деятельности. Имена не обязательны. Напротив, желательны точные данные, в каких населенных пунктах группа располагает людьми и какие у них возможности для шпионажа и диверсий.

Тут месье В...in достал из тайника список имен и адресов всех членов своей группы и передал Ришу с просьбой переслать имена в Лондон. Он полагал, Интеллидженс сервис и генерал Де Голль должны знать, какие brave парни добровольно и решительно поднялись здесь против бошей.

Так прошло первое появление Пата в качестве представителя английской Интеллидженс сервис во французском движении Сопротивления.

В присутствии Пата я взял составленные месье В...in донесения и принялся читать. До того, как я пробежал документы, у меня невольно вырвалось:

— Просто невероятно! Здесь не только десятки шпионских донесений, но и данные их составителей. Сопоставив со списком, мы с большой долей вероятности установим, кто составлял какой именно шпионский отчет. Недурные результаты! Тут явно потрудились бывшие французские солдаты, разбирающиеся в военном деле. С другой стороны, большинство из них в отчетах весьма легкомысленны.

— Эти люди не искушены в разведке, — возразил Пат. — Они даже не представляют, насколько неосторожно действуют и какой опасности себя подвергают. Но они настоящие французы, без всякого сомнения, искренние патриоты и горды тем, что их имена как членов Сопротивления будут переданы в Лондон. Я все же думаю, что эти списки мы можем передать Максу в Лиссабон. Как, шеф?

— Без сомнения! Списки просто необходимо передать Интеллидженс сервис. Если в один прекрасный день явится Макс или какой-либо другой представитель компании и встретится с месье В...in, то сорвется вся наша контригра. Месье В...in, если в Париж приедет Макс или другой эмиссар английских служб, несомненно, заинтересуется, получил ли список и генерал Де Голль.

Иное дело шпионские донесения. Чтобы иметь возможность продолжать контригру, часть донесений Максусу следует переслать. Его резидентура должна видеть, что Риш в Париже начал работать. Тогда от Интеллидженс сервис мы получим дальнейшие инструкции для группы В...in. Да, непросто будет сделать правильный выбор. Хотя начальник отдела Ис главнокомандующего войсками на Западе, полковник генштаба Мейер-Детринг, и относится к нашей работе с полным пониманием, однако совершенно справедливо станет добиваться разрешения на передачу вражеским службам только таких шпионских донесений, которые в целом не навредят нашим частям и германским интересам. С точки же зрения абвера, наоборот, важно время от времени направлять Интеллидженс сервис такие донесения, которые бы ее интересовали или по меньшей мере могли заинтересовать. Именно так нам следовало поступать как раз в начальной фазе игры, чтобы у нашего противника возникло доверие к своему резиденту в Париже, месье Ришу.

Но только этим все не заканчивалось. Шпионские донесения и все, что мы еще будем получать от группы В...in, необходимо основательно обрабатывать в двух направлениях, во-первых, на предмет, представляет ли шпионская деятельность группы В...in угрозу нашим военнослужащим и военным объектам. Предпринимались скрытные меры безопасности, чтобы предотвратить риск; во-вторых, нужно попытаться установить, какие члены группы В...in составляют шпионские донесения и вследствие этого подлежат уголовному наказанию. На каждого из них у нас в отеле «Лютеция» имелось дело, которое по мере возможности содержало столько доказательного материала, чтобы в случае необходимости можно было у соответствующего военно-полевого суда затребовать ордер на арест. Адмирал Канарис всегда выходил из себя, если узнавал, что кто-то арестован без веских на то оснований. Разумеется, пока что я не думал об арестах, но мы должны быть готовы к тому, чтобы в крайнем случае изолировать опасных шпионов и диверсантов группы и тем самым предотвратить причинение ущерба.

Теперь у капитана Лейерера и других моих помощников в «Лютеции» дел было по горло. Только на основе этих шпионских донесений требовалось завести

несколько сотен уголовных дел. Но работы следовало ожидать еще больше. В ходе контригры Пат в роли Риша должен был неизбежно вступить в контакт с остальными тремя командирами групп Сопротивления. Опасность, угрожавшая нашим частям во Франции, судя по беседе Пата с месье В...in, намного серьезнее, нежели я мог представить себе ранее по получаемым разведанным. Мы должны приложить все усилия, чтобы встретить во всеоружии эту опасность.

А наша контригра продолжалась. Пат в качестве месье Риша и резидента Интеллидженс сервис во Франции имел полный успех и у командиров групп В...ap, F...el и Ch...ne. Они со своими друзьями также уже несколько месяцев занимались шпионажем и передали месье Ришу прямо во время первых контактов отчеты о результатах своей подпольной деятельности против Германии. Как и месье В...in, они тоже не задумываясь вручили ему поименные списки членов своих групп с просьбой о последующей переправке их в Лондон. В результате в течение всего нескольких недель удалось выявить сотни шпионов.

Я с моими сотрудниками все последующее время занимался делом «Порто». Каждое донесение шпионов, исходящее от одного из четырех командиров групп, тщательно проверялось и обрабатывалось. Проверка включала прежде всего вопрос, нужны ли мероприятия по защите поставленных под угрозу военных объектов. Затем устанавливалось, кто написал соответствующее донесение и сколько лиц участвовало в описываемой разведывательной акции. На каждого установленного преступника заводилось уголовное дело, к которому в качестве вещественного доказательства прилагалось шпионское донесение. С оригиналов донесений, которые по разрешению главнокомандующего войсками на Западе отправлялись Максу в Лиссабон, мы снимали фотокопии и подшивали их в дело. Вскоре уже недоставало несгораемых шкафов, чтобы хранить уголовные дела в соответствии с предписаниями по хранению секретной документации.

В первые недели контригры все шло как по писаному. Четверо командиров групп Сопротивления были рады, что могут сдавать свои секретные материалы

Ришу и передавать через него свои проблемы и пожелания. И Феликса они признали связником между собой и Ришем. Риш объявил им, что у него столько дел, что на личные встречи он сможет выходить только в случаях особой важности. Командиры верили ему на слово.

Между тем уже наступил июль. Кампания в России началась несколько недель назад. Из Франции на восточный театр военных действий было отправлено множество дивизий. Обширные пространства в оккупированных районах на Западе оголились. Такая ситуация придала Спротивлению новый импульс. Неудивительно, что четверо командиров групп теперь хотели расширять и увеличивать количество акций, направленных против немцев. В связи с этими намерениями они спрашивали у Риша четких инструкций от Интеллидженс сервис, начав жаловаться и на то, что английская тайная служба до сих пор так вяло реагировала на направляемые ей донесения. В первую очередь все еще так и не были ни подтверждены, ни оценены некоторые особенно важные донесения по дислокации германских войск и люфтваффе.

С этого начались серьезные сложности, которые Пат в своей роли Риша и шефа Интеллидженс сервис в Париже должен был устранить.

Риш не мог передавать Интеллидженс сервис самые ценные для врага донесения четырех групп, поскольку не получил разрешения командующего группой армий Запада. Если бы они попали в руки вражеской разведки, могли бы последовать воздушные удары по разведанным военным объектам. Несомненно, Интеллидженс сервис подтвердила бы поступление донесений и стала бы побуждать авторов к дальнейшей разведке соответствующих целей. Но как раз этому контригрой по возможности и следовало воспрепятствовать.

Таким образом, авторам контролируемых нами шпионских донесений ни в коем случае нельзя было сообщать подлинных оценок Интеллидженс сервис. Но как в этом случае вести себя Ришу, чтобы в то же время как можно дольше не попасть в ловушку? Добавлялось и еще одно осложнение. Движение Спротивления тем временем помимо своей шпионской сети (*Réseaux de renseignements*)

сформировали группы саботажа (Réseaux de sabotage) и требовали от Риша теперь и для них постановки задач и приказов о применении. Они горели жадной деятельностью и требовали постановки четких заданий для диверсионной работы. Директивы, которые мы передавали им через Риша, пока сдерживаться, пока готовиться к крупным операциям и не размениваться преждевременно на мелкие акции, на долгое время устроить их не могли. Так впервые у них zakралось недоверие к Ришу. Как будто некоторые командиры групп начали подозревать, что передаваемые им инструкции исходят не от Интеллидженс сервис!

Начало войны с Россией совершило чудо. Движение Сопротивления теперь было преисполнено надежд, что война, возможно, станет развиваться не в пользу Германии, поэтому желательно как можно дольше сохранять контригру и пытаться без остатка выявить самых активных членов Сопротивления. Между тем мы не могли действовать иначе, как петь старые песни. Командиров групп, как и прежде, приходилось призывать к терпению. Риш склонял командиров четырех групп к мысли, что было бы нелепо и безответственно подвергать опасности славных патриотов, нацеливая их на разведку объектов, которые, предположительно, уже установлены Интеллидженс сервис. Ведь у английской секретной службы во Франции имеются еще и другие сети. Чтобы не ставить понапрасну на карту свободу и жизнь членов Сопротивления, следует строго выполнять инструкции и директивы Лондона. В разведке требуется железное соблюдение дисциплины.

Мы пытались утешить участников Сопротивления и тем, будто Интеллидженс сервис обещала вскоре предоставить им радиста. Как только у них установится радиосвязь с лондонским Центром, будет легче получать ответы на вопросы и высказывать свои пожелания. Впрочем, Риш говорил командирам групп, что он в скором времени ожидает встречи с представителем лиссабонской резидентуры Интеллидженс сервис, который привезет деньги и новые инструкции. Когда Пат под большим секретом поведал об этом командирам групп, взяв с них обещание не рассказывать об этом даже их самым надежным друзьям, они явно почувствовали себя польщенными особым доверием, оказанным им Ришем.

Впрочем, Феликс был задействован больше. При необходимости он мог объяснить командирам, что у него полномочия в качестве связника лишь собирать у них донесения и пожелания и передавать их Ришу. Он не уполномочен принимать решения. Такая тактика была для нас самой удобной. Тем самым мы могли выиграть время, чтобы обдумать неудобные вопросы командиров.

Пат сумел восстановить доверие четырех командиров к Ришу и получить новые сведения о деятельности Сопrotивления. При этом ему особенно пригодилось, что Макс в последние дни июля действительно появился в Париже и привез новые задания Интеллидженс сервис по шпионажу, а также твердое обещание, что через месяц-полтора прибудет обученный английской разведкой радист и поступит в распоряжение Риша. Об этом можно было сообщить командирам. Привезенные Максом задания по шпионажу также без колебаний в полном объеме передавались командирам групп, поскольку у них не имелось собственного канала связи с Великобританией. Теперь с уверенностью следовало ожидать, что командиры, как и прежде, станут передавать Ришу результаты шпионской деятельности своих людей.

Таким образом, абвер имел право направлять по каналам связи в резидентуру английской разведки в Лиссабоне только те донесения четырех групп Сопrotивления, которые получали разрешение командующего войсками на Западе, но задерживать те сведения, которые могли нанести ущерб, если бы стали известны Интеллидженс сервис. Разумеется, руководители четырех групп Сопrotивления об этом и не догадывались. Риш даже вырос в их глазах, когда отныне стал передавать им исключительно подлинные шпионские задания по разведке дислокации германских частей и военных объектов, тщательно разработанные Интеллидженс сервис.

Четверо командиров со своими людьми рьяно взялись за разведку новых целей. К Ришу от них поступило бесчисленное количество шпионских донесений в течение всего нескольких недель. Они помогли абверу идентифицировать несколько сотен других членов Сопrotивления, которые принимали участие в составлении донесений и в разных городах и департаментах оккупированных фран-

цузских территорий действовали в ущерб германским интересам.

Кроме того, Пат, он же Риш, в эти недели добился другого сенсационного результата. Он узнал, что командир группы Ch...ne связан с двумя друзьями, которые прибыли в Южную Францию с нелегальной миссией из Великобритании и имели при себе радиопередатчики и поначалу оставались там. Но совсем недавно они переехали в Париж или его пригород. Речь шла о сотрудниках лондонского Второго бюро генерала Де Голля, проникших через Испанию в Южную Францию с заданием отсюда наладить радиосвязь с лондонским Центром и взять на себя руководство сетями групп шпионажа и саботажа. И все же выполнение этого задания сорвалось, так как им не удалось установить радиосвязь с Лондоном. По-видимому, они повредили передатчики во время перевозки. Сейчас они находились на нелегальном положении в Сен-Жермен-ан-Ле. Оба друга командира Ch...ne были очень озабочены тем, что не смогли выполнить свое задание, и согласились, чтобы Риш, как представитель Интеллидженс сервис, забрал аппаратуру и попытался ее отремонтировать.

Днем спустя я с привлечением специалистов абвера по радиоперехвату тщательно обследовал радиоаппаратуру.

Тем временем в последние месяцы и в Бельгии патриоты по собственному почину решили объединиться в группы шпионажа и диверсантов. Руководил ими бывший бельгийский генерал Жено. Он, как до него группы французского Сопротивления, пытался установить связь с Лондоном. Благодаря случаю, оказавшемуся для него и его товарищей роковым, один соратник генерала Жено как-то встретился с Феликсом, с которым был прежде знаком. В доверительной беседе он рассказал Феликсу, что движение Сопротивления в Бельгии начало активную борьбу против немцев, однако, к сожалению, у них пока нет связи с Лондоном. Феликс дал понять бельгийцу, что, как ему кажется, он смог бы установить контакт с одним представителем Интеллидженс сервис, однако ему еще нужно уточнить. Через день-два он надеется сказать что-либо конкретное.

Феликс незамедлительно передал Пату свой разговор с бельгийцем и тотчас получил задание через своего зна-

когого пригласить генерала Жено в Париж. Было очевидно, что нам следует подключить к Ришу и Жено с его группами Соппротивления.

Уже несколько дней спустя генерал Жено приехал в Париж, чтобы познакомиться с Ришем. После первого их разговора Пат встретился со мной и передал пачку документов, содержавших точные сведения по сформированным Жено в Бельгии шпионско-диверсионным группам с именами и адресами его соратников, а также донесения по немецким частям и военным объектам. Схемы и рисунки недвусмысленно свидетельствовали о профессионализме шпионов. Пат искренне воздал должное за такую работу бельгийскому генералу и сумел наладить с ним доверительный контакт. Был обговорен канал связи, по которому Жено в будущем хотел направлять Ришу все поступающие ему шпионские донесения.

В результате этого нам оказалось легко нейтрализовать опасную шпионскую деятельность бельгийского Соппротивления. Сложнее было удерживать от активной деятельности диверсионные группы генерала Жено и убедить их, что для них время действий еще не наступило. В любом случае нам необходимо выиграть время, чтобы предпринять меры безопасности, прежде чем отбить запланированные диверсионными группами акции.

Пат, чтобы иметь перед бельгийским офицером козырь, выдал себя за майора Кларка из резидентуры Интеллидженс сервис в Лиссабоне. Он, Кларк, будто бы имел задание установить связь с группами Соппротивления во Франции и Бельгии, какое-то время руководить ими и помочь им к определенному времени создать каналы курьерской и радиосвязи с Лиссабоном и Лондоном.

Это была не очень удачная мысль, которая могла легко привести к катастрофе, ведь майор Кларк существовал на самом деле. Хотя Пат связал генерала словом, что тот никому ни слова не скажет о своей встрече с майором Кларком, но разве не мог кто-либо из сотрудников и друзей генерала еще раньше познакомиться с английским майором? Итак, еще один возможный источник провала в этой контригре! Нам следовало быть начеку, хотя генерал, как объяснил Пат, был явно очарован «майором Кларком». Но он не давал себя сбить с задуманного, про-

сил проверить привезенные им документы и дать ему инструкции и задания по дальнейшему применению руководимых им групп шпионажа и саботажа. Жено полагал, что это можно выполнить достаточно быстро, поскольку майор Кларк, несомненно, разбирался в таких вещах. Но Пат возразил, будто ему потребуется два-три дня, чтобы передать в Лондон по радио конспект донесений и попросить Центр Интеллидженс сервис дать им оценку и выработать указания.

Жено выразил готовность остаться в Париже до поступления ответа из Лондона и находится под опекой Феликса. Таким образом, мы получили несколько дней, за которые я мог бы обработать материал, чтобы решить, с какими инструкциями Жено может вернуться в Брюссель.

Пат говорил генералу Жено о якобы существующей с Лондоном радиосвязи, но это заявление в определенных обстоятельствах также могло привести к провалу. До сих пор не было установлено никакого радиообмена. Теперь мы сталкивались со сложностями, как сдерживать бурную жажду деятельности Жено. Никогда до добра не доводит использование несуществующих и неподтверждаемых вещей.

Слава богу, провала не последовало. Жено согласился с рабочими установками, которые он получил от Пата (уже Кларка), и, удовлетворенный, уехал в Бельгию. В последующий период он неоднократно наезжал из Брюсселя в Париж, постоянно привозя с собой подробные отчеты о деятельности и достигнутых результатах руководимых им шпионско-диверсионных групп. Будучи убежденным, что в Пате он имеет настоящего представителя Интеллидженс сервис, генерал раскрыл всех своих товарищей германскому абверу.

Примерно в середине августа 1941 года в Париж на совещание прибыл адмирал Канарис. Для участия были вызваны все начальствующие офицеры абвера на оккупированных территориях Запада, а также из Швейцарии, Испании и Португалии. В этих трех странах офицеры абвера работали под крышей посольств, имея обозначение КО (военная организация абвера).

Я докладывал о положении абвера на Западе. При этом в общих чертах отметил и дело «Порто». Участни-

ки напряженно слушали. Вдруг адмирал Канарис воскликнул:

— Ну что, Ленц?

Капитан 1-го ранга, к которому обратились, был резидентом КО в Испании.

Канарис не ждал ответа на свою реплику, а жестом потребовал, чтобы я продолжал.

Вечером этого дня в отеле «Лютеция» давали ужин участникам совещания. Канарис дал мне понять, что контригра «Порто» заслужила его полное одобрение. Пока что все шло бескровно. Исключительно хитростью сотрудникам абвера удалось перехватить руководство действующих против Германии групп Сопротивления во Франции и Бельгии и тем самым предотвратить причинение вермахту крупного ущерба. Это было то обстоятельство, которое — иначе как в контршпионаже он видел голую потребность для абвера, которой уступал из чистой необходимости, — так расположило адмирала Канариса к контригре «Порто».

Пат еще несколько недель продолжал успешно играть роль Риша и руководителя тайного представительства Интеллидженс сервис. Но в конце августа и начале сентября 1941 года появились серьезные сомнения в продолжении контригры. Командиры групп Сопротивления уже не скрывали, что они недовольны нынешним руководством Риша как резидента Интеллидженс сервис. В их высказываниях Пат вновь услышал неприкрытое недовольство. Без сомнения, последний оказался в опасности. Он, прежде столь хладнокровный, постепенно становился беспокойным и нервным. Я сам уже вынашивал мысль, что с контригрой пора заканчивать.

В это время в Париже снова появился Макс, привезя деньги и инструкции Интеллидженс сервис, а также радиопередатчик с необходимой документацией для установления радиосвязи с Лондоном.

Разговор Пата с Максом показал, что у резидентуры Интеллидженс сервис в Лиссабоне пока что не возникало никаких подозрений относительно Риша. Мы снова обрели уверенность в себе, и Пат получил от меня новые инструкции.

Сначала он должен был передать командирам групп Сопротивления задания Интеллидженс сервис и распре-

делить среди них привезенные Максом деньги. Затем ему следовало провентилировать вопрос, нет ли надежного человека, хорошего радиста, который смог бы ему, Ришу, обеспечить надежную связь с Лондоном. Все это восстановило бы доверие к Пату и дало ему возможность открыто поговорить с каждым из командиров в отдельности об их претензиях к Ришу. Тем самым, вероятно, можно было бы установить, почему вдруг в группах Сопrotивления возникло недовольство Ришем. От этого зависел не только успех дела, но и жизнь Пата.

Впрочем, выбирать не приходилось, нам следовало ввести в дело радиста, однако без особого риска, поскольку он получал бы только нами зашифрованные радиogramмы для передачи их в Лондон в строго установленные сроки сеансов связи. Шифр же оставался у нас. Таким образом, радист никогда бы не узнал о содержании донесений, передаваемых им. Люди из Сопrotивления нашли бы вполне резонным, что Риш не выпускает из рук секретный шифр Интеллидженс сервис. Кроме того, мы собирались так разместить рацию, чтобы переданные донесения можно незаметно контролировать средствами радиоперехвата абвера и даже прерывать, если бы радисту взбрело в голову действовать самостоятельно и передать в Лондон собственную информацию и запросы.

Несколько дней спустя Пат сообщил, что командиры групп по-прежнему остаются недовольными, поскольку Интеллидженс сервис все еще не разрешает проведение подготовленных ими диверсионных актов. Они упрекнули его в том, что за последние недели другие группы провели не только акты саботажа, но и нападения на немецких солдат. Они сообщили Пату, что 21 августа из укрытия застрелили матроса, а 3 сентября, также в Париже, выстрелом в затылок ранили унтер-офицера. Командиры групп считали, что французские патриоты совершали эти покушения на немецких солдат явно по приказанию Интеллидженс сервис или голлистской разведки. А потому пришло время и для их решительных действий.

Пату кое-как удалось их успокоить. Он весьма энергично объяснил им, что в данный момент еще следует избегать смелых операций, иначе возрастет опасность

разгрома органами абвера мелких групп Сопротивления. На немецких солдат наверняка покушались чересчур рьяные патриоты, не имеющие контакта с Лондоном.

Разумеется, Пат разговаривал с каждым из командиров с глазу на глаз, и каждый из них снова пообещал ему беспрекословное повиновение. Правда, было невозможно предсказать, как долго еще он сможет удерживать их столь надежно в узде и не позволять им и их людям приступить к диверсиям.

Наконец появился умелый радист, человек по имени Пьер, готовый заниматься рацией.

Положение Риша снова на какое-то время упрочилось, но вскоре среди четверых командиров опять вспыхнуло недовольство и недоверие. В последние недели пришлось несколько изменить линию Риша. Нам следовало решительно потребовать от групп Сопротивления, чтобы они перестали и думать о диверсиях.

Однако, вероятно, мы могли исправить и еще одну ошибку. Пат получил задание объявить командирам групп следующее: он, Риш, после серьезных размышлений решил известить лондонский Центр Интеллидженс сервис о том, как и сколько людей в их группах с нетерпением ждут приказа о начале акций против немцев. Потому он просит их еще раз проверить свои планы по диверсиям и передать ему подробные данные по акциям, которые они считают первоочередными. При этом необходим список патриотов, на которых можно рассчитывать при их проведении. Тогда он передаст эти сведения Интеллидженс сервис и потребует принятия решения, когда и в какой последовательности должны быть проведены акции.

Если бы нам удался этот маневр, мы загодя получили бы новую важную информацию о замыслах четырех групп Сопротивления. Но в любом случае по состоянию дел уже не приходилось сомневаться, что контригра достигла кульминационной точки.

Пару дней спустя появился Пат, чтобы доложить об исполнении задания. К нашему великому удивлению, он установил, что у групп Сопротивления скоплено огромное количество взрывчатки, добытое разными способами, но в первую очередь кражей. Они не теряли времени и в разработке проектов диверсий. В качестве объектов пла-

нируемых операций они называли военные склады, аэродромы и вокзалы. К тому же одна из четырех групп Сопротивления вступила в связь с кругом лиц, получавшим диверсионные материалы из Великобритании. Речь, помимо прочего, шла о большом числе магнитных мин в форме полушария, имевших на плоской стороне до 60 и более магнитов. Прикрепленные под водой к кораблю, они могли проделывать в днище огромные пробоины. Английские самолеты на парашютах сбрасывали этот материал для диверсионных групп.

Мы оказались перед лицом совершенно новой ситуации. Обладатели магнитных мин должны иметь налаженный канал с англичанами. Предположительно, они поддерживали радиосвязь с лондонским Центром Интеллидженс сервис, что могло стать фатальным. Теперь Пату и Феликсу угрожала серьезная опасность.

Но Пат не желал прекращать игру, а, напротив, попытаться выяснить вопросы, от которых в этой ситуации в основном все и зависело. Во-первых, кто командир диверсионной группы, в распоряжении которой находились магнитные мины, и кто в нее входит; во-вторых, поддерживает ли группа радиосвязь с Лондоном, по возможности кто радист и откуда ведутся передачи; наконец, где хранятся мины и прочий подрывной материал. Уже через два дня Пат смог доложить, что он установил местонахождение магнитных мин. Ночью он их заберет.

Мины хранились недалеко от Парижа, дома у французского летчика Лефевра. Правда, Пату пока не удалось выяснить, поддерживали ли друзья Лефевра связь с английской разведкой по радио или каким-либо иным способом. Командир группы сразу же согласился показать Пату мины, и тот на месте категоричным тоном заявил, что столько посвященных — очень опасно, это может подвести всех патриотов; он, Риш, сам сегодня же ночью заберет диверсионный материал.

Намеченная на ночь эвакуация магнитных мин — дело отчаянное, которое могло легко завершиться неудачей. Но Пат на все мои возражения отговаривался:

— Я просто съезжу туда с Феликсом, погрузу имущество в машину и уеду.

— Вы продолжаете отказываться от сопровождения?

— Дом расположен так, что наблюдатели Сопrotивления тотчас заметят, если мы станем подстраховываться. Тогда игра будет закончена — бесповоротно. Я же хочу еще немного поиграть роль Риша. Может, мне удастся выведать, имеет ли круг людей, центром которого, похоже, является дом Лефевра, радиосвязь с Лондоном и другие тайники с диверсионными материалами, оружием и прочим снаряжением.

Целеустремленность Пата мне понравилась. Я решил принять участие в деле. Мы хотели провести операцию вдвоем, без прикрытия.

Когда мы подъехали к дому Лефевра, дом и окрестности были в полной темноте и вокруг царил тишина. Мы без труда отыскивали помещение, в котором хранились диверсионные материалы. При свете карманных фонариков, обнаружив свыше 60 магнитных мин и несколько килограммов пластита, мы сразу же одну за другой начали переносить их в машину и укладывать. Работали молча, все наши органы чувств были обострены, мы все время ждали, не появятся ли откуда члены группы Сопrotивления. Но ни один человек ничем себя не обнаружил. Командир группы выполнил распоряжение Пата: в это время в доме все члены движения отсутствовали.

И на этот раз Пат добился повиновения; командир даже поверил тому, будто он на случай диверсии незамедлительно привезет взрывчатку.

Через полчаса все было погружено. Когда Пат собрался захлопнуть дверцу в машине, ее заклинило. Тогда он с силой хлопнул ее. Звук гулко прокатился, но даже и теперь нигде ничто не шелохнулось.

Когда мы уже пустились в обратный путь, я сказал:

— Вы, видимо, решили проверить на детонацию мины и взрывчатку, раз так хлопнули дверцей. Боюсь, качество нам пришлось бы тогда оценивать свысока.

— Черт возьми! — только тут до него дошло. — Дело действительно могло кончиться худо.

Доставленные в надежное место магнитные мины были первой добычей подобного образца. Изучение мин дало ценнейшие сведения по их конструкции, цели применения противником и эффективности.

Разумеется, мы хотели использовать удачную проделку с изъятием магнитных мин. Напрашивалась идея со-

общить во вражеский Центр в Лондоне, что Риш обнаружил у одной из французских групп Сопротивления доставленные из Великобритании магнитные мины и взрывчатку, но те не знают, что с ними делать. И наоборот, будто у руководимых Ришем групп имеются хорошие возможности для проведения диверсий, однако нет взрывчатки. Поэтому будет своевременно дать им диверсионный материал для реализации их планов.

Я подготовил текст этой радиограммы, чтобы отправить ее через радиста Пьера в Лондон. Разумеется, взрывчатка не должна попасть в руки людей из движения Сопротивления, когда англичане пришлют ее.

Тем временем Пату следовало чаще встречаться с командирами групп и сдерживать их приветливым обращением и прежними средствами. Одновременно у него было задание попытаться разузнать, каким путем группа летчика Лефебра получала магнитные мины и пластит.

Но план не удался. Группы Сопротивления становились все более несговорчивыми. Они хотели иметь информацию о содержании радиообмена, который Риш через Пьера вел с Лондоном. Один из командиров также потребовал объяснений, где теперь находятся магнитные мины и взрывчатка и куда запропалились обе рации, которые Риш забрал в Сен-Жермен-ан-Ле для ремонта.

Таким образом, роль Пата пока еще не была полностью раскрыта, но о дальнейшем продолжении контригры думать больше уже не приходилось. Однако для рациональной оперативной работы на территории Франции и Бельгии, успешного завершения дела и чтобы рассеять подозрения командиров Сопротивления, без всякого сомнения, требовалось еще две-три недели. Если бы этого не удалось, все известные нам члены диверсионно-шпионских групп сменили адреса.

Теперь вопрос заключался лишь в том, как столь долго удерживать группы. Я посоветовал Пату на пару дней уехать на охоту в Барбизон и снять напряжение. Тем временем я собирался обдумать соответствующие меры и подготовиться к молниеносному задержанию всех установленных активных членов четырех групп Сопротивления. Приближался последний акт этой ширококомасштабной драмы.

В день, а это было 15 сентября 1941 года, когда я отсылал Пата в Барбизон, произошло новое нападение на немецкого военнослужащего в Париже. Капитана Шебена расстреляли из укрытия на бульваре Страсбург. Несколькими днями ранее, 10 сентября, другой военнослужащий, штабс-боцманмаат Денеке неподалеку от метро «Порт-Дофин» получил слепое пулевое ранение в левое колено.

Эти вероломные акции могли повлечь за собой далеко идущие последствия.

Передо мной снова встал вопрос, не были ли эти покушения предприняты теми французами, что входили в группы, руководимые Ришем. Нельзя отмахнуться также от вероятности того, что члены группы, получавшие из Великобритании магнитные мины и пластит, совершали из засад планомерные нападения на немецких военнослужащих. Вполне вероятно, что командиры групп скрыли проведение этих операций от Риша, поскольку они ему больше уже не доверяли.

В последующие дни Пат употребил все свое красноречие, чтобы развеять вновь вспыхнувшее недоверие четырех командиров групп, но безуспешно.

Тогда я окончательно убедился в необходимости проведения ширококомасштабной акции арестов. В целом служба контршпионажа к этому моменту во Франции и Бельгии установила около тысячи членов движения Сопротивления, которые в составе диверсионно-шпионских групп боролись против германских интересов. Я предложил своему непосредственному начальнику, полковнику Рудольфу, задействовать все имевшиеся во Франции и Бельгии подразделения тайной военной полиции, чтобы:

во-первых, в один день махом захватить всех установленных членов диверсионно-шпионских групп;

во-вторых, одновременно провести обыски во всех домах, в которых проживают или укрываются разыскиваемые лица, в том числе на предмет обнаружения оружия, диверсионных материалов, радиоаппаратуры и документов;

в-третьих, начать незамедлительные допросы арестованных по их деяниям в диверсионно-шпионских группах, используя полученные документы в ходе контригры «Порто» и доказательный материал, который, вероятно, удастся получить в ходе обысков;

в-четвертых, территориальными подразделениями абвера в тесном взаимодействии с оперативными работниками, опираясь на данные, полученные в ходе нашей операции, быстро, по возможности на месте, обрабатывать новые, полезные для абвера, материалы, в особенности изъятые письменные документы по деятельности Сопrotивления, проверять их на предмет, был ли причинен ущерб войскам и военным объектам и потребовались ли охранительные мероприятия в результате их преступной деятельности; далее, имеются ли сведения о ранее не выявленных шпионах и диверсантах, а также о курьерской и радиосвязи и, наконец, имеются ли данные, которые могли бы помочь в расследовании покушений на немецких военнослужащих.

Полковник Рудольф одобрил мои предложения. Все имеющиеся подразделения абвера и исполнительной власти во Франции и Бельгии получили необходимые для задержания и проведения следствия документы.

Одновременная акция по задержанию началась 9 октября 1941 года. В течение нескольких дней она привела к аресту в целом 962 человек, всех членов французских или бельгийских шпионско-диверсионных групп. У некоторых арестованных при себе находилось оружие и диверсионные материалы.

Теперь начались допросы в объемах, прежде невиданных для немецких властей. Во множестве городов оккупированных районов Франции и в Бельгии сидели под арестом люди, проходившие по делу «Порто». Со всеми органами территориального подчинения я вел небывалую по размерам служебную переписку. Следовало отправлять доказательный материал и получать ответы на бесчисленные вопросы, получаемые в каждом конкретном случае в ходе следствия и допросов.

В случаях, когда имелись неопровержимые доказательства шпионско-диверсионной деятельности против Германии и не ожидалось выявления новых обстоятельств, дело передавалось в соответствующий военный суд. Было передано дело и несчастного бельгийского генерала Жено с его соратниками. Военно-полевой суд вынес ему и некоторым его помощникам смертный приговор.

Многие дела расследовались месяцами. Ведь для абвера было важно не то, чтобы вынесли как можно больше

смертных приговоров, а скорее из допросов обвиняемых получить как можно более обширные сведения об объеме, организации и методах работы голлистской и английской агентурной сети, а также информацию для установления местонахождения убийц немецких военнослужащих. Но еще стоило и попытаться завербовать некоторых арестованных в качестве агентов абвера.

В этой связи было решено выпустить на волю несколько сот не слишком запятнавших себя арестованных, чтобы те немногие, что представляли интерес для вербовки, не попали бы тотчас под подозрение вражеской разведки и членов Сопротивления в сотрудничестве с абвером, если освободить только их одних.

И все же воплотить эти планы не удалось. На основании так называемого секретного предписания, вступившего в силу в декабре 1941 года, следствие в свои руки захватило РСХА (Главное управление имперской безопасности). Всех задержанных по делу «Порто» лиц, еще не представших перед военно-полевым судом, этапировали из оккупированных территорий и вывели из-под компетенции абвера. Я так никогда и не узнал, какая судьба постигла этих арестованных.

Но 11 или 12 дней спустя после начала арестов по делу «Порто» на оккупированной французской территории произошло еще два покушения на германских военнослужащих.

20 октября 1941 года военный комендант Нанта, подполковник Хотц, был застрелен pistolетным выстрелом из засады, а на следующий день в Бордо — военный советник Реймерс. В наказание за эти покушения командующий оккупационными войсками во Франции, генерал от инфантерии Отто фон Штюльпнагель, отдал приказ о расстреле 98 заложников. Французское население после этого пришло в крайнее возбуждение.

При таком положении дел меня вызвал к себе полковник Рудольф, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию в абвере.

Руководители нашей службы в Берлине в связи с последовавшими по делу «Порто» арестами свыше 900 человек и новыми покушениями на германских военнослужащих склонны были считать, что подавляющее число французского населения собирается подняться против

оккупационных войск. Положение отделений абвера во Франции в такой ситуации, среди переполненного ненавистью населения, было плачевным: в количественном отношении это слабые, совершенно не подготовленные и не вооруженные для ведения уличных боев люди. Вопрос уже стоял так, не сформировать ли из годных к строевой сотрудников отделений абвера подразделения фронтовой разведки, а остальной персонал, и в первую очередь женщин, отправить обратно на родину.

Без всякого сомнения, эти господа из Берлина видели все в слишком мрачном свете, ситуация не была столь безнадежной. Например, промышленность и экономика продолжали ритмично работать, на предприятиях Рено в Булонь-Билланкуре с конвейера бесперебойно сходили грузовики для вермахта. И на множестве других предприятий французы без всякого принуждения производили в больших объемах и без рекламаций продукцию для нашей военной промышленности.

Впрочем, тогда положение во Франции существенно образом определялось тем фактом, что французское правительство в Виши прилагало серьезные усилия, чтобы одолеть не только коммунистов, но и сторонников генерала Де Голля. Их инструкции всем подчиненным им исполнительным властям были примерно в таком духе.

В городах на оккупированных французских территориях без труда установили, что органы французской полиции тесно и без трений сотрудничают с органами нашей военной администрации и тайной военной полицией.

Все давало право с уверенностью считать, что значительно большая часть французов, как и прежде, стояла за маршала Петена и его правительство.

А в Париже жизнь пошла своим чередом, как и ранее. Когда караульная рота под музыку и барабанный бой по Елисейским Полям маршировала к Триумфальной арке, как и прежде, сотни и даже тысячи парижан собирались по сторонам улиц, чтобы полюбоваться спектаклем. Редко на лицах зрителей можно было прочесть гнев и ненависть. Скорее большинство смотрело вслед немецким солдатам с явным пониманием, нередко даже одобрением. Именно французы, благодаря своему великому и

славному военному прошлому и традициям, проявляют большее понимание к подобным спектаклям, демонстрирующим силу и дисциплину. И разве нельзя смотреть на то, как во второй половине дня и вечером на бульварах, в кабаках, у кафе и бистро на каждом шагу прогуливались немецкие военные, приветливо беседуя с французами и француженками?

И все же большое число арестованных членов голлистской шпионско-диверсионной сети заставило особенно призадуматься тех, кто не был вместе с нами свидетелем этой контригры день за днем, неделю за неделей. Десятки тысяч французов уже догадывались, что более года на территории их страны находились немецкие дивизии. Но далеко не все из этих французов оказались готовы к тому, чтобы действовать против нас в качестве шпионов и диверсантов. Миллионы их, во всяком случае в тот момент, не желали иметь ничего общего с направленной против нас деятельностью тех соотечественников, что уже объединились в группы. Многие лучшие представители французов и не помышляли о борьбе против Германии. Одни считали, что должны поддерживать главу своего государства Петена, другие определили свою позицию вследствие сильной неприязни к Великобритании. Пример тому адмирал Дарлан.

Наиболее значительным для абвера был установленный в деле «Порто» факт, что группы Сопrotивления возникли по инициативе особо активных, находящихся в стране французов, у которых, однако, не хватало профессиональных разведывательных знаний и навыков. Во время создания групп эти люди не имели связи с голлистской разведкой или английской Интеллидженс сервис. Пока отдельные структуры Сопrotивления не создавались, не оснащались и не нацеливались на важные немецкие объекты планомерно из Лондона, они не представляли слишком большой угрозы. Дело «Порто» отчетливо показало, что одно лишь мужество, решительность и энергия на тайном фронте не являются решающими. 962 арестованных француза и бельгийца были подлинными патриотами, но не представляли, как вести подпольную работу. Поэтому патриоты не были достаточно предусмотрительными, и им оказалось не по плечу противостоять абверу. В целом, по моему мне-

нию, они скорее навредили, нежели принесли пользу французскому движению Сопротивления.

И все же нельзя было не заметить, что положение на оккупированных территориях Запада, с точки зрения абвера, в целом с начала кампании в России существенно изменилось не в нашу пользу. Особенно ухудшение ситуации было заметно по тому, сколько дивизий прежних оккупационных частей отводилось и перебрасывалось на Восточный фронт. Во многих департаментах оккупированных французских районов теперь вообще не дислоцировалось никаких войск. Это значило, что непримиримо настроенные французы могли беспрепятственно объединяться, а разведывательные службы Великобритании и Де Голля могли гораздо легче устанавливать с ними контакт, чтобы снаряжать, руководить и использовать их против нас.

В некоторой степени разочаровывало то, что наша контригра «Порто» и многочисленные допросы в ходе крупной акции арестов не дали ни малейшего намека на убийц военнослужащих. Дальнейшие подобные нераскрытые покушения и обусловленные этим новые расстрелы заложников значительно ухудшали наше положение.

Арестованные в ходе акции группы фактически не имели отношения к покушениям; в этом я был уверен. Вообще было сомнительно, чтобы за этим стояли круги национального Сопротивления. Я не мог представить себе, чтобы эта террористическая война из-за угла направлялась британскими или голлистскими разведслужбами, хотя обе разведки должны были только приветствовать, если в результате нападений будут погребены до этого момента корректные отношения между немецкими солдатами и французским населением. Я полагал, что убийц военнослужащих следует искать в коммунистических кругах. Некоторые из наших доверенных лиц и агентов уже сообщали, что функционеры французских антикоммунистических партий были в этом уверены. Предположительно, преступники — это хорошо подготовленные агенты советских разведслужб. Убедительных доказательств работы секретной службы на Западе не было, но с началом боевых действий на Востоке этого противника следовало не упускать из виду.

Практическим результатом моего разговора с полковником Рудольфом стало решение сосредоточить все имеющиеся органы абвера и исполнительной власти на поисках убийц. Но успех наметился только месяцы спустя.

Дело «Поля» (Réseau Interallié)

17 ноября 1941 года, в 7 часов утра, в моей комнате резко затрезвонил телефон. Звонил капитан Борхерс из отделения абвера в Сен-Жермен-ан-Ле.

Капитан со своими людьми проник в центр управления разветвленной шпионской сети. У шпионов имелась радиосвязь с Лондоном. Двум агентам-радистам, находившимся в доме во время обыска, к сожалению, удалось скрыться. Но шефу шпионской сети с его многочисленными сообщниками уже не укрыться в безопасном месте. Кроме того, обнаружена целая гора письменных документов, свидетельствующих о шпионской деятельности этой подпольной организации, и рация.

Захваченный дом находился в квартале Монмартр, на улице Вилла-Леандр, дом 8а. Обыск продлится еще несколько часов, докладывал капитан Борхерс.

Я разозлился. Капитан слишком много говорил по телефону. Следовало учитывать, что телефоны в отеле «Лютеция» могли прослушиваться. Если вражеские агенты услышат разговор, Лондон будет очень скоро оповещен об аресте. Кроме того, отделение абвера в Сен-Жермен-ан-Ле провело задуманную в Париже акцию ареста без согласования с управлением абвера по Франции.

Но по дороге на Монмартр я справился со своим раздражением. Мне пришло в голову, что радисты накрытой шпионской сети все равно сбежали. Они так и так постараются побыстрее поставить в известность Лондон о произошедшем провале. Следовательно, нечего было столь трагично воспринимать подробное донесение капитана Борхерса.

Но теперь нужно действовать. В первую очередь основательно обработать изъятые шпионские материалы. Прежде всего следовало проверить, были ли раскрыты и какие военные объекты и планирование. В любом случае

требовалось проведение профилактических мероприятий. Возможно, найдутся и следы, которые наконец-то помогут схватить убийц наших военнослужащих.

На месте царил оживление. Все соседи были уже на ногах и обсуждали событие. Кроме того, строем в полной форме промаршировала французская полиция в составе целого взвода. Удиравшие радисты с верхнего этажа прыгнули на стеклянную крышу веранды, разрушили ее и произвели страшный грохот. То ли пострадавшие, то ли соседи вызвали полицию.

Я отослал полицейских. Пока я говорил с их командиром, рядом молча и скромно стоял мужчина в гражданском; на вид примерно 40 лет, среднего роста, крепкий, смуглый, с темными, блестящими глазами — тогда еще унтер-офицер Хуго Блейхер. В основном за раскрытие этого дела следовало быть благодарным ему.

Деловые качества и находчивость Блейхера способствовали дальнейшему разоблачению Réseau Interallié (так называлась эта группа) и помогли арестовать примерно 100 ее агентов. В целом виды на успех представлялись весьма призрачными, если — как и в этом случае — множество людей знало о начале тайного дознания. Все зеваки-французы, собравшиеся вокруг обыскиваемого здания, понимали, что там действует абвер.

Обстоятельства не располагали к длительному обсуждению. Поэтому я велел капитану Борхерсу доложить о деле в общих чертах и после этого осмотрел квартиру штаба Réseau Interallié. Дальнейшее расследование на месте должны провести сотрудники отделения абвера Сен-Жермен-ан-Ле, управление по Франции подключалось уже лишь на этапе обработки собранного материала.

Классификация изъятых шпионских материалов выявила ценные для абвера сведения, в особенности разведывательные приоритеты и методы работы английской Интеллидженс сервис, которая руководила Réseau Interallié. Но и тут не обнаружилось следы разыскиваемых преступников по делу о покушениях.

На протяжении четырех лет немецкой оккупации Франции удалось раскрыть бесчисленное количество мелких, крупных и широко разветвленных шпионских сетей и диверсионных групп, арестовать десятки тысяч шпио-

нов, диверсантов и активных борцов движения Сопротивления. Но описываемое дело (рабочее название дело «Поля») противник же называл его Réseau Interallié, заслуживает того, чтобы выделить его из интересных, с точки зрения контрразведки, событий той эпохи и описать подробнее.

Расследования этой шпионской сети, созданной и руководимой великолепными специалистами противника, продемонстрировали абверу, как под носом его собственных органов в течение целого года по всей оккупированной территории Франции безнаказанно и успешно действовала разветвленная законспирированная организация, которая могла бы провалиться, если где-нибудь, пусть даже на периферии, в нее входили бы лица, не вполне надежные и владеющие собой.

В конечном счете, Réseau Interallié раскрыли и уничтожили благодаря тому, что далеко от Парижа, в Шербуре, был завербован человек, склонный к пьянству и навлекший на себя подозрение в намеренном спаивании одного немецкого солдата.

В связи с этим, позднее, при расследовании данного дела мы увидели, как тонко сплетенная шпионская сеть была раскрыта не благодаря хитроумной контригре, а сравнительно простыми методами, а именно: наблюдением и искусным допросом подозреваемого. Но мы также poznали людей, которые на протяжении целого года отважно боролись на тайном фронте под носом у врага, однако после ареста — перед лицом возможного осуждения на смертную казнь — утратили мужество и выдавали своих товарищей, спасая собственную жизнь.

Один из них нес свой жребий шпиона, схваченного с поличным в военное время, с достоинством и хладнокровием. Он не предпринимал ничего для своей защиты, был неизмеримо горд тем, чего достиг, и остался верным себе и своему долгу. У абвера он вызвал настолько большое уважение, что наша контрразведка пошла на то, чтобы ему, арестованному, рисковавшему собственной головой, пообещать в будущем сотрудничество. Этот человек — руководитель разведывательной сети Interallié, польский капитан Чернявски.

Создание шпионской сети Interallié в основном было делом рук двух лиц — уже названного капитана польско-

го генштаба и одной француженки, госпожи Матильды Карпе, по кличке La Chatte (Кошка).

Чернявски после неудачной для его страны германопольской кампании пробрался во Францию и здесь снова нашел себе военное применение. Зимой 1939/40 года он жил на квартире в Люневиле. Там познакомился с молодой вдовой, Рени Борни, изящной, милой блондинкой, которая влюбилась в него и позднее вошла в руководство шпионской сети Interallié. Она дала Чернявски подлинные документы своего умершего мужа Армана Борни. Соответственно Арман стало его конспиративным именем, под которым его должны знать в большинстве случаев.

По окончании кампании во Франции мы обнаруживаем Романа Чернявски в Южной Франции. В течение менее одного года он пережил две военные кампании и два поражения. Дважды уходил в бесконечных колоннах беженцев, чтобы избежать тюремного заключения. За спиной его остались неопишуемые лишения, непередаваемая безнадежность и нечеловеческие страдания воевавшего человека. И, несмотря на это, он сохранил столько нерастрченных сил, что одним из первых вражеских офицеров продолжил войну против Германии на тайном фронте. Уже летом 1940 года на юге Франции он подбирал из Тулузы польских и французских товарищей для подпольной работы против Германии. Всего за несколько месяцев Чернявски сплел небольшую шпионскую сеть, состоявшую из нескольких офицеров французской разведки и бывших товарищей Армана по польской армии.

Эта небольшая организация, руководимая из Тулузы, создала в Виши и Марселе примечательные опорные пункты. В Виши в шпионскую сеть, руководимую Арманом, входил французский капитан Симоно, бывший офицер разведки, служивший в одном из министерств правительства Виши.

Из Марселя молодой подпольной организации удалось наладить связь с Лондоном. Сначала она поддерживалась через курьеров. Такой способ, пока секретные сведения руководимых Арманом групп доходили до Лондона и на них поступал ответ или следовала какая-либо иная реакция, отнимал сравнительно много вре-

мени. Но в те времена во Франции были рады и такому каналу связи.

Независимо от Армана, но примерно в то же самое время, что и он, к решению о необходимости подпольной борьбе против немецких оккупационных властей пришла и Матильда Карре.

Она была дочерью инженера Белара из Парижа. В 18 лет вышла замуж за месье Карре, некоего учителя, которого характеризовали как добродушного и милого, но мягкотелого человека. Матильда последовала за ним в какую-то глухую деревушку в пустыне у подножия Атласских гор. Когда началась война 1939 года, ее мужа призвали в армию. А Матильда спешит в Париж, чтобы стать медсестрой. Теперь ей уже 32 года, и она рада, что одинокая жизнь в Северной Африке для нее наконец-то закончилась.

На краткосрочных курсах женщина быстро и основательно схватывает все, что должна знать и уметь медицинская сестра. После обучения по ее настоянию ее направляют в военный госпиталь в Бове. Здесь в тяжелые дни боев, во время наступления немецких войск, она проявляет незаурядное хладнокровие, необычайную работоспособность и выдающееся мужество.

После того как немцы заняли военный госпиталь в Бове, Матильда возвращается в отчий дом в Париже. Отец и мать окружают дочку всяческой заботой. Отец участник Первой мировой войны и неоднократно отличался, особенно при Дюмоне. Он расстроен несчастьем, постигшим страну из-за поражения, и дает волю своему недовольству союзниками за их поведение в этой войне. По его мнению, это они виноваты в катастрофе. Матильда придерживается иного мнения. Она не желает верить в окончательное поражение союзников. В этом убеждении ее укрепляет английское радио. Прослушивание вражеских радиостанций в зоне германской оккупации строго запрещено под страхом серьезных наказаний. Но Матильду это не беспокоит. По радио она узнает, что Лондон ни в коем случае не намерен капитулировать. Напротив, английское правительство призывает население на оккупированных немецкими войсками территориях Франции к выдержке. Союзники, как говорят по «Голосу Лондона», собираются нанести контрудар, но для

подготовки требуется время, чтобы с помощью США произвести широкомасштабное перевооружение.

Летом 1940 года Матильда решается начать тайную работу на Францию и ее союзников. Из радиопередач она заключает, что Лондон во многом неверно информирован. Она открывает родителям, что собирается вести шпионаж против ненавистных немцев, этих бошей; руководство в Лондоне срочно нуждается в достоверной информации о немецких войсках и их передвижениях во Франции. Отец Белар гордится своей дочерью, мать с улыбкой уговаривает ее быть осторожной. Затем Матильда отправляется в Тулузу к английскому журналисту, с которым познакомилась в Бове.

16 сентября 1940 года Матильда Карре приезжает в Тулузу. Английский друг знакомит ее с Романом Чернявски. Преисполненная энергии и честолюбивых замыслов, женщина окунается в новую деятельность. Она желает стать великой, знаменитой шпионкой. Правда, ей пока еще предстоит только начать, предстоит учиться. Ее отправляют в Виши на обучение к капитану Симоно, опытному работнику бывшего Второго бюро. В несколько недель она осваивает неслыханно огромный учебный материал. Арман удивлен объемом военных знаний, усвоенных Матильдой за короткое время, знаний, необходимых, если шпион собирается вести квалифицированный военный шпионаж и добывать ценную информацию.

Сначала поддержку при создании шпионской сети в Южной Франции Арману оказывает Матильда, используя все свои связи и знакомства родителей, вербуя новых членов подпольной организации для фанатичной и неутомимой борьбы. Вскоре это перестает ее удовлетворять. Она предлагает Арману отправиться в Париж и оттуда покрыть сетью агентуры всю оккупированную французскую территорию. С помощью такой сети можно будет гораздо оперативнее получать информацию о действиях вермахта и военной администрации. Тогда шпионские донесения в Лондон могли бы отправляться гораздо быстрее.

Арман соглашается.

В середине ноября 1940 года Арман и Матильда начинают создавать подпольный центр в Париже. Арман как опытный профессионал плетет свою паутину бесшумно

и продуманно. Он крайне редко покидает квартиру, из которой выстраивается агентурная сеть Interallié. Это происходит по двум причинам: Арман все еще не говорит по-французски как француз, а он ни в коем случае не хочет и не имеет права засветиться в Париже. С другой стороны, о его пребывании в Париже должны знать только те проверенные товарищи и члены организации, без которых он не может обойтись, чтобы поддерживать необходимую связь с создаваемыми группами агентов и обеспечивать курьерскую связь с Лондоном через Марсель.

Поначалу Арман обходится лишь небольшим числом помощников. В первую очередь это Матильда Карре и двое его старых польских товарищей. Один из них в качестве посыльного курсирует между Парижем и Марселем, другой через «почтовые ящики» поддерживает связь с ведущими агентами. «Почтовые ящики» — в основном женщины, которые и не подозревают, что соучаствуют в шпионаже. Под предлогом торговли на черном рынке и неплохого заработка вербовались гардеробщицы, уборщицы и другие малооплачиваемые женщины: их просили принимать письма с определенными адресами и вручать их тем, кому они предназначались. Забирают письма немногочисленные связники Армана. Они же передают ответные письма живым «почтовым ящикам». У них соответствующие агенты забирают эти письма, назвав свое конспиративное имя или пароль. Между тем лишь немногие связники и доверенные лица знают, где в этот момент находится Арман. Тем не менее выстраивается надежная связь между Армано и агентами-связниками сети Réseau Interallié.

После того как подобным образом была заложена база для создания организации, Матильда Карре с пылом погружается в работу. Сутками напролет она в дороге. Ей неведома усталость. Она мобилизует ведь свой шарм и необычайную привлекательность, чтобы использовать в интересах Réseau Interallié знакомых и друзей, а также многочисленные связи родителей и вербовать новых сотрудников для шпионажа против немецких оккупационных властей.

И ей сопутствует успех. В течение нескольких месяцев сеть шпионской организации расширилась настоль-

ко, что у Армана в большинстве департаментов на оккупированной французской территории имеются сотрудники, которые в свою очередь в своих департаментах руководят агентурной сетью, ведущей шпионаж против Германии. С ростом сотрудников и агентов увеличивается и поток шпионских донесений. Арман почти исключительно занят обработкой этих сообщений. Он передает по курьерскому каналу эти сведения в Лондон и ставит перед своими *souschef*¹ в департаментах новые цели для разведывания.

Лондон очень доволен результатами *Réseau Interallié*. Чтобы быстрее передавать туда разведанные, устанавливается радиосвязь. Арману из Интеллидженс сервис присылают двух радистов, которые могут ежедневно передавать самую важную информацию в Лондон и направить ее в *War Office*, комната 55.

Ежедневно руководителю *Réseau Interallié* лавинообразно поступают донесения, сообщающие обо всех событиях во Франции, интересующих британскую разведку. Это донесения о частях и перемещениях войск, аэродромах и их расположении, далее о строительстве ангаров для подводных лодок и о приходах и уходах блокадопрерывателей, а также о производстве во Франции вооружения и многое другое.

Ущерб, нанесенный деятельностью *Réseau Interallié* германскому военному потенциалу, не поддавался учету. Военное командование Лондона не колеблясь наносит воздушные удары по целям первостепенной важности, выявленным *Réseau Interallié*.

Кошке, без всякого сомнения, заслуженно принадлежала большая часть успешного создания шпионской сети. Ее заслуги признаются. Она входит в руководство организации и заведует финансами, поступающими из Лондона для ведения шпионской деятельности. Но всего этого Кошке явно недостаточно. С необычайной неутомимостью и упорством она расширяет сеть. У товарищей она одновременно вызывает восхищение и внушает им ужас.

Что за силы направляли Кошку в ее непреклонной и безустанной деятельности против немцев? Руководила ли

¹ Помощниками (фр.).

ей питаемая еще с Первой мировой войны ненависть к немцам? Или пожирающее ее тщеславие? Хотела ли она сделаться самой прославленной шпионкой всех времен? Или же ею двигала любовь к Арману, стимулировавшая ее на такого рода необычайную деятельность?

На эти вопросы однозначно уже никогда не удастся ответить. Но, без всякого сомнения, Кошку постигает горькое разочарование, когда Арман вызывает в Париж Рени Борни и делает ее своей ближайшей помощницей.

Рени — миленькая крошка, не особенно умная, однако вполне пригодная для шифровки донесений, которые Арман по радиции отправлял в Лондон.

В результате появления маленькой Рени возникло некоторое охлаждение в отношениях между Кошкой и Арманом. Сначала это не имело негативных последствий. Кошка энергичнее, нежели прежде, окунулась в практическую шпионскую деятельность. И Арман все свои силы напрягал на то, чтобы расширять Réseau Interallié и взвешенным профессиональным руководством превратить организацию в эффективный действенный инструмент в борьбе против оккупационных властей.

В августе 1941 года Армана вызвали в Лондон. Его забрал самолет в окрестностях Парижа. По радио ему точно указали, где и когда ночью появится самолет и какие с земли следует подавать световые знаки, чтобы он смог сесть в нужном месте и против ветра.

Для подобных полетов союзниками использовались в основном самолеты типа «Лисандр-2». Поразительно, с какой надежностью эти машины по ночам выполняли курьерские полеты подобного рода. На более позднем этапе войны; с 1942-го по 1944 год, эти самолеты неоднократно забирали своих агентов с французской территории, вывозили их в Великобританию и точно так же доставляли обратно. Подобные операции стали возможны, потому что во внутренней Франции обширные территории оказались полностью оголены от немецких частей.

В Лондоне высоко оценили заслуги Армана. С ним консультировались, как в последующем еще эффективнее использовать организацию Réseau Interallié в интересах союзников. Пока Арман находился в Лондоне, его замешала Кошка. Вернувшись через несколько недель,

он с новыми силами принялся за работу. Наступил самый успешный период деятельности Interallié, однако продолвшийся недолго.

Судьбе было угодно, что эта разветвленная, по всей Франции раскинутая и умело руководимая агентурная сеть оказалась выданной пьяницей и раскрытой и уничтоженной с немецкой стороны менее опытными сотрудниками абвера.

Руководитель агентурной сети Interallié в департаменте Кальвадос, что на севере Франции выходит к проливу Ла-Манш, раньше был унтер-офицером французских ВВС и звали его Полем. В Шербуре он через свою знакомую, мадам Бертран, завербовал некоего Эмиля — бездельника, перебивавшегося случайными заработками и шатавшегося по забегаловкам города. И вот он получил работу на одном из аэродромных складов. Немецкий объект, где Эмиль подрабатывал, представлял большой интерес для вражеской разведки. Мадам Бертран, частью взывая к совести Эмиля как француза, частью угрозами, сумела склонить его выполнить шпионское задание. Главное. Эмиль на авиабазе должен разведать, куда на грузовиках завозятся стройматериалы и где строятся взлетные полосы и ангары для подводных лодок. Эмиль получил у мадам Бертран деньги за выполнение задания и принялся за работу.

Через мадам Бернар Эмиль познакомился с командиром агентурной сети Interallié в Кальвадосе Полем. Затем Поль и мадам Бертран дали Эмилю еще одно задание: забирать донесения у дочерей одного рыбака в Барфлере, завербованного мадам Бертран и разведывавшего огневые позиции орудий на побережье Ла-Манша. Отец легкомысленно вовлек в эту деятельность обеих юных дочерей, 20 и 16 лет. Девушки с легким сердцем принялись выполнять задание.

Работа на авиабазе не особенно обременяла Эмиля, и у него оставалось время посещать свои любимые забегаловки чаще, чем прежде. Немцы платили неплохо.

Однажды Эмиль сидел в одном кабаке с ефрейтором из немецкого обслуживающего персонала той же самой авиабазы. Будучи в приподнятом настроении, юноша намекнул немецкому солдату о своей шпионской деятельности. Возможно, его охватили сомнения, возможно,

он хотел подстраховаться у немцев. Но могло быть и так, что он просто сболтнул лишнее в пьяном виде, а может, хотел донести. Бахвальство его было туманным и частично противоречивым. Несмотря на это, донесение немецкого солдата по инстанции пришло в соответствующее территориальное сен-жерменское отделение абвера, административное здание которого располагалось в Мейсон-Лаффитте под Сен-Жермен-ан-Ле.

В этом отделении за исключением начальника, подполковника Штеффана, не работал ни один опытный офицер абвера. Поэтому Штеффан решил доверить проверку сигнала капитану-резервисту Эриху Борхерсу. Капитан Борхерс, в гражданской жизни журналист, был еще малоопытен в контрразведке. Он поехал в Шербур и связался с тайной военной полицией. Ему повезло, потому что в тамошнем комиссариате ГФП (тайной военной полиции) он натолкнулся на унтер-офицера Хуго Блейхера. Тогда, в октябре 1941 года, Хуго Блейхер также еще имел мало опыта в разведывательных делах. Но благодаря своему здравомыслию и природной смекалке он с блеском провел первое крупное дело контрразведывательного характера. По профессии Хуго Блейхер — коммерсант. Прежде он много разъезжал и отменно владел несколькими языками. Во Франции Блейхер был как нельзя кстати, потому что внешне походил на француза и прекрасно говорил по-французски.

Итак, капитан Борхерс и унтер-офицер ГФП Хуго Блейхер принялись вместе за работу в Шербуре. Они вызвали Эмиля и сумели разговорить его. Благодаря этому они смогли начать розыск мадам Бертран и найти ее. После ее ареста Хуго Блейхер столь хитроумно повел ее допрос, что она, сама того не желая, дала показания, важные для дальнейшего расследования. Используя показания Эмиля и мадам Бертран, им посчастливилось схватить Поля — командира части агентурной сети в Кальвадосе. Благодаря разнообразным техническим приемам Хуго Блейхера, ему также удалось развязать язык на допросе. Он показал, что со своей шпионской сетью в Кальвадосе входит в большую шпионскую организацию, руководство которой расположено в Париже.

После того как арестовали обеих девушек из Барфлера с их отцом, рыбаком, Борхерс и Блейхер перенесли

свою деятельность в Париж. Они забрали с собой Поля и теперь попытались найти «почтовые ящики», которым последний передавал свои донесения. И это удалось сравнительно быстро. Но центр организации пока еще не был выявлен. Нужно попытаться схватить связника, который придет к «почтовому ящику» по заданию руководителя организации. После нескольких неудачных попыток удалось и это. Взяли поляка, который в качестве главного курьера опорожнял «почтовый ящик» в Париже, забирал для шефа организации сданную туда корреспонденцию и в свою очередь через «ящик» передавал ведущим агентам инструкции и приказы.

Задержанный связник был безмолвен, на первом допросе он не произнес ни слова. В тюрьме же его поместили вместе с Полем. Оба в камере получали спиртное с умыслом, что Поль напоит связника и затем попытается у него выведать, где в Париже скрывается шеф организации. И этот эксперимент удался.

Поль под давлением обстоятельств пошел на сотрудничество с абвером, понимая, что на карту поставлена его жизнь. В камере он вдрызг напоил связника, друга Армана, и после долгого спора развязал ему язык. Так Борхерс и Блейхер узнали, в каком доме на Монмартре у руководителя шпионской сети находилась конспиративная квартира.

При таком повороте дел сен-жерменское отделение абвера решило провести незамедлительные аресты.

Между тем наступил день 16 ноября 1941 года. В ночь на 17-е Арман в тесном дружеском кругу на своей конспиративной квартире на Монмартре праздновал годовщину своей деятельности в Париже. На рассвете 17 ноября, в разгар празднества, был произведен захват. Но по ошибке акция началась в соседнем доме, в котором, разумеется, не обнаружили никакого Армана. Ошибка возникла в результате того, что поверили показаниям связника, полученным против его воли. Попросту не проверили местоположение названного дома и не учли, что на одной и той же улице находятся дома № 8 и 8а.

Во время обыска по ложному адресу обратили внимание, что в соседнем доме до сих пор горит свет. Там тоже обратили внимание на суету. Тем временем обыск перенесли и туда. Удалось схватить самого Армана и его по-

мощницу Рени, а также изъять изобличающий письменный материал в большом количестве. Арман молча и спокойно отдался на волю судьбы, демонстрируя отменную выдержку. От дознания и допроса на месте преступления решили отказаться.

Однако, как только Арман был отправлен в тюрьму, сразу же приступили к тщательному допросу Рени. Она показала, что на так досадно прерванном празднестве присутствовали и оба радиста организации, жившие и работавшие в этом же доме. После повторного и тщательного обыска дома выяснилось, что оба радиста сбежали. Далее, в ходе опроса Рени Хуго Блейхер среди прочего узнал, что важную роль в организации играет некая Матильда Карре.

Хуго Блейхеру удалось схватить и утонченную Кошку и вынудить ее заговорить. Он добился даже того, что она собственноручно стала разрушать плоды своего труда. Кошка, как руководительница внешней службы, знала не только завербованных ею агентов, но и всех связных агентов, которые доставляли донесения в организованные Армано «почтовые ящики». Хуго Блейхер, как только получил признания Кошки, неделями, сутки напролет, ездил с ней, чтобы брать одного за другим агентов.

В целом были арестованы около сотни агентов и изъят огромный шпионский материал, в том числе рация, по которой радисты Réseau Interallié отправляли в Лондон донесения. Так, организацию Réseau Interallié окончательно разгромили.

Капитан Борхерс, близко к сердцу принявший раскрытие этого дела, чутко подошел к каждому из арестованных, внимательно выслушал их и выяснил, что многие из них, например дочери рыбака из Барфлера, даже и не подозревали, какая их может ожидать участь, если их схватят. Борхерс подарил Эмилю, Полю, Рени и Кошке свободу. После ареста их пообещали освободить, если они окажут содействие в раскрытии дела.

Теперь перед Борхерсом вплотную встала проблема, возможны ли дальнейшие освобождения из-под стражи. Однако при этом он столкнулся с осложнениями со стороны своего начальства. Поэтому он передал дальнейшее расследование другим сотрудникам сен-жерменского отделения абвера, чтобы заняться исключительно вопро-

сом, нельзя ли по изъятой рации установить связь с военным офисом в Лондоне.

Из конфискованных письменных документов установили, какие коды использовались для шифровки донесений Армана и каким образом осуществлялся радиообмен с Лондоном. Впрочем, в распоряжении имелась и Рени, заявившая о своей готовности выполнять и для немецкой стороны ту же самую работу, которую прежде делала для Армана.

Попытка вышла. В военном офисе передали, будто Кошке удалось спасти от немцев одну из двух раций Réseau Interallié; она, Кошка, хочет попробовать развернуть новую сеть. Но поскольку оба радиста Армана бежали, вряд ли возобновленная с Лондоном радиосвязь могла привести к положительным результатам. Фактически Лондон вскоре также стал подозревать, и через сравнительно короткое время абвер отказался от попытки ввести Лондон в заблуждение по этому радиоканалу.

Хуго Блейхер еще долгое время занимался расследованием дела Interallié. При этом Кошка постепенно становилась не только неудобной, но и просто помехой. После того как агентурная сеть организации была разрушена, Кошку в Париже абвер внедрил в круг лиц, среди которых предполагались невыявленные агенты вражеских разведок. Она выполнила и этот приказ и передала несколько донесений, интересных для абвера. Но все больше и больше складывалось впечатление, что Кошка снова начала работать против немецких оккупационных властей.

Когда однажды она сообщила, будто познакомилась с главным агентом, который через связника получил распоряжение прибыть в Англию морем через Ла-Манш, Хуго Блейхеру это показалось подходящим поводом, чтобы избавиться от Кошки. Дело в том, что она сама предложила разрешить ей сопроводить вражеского агента в Лондон. Предложение Хуго Блейхера отпустить Кошку съездить в Лондон и дать ей задание там прояснить интересующие абвер вопросы, было санкционировано сен-жерменским отделением абвера. Вызванный в Лондон ведущий агент в свою очередь тоже согласился на сопровождение Кошкой. Но переправа дважды не удавалась. Один раз лодка, на которой должны были обоих забрать

с побережья Ла-Манша, перевернулась, в другой раз она вообще не пришла. Но в конце концов переправа все же свершилась. Главный агент и Кошка переправились через Ла-Манш в Лондон.

Хотя абвер в последнее время и не доверял ей, он все же надеялся, что Кошка вернется и привезет новости из Лондона. В ту пору абвер располагал малым количеством нелегалов, успешно работавших на Британских островах. Поэтому качественная информация из столицы была бы весьма кстати.

Но Кошка не вернулась.

В связи с таким поворотом дела сен-жерменское отделение абвера было расформировано. Их дела и продолжение дела «Поля» было взято к производству отделом абвера по Франции. Одновременно унтер-офицера Хуго Блейхера из ГФП откомандировали в отдел абвера по Франции.

Итак, я, как руководитель группы контршпионажа управления абвера по Франции, взял под личный контроль следствие по делу «Поля». Сначала я еще раз подверг основательному анализу шпионский материал, изъятый при ликвидации центра Réseau Interallié. Арман при создании разветвленной шпионской сети и руководстве ею поработал просто блестяще; все донесения, которые в течение года существования организации стекались к нему в Париж, он тщательно обрабатывал, не уничтожая их, а тщательно сохраняя. По этим документам становилось ясно, какую информацию о немецких сухопутных силах, люфтваффе и флоте, а также о военной промышленности во Франции обрабатывал Арман. Абвер теперь знал, какими объектами больше всего интересовалась британская разведка. Из этого мы могли делать выводы, какие объекты были под угрозой вражеских авианалетов или диверсий. Были незамедлительно оповещены все соответствующие войсковые штабы и военные администрации и проведена проверка, чтобы определить, следует ли передислоцировать эти объекты или же усилить их охрану.

Затем я обратился к арестованным по делу «Поля». Некоторое число менее всего запятнавших себя агентов уже выпускали на свободу, но под арестом все еще содержались 66 человек. Унтер-офицер Хуго Блейхер допраши-

вал арестованных очень хватко. Показаний было вполне достаточно, чтобы предать их военно-полевому суду. Кроме того, после обработки изъятых на явочной квартире Армана сведений доказательный материал имелся в избытке. Нет сомнений, что арестованные и содержащиеся в тюрьме по делу «Поля» члены организации Réseau Interallié будут приговорены к смертной казни. Но я все никак не мог решиться направить обвинительные заключения в военно-полевой суд. Мне не нравилось, что придется предать суду великолепного разведчика Армана и его товарищей, находящихся в тюрьме, тогда как пьяница и предатель Эмиль, Кошка, Рени и Поль получили свободу. Мне настолько импонировали достижения Армана, что я искал способ привлечь этого человека на сторону абвера и тем самым спасти ему жизнь.

В марте 1942 года я пришел к решению начать переговоры с Арманом, чтобы склонить его стать тайным информатором абвера. Но для реализации этого плана необходимо согласие адмирала Канариса. Он должен решить, насколько далеко можно будет зайти при вероятных переговорах с Арманом. Полковник Рудольф, как начальник управления абвера по Франции, открыто возражал против переговоров с Арманом и идеи отправки того с секретным заданием в Великобританию.

Но при планировании операции возникла еще одна, более сложная проблема. Ведь англичане теперь знали, что Арман при разгроме центра Réseau Interallié оказался в наших руках. Наши английские коллеги по профессии, ясное дело, понимали, что он может быть освобожден нами и заслан в их страну. Существовал ли путь так внедрить Армана туда, чтобы не вызвать у них подозрения? Не говоря уже о том, пойдет ли он вообще на наши предложения?

Арман был искренним патриотом. Но если судить объективно, имелись сомнения, принесла ли его работа на Великобританию пользу его нации. Поляк и антикоммунист, он лил воду на мельницу и Советского Союза, который теперь оказался на стороне союзников, но в свое время напал на его страну именно в тот момент, когда Польша отчаянно сражалась с германскими частями.

Вот из каких соображений мне следовало исходить, если я хотел сыграть на его антикоммунистических на-

строениях и попытаться вдохновить его на совместную работу против Советского Союза. Если бы это удалось, то он бы пошел и на разговоры о работе против Великобритании. В конце концов ведь он понимал, что его ждет смертный приговор, если он предстанет перед военно-полевым судом.

Но, размышляя о способностях и взглядах Армана, всего этого мне показалось недостаточно. Чтобы привлечь такого человека, как он, сделать его обязанным нам и как можно сильнее к нам привязать, ему следовало что-то и предложить.

Размышляя так, я пришел к выводу, что необходимо разработать настоящий договор и заключить его с Арманом. Абвер должен был гарантировать ему, что арестованные 66 членов организации не будут преданы военному суду, если он обяжется заниматься в Великобритании шпионажем на нас.

Что касалось проведения операции, мысленно я представил ее себе так, что в определенный момент Арман при нашей незаметной помощи совершает побег из тюрьмы. Правда, его лжепобег следует продумать со всей тщательностью и разыграть так, чтобы у непосвященного, а позднее и у Интеллидженс сервис он не вызвал никаких сомнений.

Уже на следующий день я навестил Армана в тюрьме Фресне под Парижем. Арман казался искренне обеспокоенным судьбой своих сотрудников и сотрудниц, схваченных как вместе с ним, так и после его ареста. Это была благоприятная исходная позиция для начала нашего разговора.

— Ваши товарищи арестованы, — сказал я. — Уголовное дело еще не открыто. Вы сами понимаете, месье Арман, каким будет наказание, если суд вынесет приговор за военный шпионаж. Но возможно, вы что-то сможете сделать для своих товарищей.

— Как это понимать, господин подполковник? Меня ведь казнят в первую очередь.

— Вы поляк, польский офицер. Мне было бы интересно услышать, какие причины побудили вас вести шпионаж против Германии в пользу Великобритании, ради чего вы в течение целого года, занимаясь такой опасной деятельностью, день за днем ставили свою жизнь на карту. Вы

же с самого начала давали себе отчет, что рано или поздно попадете в руки абвера.

— Ответ очень прост. Я отдавал все свои силы на благо моей страны. Как офицер, я считал это своим долгом.

— И вы действительно верили, будто ваша шпионская деятельность принесет пользу вашей родине? Если победит Великобритания, от этого выиграет и Советский Союз. Неужели вы думаете всерьез, что ваша страна и народ выиграют, если Советский Союз выйдет из этой войны победителем? Будет ли тогда у Польши свобода, государственность и будущее, о чем вы мечтаете и чего для нее желаете?

— Об этом я пока всерьез не задумывался. Я офицер и исполняю свой долг.

— Может быть, вам стоит все же подумать над моим вопросом. Мы, немцы, рассматриваем Советский Союз и коммунизм как самого большого врага Европы. Если вы взвешенно подумаете над общей ситуацией, возможно, обнаружите некоторые совместные интересы Польши и Германии в борьбе против Советского Союза и коммунизма. Я был бы рад, если бы вы пришли к таким выводам.

На этом я закончил наш разговор.

Когда я несколько дней спустя во второй раз посетил Армана в Фресне, ему уже, как казалось, ход моих мыслей не был антипатичен. Для него было бы крайне печальным, наконец сказал он, если бы его страна оказалась под коммунистической пятой.

При третьем разговоре Арман сам заявил, что он готов тайно работать в пользу Германии, если он этим сможет послужить своей родине и арестованным товарищам. Тут я решил, что пришла пора обсудить с ним разработанный мной договор. Наконец он окончательно решился после инсценированного побега через Южную Францию и Испанию отправиться в Великобританию и там по мере сил и возможностей вести шпионаж против всех держав-противников, за исключением Польши.

Он принял с радостью нашу ответную гарантию, что находящиеся под арестом члены организации Réseau Interallié не предстанут перед судом. Но при подписании соглашения Арман потребовал внести дополнение, что все усилия, прилагаемые им для победы Германии, делались им на благо его родины — Польши.

Складывалась крайне странная ситуация. Пойманный шпион ставит контрразведке вражеской страны, в руках которой он находится, условия будущего сотрудничества. Тем не менее можно было рассчитывать на то, что шеф нашей службы согласится и мы сможем заключить договор, введя дополнение, о котором просил Арман. Нашей службе приходилось хвататься за любую предлагаемую возможность, чтобы получать как можно больше точной информации из Великобритании.

Конечно, следовало учитывать и то, что Арман мог дать признательные показания в Интеллидженс сервис или своему польскому начальству, действующему в Лондоне, о заключенном с нами соглашении, и тогда вражеская разведка попытается передавать нам дезинформацию. Но даже из подобной дезинформации противника мы, в определенных условиях, могли выуживать важную информацию.

Чтобы как можно надежнее нас обезопасить, в проект договора включили еще один пункт, что абвер будет считать себя свободным от принятых обязательств в отношении арестованных шпионов Réseau Interallié, если Арман выдаст противнику заключенный с нами договор.

Нам показалось довольно своеобразным требование Армана, что его вклад после окончательной победы Германии должен пойти на пользу Польше. Верил ли Арман в победу Германии или его требование заключало иронию? У такого опытного контрразведчика, как Арман, нельзя было исключать возможность издевки. Тем не менее нынешнее положение дел в принципе не могло исключать счастливого исхода войны для Германии.

Японцы после нападения на Пёрл-Харбор сообщали о новых многочисленных победах. На Восточном театре фронт на юге после суровой зимы снова покатился дальше на восток, а в Северной Африке у фельдмаршала Роммеля имелись серьезные успехи. Арман в последние месяцы в тюрьме получал только немецкие газеты. Вполне возможно, что сейчас, благодаря многочисленным сообщениям в нашей прессе о победах, он действительно был убежден, что Германия выиграет войну.

Теперь нам необходимо только решение и согласие шефа службы в Берлине. Полковник Роледер, начальник

службы контршпионажа, поддержал мой замысел, и адмирал Канарис дал санкцию. Текст договора в окончательной редакции подписали Арман и я. Тем временем наступил май 1942 года.

Теперь начались технические приготовления к запланированной операции. Ее кульминация приходилась на инструктаж Армана, на что в Великобритании ему следует в первую очередь направить свое внимание и каким способом передавать разведанные. Поэтому необходимо научить его собирать рацию из обычных радиодеталей. Кроме того, следовало освежить его радиотехнические знания.

В несколько недель Арман овладел необходимыми навыками.

Для инсценировки его побега, который не вызвал бы подозрения, что это уловка абвера, назначили день 14 июля 1942 года. Память о взятии Бастилии и начале Великой французской революции, которое приходилось на этот день, всегда выводили население на улицы. В прошлом году они были просто переполнены. И в этот раз ожидалось то же самое.

При прекрасной погоде Париж кипел от народа, обстоятельство, благоприятное для проведения операции. Под предлогом, будто Арман вызывается на допрос в одно из ведомств в Париже, его забрали из тюрьмы Фресне и повезли в открытой легковой машине. На одной из самых оживленных улиц Арман выпрыгнул из машины и скрылся в толпе. Его официальные конвоиры бросились за ним и имитировали погоню за сбежавшим арестантом столь правдоподобно, что сотни зрителей-французов, случайно оказавшихся на спектакле, уверились в подлинности побега.

Уловка удалась. Будет ли спланированная против британской Интеллидженс сервис контригра и в дальнейшем развиваться столь успешно?

С Арманом условились, что через несколько дней после разыгранного побега он попытается уйти в Париже в подполье и разыскать членов Сопротивления, чтобы найти у них убежище и с их помощью проинформировать о побеге какую-нибудь группу в Южной Франции, борющейся против Германии. Через три дня он должен прийти на явку в Париже. Я собирался дать последние инструкции.

А если в эти три дня Арман установит контакт с каким-либо подразделением Сопротивления и донесет им о явке? Он ведь по-настоящему свободен: слежка за ним была не в интересах абвера. Это могло бы повредить начатой контригре. Если бы Арман такое задумал, то уже через несколько часов мог оказаться в Южной Франции, где стал бы недосыгаем для абвера.

Объявится ли он через трое суток? Не придет ли он к мысли: к чему рисковать, укроюсь-ка лучше на юге Франции?

Арман сдержал слово, придя на условленную встречу. Он был явно убежден в том, что абвер выполнит условия заключенного с ним договора. Впрочем, он уже вышел на одну группу Сопротивления, имевшую связь с Южной Францией.

Арман поехал на юг Франции. Несколько моих сотрудников следили за ним в этой поездке и установили, что он точно придерживается достигнутых договоренностей. После короткой остановки в Южной Франции он продолжил свое движение в направлении Испания—Португалия. Дальше абвер уже не мог сопровождать и контролировать Армана, окончательно вышедшего из сферы германского влияния. Как-то он, уже свободный человек, будет действовать дальше?

В августе 1942 года радицентр абвера, где принимали радиogramмы от собственных нелегалов, на каждом сеансе, предназначенном для связи с Арманом, работал на прием. Шли неделя за неделей без какого-либо радиосигнала в эфире от Армана. Но я настоял на том, чтобы радицентр продолжал оставаться на его приеме. Возможно, сразу по прибытии в Лондон его арестовали или он еще не подыскал для себя подходящей квартиры и не нашел возможности собрать передатчик и скрытно отправить радиogramму.

Наконец — в конце января 1943 года — в эфире появились позывные от Армана. Устанавливался радиообмен, как и было с ним договорено. С напряжением ждали расшифровки первого сообщения, пришедшего по этому каналу из Лондона в абвер.

Разочарование мое было велико. Сообщение было крайне скудным, а именно: говорилось о наблюдениях за военными мероприятиями в Великобритании, но, с моей

точки зрения, они были довольно малозначительны. Было совершенно понятно, что Арман сможет сообщать гораздо более обширные и важные сведения, если будет жить в Лондоне свободно. Приходилось сомневаться в его искренности и желании сообщать нам все, что ему известно о военных и политических событиях в стране. Или тот, кто сидел за рацией там, в Лондоне, был вовсе не Арман, а вражеский радист, передававший только то, что хотела Интеллидженс сервис? Следовательно, радиogramмы могли содержать дезинформацию.

Мы передали донесения Армана в службу абвера и в заинтересованные оперативные штабы с просьбой произвести анализ и дать заключение.

К нашему великому удивлению, все эти службы оценили донесения положительно и просили пересылать и последующие радиogramмы из этого источника.

Радиообмен по этой линии продолжался, пока было возможно, вплоть до 1945 года. Оперативные штабы до последнего проявляли интерес к этим донесениям из Лондона.

При этом абвер не смог обнаружить явных признаков дезинформации. Несмотря на это, я был твердо убежден: решал совсем не Арман, что передавать по этому радиоканалу из Лондона абверу. Арман, как необыкновенно способный разведчик, за эти два года радиообмена передавал бы самое ценное и мог бы сослужить Германии ценнейшую службу. Он этого либо не хотел, либо не мог, значит, не был свободен в своем выборе. К этому выводу я пришел не в последнюю очередь оттого, что в приходивших радиogramмах никогда не запрашивали о членах Réseau Interallié, находившихся в руках немцев. Если бы Арман, который всегда беспокоился о своих сотрудниках, мог самостоятельно составлять радиogramмы, то от него обязательно поступали бы запросы о месте нахождения и положении своих единомышленников.

Было очевидно, что Арман нарушил взятое на себя обязательство не посвящать третье лицо в заключенный с абвером договор. С вероятностью, переходящей в уверенность, предполагалось, что он давал показания английской Интеллидженс сервис, и те составляли радиogramмы, которые германская контрразведка принимала в качестве донесений Армана. Но по всей видимости, вра-

жеская разведка отказалась от попытки дезинформировать германскую контрразведку. Предположительно, она принимала во внимание положение неоднократно упомянутых 66 сотрудников и сотрудниц Армана. Учитывая это, английская секретная служба на протяжении двух лет посылала донесения абверу, которые с английской точки зрения были несущественными и не наносили большого ущерба Великобритании и ее союзникам, а для германских служб могли все-таки представлять известный интерес. В любом случае вражеская разведка в течение двух лет пыталась создавать у германской контрразведки иллюзию, будто Арман действующий агент.

Несмотря на оценку поступающих якобы от Армана радиограмм, абвер со своей стороны выполнял взятые на себя обязательства: бывшие соратники Армана не предстали перед военным судом. Абвер также постарался, пока это было в его власти, обеспечить хорошее обхождение с арестованными. Развитие событий на позднейших этапах войны сделало невозможным содержание арестованных под арестом во многих городах, но в Париже всех задержанных, в том числе подозреваемых в шпионаже, освободили из тюрем, когда германские части в августе 1944 года ушли из столицы Франции.

С большой долей уверенности можно предположить, что какое-то число бывших сотрудников и сотрудниц Армана, находившихся под арестом у немцев, пережили войну. Сопричастным делу Réseau Interallié повезло, что абвер в 1942 году, когда принималось решение об их участии, был еще достаточно могущественным, чтобы взять арестованных под свое покровительство.

Бывший польский капитан Роман Чернявски, по кличке Арман, по дошедшим до меня сведениям, также находился в числе тех, кто пережил мировую войну. Будто бы он является офицером английских ВВС.

«Красная капелла»

Борьба с вражескими шпионско-диверсионными группами на оккупированных французских территориях осенью 1941 года и последующей зимой требовала приложить все силы, чтобы — любой ценой — как можно

быстрее устанавливать и обезвреживать террористические группы, непрерывно наносившие удары по немецким военнослужащим. В результате этого органы абвера стали действовать в контакте с ГФП, как только те где-либо обнаруживали доказательства или всего лишь намеки на то, что определенные лица занимались антигерманской деятельностью. Подобный метод работы, с профессиональной точки зрения, в корне неверен. Но в этот отрезок времени надеялись, что при обысках квартир подозрительных лиц и в ходе их допросов удастся напасть на какие-либо следы, которые помогут установить разыскиваемых террористов.

Аресты 9 октября 1941 года по делу «Порто» в конечном счете были проведены именно из таких соображений. Однако расследование этого дела, как уже упоминалось, так же мало приблизило к обнаружению террористов, как и различные другие незначительные случаи, происходившие осенью 1941 года во Франции. Произведенный 17 ноября захват Réseau Interallié тоже не дал никаких нитей к разыскиваемым преступникам. Арестованные по этому делу лица не имели отношения к нападениям из-за угла на немецких военнослужащих. А нападения все учащались.

Эти теракты имели ужасные последствия. Командующий войсками во Франции, генерал от инфантерии Отто фон Штюльпнагель и комендант Парижа (Большой Париж), генерал-лейтенант Шаумбург, предприняли целый ряд жестких карательных мероприятий против французского населения.

Рестораны и увеселительные заведения в Париже закрывались с пяти вечера и до пяти утра. Всем жителям строго запрещалось появляться на улицах с шести вечера и до пяти утра. В метро в указанное время прекращалось всякое движение. В городе с миллионным населением это приводило к невероятной сумятице и хаотичному скоплению транспорта, когда метро закрывалось. Евреи на оккупированной французской территории облагались денежной контрибуцией в один миллиард франков, что было равно примерно 50 миллионам марок. Большое число людей, в первую очередь уголовников, евреев и коммунистов, были депортированы на Восток на принудительные работы. Стали вновь прибегать к практике расстрелов заложников. 13 декабря 1941 года казнили четверых фран-

цузов за хранение неразрешенного оружия, а на следующий день висело объявление:

«100 евреев, коммунистов и анархистов, о которых известно, что они имеют отношение к виновникам нападений, будут расстреляны...»

Тем самым наказывалось все население Парижа, привлекалось к ответственности и приводилось в крайнее возбуждение. Люди считали несправедливым столь жестокое к себе обращение, ведь в течение года они вели себя дружелюбно и лояльно по отношению к иностранным военнослужащим. Взметнулась широкая волна гнева и ненависти к немцам, бошам.

В этой ситуации громом разнеслась весть об объявлении войны США 7 декабря 1941 года, породившая в широких слоях населения Франции возмущение всем германским и одновременно надежду на поворот в войне.

Абвер с самого начала отговаривал от расстрела заложников. Было совершенно очевидно, что террористы, осуществлявшие вероломные нападения, являлись орудием Москвы. Жестокость по отношению к французскому населению, до того спокойному и лояльному, могла привести лишь к напряженности, которая в первую очередь была на руку Советскому Союзу. В тот период Советский Союз препятствовал нежелательному и опасному установлению дружественных отношений и началу переговоров между Германией и западными державами. Командующий оккупационными войсками во Франции, генерал Отто фон Штюльпнагель, разделял точку зрения абвера и отчаянно, но тщетно отбивался от данного Гитлером приказа.

Упомянутые нападения на членов французских антикоммунистических партий недвусмысленно показали, в каких кругах следовало искать злоумышленников. Кроме того, в декабре 1941 года появилось яркое доказательство того, что Москва орудует на оккупированных регионах на Западе с помощью агентов, руководимых по радио.

В начале декабря 1941 года подразделение радиоперехвата в Брюсселе запеленговало один радиообмен, который раньше никогда не фиксировался. Запрос в Центр радиоперехвата в Берлине показал, что засеченный пере-

датчик был неизвестен и там. Поскольку речь не шла об радиообмене немецких служб или нелегалов, подразделение радиоперехвата сообщило о своих наблюдениях отделу абвера в Брюсселе. Речь могла идти лишь о радиообмене вражеских агентов. Служба абвера решила на немедленный захват.

В ночь с 12-го на 13 декабря 1941 года служащие отдела абвера в Брюсселе и радиоперехвата произвели аресты. Вражеский радист как раз завершал сеанс связи. С ним удалось арестовать и других агентов. Однако перед арестом они все-таки смогли уничтожить письменные документы, обработкой которых как раз занимались. Арестованные на допросе вели себя образцово: ни слова не сказали о своих секретных заданиях и рабочих приоритетах. Тем временем зашифрованные радиограммы, отправленные в последние дни с этого передатчика и перехваченные службами контрразведки, не были дешифрованы. Поэтому оставалось неясным, какой шпионаж или диверсионную работу вели арестованные агенты и каких результатов они добились. Точно установили лишь одно, что агентурный передатчик переправлял свои донесения в Москву советской разведке. Поэтому служба абвера в Брюсселе дала этому делу наименование «Красная капелла».

Только в результате дальнейших, полученных в последующие месяцы сведений стало понятно, что захваченная в Брюсселе агентурная группа принадлежит широко разветвленной шпионской организации, которая уже с давних пор насаждалась из Москвы десятками агентурных групп по всей Европе. Первоначально, разумеется, эта организация должна вести в первую очередь тайную работу против западных держав. Но после вступления германских войск во Францию ее перенацелили на Германию.

Офицер абвера в Брюсселе, капитан запаса Пипе, сотрудник отдела контршпионажа, которому была поручена разработка дела, обладал, как говорится, хорошим нюхом. Дни и ночи напролет работая над дальнейшим распутыванием, он почуял шанс в своей жизни. Преимущественно благодаря следственной работе отдела абвера в Брюсселе, в конце мая — начале июня 1942 года начались новые аресты вражеских агентов, руководимых из

Москвы. Среди арестованных оказался и радист, работавший на коротковолновом передатчике «Герман». Используемые советской разведкой кодовые наименования отдельных передатчиков «Аламао», «Ватерман», «Герман» и другие одновременно являлись и наименованиями агентурных групп, отправлявших свои донесения через соответствующие коротковолновые передатчики.

При этом втором аресте в Брюсселе «красного передатчика» брюссельскому отделу абвера улыбнулось счастье. Среди разных документов он захватил чрезвычайно важные, составленные по-немецки, незашифрованные отчеты. Содержание их подкрепляло твердое подозрение, что агентурная группа «Герман» обладала наисекретнейшей военной информацией, о которой войсковые штабы и службы не могли иметь никакого представления. Например, там были донесения о планировании немецкого наступления в направлении Сталинграда; запланированном продвижении на Кавказ; точнейшие сведения о германских люфтваффе и производственных мощностях авиапромышленности, а также запасах горюче-смазочных материалов.

Без всякого сомнения, предатель, от которого на коротковолновый передатчик красных «Герман» поступали эти донесения, должен был сидеть в высоком государственном кресле. Значение этих предательских донесений вообще не поддавалось оценке. Если они уже были переданы по линии «Германа» в Москву, это предательство могло означать для немецких армий, уже продвинувшихся в юго-восточном направлении, крупные потери и поражение. Поэтому необходимо срочно довести существо дела до сведения компетентного руководства, чтобы предпринять соответствующие меры для выяснения источника предательства и прежде всего для безопасности немецких войск на юго-восточном театре боевых действий.

Удачливый офицер абвера, капитан-резервист Пипе, по поручению своего руководства незамедлительно выехал из Брюсселя в Берлин и там изложил шефу III отделения заграничной службы абвера, полковнику генерального штаба фон Бентивеньи, существо дела, предоставив изъятые шпионские материалы.

Шеф абвера, адмирал Канарис, тотчас подключился и подготовил доклад высшему руководству. И началась

свистопляска. Абвером и РСХА, включившимся только теперь, летом 1942 года, начался розыск предателя, передававшего через передатчик «Герман» чрезвычайно важные сведения. «Красную капеллу» раскрыли исключительно силами абвера.

РСХА создало отдельное подразделение, занимавшееся делом «Красной капеллы», а служба радиоперехвата выделила свои лучшие силы, чтобы ближним и дальним перехватом пеленговать другие радиопередатчики «Красной капеллы». В течение нескольких недель установили предателя, от кого радист «Германа» получал донесения о планах германского наступления на Востоке и о тактико-технических данных германских люфтваффе. Им оказался капитан ВВС Шульц-Бойзен, получивший у русской разведки псевдоним Коро и служивший в министерстве авиации Германа Геринга.

Перед арестами попытались установить круг лиц Коро. Выявлено следующее: Коро был связан с множеством лиц, преимущественно художниками, писателями и студентами, большинство из которых можно однозначно рассматривать как людей левой ориентации. РСХА с помощью сыщиков и постоянных постов наблюдения установило ближайший круг Коро. Ведь он еще не знал, что радиопередатчик «Герман» раскрыт, и потому не мог предупредить своих друзей и помощников.

В результате полицейских розысков вскоре стало известно, что множество лиц, общавшихся с Коро, были решительными противниками национал-социализма и в соответствии со своим мировоззрением и политической позиции искали пути и способы, как причинить ущерб национал-социалистическому правительству, разрушить его планы и помешать его действиям.

Таким образом, относительно быстро сотрудники РСХА, работавшие по этому делу, выяснили, что речь идет об обширном круге сопротивления, в который входили и лица, ведущие шпионаж в пользу советской разведки.

Теперь расследование дела «Красной капеллы» пришлось передать из абвера в РСХА. В соответствии с договоренностью, достигнутой в Праге в мае 1942 года между Канарисом и Гейдрихом, проведение следственных действий и вытекающих из них допросов и других

мер дознания, даже в случаях, относящихся к компетенции абвера, полностью передавались в распоряжение РСХА.

Вследствие всех этих причин несколько месяцев спустя после обнаружения в Брюсселе агентурной радиостанции «Герман» выяснилось, что специально созданное РСХА для разработки «Красной капеллы» подразделение работает непосредственно со службой радиоперехвата и вместе с ними принимает решения по допросам и руководит мероприятиями, тогда как военная контрразведка из дела почти полностью исключена. Правда, помошник отделения абвера IIIf в Брюсселе, в основном благодаря которому были произведены первые успешные аресты агентов «Красной капеллы», мог постоянно поддерживать тесный контакт с сотрудниками специально созданного подразделения РСХА.

В конце августа 1942 года ответственные сотрудники РСХА решили произвести аресты Коро и его ближайших сотрудников, хотя и понимали, что расследование еще далеко не завершено и отсутствуют неопровержимые доказательства преступных деяний большинства лиц из окружения Коро. На одном из совещаний, предшествующем арестам, представители РСХА даже признались в этом сотрудникам абвера. Но они заявили, будто Коро предупрежден и будто бы произошли некоторые события, которые делают бессмысленной дальнейшую отсрочку его ареста. Кроме того, они надеялись из допросов арестованных получить необходимые доказательства.

31 августа 1942 года Коро был схвачен. В последующие месяцы и вплоть до 1943 года шаг за шагом проводились последующие аресты лиц, входивших в ближайший круг Коро или связанных с ним. В целом на территории рейха было арестовано около 400 мужчин и женщин, подозреваемых в причастности к агентурным группам советской разведки, действующей в Германии («Красная капелла»). С помощью допросов, обысков на квартирах и установления лиц, исследования деятельности и прошлого арестованных удалось добыть дополнительный обвинительный материал против Коро и некоторых его сотрудников.

Прежде всего выявили, что Коро примерно в начале июня 1941 года встречался с резидентом агентурных

групп русской разведки в Европе, от которого получил радиопередатчик с шифрами и соответствующие инструкции. Его радист уже установил радиосвязь с Москвой, но она оказалась утраченной, поскольку инструкции с расписанием сеансов связи, доставленных этим резидентом, то ли были неполными, то ли ими неправильно пользовались. Поскольку его канал связи не функционировал, Коро передавал важные донесения в Москву через соседнюю организацию «Красной капеллы» в Бельгии.

Таким образом, расследование Коро и его окружения оказалось далеко не безрезультатным. Подготовлены непроверяемые доказательства, что организация передавала шпионские сведения врагу, которые могли иметь тяжелые последствия для воюющих на Восточном фронте армий. Кроме того, получены новые сведения об агентурных группах, работавших в Европе на советскую разведку. Тем не менее произведенное задержание, с профессиональной точки зрения, было преждевременным. Большую часть связанных с Коро арестованных пришлось отпустить, поскольку не смогли доказать их преступных деяний. Но позднее стало очевидным, что советская разведка еще минимум год после ареста Коро получала шпионские донесения из Германии, которые по значимости не уступали сведениям, передаваемым им в Москву.

Следовательно, в тот период в германских военных или гражданских органах действовали и другие шпионы советской разведки.

После захвата в Брюсселе радиста красных Германа с несколькими его помощниками, само собой разумеется, велось расследование не только на территории рейха, но и на всех оккупированных Германией территориях по установлению других агентурных групп советской разведки. При этом успешнее всего действовал радиоперехват, в течение нескольких месяцев установивший примерное местоположение около дюжины или более того коротковолновых передатчиков, которые с территории, контролируемой Германией, передавали информацию в Москву.

Потому уполномоченные органы РСХА и абвера прикладывали все усилия и использовали все возможные средства, чтобы обнаружить радистов красных и парализовать деятельность находящихся с ними на связи аген-

турных групп. Началась лихорадочная борьба с разветвленной организацией «Красная капелла». Службы радиоразведки абвера непрерывно перехватывали зашифрованные радиogramмы, направляемые установленными «передатчиками красных» в Москву, но расшифровать их было крайне сложно, поскольку враг использовал неизвестные шифровальные коды. Значительно усиленный персонал так называемых взломщиков шифров систематически занимался, не зная кода, работой по дешифровке, требовавшей почти сверхчеловеческого напряжения.

Затем службы радиоперехвата с помощью всех имеющихся подразделений ближней пеленгации попытались точно определить местонахождение «передатчиков красных», приблизительно засеченных службой дальней пеленгации, в то время как подразделения абвера и гестапо (тайная государственная полиция) в эти места направляли осведомителей, чтобы выявить там работавшие или предполагаемые агентурные группы.

Правда, сил для контршпионажа на оккупированных территориях было еще меньше, нежели на территории рейха. К тому же подпирало время. Во что бы то ни стало «передатчики красных» должны быть нейтрализованы. А из перехваченных зашифрованных радиogramм выяснилось, что они ежедневно отправляют донесения в Москву. Поэтому почти во всех случаях аресты проводились сразу, как только на основании радиоперехвата появлялись перспективы неожиданно захватить радиста красных во время радиосеанса, невзирая на то, будут или нет установлены агенты, от которых радист получал донесения для передачи в Москву.

В таких обстоятельствах за сравнительно короткое время (приблизительно семь месяцев) помимо уже описанных арестов круга Коро в 1942 году удалось захватить следующих радистов: в мае в Мейсон-Лаффитте, на северо-западе от Парижа; в июне на Монмартре в Париже; в сентябре в Амстердаме и Гааге; в октябре в Брюсселе; в ноябре в Марселе. Одновременно был взят заместитель шефа агентурных красных групп по Франции, Бельгии и Нидерландах, имевший различные конспиративные псевдонимы, но больше всего известный под кличкой Кент.

Прямо перед Рождеством 1942-го также удалось арестовать руководителя агентурных групп красных во Фран-

ции, Жильбера — Большого Шефа, как его называли ближайшие подчиненные. Затем в Париже и его окрестностях выявили четверых радистов, принадлежавших к агентурным группам, которые вел Жильбер.

В период между Рождеством 1942-го и Новым 1943 годом в Париже арестовали агента Гарри, игравшего ведущую роль в шпионской сети «Красной капеллы» во Франции. В январе 1943 года арестован вражеский радист в Лионе со множеством агентов. С марта по июнь происходили дальнейшие аресты радистов и агентов, работавших на советскую разведку в этих же странах.

Тем самым оперативные мероприятия против западноевропейской ветви «Красной капеллы» были в основном завершены.

В целом во время этих акций под арестом оказались около 200 человек во Франции и примерно столько же человек в Бельгии и Нидерландах. Таким образом вместе с арестованными на территории рейха 400 мужчинами и женщинами, принадлежавшими к кругу Коро, под арестом находились 800 человек. Конечно, доказать причастность к шпионским группам «Красной капеллы» всех было невозможно. Некоторые находились только под подозрением, что являются агентами советской разведки или пошли на государственную измену. Большую часть из них все же бесповоротно изобличили в шпионской деятельности изъятými уликами: коротковолновыми передатчиками, тайными кодами, планами сеансов связи и шпионскими материалами. Успех был необычайный. Поэтому понятно, что некоторые участвовавшие в операции офицеры службы радиоперехвата абвера в декабре 1942 года считали: «Красная капелла» отыграла, ее прежняя организация мертва.

Но так ли это было на самом деле? Единственно, в чем можно быть уверенным, что с декабря 1942 года едва ли откуда-нибудь на территории, подвластной Германии, регулярно по радио передавалась информация в Москву. Служба радиоперехвата провела эффективную работу. С радистами агентурных групп красных в рейхе и на территории, оккупированной Германией, в основном покончили. Если кто-то еще и оставался на свободе, то уже не решался на регулярные и длящиеся более одной минуты радиопередачи.

Но участвовавшие в деле специалисты из абвера и РСХА понимали, что в общем и целом под замком сидели лишь радисты «Красной капеллы» с некоторой частью руководителей. Сами же агентурные группы только в отдельных случаях были разрушены настолько, что могли считаться уничтоженными. В соответствии с этим приходилось учитывать, что минимум часть агентурных групп «Красной капеллы» будет продолжать работать и станет искать новые каналы связи с Москвой. Также имелось предположение, что в разведцентре в Москве после первых арестов радистов красных, произведенных зимой 1941/42 года, очень быстро получили информацию о методах и способах работы абвера и полиции.

Кроме того, зондеркомmando РСХА, забравший себе дело по «Красной капелле», решил начать контригру по радио: изъятые коротковолновые радиопередатчики красных продолжали функционировать в том же режиме, как если радисты красной агентуры, работавшие на этих передатчиках, находились бы на свободе. Разумеется, подобная мистификация была возможна лишь в том случае, когда при изъятии коротковолнового передатчика красных в наши руки попадало разработанное разведцентром в Москве расписание сеансов связи и шифры.

В этой связи во множестве случаев захваченные радисты красных «перевербовывались». Им обещали жизнь и свободу, если они, когда нам понадобится, окажут услуги и отныне станут передавать составленные и зашифрованные германской стороной донесения.

С целью глубокого проникновения в структуру и деятельность агентурных групп «Красной капеллы» зондеркомmando РСХА даже перевербовал обоих резидентов этой организации по Франции и Бельгии, Жильбера и Кента.

Первые из этих контригр ведущие сотрудники РСХА начали сразу после первых арестов в Брюсселе и Генте и вели их примерно до осени 1942 года. С германской стороны они получили обозначение «Бук», «Ель» и «Липа». Последние такого рода контригры с Москвой проводились в феврале, марте и апреле 1943 года из Парижа и частично продолжались вплоть до весны 1945 года.

РСХА и выделенные им сотрудники зондеркомmando контригрой по радио преследовали многие цели. Во-пер-

вых, Москва должна была как можно позже обнаружить изъятие соответствующих коротковолновых радиопередатчиков. Тем самым следовало воспрепятствовать предупреждению московского радиопередатчика по неизвестному немецкой контрразведке каналу оставшимися на свободе агентами групп, в которых были произведены аресты. Во-вторых, с помощью контригры следовало достичь того, чтобы Центр в Москве давал новые разведывательные инструкции. По ним надеялись определить, к каким объектам в сфере германского влияния советская разведка проявляет наибольший интерес и какие цели она преследует. В-третьих, предпринималась попытка дезинформации московского разведцентра по объектам, особенно интересовавшим советскую разведку.

Против контригры в свете первой задачи возразить было нечего. Она главным образом преследовала полицейские цели. Требовалось время, чтобы без помех со стороны вражеской разведки и дальше раскрыть нащупанные агентурные группы. Но обе другие задачи вовлекали РСХА уже в сферу чисто военных интересов. Все агентурные группы «Красной капеллы» занимались почти исключительно военным шпионажем. Хотя разведывательные задания московского Центра были направлены не напрямую на военные объекты, тем не менее, по меньшей мере косвенно, они касались обороноспособности страны и состояния вермахта и военной промышленности.

Исходя из обстоятельств, начиная каждую из этих контригр, следовало учитывать и то, что Москва уже через несколько дней от еще не арестованных агентов может узнать о ликвидации коротковолновых передатчиков, пытавшихся запустить дезинформацию по важнейшим вопросам военных операций и планирования. Высокие военные чины, в особенности главнокомандующий группой армий «Запад», которого просили оказать содействие, отнесся к этому весьма сдержанно, то есть к изготовлению дезинформационных донесений для русской секретной службы. Впрочем, московский Центр, как это нередко выяснялось, был настолько хорошо информирован и ставил настолько точные вопросы, что вряд ли придуманная ложная информация звучала бы правдоподобно. Например, перед главнокомандующим группой армий «Запад»

отдела Ic (АО) стояла очень непростая задача ответить на вопросы русского разведцентра:

— В самом ли деле Гудериан находится на Восточном фронте?

— Подчинены ли ему 2-я и 3-я армии?

— Входит ли в армейскую группу Йодля 4-я или какая-либо другая танковая армия?

— Действительно ли 7-я танковая дивизия ушла из Франции, куда?

— Как давно размещается новый штаб дивизии в Шербуре? Его номер?

— Каким образом проходит переформирование 26-й танковой дивизии?

Военное командование, как уже говорилось, не выражало особого желания заниматься подобными вопросами Москвы и придумывать на них дезинформирующие ответы. Ибо было бы достигнуто обратное желаемому, если противник уже знает, что используемый радиопередатчик находится в немецких руках.

Так, как складывались обстоятельства, направления контригры в деле «Красной капеллы» могли преследовать лишь ограниченные, преимущественно полицейские разведывательные цели. Несомненно, гораздо умнее вести ее лишь короткое время и не ждать, пока не выяснится, что русская разведка раскусила немецкую контригру. Некоторые из этих радиоигр велись годами и прекращались только тогда, когда уже не давали никаких результатов. Кто знает, как давно советская разведка разгадала немецкую дезинформацию и какую пользу она из всего этого извлекла? Правда, на Западе об этом нет никаких документальных свидетельств.

Но в целом агентурную сеть «Красной капеллы» на территории, подвластной Германии, уничтожили уже к концу 1942 года.

Причудливой судьбе между тем было угодно, чтобы как раз самые главные агенты «Красной капеллы», Жильбер и Кент, не предстали перед германским судом. Жильберу при мистических обстоятельствах удалось бежать из-под ареста; Кент в конце войны, в сопровождении начальника зондеркоммандо, специально назначенного РСХА для борьбы с «Красной капеллой», промаршировал в Россию.

«Красная тройка»

Еще по одной причине удивительно, как некоторые радиоигры, ведущиеся зондеркоммандо РСХА по делу «Красной капеллы», длились месяцами и иногда даже годами.

В ходе расследования дела «Красной капеллы», в особенности на допросах арестованных агентов, было установлено, что и в Швейцарии действовало множество красных радистов. Служба радиоперехвата подтверждала эти разведанные. Она установила три радиопередатчика красных, которые из Женевы и Лозанны постоянно передавали сообщения в Москву.

Исходя из этого, РСХА и абвер направил нелегалов, чтобы разведать в Швейцарии агентурные группы русской разведки. Эта операция оказалась успешной, давшей информацию, что советская разведка из Швейцарии руководит и направляет шпионскую деятельность на германской территории. Затем среди других имен и адресов «резидента» агентурной организации красных в Швейцарии был установлен Александр Радо и один из его радистов, англичанин Александр Фут.

Поэтому у офицеров абвера и чиновников РСХА, занимавшихся делом «Красной капеллы», само собой напрашивалось предположение, что агентурные группы советской разведки, потерявшие радистов в результате арестов в Германии, Нидерландах, Бельгии и Франции, попытаются установить связь с резидентурами красных в Швейцарии, чтобы передать в московский Центр донесение о произведенной немцами серии арестов и по этому каналу в дальнейшем направлять шпионскую информацию. То, что так оно и было в действительности, после войны общественность узнала из книги «Story of Russian Spy»¹, опубликованной англичанином Футом в Соединенных Штатах Америки.

Фут пишет о своих собственных приключениях. После двухлетнего участия в гражданской войне в Испании на стороне красных в конце 1938 года его, как члена интербригады, завербовала советская разведка и заслала в Швейцарию, где в годы войны ему удалось благополучно

¹ «История русского шпиона» (англ.).

проработать, главным образом радистом, до 20 ноября 1943 года. В этот день он был задержан швейцарскими властями и находился под арестом до 8 сентября 1944 года. В ноябре 1944 года он перебрался в уже освобожденную к тому времени от немецких войск Францию и обратился в советское посольство в Париже, с чьей помощью самолетом был переправлен в Москву. Там Фута, после начальной проверки, доброжелательно приняли. За свои заслуги он получил звание майора советской армии. Но он не выдержал долгого пребывания в красном раю: в один прекрасный день, распрощавшись со своими коммунистическими хозяевами, сбежал на Запад.

Деятельность Фута в рамках «красных троек» представляется весьма показательной. Это один из трех радистов красной агентуры в Швейцарии. Донесения о частях, военных операциях, планировании и прочих секретных мероприятиях в сфере влияния Германии, которые поступали к нему для дальнейшей передачи их в Германию, Фут, по его свидетельствам, сам зашифровывал соответствующим шифром. Поэтому он якобы прочитывал все открытые тексты радиogramм, прежде чем передать их в Москву.

Если сведения Фута в названной книге правдивы, то в 1941—1943 годах он передавал советской секретной службе чрезвычайно важные, вероятно даже судьбоносные для хода войны донесения. Источники этих сведений — если всегда исходить из того, что сведения Фута действительно правдивы, — имели доступ к точной информации о дислокации германских вооруженных сил, но и к планам военного командования. И все же предполагаемые источники не открыты и по сей день, так что пока, по существу, речь идет только о голословных утверждениях действовавшего во время войны против Германии шпиона. Правда, Фут указывает множество деталей, которые позволяют предположить, что советская разведка получала из Швейцарии сведения, непоправимо повлиявшие на ведение Германией войны.

После войны в различных странах появились публикации о «Красной капелле». В некоторых из них высказывалось предположение, что источники, предательские донесения которых через Фута шли в Москву, занимали высокие и высочайшие посты. Так ли это было на самом

деле, навсегда останется тайной. Западным секретным службам, по-настоящему заинтересованным в прояснении этого вопроса, тем не менее, насколько можно судить по сведениям, ставшим достоянием гласности, также не удалось внести ясности.

Поэтому возникает вопрос, насколько действительно объективны повествования Фута и других журналистов и об организации и о достижениях «Красной капеллы». Многие авторы общеизвестных книг и статей о «Красной капелле» явно стремились к тому, чтобы изобразить методы работы и достижения советской разведки во время войны как нечто непревзойденное, грандиозное и чрезвычайно результативное. Правда, для создания в западных странах подобного ореола пришлось прибегать и к известным натяжкам и передержкам.

Совершенно не исключено, что и у Фута некоторые его сведения не соответствуют действительности. Не стоит забывать, что он опубликовал свою книгу после того, как продолжительно пользовался гостеприимством советской разведки.

Почему ему столь долго удавалось продержаться в качестве одного из трех радистов красных, он обязан исключительно обстоятельству, что Москва законспирировала его в Швейцарии и эта страна всю войну оставалась нейтральной. Если бы немецкие Executive могли действовать здесь, Фут играл бы роль радиста красных весьма непродолжительное время.

Что касается упомянутых агентур советской разведки в Германии и на оккупированных территориях, то они были искусно внедрены еще перед войной и умело организованы. Тем не менее, как уже описывалось, в 1941—1943 годах органы абвера нанесли им тяжелые удары и в основном парализовали их деятельность.

Дело «Медведя»

Героя этой истории Роберта Кёнига друзья и товарищи называли Робером, на французский манер. Это был блондин, среднего роста, стройный, казался даже тошим. С первого взгляда никто не мог и предположить, насколько он был мускулист и жилист. Именно это креп-

кое телосложение и сознание своей силы, видимо, бросило его с юных лет в водоворот привлекательных авантур. То, что он страстно занимался боксом, было делом обычным, но то, что он решил уйти из спорта и заняться парашютными прыжками, свидетельствовало о его кипучей натуре. Европа для такого человека была слишком тесна. Он отправился в Соединенные Штаты Америки и с самых азов перепробовал все те профессии, которые, казалось, следовало освоить, если желаешь обрести неограниченные возможности. Тем временем миллионером не сделался, перебивался с грехом пополам, пока его не охватила тоска по родине.

Я познакомился с Робертом еще в 1938 году. После нескольких встреч с ним я понял, какое сокровище на тайном фронте в профессиональном смысле представляет собой Роберт. Он говорил по-английски и по-французски так же хорошо, как и по-немецки. Манеры у него были неброские и уверенные. Особенно меня впечатлила его способность все схватывать на лету и просчитывать. Позднее я убедился, что Роберт ко всему прочему обладал замечательным чувством юмора и актерским талантом.

Когда я приехал в Париж, само собой разумеется, во Францию перевели и Роберта для использования его в контршпионаже. Но поскольку он не служил, то его, почти 40-летнего, призвали рядовым и отправили во Францию в распоряжение абвера. Ведь на тайном фронте борьбы звания не играли главенствующей роли. Роберт всегда ходил в цивильном и был одним из самых успешных командиров нелегалов и агентов.

Однажды, в феврале 1942 года, я встретился с ним для беседы.

— Похоже, шеф, — начал Роберт, — я вышел на одну интересную группу диверсантов, у которой множество резидентур во Франции, в первую очередь в Бретани. Один из моих осведомителей, Пьер, имеет выход на группу и пользуется полным доверием вражеских агентов. Он доносит, что у группы в Бретани имеется множество тайных складов, где хранятся взрывчатые вещества и оружие. Взрывчатка и оружие за последние недели поступали из Великобритании. Возможно, мы напали на след террористов! Между прочим, члены этой группы есть и в Париже.

— Роберт, а ваш человек сам видел оружие и взрывчатку?

— Нет, шеф! Но он назвал мне имена и данные многих агентов бретонской группы и передал содержание своих разговоров с этими людьми. Я верю Пьеру. Кроме того, насколько возможно, я проверил его сведения. Все подтверждается.

— Отлично! Но сколько человек в группе? И сколько из них нам известно? Есть ли у нас точные сведения, где хранятся оружие и взрывчатка?

— Пока мне известны имена и адреса четверых из группы, в которой, предположительно, более 50 человек. Где оружие и взрывчатка, еще не установлено.

— Для начала очень неплохо, Роберт, а вот для арестов маловато, не так ли? Вам же уже давно известны методы нашей работы. Чаще всего операцию проводят слишком рано и добиваются лишь частичного успеха. Если в этой ситуации мы проведем аресты, то, предположительно, получим лишь нескольких агентов. А остальные люди группы окажутся предупрежденными, быстро перепрячут оружие и взрывчатку и сменят свои адреса. Потому нам сначала нужно пораскинуть мозгами, как больше разведать и успешно завершить дело.

— У меня уже есть некоторые соображения на этот счет, шеф! Я даже продумал план будущих действий. Собственно, уже началась подготовка к реализации плана. Надеюсь, вы будете мной довольны.

— Ну, тогда выкладывайте, Роберт!

С помощью Пьера он хотел внедриться в бретонскую группу в качестве английского лейтенанта и специалиста по диверсиям Интеллидженс сервис. Тогда он смог бы точно установить, какая взрывчатка у людей и где она хранится, какие диверсии готовятся группой и сколько диверсантов будут участвовать.

Роберт намеревался провести подготовку такого крупного дела единолично или по меньшей мере подготовить настолько, чтобы мне оставалось лишь со всем согласиться. Дела обстояли следующим образом. До сих пор диверсионная группа в Бретани поддерживала связь с Лондоном окольным путем с помощью связников. Несомненно, была уверенность в том, что в ближайшие недели у них не появится радиосвязи. Им настоятельно требовался специ-

алист, который обучил бы людей, как и в каком количестве устанавливать и применять для запланированных диверсий находящиеся в их распоряжении мины, бомбы и взрывчатку. Группа запросила в Лондоне специалиста по диверсионному делу, но было совершенно неизвестно, прибудет ли он и когда.

Все это Пьер установил точно. Когда Роберт несколько дней назад впервые заговорил с ним о внедрении его в бретонскую группу в качестве офицера английской разведки, он совсем не испугался. Пьер предположил, что сумеет создать правдоподобные и поддающиеся проверке детали легенды о том, каким образом ему удалось в Париже войти в контакт с агентами, которыми руководит Интеллидженс сервис. Только в таком случае он смог бы представить в Бретани Роберта в качестве английского лейтенанта.

Все это, несомненно, свидетельствовало об уме и надежности Пьера. Я спросил Роберта:

— Пьер — лотарингец? По каким мотивам он работает с нами?

— Так точно, семья Пьера из Лотарингии. У нее французская фамилия, но среди предков имеются и немцы. Пьер — сторонник Петена. Еще что важно. Он ревностно выступает за германо-французское взаимопонимание, добивается и надеется на германо-французский союз. С нами он работает в первую очередь для того, чтобы привлечь к своей идее немецких друзей. Я сначала не очень-то верил и спрашивал себя, насколько его пыл искренен. Я относился к нему скептически и потребовал подробных аргументов, доказывающих, на его взгляд, необходимость германо-французского союза и сотрудничества. Вскоре я убедился, что для Пьера это действительно серьезная проблема. Тогда я дал ему свою руку и пообещал, что тоже, как могу, стану налаживать германо-французское взаимопонимание и поддерживать сотрудничество, как бы война ни закончилась. Вы же знаете, шеф, что я издавна думаю, как и Пьер. Верю, что и вы разделяете ту же точку зрения.

— Конечно, Роберт! Для Европы было величайшей глупостью и даже бедой война между Германией и Францией. Мы же об этом говорили. Но пойдём дальше! А как обстоит дело с вашей подготовкой к роли английского

лейтенанта? Придумали легенду и детали, как Пьер в Париже вышел на связь с агентом Интеллидженс сервис?

— Легенда есть, шеф! Два моих надежных осведомителя в Париже сыграют роль английских агентов. Я их детально проинструктировал и уже познакомил с Пьером. Любой из них троих может в деталях изложить легенду, как, где и когда он познакомился с остальными двумя и был вовлечен в тайную миссию. Пьер, по завершении подготовки, отправится в Бретань и там поведает руководителям диверсантов, как он в Париже встретился с соотечественниками, работающими на Интеллидженс сервис. От этих друзей он узнал, что в Париже нелегально находится некий английский лейтенант Фрай — специалист по диверсиям. Когда затем Пьер с людьми из Бретани появится у моих двух агентов в Париже и бретонцы станут задавать вопросы об англичанине, им под большим секретом сообщат, что Фрай прибыл во Францию из Великобритании уже во второй раз, чтобы обучить друзей обращению и применению диверсионных материалов. Как раз сейчас настоящие друзья смогут его застать. Таким образом, Фрай — мое имя как английского лейтенанта, шеф.

Думаю, руководители диверсионной группы в Бретани будут рады, если Пьер сможет вывести их на друга, который окажет им помощь в подрывном деле. Вполне возможно, что они даже не поедут в Париж сами, чтобы перепроверить сведения Пьера, а будут просить его, чтобы он как можно быстрее привез английского офицера.

Правда, мне необходимо подготовиться еще к одному моменту в роли, шеф. Ваши специалисты должны срочно обучить меня подрывному делу и познакомить с английскими подрывными материалами. Все это необходимо сделать в кратчайшие сроки, ибо игра должна начаться самое позднее через восемь дней. Иначе я рискую встретиться с настоящим специалистом, которого бретонцы по своему курьерскому каналу запросили из Лондона.

— Вы все замечательно продумали и подготовили, дорогой Роберт! Но не слишком ли это дерзкий план? Хватит ли у вас нервов, чтобы его осуществить?

— Думаю, могу быть уверен в своем деле и что в любых обстоятельствах сумею держать себя в руках.

— Хорошо, предположим, все пойдет по плану. Нашему II отделу не составит труда сделать из вас английского диверсанта. К счастью, у нас сохранилось много подрывного материала английского производства, в том числе и здесь, в Париже. Но давайте еще продумаем, что бретонские диверсанты будут выпытывать у лейтенанта Фрая и что они вообще захотят у него узнать. Например, что скажет лейтенант Фрай, если его спросят, слышал ли он в Лондоне о бретонской группе и поручали ли ему разыскать ее?

— Лейтенант Фрай будет придерживаться легенды, согласованной с Пьером и обоими нелегалами в Париже. Он объяснит, что у него нет четкого приказа разыскать группу в Бретани. Но поскольку у него пока нет возможности вернуться в Лондон, он почел своим долгом как эксперт помочь своим друзьям в Бретани.

— Отлично, Роберт! Вы прекрасно освоились со своей ролью. А вот что вы скажете людям, когда они спросят, какие объекты следует взрывать в первую очередь?

— На это лейтенант Фрай не уполномочен. Он здесь лишь для того, чтобы обучить товарищей по оружию обращению с различными подрывными материалами и как их применять против различных целей. За определение целей отвечает служба, занимающаяся переброской диверсионных материалов.

— Превосходно, Роберт! А вот если бретонцы начнут расспрашивать о Интеллидженс сервис и ее сотрудничестве с голлистской разведкой? Или о подразделении, где служит лейтенант Фрай? Или о французских товарищах в Великобритании?

— Очень просто, шеф! Лейтенант Фрай обязан не разглашать служебную тайну и вежливо, но твердо отклонить все расспросы на эту тему.

— Да, такой ответ будет самым логичным. Правда, лейтенант Фрай не может избежать упоминания в разговоре о положении дел в стране, прежде всего в Лондоне. Роберт, вы знаете Лондон?

— Весьма поверхностно, шеф!

— Тогда мне нужно снабдить вас планом города и отчетом о ситуации в Лондоне. За ближайшие дни вам следует так тщательно изучить оба этих документа, чтобы вы могли часами рассказывать о сегодняшнем Лондоне.

— Спасибо за помощь, шеф! Я понимаю, насколько важно хорошо подготовиться к такому разговору.

— А мы за эти дни еще раз основательно прокрутим в голове все обстоятельства дела, верно? Конечно же еще придут вопросы, на которые у лейтенанта Фрая должны быть готовые ответы. В любом случае после вашей подготовки английским диверсионным методам перед премьерой в Бретани я отвожу вам еще один день, чтобы нам с вами провести генеральную репетицию роли лейтенанта Фрая.

Роберт выдержал генеральную репетицию блестяще. В несколько дней он усвоил у специалистов II отдела абвера все необходимые знания, чтобы на отличном английском уметь рассказать о конструкции, применении и взрывной мощности различных английских диверсионных материалов, какие только имелись в наличии в германских руках. В заключение мы с Робертом отработали еще некоторое количество вопросов, которые могли бы задать лейтенанту Фраю руководители диверсионной группы в Бретани. Выяснилось, что Роберт чрезвычайно искренне играет роль английского лейтенанта и, насколько можно судить, вполне справится с грядущими трудностями.

Контригра планомерно начала набирать ход. Нелегал Пьер сообщил руководителям диверсионной группы в Бретани, будто в Париже вступил в контакт с французскими патриотами, которыми также руководит Интеллидженс сервис. Будто бы он узнал, в Париже находится английский лейтенант для обучения отобранных людей из парижской группы подрывному делу. Руководители бретонских диверсантов, как и ожидалось, проявили повышенный интерес и поручили Пьеру пригласить английского лейтенанта приехать к ним в Бретань, поскольку они срочно нуждаются в его консультациях.

Когда Роберт вместе с Пьером уехали в Бретань, я рассчитывал на возвращение обоих через двое-трое суток. Но на четвертые и пятые сутки от них не было никаких известий. Неужели дело сорвалось? Меня это сильно озаботило. По опыту я знал, что, как подобная контригра ни была бы задумана, разработана и отрепетирована, при реализации ее в любой момент может разразиться нечто совершенно неожиданное, непредвиденное и привести к провалу. Если Роберта выследили и раскрыли, он уже

никогда не объявится. Диверсанты в Бретани уберут его и Пьера незаметно и навсегда.

Но на шестой день Роберт объявился по телефону. Правда, я сильно испугался, увидев его наяву — бледного, смертельно усталого и изможденного. Ошеломленно я спросил его:

— Роберт, что случилось? Вы нездоровы? У вас совершенно больной вид. Могу я чем-то помочь вам?

— Все в порядке, шеф! Просто я страшно устал. Пять суток не спал. Спать, спать и спать! Но сначала вам доклад. Диверсанты в Бретани уже обучены подрывному делу, поэтому нужно срочно что-то предпринимать, иначе они наделают дел!

— Докладывайте! Только сначала в двух словах объясните, прежде чем мы займемся записью вашего отчета, отчего же вы не могли спать?

— Не хотел, не имел права! За пять дней и ночей я ни на мгновение не оставался один. Куда бы я ни шел, где бы ни находился, при мне всегда присутствовали двое-трое членов бретонской группы. Они желали добра. Чтобы лейтенанту Фраю ничто не угрожало в местечках и публичных местах, для ночевки они выбирали подпольные убежища, так что я никогда не оставался один.

В остальном же руководители диверсионной группы старались, чтобы я основательно проинструктировал отобранных ими людей. Разумеется, я этого и хотел, поскольку таким образом смог познакомиться со всеми особенно интересными для нас диверсантами и их замыслами. Так что мне нужно было держаться. Но дни казались бесконечными, а ночи мучительными и почти невыносимыми. Мне ни в коем случае нельзя было заснуть. Дело в том, что во сне я нередко громко разговариваю и всегда по-немецки. Вы понимаете, шеф? Мне нельзя было спать, иначе бы я пропал.

У территориального отделения в Анже благодаря отчету Роберта работа оказалась легкой. Удалось арестовать свыше 50 диверсантов бретонской группы и из множества тайных укрытий изъято большое количество подрывного материала английского производства.

Досудебное слушание дела явилось потрясающим подтверждением того, насколько убедительно Роберт сыграл

свою роль английского лейтенанта. Арестованные бретонские диверсанты даже не заподозрили и не догадывались, что их арест стал следствием визита лейтенанта Фрая. Это обнаружилось, когда Роберт вошел в зал суда, чтобы выступить в качестве свидетеля, и судья задал обвиняемым вопрос, признают ли они в лейтенанте Фрае своего инструктора по диверсионному делу. Многие обвиняемые без разговоров признались, что незадолго до того встречались с ним, однако пытались придать встрече случайное и невинное значение. Они явно старались выгородить и защитить лейтенанта Фрая. Только во время слушаний, когда Роберт сделал свое признание, у обвиняемых французских патриотов, сохранявших образцовую выдержку в тяжкий час, открылись глаза. Только теперь они узнали, что лейтенант Фрай в действительности служавший германского абвера, из-за которого они и оказались в этой роковой ситуации.

В ходе войны Роберт еще не в одном деле проявлял фантазию, отвагу, интуицию, хладнокровие и молниеносную реакцию. Он считался одним из самых удачливых сотрудников абвера на тайном фронте.

Получил ли он за это высшие отличия за храбрость? Продвигался ли особенно быстро по службе? Ничего подобного! Его награда — самая низшая из военных наград, которая только имелась, — Военный крест второго класса. Перспектив получить офицерский чин, несмотря на все его заслуги, у него не было.

Служба в абвере, за исключением в специальных подразделениях II отдела, не засчитывалась как пребывание на фронте. Тем временем такие люди, как Фольмер, Блейхер, Роберт и упоминающийся в следующей главе Куки, могли стать офицерами только в том случае, если бы они служили во фронтовом подразделении. Но для контршпионажа такие необычайно одаренные кадры были необходимы и незаменимы. Потому абвер не отпускал их. Из этого видно, что служба в военной контрразведке в период Третьего рейха в отличие от других стран сильно недооценивалась.

Упомянутые сотрудники прежней службы контрразведки, несмотря на это, из чувства долга и любви к родине прилагали все свои силы и жертвовали собственными жизнями. Они гордились и жили только тем, что, будучи оди-

нокими бойцами тайного фронта, которым постоянно приходится сталкиваться в одиночку с врагами, добились столь замечательных успехов. Но и они с удовольствием сделали бы офицерами. Офицерский чин, среди прочего, гораздо лучше соответствовал бы не только их достижениям, но и отвечал бы служебным интересам.

В Великобритании в подобных случаях всегда поступали из соображений служебной целесообразности. Кто добивался успехов на поприще секретных служб, мог стать *temporary officer*, без обязательной службы в войсках. В зависимости от должности, занимаемой соответствующим лицом, ему могли присвоить звание лейтенанта, капитана или майора, правда, только на то время, когда он занимает соответствующую должность. Но помимо этого отличившихся сотрудников награждали высокими и высшими наградами.

Еще несколько десятилетий назад один офицер абвера в своей книге «Тайная власть» заклинал немецкий народ оказывать всемерную поддержку секретной службе. Это был полковник Николаи, шеф германской военной разведки во время Первой мировой войны. Хотелось бы, чтобы его призывы дошли до народа и ответственных лиц Федеративной Республики и побудили их уделить внимание этим вопросам. В то время, когда секретные службы великих держав и многих других стран все более активизируются и приобретают все большее влияние, страна поступает опрометчиво, даже легкомысленно, если не придает своей службе разведки ни соответствующего значения, ни отводит ей полагающегося места в государстве.

Из описанных случаев также однозначно следует, что именно в практике секретной службы важны не военное звание или академическое образование, а исключительно профессиональные качества и особое призвание к борьбе на тайном фронте.

Дело «машинисток»

Секретарша коменданта Большого Парижа Розмари в марте 1942-го попала под подозрение якобы за связь с французскими шпионами. Комендант, генерал-лейтенант

Шаумбург, лично распорядился, чтобы для расследования подключили абвер. Он пригласил меня к себе и изложил обстоятельства дела, повлекшие подозрение.

Коллеги и офицеры юной, красивой, как картинка, Розмари в последние недели стали замечать, что та часто уходила со службы одна и начала сторониться коллектива, явно избегая разговоров на личные темы. В служебные часы девушка была неприметной и замкнутой. Больше всего обращало на себя внимание, что она холодно отклонила все серьезные предложения молодых бойких офицеров. Хотя все это казалось служащим комендатуры несколько странным, но списывалось на своенравный характер секретарши без особого значения.

Собственно, подозрение в шпионаже закралось случайно. Как-то один армейский офицер в гражданском вечером прогуливался по Парижу. В сопровождении молодой француженки он оказался в подозрительном кабачке на Монмартре. Сев и оглядевшись, он, к своему величайшему удивлению, за соседним столиком обнаружил секретаршу комендатуры Розмари, на которую обратил внимание, когда несколько месяцев назад по служебным надобностям являлся к коменданту Большого Парижа. Розмари сидела в небольшой компании французов, оживленно беседовала со своими спутниками и жадно прихлебывала шампанское. Она не скрывала, что все ее внимание притягивал молодой человек с приятной наружностью, сидевшей слева от нее. Было заметно, что она настолько в него влюблена, что почти не обращала внимания на других мужчин и женщин за их столом, не говоря уже о других посетителях кафе. Так что она даже и не заметила, как появились новые посетители и сели неподалеку от нее. Да и немецкого офицера она, по всей видимости, не узнала: ведь видела его всего лишь раз, да и то в форме. Разговор за столом девушки продолжался оживленно и довольно громко.

К своему удивлению, немецкий офицер услышал, что разговор вращается вокруг военных вещей. Среди прочего дискутировалось, каковы, собственно, задачи у главнокомандующего войсками во Франции и коменданта Большого Парижа. Один из французов за столом Розмари в связи с этим спросил, в каком служебном отношении находятся главнокомандующий во Франции и

комендант Большого Парижа с командующим группой войск «Запад». Но красотка с улыбкой пропустила вопрос мимо ушей и заявила, что она желает танцевать. Только что небольшой оркестр заиграл танго. Мужчина слева от Розмари тотчас поднялся, и оба исчезли в вихре танцующих.

Донесение немецкого офицера об этой встрече сильно взвинтило генерала Шаумбурга, подозревавшего, что спутники секретарши принадлежали к шпионским кругам. Если Розмари предает сознательно, то благодаря ей в руки вражеской разведки могли попасть секретные дела комендатуры и стать известными детали подготовки ведомства к проведению специальных мероприятий.

В этой связи генерал-лейтенант Шаумбург сказал мне: «Для дальнейшей деятельности моего ведомства имеет чрезвычайное значение выяснение, пошла ли секретарша Розмари на предательство сознательно и что она выдала. Если противник действительно имеет информацию о секретных мероприятиях, частично уже разработанных моей службой, а частично еще находящихся в стадии подготовки, то мне следует что-то изменить, а что-то реорганизовать. Ввиду важности дела я прошу провести расследование как можно быстрее и всеми доступными средствами».

Я пообещал генералу подключить лучшие силы абвера, какие только имелись в распоряжении, для выполнения подобной задачи. К сожалению, я не мог гарантировать полного успеха. Быстро установить круг французов, в котором вращалась секретарша, удастся лишь в том случае, если она не заметила, что за ней следили в ночном кафе. Но если она вдруг что-то заметила и в ближайшее время станет избегать встреч со своими французскими друзьями, то как их разыскать? Описания лиц, содержащиеся в донесении, недостаточны, чтобы здесь, в таком огромном городе, вывести на цель. Но предположим, что в несколько дней нам удалось установить французских друзей секретарши, все равно для выяснения, занимается ли Розмари предательством осознанно или нет, потребуется масса времени. Видимо, придется внедрить в круг французских друзей Розмари нелегала и с его помощью узнать, чем эти люди занимаются.

От кураторов осведомителей, находящихся у меня в подчинении, для этой задачи я выбрал Куки, одного гам-

бургского торговца. Куки до войны не служил. В 1940 году его призвали на флот и вскоре после этого перевели в абвер. Здесь обратил на себя внимание отличным знанием языков и выдержкой. Ему было около 30 лет, однако он уже успел кое-что повидать на свете. Особенно это было заметно по его одежде и манере держаться. Куки всегда элегантно одевался, и ничто не могло его вывести из равновесия. Но больше всего в нем мне нравилось его неизменно хорошее настроение, точные остроты и хладнокровная манера критиковать и готовность к выполнению сложных задач.

Люди с такими качествами для контршпионажа были просто необходимы. Поэтому Куки назначили куратором осведомителей, хотя он и был рядовым матросом. В интересах дела ему разрешили ходить в гражданском и чтобы его подчиненные, многие из них французы, называли его капитаном Крамером. В марте 1942 года Куки все еще оставался рядовым матросом.

— Как будете действовать? -- спросил я Куки, объяснив задачу.

— Сначала мне хочется взглянуть на мадам Розмари так, чтобы она меня не видела, — сказал он. — Затем вместе с нелегалом Альфонсом Штаммгастом я отправлюсь в известный ночной кабачок, а точнее, уже сегодня. Если Розмари не появится там в ближайшие дни или скорее вечера, то тогда с двумя моими подчиненными придется устроить засаду поблизости от квартиры секретарши и незаметно проследить за ней, когда она выйдет. Что делать после того, как мы установим друзей Розмари, я пока еще не могу сказать. Сначала нужно посмотреть, что это за люди, чем они занимаются, где живут и какого они поля ягода. Тогда мы, вероятно, нащупаем правильный путь, как нам выяснить, является ли Розмари сознательной предательницей или нет.

— Понятно, Куки! Каждый день докладывайте мне о проведенных мероприятиях, наблюдениях и фактах. Но смотрите, не увлекитесь мадам Розмари, не влюбитесь в нее! Говорят, она очень хороша.

— Не беспокойтесь, господин подполковник! Хотя я и не застрахован от женских глазок, но как раз в данный момент не обделен женским вниманием.

— Я вполне серьезно, Куки! Учтите это при подборе наружного наблюдения. Красивые женщины сбили с пути истинного не одного мужчину.

В течение двух недель удалось установить и проверить друзей секретарши. Розмари облегчила работу Куки. Она почти регулярно посещала упомянутый кабачок, встречаясь со своим другом. Здесь же появлялись и их друзья: французы и француженки, работавшие в Париже. До сих пор не возникало подозрений в их шпионаже.

После того как я доложил результаты первых наблюдений Шаумбургу, генерал посчитал, что окончательное выяснение — дело нескольких дней. Он ежедневно справлялся по телефону о положении вещей и казался разочарованным, если у меня не было ничего нового.

Однако вторая половина расследования привела к четкому результату, хотя только через несколько недель. Осведомителю Альфонсу удалось проникнуть в круг французских друзей Розмари. Частенько он просиживал вечера и болтал с ними. Очень быстро он установил, что в данном случае речь идет исключительно о личных отношениях секретарши с ее французским другом.

Но чтобы внести окончательную ясность, Альфонс пустился на хитрость. Он повел провокационный разговор о девушке с одним из молодых французов из их компании, с которым уже успел подружиться. Наедине и под большим секретом он поведал, что осведомленность Розмари о служебных секретах представляет немалый интерес для Интеллидженс сервис и голлистской разведки. Он не понимает, почему ее не пытаются привлечь к тайному сотрудничеству. Он — Альфонс — готов помочь установить контакт с голлистской разведкой.

Собеседник Альфонса на это сказал, что они с товарищами уже обсуждали такую возможность, но друг Розмари категорически против. Он считает, что Розмари из любви к нему готова пойти на многое, однако он совсем не уверен, что она способна пойти на шпионаж против своей родины. Впрочем, по личным и профессиональным мотивам у него даже нет никакой заинтересованности попробовать хотя бы из любопытства. Он несколько не симпатизирует Великобритании и поддерживает политику маршала Петена.

Когда Куки докладывал мне эту информацию, снова позвонил генерал Шаумбург:

— Что нового, Райле?

— Выяснилось, история совсем безобидная, господин генерал, — ответил я. — Дознаватель Куки, которому удалось расследовать это дело, как раз у меня. Он может доложить прямо вам и составить отчет о проведенных мероприятиях и полученных результатах. Правда, он в гражданском.

— Не имеет значения! Сейчас же отправьте его ко мне, Райле!

Куки доложил генералу Шаумбургу. Тот был весьма заинтересован, а также очарован красноречием и манерами Куки. Прощаясь с ним, он добродушно похлопал его по плечу и сказал:

— Ну, хотя бы звание свое вы можете мне открыть!

— Если меня повысят, господин генерал, то я стану ефрейтором!

Генерал принял все это за шутку, громко расхохотался и отпустил Куки.

Секретарше Розмари вскоре после этого пришлось покинуть Париж. В целях безопасности и в ее же интересах Розмари отправили на родину. Нельзя было совсем поручиться, что она в кругу французских друзей неосознанно не сболтнула лишнего и по халатности не совершила государственного преступления.

Против ее французских друзей не было предпринято никаких мер.

Глава 4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБВЕРА В ИСПАНИИ, ПОРТУГАЛИИ, СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, В США И ДРУГИХ СТРАНАХ ЗА ОКЕАНОМ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕНЩИН НА ТАЙНОМ ФРОНТЕ

Как неоккупированная часть Франции Виши, так и Испания с Португалией во время войны являлись важными оперативными базами для деятельности секретных служб западных держав против Германии. Здесь союзники нашли множество тайных троп и путей, которыми они засылали шпионов, диверсантов, радистов, инструкторов и связников через окна в немецкой пограничной охране через Пиренеи во Францию и в зону сферы германской власти. Хотя английская Интеллидженс сервис и в сотрудничестве с ней голлистская разведка для операций по засылке на оккупированные Германией территории использовали также воздушные и морские пути, сухопутные маршруты через Португалию и Испанию во многих случаях оставались для них наиболее привлекательными.

Потому обе страны кишели резидентами и агентами западных разведок. Их штатные сотрудники, в большинстве своем кадровые офицеры, в основном находились под прикрытием дипломатических представительств своих стран. Показателен для размеров шпионской лихорадки в этих странах факт, установленный абвером, что только в посольстве США имелось не менее 72 «вице-консулов», каждый из которых в той или иной мере работал против Германии.

С другой стороны, само собой разумеется, и для абвера францужско-испанская граница не была заперта. И для него, трех его спецотделов, Испания и Португалия также предоставляла благоприятные условия. В обеих странах существовали КО (военная организация абвера), не-

посредственно подчинявшиеся заграничной службе абвера. Большинство их сотрудников были офицерами, внедренными в германские посольства в Мадриде и в Лиссабоне под прикрытием научных сотрудников. Частично их снабжали служебными паспортами, частично дипломатическими на нелегальные фамилии. Правда, последними прикрывались офицеры абвера лишь руководящего звена.

Бюро штатных сотрудников КО в Испании и Португалии обязательно находились либо в германском посольстве, либо в других зданиях, находящихся под дипломатической защитой. Однако там они сидели словно в аквариуме под носом у сотрудников разведок противника, но были лично ограждены от нападений вражеских агентов и назойливых вопросов представителей местных компетентных органов. Правда, и штатные сотрудники западных разведок точно так же в большинстве своем работали в посольских зданиях своих стран и были у абвера в известном смысле как на ладошке.

Из этого своеобразного положения проистекали и не менее своеобразные методы работы. Встречи с осведомителями и агентами могли проводиться почти исключительно ночью и в укромных местах. Но и тут приходилось соблюдать крайнюю осторожность. При выезде на место встречи, выбранное партнером, еще до прибытия необходимо было заранее оторваться от преследователя и сбросить хвост. Это относилось и к друзьям и врагам. Кто пренебрегал этим, поступал крайне беспечно и был сам виноват в раскрытии противником его сети осведомителей и агентов.

Подобный стиль работы означал досадную помеху в секретной деятельности всех участников. Несмотря на это, соперники не удовлетворялись одной взаимной слежкой. Напротив, они развили бешеную активность. Все секретные службы обрели на Пиренейском полуострове отличные возможности для проведения своих операций.

Здесь нашли удобное поле для своей деятельности и сотрудники абвера II, где они могли готовить и откуда проводить диверсии против вражеских объектов. На оккупированных территориях они не находили достойной работы. А здесь в достижимой близости был Гибралтар как объект нападения, и в испанские и португальские

гавани приходили и уходили торговые суда союзников. Затем в Мадрид и Лиссабон регулярно прилетали пассажирские самолеты из Великобритании и США. Так что объектов для диверсий хватало.

Кроме того, перед абвером II иногда ставили и чисто армейские задачи. Непосредственно после кампании во Франции германское руководство вынашивало план захватить Гибралтар внезапным нападением. Предполагалось применение подчинявшихся заграничной службе абвера частей 800-го учебного полка особого назначения во взаимодействии с саперами.

Поэтому абвер получил задание взять операцию в свои руки. Поначалу теоретически бытовало мнение, что для запланированного нападения на Гибралтар достаточно будет 3-го батальона названного учебного полка и 51-го саперного батальона, если их в момент операции поддержат мощным авианалетом.

При таком положении дел адмирал Канарис в сопровождении шефа I отдела абвера, полковника генштаба Пикенброка, и нескольких строевых офицеров сам вылетел в Ла-Линеа и Альхесирас, чтобы на месте провести тщательную рекогносцировку. Вскоре это привело к выводу, что без поддержки тяжелым оружием операция по захвату успеха иметь не будет.

В результате этой предварительной разведки запланировали:

один батальон из Франции перебросить через Испанию до ворот Гибралтара настолько скрытно, чтобы никому из посторонних и в голову не пришло, что речь идет о переброске германских войск;

другой батальон морем перебросить в небольшой испанский средиземноморский порт поблизости от Гибралтара;

тяжелую артиллерию отправить в Сеуту, чтобы с африканского берега провести артиллерийскую подготовку, прежде чем сухопутные подразделения пойдут на штурм крепости.

Для реализации плана предусматривалось, что батальон будет перебрасываться в закрытых грузовых вагонах. Во время проезда по Испании солдаты должны быть в гражданском или по меньшей мере иметь под рукой гражданское пальто в случае, если потребуется выйти из ва-

гона. Поездка рассчитана на трое суток. Разумеется, будут выбраны магистрали с наименее напряженным движением, а города объезжаться. Далее предусматривались несколько остановок в безлюдной местности и приготовление горячей пищи для личного состава.

Но при критическом рассмотрении первой части этого плана стало ясно, что скрытная переброска войск в течение трех суток по испанской территории неизбежно раскроется населением и весть об этом распространится со скоростью молнии. Затем выяснилось, что невыполнима и третья часть плана. Вскрылось, что в порту Сеуты нет соответствующих кранов и оборудования, чтобы сгрузить на берег требуемые тяжелые орудия.

Тем временем отменили весь план. Атака на Гибралтар предусмотренными силами обещала успех только в том случае, если противник был бы застигнут врасплох и не имел времени для организации контратаки.

Более того, как и полагал адмирал Канарис, о запланированной операции на Гибралтаре не имелось точных сведений. По свидетельствам участвовавших в деле германских офицеров, складывалось впечатление, что он задумывался о политических последствиях такого плана, так как скрытная переброска переодетых германских войск через всю Испанию означала бы нарушение нейтралитета страны.

Как бы там ни было, несомненно, что чисто военные соображения и выводы легли в основу принятия решения об отказе от операции по захвату Гибралтара. Как свидетельствуют сохранившиеся записки, совершенно ясно, что полковник генштаба Пикенброк и майор Рудлофф, а также командир 51-го инженерного батальона после проведения рекогносцировки настоятельно советовали отказаться от запланированной операции.

Итак, из нападения на Гибралтар ничего не вышло. Но для абвера II Гибралтар оставался одной из самых важных целей на Пиренейском полуострове. Находящиеся в Испании и Португалии сотрудники II отдела абвера с этого момента планомерно занимались подготовкой и проведением диверсий на Гибралтаре, в испанских и португальских гаванях. Эти операции в основном направлены против торговых судов союзников, перевозивших военно-стратегические грузы, например руду.

Исполнителями операций абвера — за небольшим исключением — были агенты португальской и испанской национальности, которым за эту работу платили. При диверсиях на кораблях они незаметно подкладывали взрывчатку с часовым механизмом в грузовые трюмы. На позднем этапе войны уже применялись магнитные и с винтовым креплением мины, специально изготовленные для диверсий на судах.

Разумеется, работа эта проводилась абвером нелегально. Местные власти совсем не благосклонно относились к подобному ведению войны в собственной стране. В Испании по причине дружеских отношений с Германией иногда, возможно, на это закрывали глаза, если случайно просачивалось, что диверсионный акт был проведен по поручению абвера. Португальские же власти, наоборот, с этим совсем не шутили.

Под давлением союзников, в особенности американцев, местные власти предпринимали профилактические меры, которые, по меньшей мере изредка, осложняли эту деятельность абвера. В одном случае сотруднику II отдела абвера, связанному с диверсиями и раскрытому португальской службой безопасности, пришлось срочно исчезнуть, чтобы избежать ареста.

Следует добавить, что II отдел абвера точно так же, правда в меньшем объеме, действовал в Мелилье и других африканских портах Средиземноморья.

Об успехах диверсионной деятельности с немецкой стороны не имеется надежных сведений. Проверку, соответствуют ли действительности донесения нелегалов и агентов о закладке взрывчатки на тех или иных судах и какой конкретно ущерб нанесли отдельные диверсии, можно было проводить лишь в весьма ограниченном объеме. С учетом конкретной страны пребывания соответствующему органу давались подробные инструкции, как устанавливать время таким образом, чтобы взрыв происходил через продолжительное время после ухода судна из порта. Но в море наблюдение за судами осуществлялось лишь в исключительных случаях.

В этой связи нельзя не упомянуть еще и то, что в борьбе с судами союзников на Средиземном море принимала участие и итальянская военная контрразведка. Кроме того, по имеющимся документам в борьбе с кораблями

использовались итальянские аквалангисты, показывавшие хорошие результаты.

Как уже говорилось, с немецкой стороны трудно сказать что-либо определенное об объеме и эффективности описанной диверсионной деятельности. Но в целом, конечно, успехи II отдела абвера в этой сфере борьбы были всего лишь булавочными уколами для торгового флота союзников. Тогдашние противники Германии, естественно, точнее знали о потерях, понесенных ими в ходе войны от диверсий. Однако до сих пор они, насколько известно, умалчивают об этом, и нет публикаций, которые приподняли бы завесу секретности над диверсионной войной на Пиренейском полуострове и в портах Северной Африки.

Впрочем, время от времени диверсионные акты направлялись и против других объектов. Так одному офицеру II отдела абвера в Берлине однажды пришлось в голову устраивать диверсии на курсирующих между США и Португалией трансатлантических лайнерах. Был отдан соответствующий приказ, и в Лиссабоне уполномоченному офицеру не оставалось ничего иного, как вопреки серьезным сомнениям приниматься за разработку предписанных диверсионных операций.

По-видимому, ему не сулило ничего хорошего, если бы он свои сомнения в письменном виде отправил в Берлин. Но ему помог счастливый случай.

Именно когда зажигательную бомбу с часовым механизмом в чемодане одного из пассажиров переправили на борт трансатлантического авиалайнера, в Лиссабон прибыл адмирал Канарис. Задействованные офицеры абвера тотчас доложили ему о состоянии операции и вдобавок объяснили, что в ближайшем будущем самолеты Люфтганзы, совершающие регулярные полеты в Испанию и Португалию, непременно подвергнутся диверсиям противника, если будет нанесен удар по самолетам трансатлантической линии. Канарис сразу после этого отдал приказ остановить операцию. С некоторым трудом удалось извлечь зажигательную бомбу из чемодана, который уже находился на борту самолета.

Испания и Португалия для абвера I имели не меньшее значение, что и для абвера II. Поток путешественников не иссякал ни на мгновение. Отсюда морем или воздушным

путем отправлялись в Соединенные Штаты, Великобританию и другие страны. Задачей военной разведки стало изучение военного потенциала и замыслов, направленных против рейха. Среди этих разъезжающих необходимо в первую очередь отыскивать таких, кто был способен вести в стране, куда он ехал, шпионаж в пользу Германии.

Но и в самой Испании и Португалии имелись цели, достойные внимания I отдела абвера. В посольствах и консульствах стран, находившихся с Германией в состоянии войны, были сотрудники, работавшие против рейха. Само собой, пускались в ход все рычаги, чтобы хитростью, подкупом или каким-либо другим способом привлечь к сотрудничеству работников этих представительств.

Здесь постановка задач и методы работы I отдела абвера пересекались с задачами и методами контршпионажа. Они также пытались всеми доступными методами подобрать ключ к названным представительством вражеских стран, правда, в первую очередь с целью подбраться к сотрудникам разведки противника.

В Мадриде и Лиссабоне, впрочем, было также множество дипломатов нейтральных стран. Из них абвер интересовал те, кто поддерживал личные или служебные отношения со своими американскими или английскими коллегами и выезжал в страны противника. Поиск среди них друзей и сотрудников — еще один доступный путь для I отдела абвера в достижении цели или приближении к ней.

Таким образом, предпосылки для успешной деятельности в сфере интересов I отдела абвера для КО в Испании и Португалии были благоприятными. Потому службы абвера постоянно засылали туда с оккупированной территории Франции своих офицеров I отдела, чтобы, используя проверенных нелегалов, находить новые столь же ценные источники в странах противника, в первую очередь Великобритании.

Разумеется, разведки противников пытались точно так же использовать эту среду. Поэтому нелегальная деятельность и неприкрытый шпионаж цвели в Мадриде и Лиссабоне пышным цветом. Наши коллеги-соперники умели прекрасно действовать в тамошней среде. Это проявлялось и в том, что во время войны во Франции, Бельгии и Нидерландах постоянно арестовывали вражеских агентов, которые нелегально проникали через Испанию. Только в

уже описанном деле «Порто» в руки абвера попало минимум 30 агентов, из стран противника через Испанию прибывших во Францию и Бельгию.

Но широкую задачу, поставленную перед I отделом абвера, непрерывно поставлять информацию из Великобритании, которая позволяла бы постоянно иметь четкую картину о дислоцированных на Британских островах войсках и замыслах руководства противника, не удалось разрешить в достаточной степени.

Позднее в связи с описанием вторжения об этом будет рассказано дополнительно.

Лучших успехов на Западе I отделу абвера удалось достичь благодаря своим выдвинутым морским опорным пунктам на территории Испании и Африканского континента. Эту сеть нелегалов I отдел абвера создал незадолго до войны, выходявших в море на торговых судах различных стран. Некоторое число из них было в состоянии в океане посылать абверу донесения по радио. Поэтому I отдел нередко получал очень ценную информацию о передвижениях военных кораблей, конвоев, затем о ситуациях в крупных портах стран противника и многое другое.

В начале ноября 1942 года по этой сети пришла информация, на основании которой абвер смог сделать вывод о возможности предстоящей сухопутной операции противника в Северной Африке.

Тому, что основная цель службы абвера I — Великобритания — была достигнута столь неудовлетворительно, имелось множество причин. Самая существенная — отличная работа английских органов контрразведки и безопасности, о чем будет сказано подробнее.

Но к этим скромным результатам следует добавить то, что Германия в течение войны из-за методов национал-социалистического руководства — и в связи с этим благодаря эффективной пропаганде противника — потеряла множество друзей. Это ощущалось тем явственнее, чем больше чаша весов склонялась в пользу союзников. Ну как находить людей, готовых рисковать собственной жизнью для поддержания Германии?

Другая причина недостаточно успешной деятельности заключалась в том, что для выполнения этой жизненно важной задачи имелось слишком мало подходящих сил и средств. В Испании и Португалии в совокупности дей-

ствовало всего около десяти, максимум 15 штатных сотрудников абвера, которые исключительно или преимущественно занимались военной разведкой в Великобритании. Но и эти немногочисленные кадры далеко не все обладали необходимыми знаниями и данными. Кто не знал английского и испанского или португальского, кто не вполне умел держать себя в обществе и не владел навыками конспиративной работы, тот в Мадриде и Лиссабоне был неспособен наладить соответствующие контакты, которые могли бы вывести на важные английские военные секреты.

Успешно работавшие связи

Утверждение, что во время войны тайная служба сбора и доставки информации заграничного отдела абвера в Великобритании не достигла важнейших разведывательных целей, основывается на оценках компетентных офицеров при штабе главнокомандующего группой армий «Запад». Впрочем, руководящие сотрудники службы I абвера сами подтверждают это высказывание как верное.

Но эта оценка ни в коем случае не должна приводить к тому выводу, будто служба I не добилась никаких или только незначительных результатов. Хотя абверу не удалось получить непрерывной картины дислоцированных в Великобритании войск и четкого представления о соответствующих замыслах руководства противника, тем не менее определенные результаты были, без сомнения, достигнуты.

К сожалению, в Германии не найти аутентичных документов о проведенных операциях секретной службой сбора и доставки информации. Но еще живы сотрудники тогдашнего абвера, которые принимали участие в той разведывательной деятельности. Ниже приводится их описание одной операции, проведенной абвером в Португалии. Оно дает яркую картину того, как в свое время действовала секретная служба сбора и доставки информации и доставляла множество неудобств службе контршпионажа английской Интеллидженс сервис.

У одного капитана абвера, сотрудника КО в Португалии, имелись добрые друзья в Лондоне, с которыми он

поддерживал связь и во время войны. Тайными курьерскими каналами в 1941—1944 годах он постоянно получал донесения о военных процессах и о доверительных политических беседах влиятельных лиц Великобритании.

Содержание этих донесений из соображений предосторожности не отправлялось напрямую из Лиссабона в Берлин, а по радио шифрограммами в германское посольство в Стокгольме офицеру абвера. Этот офицер расшифровывал поступающие донесения и передавал открытый текст посольскому радисту для новой зашифровки и дальнейшей передачи в Берлин. Никто с немецкой стороны не догадывался, что радист работал на Великобританию и расшифрованные тексты радиogramм передавал Интеллидженс сервис. Но радист не знал, по каким каналам поступающие из страны донесения приходили в германское посольство в Стокгольме.

Поэтому английская разведка хотя и могла постоянно читать секретные сообщения, поступающие в германское посольство в Стокгольме, но через радиста не могла установить исходных пунктов информаторов, отправлявших донесения.

Благодаря выбранному абвером из предосторожности каналу связи из Португалии через Стокгольм в Берлин английская Интеллидженс сервис была введена в заблуждение. Разумеется, она предполагала, что рассматриваемые секретные сообщения шли прямым путем из Великобритании в Швецию. Годами, а именно с 1941-го до окончания войны, английская Интеллидженс сервис тщетно искала в Швеции лиц, переправлявших в германское посольство поступающую информацию. Так некоторых из проживавших в Швеции лиц несправедливо заподозрили, что они агенты германского абвера.

Сразу после войны сотрудники абвера, участвовавшие в этой операции, допрашивались в Лондоне. Предположительно Интеллидженс сервис к этому времени сумела установить истинное положение вещей.

Сотрудникам служб контршпионажа было легче, нежели их товарищам из военной разведки, получать в Испании и Португалии наглядные подтверждения их деятельности. Сравнительно небольшими силами уже в течение первого года войны в Мадриде, Лиссабоне и других городах Пиренейского полуострова удалось выявить зна-

чительное количество штатных сотрудников английской и американской секретных служб.

После такой подготовительной работы, в особенности в дружественной Испании, было не сложно найти осведомителей, чтобы с их помощью следить за установленными представителями вражеских спецслужб и выявлять их друзей и агентов.

Одновременно отдел IIIf разрабатывал способы для внедрения надежных осведомителей в круг лиц, выявленных наружным наблюдением. Конечная цель этих операций — привлечение на свою службу лиц, служивших в бюро вражеских разведок. Если это удавалось, то открывался непосредственный доступ к деятельности и замыслам вражеских служб, направленных против рейха.

Допросы задержанных вражеских агентов во Франции, Бельгии и Нидерландах в 1941 году показали, что часть арестованных была заброшена западными державами на оккупированные территории через Испанию. В этой связи для контршпионажа в Испании и Португалии возникли новые задачи. Следовало установить на Пиренейском полуострове лиц, участвующих в переправе, и кого-то из них завербовать, чтобы выявлять засылаемых вражеских агентов и сообщать о них отделениям абвера во Франции еще до того, как те в нее проберутся.

Обе задачи в Испании и Португалии решались отделением IIIf с использованием всех имеющихся в их распоряжении сил и средств. Если им и оказалось не под силу полное разрешение поставленных задач, то все же они добились значительных успехов, которые могли обрести практическую реализацию в сотрудничестве с отделениями абвера во Франции. Описанное дело «Порто» — пример такого успешного сотрудничества. В конце концов, этому успеху абвер обязан КО в Португалии, сотрудником отделения IIIf которого был способный капитан запаса N.

Работа абвера в Северной Африке

Северная Африка во время войны также была театром противоборства на тайном фронте между абвером и разведками западных держав.

После кампании во Франции абвер установил, что руководство противника очень живо интересуется ситуацией в странах Северной Африки. Вражеские секретные службы прежде всего пытались выяснить, какую позицию по отношению к правительству в Виши занимают находящиеся в Алжире и Тунисе французские войска, какие итальянские части дислоцированы в Триполи и не появились ли в поле зрения германские боевые части. Английская Интеллидженс сервис и генерал Де Голль должны были приложить все усилия к тому, чтобы повлиять и переманить на свою сторону французские части, еще остававшиеся лояльными по отношению к правительству Виши. Далее с уверенностью можно говорить, что вражеские разведслужбы попытаются создать в Северной Африке эффективную сеть агентов и соответственно совершенствовать уже существующую.

Внешняя служба абвера также не медлила с принятием контрмер. В Танжере открыли его филиал, а в представительства комиссии по перемирию в Касабланке, Алжире и Тунисе назначили офицеров абвера. Затем сотрудники абвера вместе с компетентными итальянскими отделениями проводили разведывательную работу в Триполи. Кроме того, по мере надобности небольшие резидентуры и подразделения абвера и радиоразведка действовали и в других городах Северной Африки, например в Бизерте. Все эти мероприятия, начинавшиеся в 1940 году, тогда же частично и были реализованы.

Важнейшая задача этих резидентур заключалась в подавлении вражеских разведывательных служб. В первую очередь следовало выявить шпионов, работавших в североафриканских странах на противника. Для этого требовалось создание в Северной Африке собственной сети осведомителей и агентов. Поиски подходящих людей для конспиративной работы по нейтрализации вражеских шпионов велись как среди антикоммунистически настроенных французов, так и в прогерманских арабских кругах.

Эту работу информаторов следовало оплачивать, в особенности после высадки американских войск в ноябре 1942 года в Оране и Алжире. Вследствие этих операций приток сторонников генерала Де Голля в североафриканских странах возрос. В результате значительно облегчалась работа вражеских разведок в этих областях. Но контрме-

ры абвера тоже были небезуспешны. Выявили и арестовали множество вражеских агентов. Два раскрытых в тот период в Северной Африке шпионских дела являются характерными для тогдашней работы германской контрразведки и достойны упоминания.

Весной 1943 года майору Рудлоффу, о котором уже говорилось в связи с нереализованным планом захвата Гибралтара, с помощью осведомителя француза удалось выявить на тунисской территории и арестовать агента, Дика Джонса, признавшего, что он английский офицер. Его радист, передававший в Центр донесения мнимого Джонса, также попал в немецкие руки.

Оба, Дик Джонс и его радист, держались прекрасно. Из них ничего не вытянули. С определенностью можно было лишь сказать, что Джонсом руководили из резидентуры Интеллидженс сервис в Каире и что он уже давно вел военный шпионаж в районе боевых действий германского африканского корпуса. Впрочем, точно установить, на самом ли деле он англичанин, так и не удалось. Джонс не вполне безупречно говорил по-английски.

После неудавшейся попытки набега его перевели в Берлин. Компетентные представители гестапо настаивали на том, чтобы Джонс был осужден за военный шпионаж и расстрелян. Однако твердость и выдержка агента настолько понравились майору Рудлоффу, что он вступился за него и добился перевода в лагерь. Уголовное дело против него не возбуждали. Однако неизвестно, пережил ли он войну.

Почти одновременно с Диком Джонсом в Тунисе арестовали второго вражеского агента, также занимавшегося военным шпионажем. Разведанные он сам передавал по рации во вражескую резидентуру. Фокс, таков его нелегальный псевдоним, показал, что он английский офицер. Но, в противоположность Дикю Джонсу, на допросах оказался весьма словоохотливым. Абверу удалось «раскрутить» его. Поскольку Фокс выдал шифр, которым пользовался при отправке своих донесений, служба контрразведки могла начать радиоигру против вражеской разведки.

Германское военное командование в то время как раз пыталось создать у противника впечатление, что германских войск в Африке больше, нежели имелось в действи-

тельности. Поэтому был использован радиоканал этого английского офицера, чтобы передавать во вражескую резидентуру дезинформацию. Несколько раз передавались донесения, будто прибывают новые германские части.

В том, что противник поверил в подлинность этих донесений, стало ясно через несколько месяцев, так как вражеская резидентура по радио запросила, возможно ли на побережье, поблизости от которого действовал Фокс, незаметно для германских войск высадить группу командос.

Конечно же майор Рудлофф и его помощники воспользовались этим запросом. С вражеской резидентурой состоялся радиообмен с целью установить, где и когда необходимо встретить командос. Точно в назначенное время появился быстроходный катер и высадил 12 французов в форме. Их встретила поджидавшая рота полка «Бранденбург». Командира командос смертельно ранили случайным выстрелом; остальные 11 человек сдались без единого выстрела.

Теперь резидентуру уведомили, что группа командос высадилась удачно и для выполнения задания ей необходима взрывчатка, гражданская одежда и оружие. И снова противник отреагировал предполагаемым абвером образом. Однажды ночью в условленное время вражеский самолет появился над указанным местом, чтобы на парашютах сбросить все, что требовалось. Но при приеме этого груза один из сотрудников абвера совершил грубую ошибку, подав не тот световой сигнал. Это явно насторожило пилотов.

А несколько недель спустя выяснилось, что противник разгадал контригру.

Абвер за океаном. Военная разведка в США

Летом 1943 года общее положение Германии еще представлялось в розовом свете, если оценивались лишь результаты на военных театрах.

Но как это выглядело с точки зрения вражеских стран, в том числе США?

Когда адмирал Канарис возглавил военную разведку, у его службы не было обученных нелегалов за океаном.

Иногда делали донесения немцы, прибывавшие из-за границы на родину, по доброй воле сообщая о каких-то фактах, показавшихся им важными. Этими добровольными информаторами в первую очередь были служащие торгового флота.

Немногое из того, что они сообщали, шло абверу на пользу. Но по вопросам, прояснение которых в заокеанских странах представляло особый интерес, они, как правило, не могли сообщить ничего существенного.

У заграничной службы абвера еще не имелось сил, сориентированных за океаном на определенные цели и регулярно поставлявших бы информацию. Да и на родине отсутствовали подготовленные нелегалы, которые при необходимости время от времени могли бы быть использованы для разъяснения особо важных вопросов и разведки объектов на территории Соединенных Штатов и других наблюдаемых стран.

Адмирал Канарис определил это как состояние абсолютного информационного вакуума. Уже в первых разговорах со своими ближайшими сотрудниками он указывал на то, что с начала войны в 1914 году поток информации, который до последнего момента поступал в германскую разведку из-за границы, пресекся одним ударом.

Шеф службы убедительно просил всех подчиненных ему офицеров уделить пристальное внимание доверенным лицам, которые в случае реальной опасности или мобилизации были бы готовы к использованию за границей и могли бы передавать оттуда донесения и в период войны. При этом адмирал Канарис в первую очередь имел в виду США.

США благодаря своей военной мощи решило исход Первой мировой войны в пользу западных держав. Канарису с самого начала было ясно, что эта страна, если ее когда-нибудь снова вовлекут в войну, опять окажет решающее значение. Из этих соображений он заранее дал распоряжения по созданию хорошо функционирующей сети нелегалов в США.

Предписания адмирала Канариса ясно показывали, какое большое значение он придавал этой задаче. С другой стороны, он осознавал сложности, которые следовало преодолеть. Потому он приучал ответственных офицеров не торопиться, вдумчиво и осторожно изучать отобранных

лиц и после вербовки основательно обучать их. Канарис понимал, что на обретение надежных нелегальных источников в США и для налаживания необходимых каналов курьерской и радиосвязи потребуются годы. Здесь следует подчеркнуть, что у него не было предубеждения против США или какой-либо антипатии к американцам. Просто он считал необходимым, чтобы военная разведка германского рейха была как можно лучше информирована о самых мощных державах мира.

Капитан 2-го ранга а. D. Dr., в свое время принимавший участие в создании секретных резидентур абвера за океаном, оставил записки о том, как за эту задачу принимались и как ее реализовывали.

Кроме того, можно описать, как случилось, что абвер вопреки тщательной подготовке и взвешенной осторожности в этой деятельности преследовал прямо-таки рок. Отдельные случаи, в которых абвер потерпел за океаном неудачи, должны анализироваться до докладов о положительных результатах. Но сначала позвольте предложить короткий обзор причин, приведших к тому, что еще в 1935 году в заграничной службе абвера господствовало, по определению Канариса, состояние информационного вакуума.

Каждое государство, вынужденное учитывать то обстоятельство, что оно может оказаться втянутым в состояние войны, пытается разведать военную мощь и замыслы потенциальных противников. Поскольку этого трудно достичь легальными путями, создаются секретные службы и перед ними ставятся эти задачи. Все это с древних времен во всем мире понимается как само собой разумеющееся.

В этой связи подразумевается, что, с другой стороны, государства принимают соответствующие меры, чтобы обезопасить от разведки агентами противника свои вооруженные силы, их секретные цели, планы и сооружения.

И Веймарская республика обладала инструментом для защиты от шпионажа и диверсий, так же как и добычи информации. Но для создания такого инструмента основополагающими были положения Версальского договора, запрещавшие контрразведывательной службе рейха вести тайную разведку за рубежом. Кроме того, они запре-

щали Германии вести исследования и конструкторские разработки в корабле- и авиастроении.

Сегодня представляется удивительным, что эти судьбоносные, принятые еще в 1918 году положения в общем и целом сдерживали развитие секретных органов рейха вплоть до 1930-х годов. Да, они частично действовали еще и в первые годы после прихода Гитлера к власти.

Деятельность абвера в период существования рейхсвера главным образом заключалась в защите от шпионажа и диверсий. В противоположность этому добывание информации из-за границы было полностью свернуто из-за слабости кадрового состава служб абвера в те годы. К этому добавлялось то, что весьма ограниченные силы и средства, имевшиеся в распоряжении, не позволяли создать эффективную нелегальную разведывательную сеть за рубежом.

Центр тяжести всей деятельности абвера в то время сместился на Восток, а именно на восточные границы рейха. Именно Польша в годы между двумя мировыми войнами занимала внимание германских органов контрразведки и безопасности. Здесь уместно напомнить, что в то время польская сторона, по крайней мере в печати, вновь начала предъявлять свои претензии на вольный город Данциг.

И на восточном направлении вследствие недостаточности средств и сил в основном велась только ближняя разведка в приграничной полосе. И все же абверу с использованием возможностей, возникавших при подавлении интенсивной шпионской деятельности Польши в Германии, удалось обрести пусть немногочисленные, но зато весьма эффективные нелегальные источники информации в Польше. Среди работавших на абвер агентов было и много действующих офицеров польской армии.

В качестве подтверждения этого можно сослаться на сообщения в польской прессе, согласно которым в 1927 году подполковников польской армии Пятека и Урбаняка приговорили к высшей мере и казнили за шпионаж в пользу Германии.

На Западе абвер еще в 1933 году действовал крайне осторожно. Показательно, что в период с 1934-го по 1937 год была строжайше запрещена любая разведывательная деятельность против Бельгии и Нидерландов. Резидентурам абвера в те времена разрешалось искать

информаторов лишь в случае возникновения напряженности и мобилизации, исключительно в период войны.

Но в действительности ничего подобного не происходило. Никто в абвере тогда не думал, что Нидерланды и Бельгия могут стать враждебными странами. Мероприятия по выполнению поставленных ограниченных задач в обеих странах были почти что безрезультатными. Информаторы, завербованные на случай возникновения напряженности или мобилизации, не получали ни ясно очерченных заданий, ни проходили практического обучения.

Еще серьезнее последствия Версальского договора сказывались на поведении абвера относительно Великобритании. Нелегальная разведывательная деятельность против этой страны была строго запрещена Канарису и его службе вплоть до 1935 года. Запрет сняли в течение 1936 года. Теперь здесь требовалось время от времени проводить определенные наблюдения. Но планомерное использование агентов на Британских островах все еще не разрешалось. И лишь в сентябре 1937 года был полностью снят запрет на нелегальную военную разведку против Великобритании.

Волею судьбы в те времена еще капитан-лейтенант доктор Эрих Фейффер из отделения абвера североморской военной базы в Вильгельмсхафене стал первым офицером абвера, полностью погрузившимся в разведывательную работу против США.

Однажды в начале 1935 года два моряка торгового флота появились в названном отделении и предложили чертежную синьку секретного прибора американских ВВС, предназначение которого абверу было неизвестно. Доктор Фейффер сумел воспользоваться возникшей ситуацией и склонил обоих моряков к добычанию других секретных материалов в США.

Ввиду такого успеха он получил от адмирала Канариса задание начать интенсивную техническую разведку в США, в особенности по установлению уровня оснащенности американского флота и ВВС. В этом были крайне заинтересованы главные штабы германских ВМС и люфтваффе. После этого адмирал отдал распоряжение перевести резидентуру доктора Фейффера в ближайший крупный город. Он считал, что из Вильгельмсхафена, этого «укрепленного кабака», невозможно вести нелегальную

разведку. Подобные меры показывают, насколько Канарис был опытен в делах разведки и как быстро оценивал ситуацию.

Опыт и широкий кругозор позволили адмиралу быстро очертить круг приоритетных целей, которые должны разрабатывать нелегалы и агенты в США. В первую очередь следовало попытаться держать под постоянным контролем следующие вопросы и прояснить их подтверждающими документами:

1. Происходят ли в вооруженных силах, в военной промышленности или где-либо еще в США процессы, которые могли бы свидетельствовать о подготовке к войне?

2. Существуют ли между США и другими державами секретные договоры, направленные против рейха или могущие причинить ущерб Германии?

3. Какими новыми вооружением и снаряжением оснащаются вооруженные силы США? Прежде всего: какие новые типы кораблей и самолетов ставятся на вооружение ВМС и ВВС? Кто разрабатывает новейшие вооружение и снаряжение? (Эти вопросы очень важны, так как после 1918 года в Германии никто этим не занимался.)

4. Установление военно-морских баз и опорных пунктов США, которые могут иметь важное значение в случае войны.

5. Разведка сухопутных войск, а именно: их организация, численность, вооружение и дислокация. (Сюда же входили специализированная разведка аэродромов, минно-торпедных вооружений, противолодочной и зенитной обороны и многое другое.)

Практическая реализация была возложена на многочисленные отделения абвера в Северной Германии. В основном работу поручили морским офицерам, повидавшим мир и походившим по морям. Адмирал Канарис напутствовал их следующими основными идеями:

«Строительство запланированной разведывательной сети в США займет годы. Учитывая долгосрочность задачи, в Соединенных Штатах и других странах Американского континента в качестве нелегалов мы можем использовать людей минимум со средним интеллектуальным уровнем. Но и такие лица могут рассматриваться в качестве нелегальных информаторов только в том случае, если у них есть доступ к источникам секретной

информации или таковая может возникнуть. Кроме того, они должны быть скрытными. Таким образом, речь идет не о количестве нелегалов, а об их качестве!

У наших разыскников, которые будут искать подходящих кандидатов, и вербовщиков, которые будут обрабатывать кандидатов, отобранных в качестве осведомителей, совсем не простая задача. И они должны быть людьми как можно более высокого интеллектуального уровня. То же самое относится и к курьерам, которых мы должны использовать в качестве связников с важнейшими источниками, если окажутся недостаточными переписка симпатическими чернилами и обмен почтовыми карточками.

Но прежде всего я желаю, чтобы все эти лица — разыскники, вербовщики, нелегалы и связники, насколько это возможно, имели тщательную подготовку. Необходимо строго следить за тем, чтобы друг с другом были знакомы лишь только те нелегалы, которым в последующем неизбежно придется сделать это.

Пожалуйста, всегда помните о том, что большинство задействованных лиц — гражданские, не имеющие представления о секретной службе и не ощущающие опасности, угрожающей им от разведывательных служб противника. Поэтому вам придется их тщательно натаскивать, как им следует вести себя в обычных и чрезвычайных ситуациях. Нужно добиться, чтобы все наши доверенные лица чувствовали себя совершенно уверенно и работали собранно и спокойно.

Привлекайте к сотрудничеству немецких мужчин и женщин лишь в том случае, если задача им действительно подходит.

Особое внимание обращайтесь на следующее: наши руководители нелегалов должны завоевать полное доверие своих людей. Кому не удастся этого добиться, их нельзя использовать на этой работе.

Поиск подходящих людей на родине главным образом проводится в кругах, представители которых часто выезжают в Америку или у которых там есть родственники. Чаще всего таких лиц можно встретить среди моряков, художников и коммерсантов. Завербованных на родине людей следует затем изучать и в Америке. Там друзей и помощников легче всего находить в немецко-американских кругах.

Когда я говорю «Америка», то подразумеваю не только США, но и другие американские страны. Думаю, что мы сравнительно легко и без риска сможем организовать резидентуры для сотрудников, например в Канаде, Мексике, Бразилии и Аргентине, которые, вероятно, предоставят нам более благоприятные условия для вербовки доверенных лиц в США, нежели на родной территории.

Затем в соседних с США странах мы станем искать друзей, которые и в случае войны смогут выезжать в Штаты. Лучших из них мы сможем использовать в качестве связников.

Наконец в Канаде, Мексике, Бразилии и других американских странах необходимо найти людей для службы «почтовыми ящиками», чтобы наши проживающие в США нелегалы имели возможность направлять свои донесения адресатам в нейтральные страны, откуда те пересылались бы в нашу службу по почте или время от времени по отработанным курьерским маршрутам.

Поскольку в случае войны с США станет невозможной прямая почтовая пересылка писем в Германию, от подобных «почтовых ящиков» в нейтральных странах можно будет отказаться только в тех случаях, если мы будем в состоянии снабдить наших информаторов радиостанциями. Я уже распорядился, чтобы принялись за разработку раций, подходящих для этой цели. Они, прежде всего, должны быть портативными и легко маскироваться¹.

Я желаю и надеюсь, что война не начнется, в особенности с США. Но всем вам известно, что наша страна в последнее время просто наводнена шпионами с Востока и Запада. Еще никогда количество уголовных дел о государственной измене и разглашении военных тайн не было столь велико, как в последние два года. Потому для Германии жизненно важно, чтобы наша служба составила четкую картину военного потенциала великих держав. Это крайне необходимо, поскольку у военного командования рейха нет четкого представления об обороноспособности великих держав.

Печально, что наша служба, военная разведка германского рейха, в данный момент не может сказать почти

¹ Такой прибор был сконструирован в канун 1937—1938 годов и принят к эксплуатации резидентурами абвера.

ничего достоверного даже о вооруженных силах США, самой мощной великой державы мира.

По этой причине я прошу вас приложить все свои силы на выполнение поставленных задач. Надо надеяться, что в течение двух лет нам удастся создать каркас широко разветвленной разведслужбы. Современный информационный голод очень опасен, поскольку мы не в состоянии компетентно консультировать наше правительство и предостерегать от опасных планов и предприятий».

Создание нелегальной сети для получения информации из США продвигалось сравнительно быстро. Уже в 1936—1937 годах во внешнюю службу абвера начали поступать донесения, по которым можно составить первоначальную полезную, пусть, может, еще и разрозненную, картину о вооруженных силах США. Адмирал Канарис и уполномоченный шеф отдела, полковник генштаба Пикенброк, были довольны. «Абсолютный информационный вакуум» ликвидирован. Новые сообщения поступали из Соединенных Штатов непрерывно, и последующая отстройка сети дальней разведки обещала еще большие результаты.

Между тем эти надежды сбывались лишь частично из-за тяжелых ошибок, совершенных немецкой стороной. Планомерная, с большими предосторожностями ведущаяся работа абвера неоднократно стопорилась и страдала от того, что вопреки договоренности между Канарисом и РСХА в странах американского континента начали секретную разведывательную деятельность и другие германские службы и организации.

Так наряду с представителями и агентами гестапо действовали только что возникшие СД и заграничные организации НСДАП, такие, как «Рабочий фронт».

Все это поначалу возникло без ведома абвера, а позднее вопреки его протестам.

Самым роковым последствием оказалось то, что некоторые уполномоченные и нелегалы названных служб и организаций со слепым рвением подходили к выполнению своих секретных, нередко политических поручений, без достаточной подготовки и действуя без согласования с соответствующими службами абвера.

Это приводило к тому, что многие немецкие секретные службы параллельно и независимо друг от друга обрабаты-

вали одни и те же немецко-американские круги и вербовали в них своих доверенных лиц. При этом было неизбежно, что друзья, завербованные разными немецкими разведслужбами, разговаривали об этом и обменивались друг с другом, кто на кого работает и какие у кого задания. Другими словами, появлялись «кустовые объединения» доверенных лиц. В некоторых местностях пятеро, шестеро и более лиц знали друг о друге, что они работают на германскую секретную службу. Как раз этому адмирал Канарис и пытался помешать. Поговорка «У семи няnek дитя без глаза» оправдывалась самым гибельным образом.

Параллельное существование различных германских служб в США привело к тяжелым провалам, даже к трагедиям. Некоторое число людей заплатило за это своими жизнями. Кроме того, неудачи имели для рейха крайне вредные внешнеполитические последствия.

Об этих провалах и трагедиях следует рассказать без приукрашивания. Их истории — поучительный пример тому, как не следует проводить секретную деятельность. Кроме того, в них содержится серьезный призыв к нам, немцам, бережнее относиться к своим братьям и сестрам и не раскалывать наши силы.

Дело Румриха

В 1938 году абвер в США наряду с успехами понес первое крупное поражение. Впервые германская разведывательная служба в Соединенных Штатах потеряла квалифицированных нелегалов в результате их ареста органами безопасности противника.

Уже в конце 1936-го — начале 1937 года один нелегал группы I «Воздух» заграничной службы абвера в США оказался в опасности. При разведке военных аэродромов он вступил в контакт с членом Союза друзей новой Германии. Но последний уже входил в группу агентов влияния, которые политически сотрудничали с несколькими организациями НСДАП. Об этом нелегал не знал. Ничего не подозревая, он примкнул к «кусту» из пятерых немецких агентов влияния.

Отдел ФБР проведал о деятельности этого круга лиц и собирался арестовать их. По счастливой случайности

нелегал группы I «Воздух» узнал об этом. С помощью друзей, предупредивших весь этот круг, ему удалось на грузовике выехать в Канаду и оттуда убежать в Германию, где он и доложил о себе.

Теперь заграничной службе абвера стало ясно, что ведомствами ФБР будет уделяться повышенное внимание Союзу друзей новой Германии. Потому самой службой и уполномоченными офицерами резидентур абвера все нелегалы, которых это касалось, были предупреждены, чтобы они конспиративно сотрудничали с членами этого союза. Даже поддержание контактов с его руководящими лицами, зарекомендовавшими себя надежными друзьями Германии, считалось опасным и нежелательным.

Но Повеса — конспиративное имя, — выполнявший обязанности связника около трех лет между нелегалом в США и руководящим офицером абвера в Германии, не выполнил этого указания и попал под влияние жившего в США судетского немца Румриха, вращавшегося в кругу членов Союза друзей новой Германии.

Румрих носился с фантастическими в стиле вестернов о покорении Дикого Запада планами похищения силой и хитростью секретных военных документов. Среди прочих у него была идея заманить американского старшего офицера, коменданта одного форта, в бар и выпытать у него мобилизационные планы подчиненной ему части и форта. Для этого он достал фальшивый бланк, конверт и печать военного департамента. С помощью этих средств изготовил письмо на имя коменданта форта с приказом американскому офицеру отыскать определенный бар, чтобы передать ожидающему там уполномоченному военного департамента перечисленные в письме планы. Чисто внешне фальшивка выглядела вполне неплохо. В качестве уполномоченного Румрих желал выступить сам.

Каким бы авантюрным план ни был, Повеса поддержал его и познакомил Румриха с другими нелегалами, которые должны подстраховывать при проведении операции. Повеса не передал никакого донесения об этом замысле. Позднейшие расследования показали, что он полагался на удачный исход и надеялся поразить добычей сверхважных документов своего офицера-куратора и

службу абвера. По всей видимости, он также надеялся за это получить отличие.

Но все же Повеса не столь безоговорочно верил в успех предприятия. Когда наступил момент реализации, он выехал в Германию.

Румрих же приступил к претворению в жизнь своего авантюрного плана.

То, что по здравом размышлении можно было бы предугадать и избежать, свершилось: с американским офицером, комендантом форта, на встречу явился агент ФБР и арестовал Румриха.

И грянула беда. Агентам ФБР удалось заставить Румриха заговорить. Он выдал всех, о ком знал, что они занимались нелегальной деятельностью, и показал, что создан «куст» доверенных лиц, работающих на различные ведомства НСДАП.

Хуже всего для абвера было то, что Румрих перед отъездом Повесы узнал от него, кто во время его отпуска будет выполнять связную работу. Ею была работавшая на лайнере «Европа» парикмахерша Иоанна Гофман. Повеса завербовал ее и привлек к связной работе, не поставив куратора в известность.

Как только «Европа» бросила якорь в Нью-Йорке и Иоанна Гофман сошла на берег, ее арестовали. К несчастью, материалы для передачи находились у нее. И она на последующих допросах выложила все, что знала.

По завершении следствия ФБР было возбуждено уголовное дело против 18 человек. Правда, в числе обвиняемых оказались и четыре офицера абвера, которые сами никогда не действовали на американской территории, а исполняли свои обязанности в Германии. Ими были: полковник Буш, капитаны 2-го ранга Менцель и фон Бонин, а также доктор Фейффер. Последний имел отношение к делу лишь постольку, поскольку обучал курьера Повесу приемам разведки.

Фактически среди арестованных в США лиц только трое действительно были доверенными лицами абвера.

Вокруг дела Румриха в Соединенных Штатах раздули мощную пропагандистскую шумиху. В американских газетах заголовки ежедневно кричали:

«Nazi spies in America!», «Nazi spies hunt!» («Нацистские шпионы в Америке!», «Охота на нацистских шпионов!»).

Между тем шумная кампания ничего не изменила, аресты не затронули большую часть выстроенной абвером в США разведывательной сети.

Впрочем, некоторым нелегалам абвера, втянутым в это дело, удалось спастись. В их числе известный врач из Нью-Йорка и его подруга с хорошими связями в Белом доме. Некоторое время она была сиделкой у президента Рузвельта. Оба передавали абверу ценные сведения внешнеполитического характера.

Врача и его подругу также арестовали, однако вскоре выпустили под залог. Тогда врачу, под видом слепого пассажира, удалось бежать на германском пароходе.

О деле Румриха агент ФБР Леон Г. Тёрроу в свое время написал захватывающую книгу. Однако автор исходит из не соответствующей действительности посылки, будто все участвовавшие в этом деле нелегалы и агенты были сотрудниками абвера. В действительности большинство арестованных сотрудничали с различными службами НСДАП и РСХА.

Шумные и главным образом направленные против германской военной разведки публикации в США почти было привели к тому, что задействованных в деле офицеров абвера, в частности доктора Эриха Фейффера, чуть не отправили в отставку.

Канарис был взбешен поступающими из Штатов сообщениями прессы и потребовал замены доктора Фейффера. Только когда последний доложил адмиралу существо дела и указал на то, что Румрих, из-за которого все и началось, не имел ничего общего с абвером, гнев шефа улегся.

Это дело, с профессиональной точки зрения, учит, какой ущерб нелегал может нанести собственной службе и, более того, своим близким товарищам, если станет действовать вопреки данным ему предписаниям. В качестве нелегалов в операциях за границей и в особенности связников ни в коем случае нельзя использовать людей, которые не убеждены твердо в том, что в любой ситуации будут четко придерживаться данных им на все случаи инструкций.

Абверу все-таки удалось в следующем, 1939 году расширить разведывательную сеть в США. Правда, прогресс был невелик, поскольку ведомства министерства иностран-

ных дел не осуществляли подстраховку. Даже когда внешняя служба абвера в 1940—1941 годах в строго секретных докладах неоднократно высказывалась, что война с США надвигается неотвратимо, министр иностранных дел фон Риббентроп, как и все годы прежде, в первую очередь заботился о том, чтобы дипломатические представительства рейха поддерживали сотрудников НСДАП, а работникам абвера мешали. Потому германской службе военной разведки оставались лишь исключительно нелегальные, тайные пути, тяжелые и трудоемкие.

При таких обстоятельствах времени с 1935 года до начала войны оказалось недостаточно, чтобы обеспечить всем нелегалам абвера в США надежные каналы связи через нейтральные страны или с помощью курьеров и радистов. А наверстывать в годы войны упущенное в мирное время крайне трудно. При этом постоянно возникают новые сложности.

Все это очень быстро сказалось сразу после начала войны. Некоторые из представляющих интерес стран стали затягивать выдачу германским гражданам въездных виз или вообще отказывали в них. Только в результате одного этого были нарушены или вообще прерваны связи со многими доверенными лицами в США. Хотя немимоверными усилиями новыми путями, в особенности благодаря вербовке итальянцев, удалось восстановить некоторые из разорванных связей и даже наладить новые каналы в США через Мексику и Канаду, но в целом потери оказались все же больше, нежели предполагалось.

Вдобавок задачи абвера с началом войны существенно расширились. Оперативные штабы ожидали от абвера все больше в первую очередь тактических сведений, а именно: о передвижении войск противника, дислокации сухопутных частей и военно-морских сил, а также о маршрутах конвоев, вражеских средств контроля за мореходством, минными полями и т. п. Сверх того, стали возникать многочисленные специальные задания. Например, когда после начала войны выяснилось, что вражеские государства располагали прибором, нейтрализующим германские магнитные мины, абверу дали задание разведать этот прибор и по возможности его выкрасть или воссоздать.

В общем и целом уже в первые два военных года у абвера стало недоставать сил и средств, чтобы удовлетво-

рять чрезвычайно многочисленные потребности в разведанных, ориентированные на отдельные процессы во многих странах и в мировых океанах.

А когда США в декабре 1941 года сами вступили в войну, многие связи пропали. Некоторые нелегалы абвера, до того прекрасно работавшие в США, просто прекратили свою деятельность, поскольку не желали ничего предпринимать против собственной страны или страны, давшей приют, в то время, когда она воюет.

То, что сохранилось, ни в коем случае не было достаточно, чтобы удовлетворить понятные и большей частью обоснованные потребности военных главных штабов. В этой ситуации для абвера следовало, что ему необходимо усилить разведку против США из нейтральных американских стран и попытаться в возросших размерах подпольными путями засылать нелегалов в США и Канаду, чтобы суметь по возможности отвечать повышенным требованиям.

Первую из операций подобного рода предприняла группа I, а именно сектор ИИ отдела абвера в Брюсселе. Один из проверенных доверенных лиц был подготовлен к подобной акции. После успешного нелегального въезда в Канаду он должен вести там разведку важных военных объектов.

В соответствии с планом нелегала в ночное время успешно высадили с подводной лодки на канадское побережье. Но ему не удалось приступить к выполнению своего задания, поскольку вскоре после высадки угодили в руки сотрудникам береговой охраны противника.

С тех пор руководство абвера неохотно шло на подобные операции. Оно неоднократно отдавало указания создавать резидентуры в сохранявших нейтралитет американских странах и оттуда вести интенсивную разведку против США.

Дело «Пасториуса»

Были ли тогда Канарис и его доверенный шеф отдела еще свободными в принятии решений, действительно ли они сами отказались от подготовки и проведения операции «Пасториус»?

В один из дней января 1942 года адмирала вызвали в штаб-квартиру фюрера в Восточной Пруссии «Вольфшанц». Гитлер в резких выражениях жаловался, что его недостаточно информируют о США, их вооруженных силах и военной промышленности, а также в особенности о замыслах ее руководства. Кроме того, он распорядился о подготовке и проведении «решающих диверсионных операций» против американской авиационной промышленности. Гитлер полагал, будто в США весьма легко привлечь тысячи американцев немецкого происхождения, которые готовы в крупных размерах начать диверсии и тем самым настроить население страны против Рузвельта.

Несколькими месяцами ранее министр иностранных дел Риббентроп сделал все, что было в его силах, чтобы помешать военно-разведывательной деятельности абвера против США. Он объявил вздором донесения заграничной службы абвера о том, что США стоят на пороге войны, поскольку сам искренне верил в это.

Что же, после беды хватаются за ум. Теперь потребовалось как из-под земли добыть в США и разветвленную агентурную сеть, и многочисленные группы диверсантов.

Адмирал Канарис обсудил эту ситуацию с начальниками соответствующих отделов Пикенброком и фон Лахоузенем. Они единодушно сошлись на мнении не объяснять Гитлеру, что внедрение требуемой им агентурной сети и проведение диверсионных операций потребует многомесечной, а может быть, и многолетней тайной подготовки. Им также показалось совершенно безнадежным объяснять вождю рейха, что как раз члены и друзья заграничной организации НСДАП мало подходят для задуманной цели. Они ведут в землячествах откровенные разговоры на политические темы и доверчиво выкладывают друг другу все, что у них лежит на сердце. Там ничто не может быть тайным. Кроме того, еще со времен дела Румриха абверу стало ясно, что прогерманские круги в США нашпигованы агентами ФБР и явно находятся под их контролем.

Для Канариса была мучительной мысль, что диверсантов придется обучать группами и переправлять в США. Засылать на вражескую территорию более чем двух человек с одним и тем же секретным заданием он считал принципиально непрактичным и рискованным. Но ему

не оставалось ничего иного, как дать поручение шефу II отдела абвера полковнику¹ генштаба фон Лахоузену со всевозможной тщательностью приступить к подготовке планируемых операций.

В соответствии с этим указанием фон Лахоузен отдал приказ помощнику капитану Астору связаться с соответствующими ведомствами люфтваффе, ВМС и I отделом абвера, чтобы сначала выявить достойные для диверсий цели и разработать как можно более точные документы по соответствующим объектам и их уязвимым местам.

В этой связи капитан Астор отыскал немецкий институт международных исследований, чтобы достать для саботажников планы и фотографии американских городов, промышленных предприятий, железных дорог и гаваней. В международном институте также оказалась картотека американских немцев. Абвером они использовались в качестве данных для поиска лиц, которые могли использоваться в планируемых операциях.

II отдел абвера рассчитывал, что подготовка, в особенности поиск и привлечение лиц, займет месяцы. Но теперь все изменилось. Однажды к капитану Астору явился обер-лейтенант Каппе. Он был американским немцем, и заграничная организация НСДАП послала его в абвер с поручением привлечь его самого и его друзей для диверсионных операций в США. В пылкой речи он заявил фон Лахоузену и Астору, что ему известно желание Гитлера о проведении в США массовых диверсионных актов. По счастью, он вместе с определенным количеством своих друзей может предоставить себя для выполнения этой задачи. Друзьями его были немцы, хорошо знавшие США и частично возвратившиеся в Германию лишь в 1940—1941 годах через Японию и Россию. Они разочаровались в США и готовы «отдать свою жизнь за Германию, фюрера и дело национал-социализма».

Далее Каппе сообщил, что он через партию имеет прямой выход на Гитлера, от которого, по всей видимости, исходил и его план: с помощью абвера обучить несколько групп диверсантов и с подводной лодки посадить их на побережье США. Он также собирался сам

¹ Позднее генерал-майор.

выехать в США и возглавить общее руководство диверсионными группами.

Поскольку Каппе представился по поручению Гитлера, для абвера не было никаких отговорок. Ему оставалось лишь сделать хорошую мину при плохой игре и постараться извлечь максимум из создавшейся ситуации.

В анкете Каппе практически сразу назвал имена десяти немцев для немедленной связи с ними, знавших США, хорошо говоривших по-английски и тем самым обладавших подходящими предпосылками для участия в планируемых операциях. Правда, они не имели никакого представления о приемах разведывательной работы. Был ли каждый из этих десяти осмотрительным, хладнокровным, мужественным и действительно целиком и полностью готовым, поначалу вообще и речи не шло, не говоря уже о проверке их. Люди были просто назначены НСДАП.

Позднее выяснилось, некоторые из них многое бы отдали, если бы им нашли иное применение. Двое или трое гораздо охотнее отправились бы на фронт. Но страх перед партийными функционерами и боязнь опозориться перед товарищами не дали им довериться какому-нибудь из офицеров абвера, проводивших обучение.

Канарис и фон Лахоузен были низкого мнения о замыслах Каппе. По их мнению, одновременное применение четверых и более диверсантов на вражеской территории, знавших друг друга, рано или поздно приведет к провалу. Адмиралу представлялось непостижимым, что в ответственных ведомствах имелись люди, серьезно верившие в то, что с помощью горсточка диверсантов можно нанести ощутимый ущерб мощной военной промышленности США.

И тем не менее абвером делалось все, чтобы назначенные на первую операцию люди были как можно лучше подготовлены для выполнения своих задач.

Десятерых названных Каппе людей обучали в диверсионной школе «Квенцзее» под Бранденбургом опытные преподаватели и офицеры II отдела абвера. В первую очередь им преподавалось: изготовление детонаторов и взрывчатых материалов из обычных доступных веществ; профессиональная установка взрывателей на электростанциях и заводах по производству легких металлов;

совсем особо, как следует готовить акты саботажа на электростанциях, от которых снабжаются алюминиевые заводы. При этом их учили, что выложенные кристаллитом плавильные печи очень уязвимы и выходят из строя, если происходит перебой с электроснабжением хотя бы на короткое мгновение. Во время занятий по этой теме они получали фотографии и описания соответствующих заводов с точными данными об их расположении.

Программа обучения десяти человек далее выглядела следующим образом: изготовление и метание так называемого «коктейля» Молотова и практические занятия в поле для показа обучающимся, как наиболее эффективно закладывать взрывчатку на охраняемых предприятиях. Не последнее место занимало обучение основам разведработы. Их познакомили с кодами и дали им определенные каналы связи.

Наконец, много часов учебного процесса было посвящено обсуждению главного вопроса, как нелегалам действовать и поступать по прибытии в США, чтобы незаметно и не обращая на себя внимания найти убежище и раствориться в крупных городах. Эту задачу диверсанты должны были решить до того, как начать планировать нанесение ударов.

Для снаряжения этих десяти человек требовались соответствующие американские документы, затем американская одежда и необходимое количество долларов. Добывание денег взял на себя Каппе. В противном случае его участие в учебном процессе могли резко ограничить. А он гордо сам себя именовал руководителем курсов.

Итак, в целом обширнейшая программа обучения, на которую по настоянию партийных ведомств отводилось всего лишь три недели, завершилась.

В конце мая 1942 года обучаемые были в полной готовности. Предусматривалась высадка агентов-диверсантов двумя группами и доставка их на американское побережье разными подводными лодками в различных точках.

Один из десяти участников операции «Пасториус» отсеялся еще во время подготовки, другой заболел незадолго до отправки. Осталось две группы по четыре человека. Одна из них отправилась в Лорьян, другая в Брест на

борт подводной лодки. Первая лодка ушла 26-го, другая 28 мая 1942 года. Первая группа высадилась в ночь с 13-е на 14 июня у Ист-Гэмптона на Лонг-Айленде в штате Нью-Йорк, вторая — 17 июня на американском побережье в пункте, расположенном несколько севернее.

Сначала все шло по плану. Несмотря на немалые трудности при высадке, одной группе удалось пробраться в Нью-Йорк, другой в Чикаго и раствориться в этих крупных городах. Некоторые из диверсантов, кроме того, восстановили связи с родственниками и друзьями. Благодаря этому доверенные лица сумели создать для себя прочную базу. В обоих городах имелись хорошие возможности как для выполнения их заданий, так и в случае необходимости затаиться и скрыться от преследования. Кто знает, сколько диверсий им бы удалось совершить и схватили ли бы их органы безопасности, если бы среди них не оказалось предателя, назвавшегося Джорджем Джоном Дашем. В «Квенцзее» обер-лейтенант Каппе его даже выделял. Они были закадычными друзьями.

Уже 15 июня 1942 года вечером предатель связался по телефону с нью-йоркским бюро ФБР, представившись сначала как Франц Даниель Пасториус. Предположительно, он сообщил дежурному сотруднику, что группа немецких диверсантов с подводной лодки высадилась на Лонг-Айленде с заданием провести диверсии на предприятиях авиационной промышленности США. Он, Пасториус, может назвать имена всех участников и защитить страну от угрожающей ей опасности. Сотрудник ФБР счел позвонившего сумасшедшим, сбежавшим из больницы, и повесил трубку.

Четыре дня спустя Дашу в Вашингтоне удалось проникнуть в дирекцию ФБР и лично сделать заявление об операции «Пасториус». Поначалу американские чиновники продолжали все еще сомневаться в нем. И только когда он выложил им на стол 80 тысяч долларов, которые дали его группе, они остолбенели и стали внимать предателю.

Правда, потом ФБР сделало все, чтобы как можно быстрее посадить за решетку остальных семерых участников операции «Пасториус». Вместе с ними были схвачены все друзья и родственники, с которыми вступал в контакт тот или иной диверсант.

Уже 28 июня 1942 года в Германию из США пришла радиограмма, сообщавшая, что все участники операции «Пасториус» арестованы.

Американский военный суд вынес чрезвычайно суровые приговоры. Следующим шестерым участникам операции «Пасториус» вынесли смертные приговоры с казнью на электрическом стуле. Это: Рихард Квирин, 34 года, Вернер Тиль, 35 лет, Эдвард Джон Керлинг, 33 года, Генрих Харм Хейнк, 35 лет, Герман Нойбауер, 32 года, и Герберт Гаупт, 22 года.

Седьмого участника, Эрнста Петера Бургера, и предателя Даша приговорили к пожизненному заключению. Наказание Дашу вскоре после вынесения приговора президент США Рузвельт заменил на 30 лет тюрьмы.

Бургеру военный суд не вынес смертного приговора, поскольку он был официально прикомандирован к операции «Пасториус» в качестве служебной проверки. Что для европейского понимания права совсем невразумительно, суд к тому же принял в пользу Бургера тот факт, что раньше он получил гражданство США.

Даш получил отнюдь не мягкое наказание, поскольку судья пришел к убеждению, что он выдал своих товарищей исключительно только ради спасения собственной жизни. Его беспокойство о безопасности США судья не принял во внимание.

И все-таки предатель уцелел, получив свободу. После ряда лет его освободили и выслали из США. Бургер также снова на свободе.

Тем же американским военным судом в связи с участниками операции «Пасториус» помимо уже названных лиц к смертной казни были еще приговорены: отец Герберта Гаупта, его дядя Фрёлинг и знакомый по имени Вергин. Жены всех троих получили по 25 лет тюрьмы. Вынесенные смертные приговоры отцу Гаупта, Фрёлингу и Вергину позднее заменили многолетними сроками заключения.

Приговоры названным женщинам представляются особенно жестокими. Было понятно, что они не имели ни малейшего представления о диверсионных замыслах членов акции «Пасториус». Насколько известно, этого им не смогли инкриминировать. Военный суд был вынужден пойти на вынесение высшей меры наказания,

чтобы предостеречь собственный народ и запугать германские службы.

Публикации по этому делу вызвали в обществе США большое волнение, хотя о деталях ничего не сообщалось. Судебный процесс проходил при закрытых дверях. Несомненно, пока что американское население ни в коем случае не должно было знать, что германским диверсионным группам удалось с помощью нелегальной высадки на атлантическом побережье в двух разных точках беспрепятственно миновать пограничную стражу. Затем следовало затушевать то, что агенты ФБР действовали не слишком умело.

Происшествие в США имело для рейха крайне негативные последствия. Дело оказалось Рузвельту очень кстати, чтобы настроить общественное мнение против Германии.

Канарис и фон Лахоузен предстали перед Гитлером, чтобы ответить за неудачу операции. Но намек адмирала, что все участники были членами НСДАП и рекомендованы партией как безусловно надежные, не позволил фюреру расправиться с ним и Лахоузенном.

Дело Харниша

С момента провала операции «Пасториус» Канариса преследовал гнев Гитлера. У начальников I и II отделов абвера, неоднократно присутствовавших при разговорах Гитлера и Канариса, каждый раз складывалось впечатление, что фюрер всей душой возненавидел шефа.

При поддержке Риббентропа Гитлер пользовался любым малейшим поводом, нередко притянутым за волосы, чтобы придрататься к абверу. Возникло клише: «абвер не справился». Это можно было нередко услышать и при военных неудачах, к которым абвер не имел ни малейшего касательства.

При этом следует отдельно сказать, что это клише не применялось к происходящему на восточном театре действий. Абверкомmando и подразделения добывали на Восточном фронте такие сведения, которыми генеральный штаб Fremde Heere/Ost был удовлетворен. Это не в последнюю очередь объяснялось тем, что военные штабы уже не требовали от служб и подразделений абвера боль-

шего, чем те в сложившихся обстоятельствах могли сделать.

Иначе обстояло на Западе. Здесь абвер должен был удовлетворять тысячи требований военного и политического руководства рейха по оккупированным территориям, всем странам за океаном, объявившим Германии войну, а также на мировом океане. Для множества задач и поручений, ставившихся абверу на протяжении войны, не доставало сил и средств. Затем абверу, о чем уже говорилось, в те немногие мирные годы, отпущенные ему, было просто невозможно сплести широкую агентурную сеть во всех странах.

Так выяснилось, что абвер фактически не в состоянии решить некоторые задачи, ответить на некоторые важные в военном отношении вопросы. Но крупные провалы, грузом давившие на абвер, происходили не из-за некомпетентности участвовавших в деле сотрудников абвера. Главной причиной была уже упомянутая «кустовая» организация нелегалов, дублирующая деятельность множества немецких служб.

Описываемый далее эпизод Харниш подтверждает это.

В конце 1943 года произошло одно событие, многими сторонами обратившееся против Канариса.

Аргентина, которая до того занимала дружественно-нейтральную позицию, разорвала дипломатические отношения с германским рейхом. Абвер и его шеф должны были это предвидеть. Но что же произошло на самом деле?

В Аргентине, как в Испании и других нейтральных странах, имелось отделение КО. Поначалу им руководил военно-морской атташе, капитан флота Нибур. Нибур перед своей командировкой в Буэнос-Айрес был в Берлине заместителем руководителя рабочей группы отдела ИМ абвера. Это прекрасно знали западные разведслужбы, ибо дипломаты союзников в первые же годы войны начали такие нападки на Нибура, что его в конце 1942-го или начале 1943 года пришлось отозвать.

Тогда руководство КО перешло к военному атташе, генерал-майору Вольфу.

Сведения, добытые сотрудниками, нелегалами и агентами абвера в Аргентине, в 1943 году почти исключительно

но отправлялись из Буэнос-Айреса в заграничную службу абвера по радио на крупную приемопередающую радиостанцию абвера в Гамбурге.

Регулярная связь через курьеров сделалась невозможной.

В Аргентине работали также представители НСДАП и СД. Поскольку опытных радистов не хватало, договорились, что представители СД также будут передавать донесения в свои инстанции в рейхе через КО в Аргентине на гамбургскую радиостанцию абвера, откуда они станут пересылаться в соответствующие инстанции СД.

Но речь шла о сотрудничестве исключительно на радиотехническом уровне. Ни в коем случае не смешивались сферы задач, силы и средства абвера и СД. Характерно, что представитель СД приносил свои телеграммы в КО для дальнейшей передачи в зашифрованном виде. Таким образом, абвер не имел никакого представления о содержании донесений, передаваемых из Аргентины в главное управление СД через радиостанцию абвера в Гамбурге. К сожалению, в результате радиотехнического сотрудничества некоторые доверенные лица абвера познакомились с сотрудниками СД.

Среди нелегалов, работавших в Аргентине в годы войны на абвер, был и Харниш. Им уже многие годы руководил филиал абвера в Кёльне. Главной его задачей была разведка военной промышленности США с территории южноамериканских стран.

Харниш сумел привлечь южноамериканцев, которые по коммерческим делам часто выезжали в США и с их помощью успешно разведывал секретные производства вооружений в США. Но это не удовлетворяло Харниша. В разговорах с одним представителем СД ему пришла в голову мысль политически использовать свои добрые знакомства с аргентинскими публичными лицами в интересах рейха.

Харниш не сделал донесения начальствующей инстанции в Кёльне ни о своем знакомстве с представителем СД, ни о своих политических планах. Филиал абвера в Кёльне с давних пор в основном специализировался на военной разведке. Он, по опыту мирных лет, инструктировал своих нелегалов, чтобы они ни в коем случае не вступали в связь с известными политиками или тем более занима-

лись политикой. Кто желает заниматься сбором военных сведений, то есть заниматься военным шпионажем на вражеской территории, имеет все основания стараться держаться как можно незаметнее. Политической работой или общением с политическими персонами он лишь быстро привлечет к себе внимание разведслужб противника.

Харнишу это было известно. И тем не менее он решил вместе с представителями СД попытаться склонить аргентинское правительство официально занять более благоприятную прогерманскую позицию и подтолкнуть к заключению союзного договора с рейхом.

В Аргентине Перон, тогда министр, постепенно все больше подпадал под влияние. У Харниша были хорошие отношения с одним офицером, близким Перону и хорошо относившимся к Германии. Используя это знакомство, ему удалось если не само аргентинское правительство, то хотя бы его министра иностранных дел склонить к тому, чтобы аргентинцу Эльмуту, родители которого были немцами по национальности, дать поручение следующего содержания: «Эльмут в качестве порученца аргентинского правительства выезжает в Испанию, чтобы оттуда начать переговоры с министерством иностранных дел Германии. Главной целью переговоров является заключение договора о поставке германских вооружений в Аргентину. Кроме того, Эльмут уполномочен вести переговоры о заключении аргентинско-германского союза».

Германский посланник в Буэнос-Айресе по конфиденциальным каналам получил информацию об этом плане. Он попытался помешать его осуществлению, так как посчитал предприятие утопичным. По его мнению, дело могло обернуться для рейха только неудачей.

Тем не менее миссия Эльмута состоялась. Был ли будущий глава правительства сам посвящен в это, неизвестно. Как бы то ни было, в один прекрасный день Эльмут в качестве официального уполномоченного аргентинского правительства отплыл на борту испанского парохода «Кабо де Орнос».

Обо всем этом заграничная служба абвера не имела никакого представления. Зато, как позднее выяснилось, об этом были проинформированы РСХА и внешнеполитическое ведомство службами СД.

Тем временем миссию Эльмута ждал быстрый конец. Как только «Кабо де Орнос» зашел в один из британских транзитных портов — предположительно Тринидад, — судно подверглось обыску со стороны британцев и Эльмута арестовали. В довершение всех бед при нем обнаружили бумаги, раскрывшие его миссию.

Английское правительство воспользовалось случаем, чтобы направить энергичные ноты Аргентине. Вследствие этого аргентинское правительство откестилось от инцидента и в конце концов разорвало дипломатические отношения с германским рейхом.

Разумеется, стали искать козла отпущения. Совещание представителя Канариса с посланником Риттером из министерства иностранных дел привело к полному совпадению мнений, что афера Харниш—Эльмут никаким образом не может быть поставлена в упрек заграничной службе абвера, поскольку речь шла об акции СД. Несмотря на это, Риббентроп позаботился о том, чтобы у Гитлера сложилось впечатление, будто абвер снова провалился и стал причиной внешнеполитической неудачи.

Для строительства сети дальней разведки был назначен I отдел заграничной службы абвера. Повсюду, где это представлялось рациональным и появлялась возможность, она вербовала конфиденентов и за океаном, и в европейских странах противника.

У каждого из этих доверенных лиц имелось свое военное поручение, касавшееся численности, дислокации и передвижений вражеских частей всех родов войск, а также военной промышленности. В зависимости от местожительства и возможностей разведчика задачи, ставившиеся перед каждым, естественно, были весьма дифференцированы. В конце концов в странах противника дислоцировались тысячи гарнизонов, военно-морских баз, аэродромов, заводов, укреплений и других военных объектов, требовавших постоянного наблюдения.

Важнейшая цель, которую преследовал I отдел абвера всей сетью нелегалов, — своевременно выявлять и доносить о намерениях вражеских государств и мероприятиях в иностранных государствах, направленных против Германии или могущих быть направленными.

От конфиденентов абвера I по всему миру ежедневно поступали донесения, особенно ценные для оценки ситуа-

ции. Нередко на основе донесений, поступавших от этой сети нелегалов, принимались и судьбоносные решения военного командования, о которых кроме абвера никто не знал, от кого это исходило. Имена работающих за границей нелегалов, источников секретной информации, были и будут охраняться любыми разведслужбами под самым строжайшим секретом.

Сведения о работающих во вражеских странах военных разведчиках в целом засекречены на многие годы, иногда даже на очень продолжительное время, поскольку эти конфидененты могут подвергаться опасности нелегальных покушений даже после возвращения к себе на родину.

Этим объясняется то, что о крупных и удачливых шпионах сообщается так редко.

Военные разведчики всех стран могут добиться успеха, лишь пока они не опознаны. Их имена остаются под завесой секретности, если только их разоблачат и отдадут под суд. Правда, тогда их имена нередко украшают первые полосы газет.

Потому здесь отдается дань признательности всем тем, кто тайно на скромном посту военного разведчика абвера нес свою полную опасностей службу и никогда не получал публичного признания.

Нелегальная сеть на торговых судах

На рубеже 1937—1938 годов был опробован разработанный абвером агентурный радиопередатчик «Афу» и признан пригодным. Вскоре I отдел абвера решил обучить радиоделу своих надежных нелегалов, ходивших на торговых судах в Атлантике, и оснастить их Афу-рациями.

После начала войны заграничная служба абвера непрерывно получала донесения от этой сети нелегалов о вооруженных силах противника, конвоях, районах минирования и другую тактическую информацию, весьма ценную для войны на море. Годами эта организация работала безупречно и с хорошими результатами. Служебные отчеты о достижениях этой разведывательной сети, насколько известно, утрачены. Поэтому кроме одного эпизода об

этой сфере деятельности подробности не могут быть приведены.

В соответствии с предлагаемыми записками одного офицера абвера эта организация нелегалов, ходившая в море, внесла решающий вклад в то, что осенью 1942-го смогла дать точные указания по предстоящей высадке англо-американских частей на побережье Северной Африки.

Еще в начале октября 1942 года надежный конфиденент передал следующее донесение: «Вторжение в Африку произойдет не в Западной Африке, а на марокканском побережье, а именно: между 15 октября и 15 ноября 1942 года, причем предположительный срок ближе к 15 ноября».

Используемые для слежения за проливом Гибралтар силы и дислоцированная тогда небольшая резидентура абвера в Альхесирасе присылали донесения примерно того же содержания. Несмотря на это, передаваемые заграничной службой абвера в соответствующие компетентные ведомства сведения не вызывали доверия. Также мало воспринимались как знак грядущих событий донесения об огромном скоплении судов в Гибралтаре и бухте Альхесираса. В компетентной инстанции во всем этом видели исключительно подготовку крупного конвоя на Мальту и в Египет.

Это подтверждается беседой генерал-майора Трескова и генерала Х. из оперативного отдела ОКХ, описываемого Шлабрендорффом в своей книге «Офицеры против Гитлера». Тресков спросил о значении того факта, что караван с сильным охранением в первые дни ноября прошел проливом Гибралтар курсом на восток. От представителя оперативного отдела ОКХ он получил следующий ответ: «Мы убеждены, что речь идет о попытке деблокировать сильно пострадавшую Мальту. О высадке в Северной Африке нечего и думать. Для этого у американцев неостанет сил и опыта».

А когда 8 ноября 1942 года высадка все же стала фактом, недостатка в критиках, которые объявили, будто донесения абвера недостаточно конкретны, не было.

Несмотря на описанные неудачи, абверу все же удалось обрести в США и других американских государствах, в особенности в Мексике, Алжире и Канаде, конфиденентов и частично снабдить их Афу-радиостанци-

ями. Все эти информаторы во время войны были главным образом ориентированы на США.

Об этом и спецприменении нелегалов абвера I капитан 2-го ранга доктор Фейффер в записках сообщает следующее:

«Когда началась война, выяснилось, что противник сконструировал прибор, нейтрализующий германские магнитные мины. Абверу поставили задачу разведать и достать его.

Речь шла о так называемой «гауссовой установке».

Приложив большие усилия, наши нелегалы в США достали ее буквально по отдельным деталям, что специалистам вермахта позволило составить цельную картину конструкции и натолкнуло на ценные соображения.

Многие из действовавших в американских странах нелегалов успешно вели против США специализированную техническую разведку. С помощью их донесений абвер мог удовлетворять важные запросы разведывательного характера, поступающие от собственных ВВС и ВМС. Неоднократно нелегалам этого направления даже удавалось доставать чертежные кальки секретных приборов ВВС с точными конструкционными данными.

Само собой разумеется, все нелегалы получили соответствующее указание уделять особое внимание военной промышленности США. Хотя поступающая информация многих из этих источников в целом содержала лишь указания и подтверждения не очень большого значения, в целом, однако, она давала заграничной службе абвера совокупную картину интенсивного развертывания военной промышленности США.

Некоторые конфиденты в течение 1942 года сообщали о столь высоких темпах роста военно-воздушных сил США, что их данные поначалу даже самими экспертами заграничной службы абвера рассматривались как сомнительные. Но проверки показали, что сведения в основном верны.

Теперь заграничной службой абвера придавалось большое значение анализу всех поступающих донесений по этой теме. Это привело к тому, что адмирал Канарис в 1943 году в подробных докладах многократно указывал на угрожающий рост потенциала военной промышленности США. Но Гитлер недолго думая объявлял эти докла-

ды недостоверными, поскольку их содержание его не устраивало.

Далее, для выполнения особых поручений I отделом абвера во время войны за океаном было проведено множество операций. Из-за отсутствия достаточной документальной основы в дальнейшем, к сожалению, из них можно будет упомянуть лишь немногие.

Все участники этих спецопераций шли на большой риск и подвергались большому лишению. Их имена, за исключением двух, забыты. Большинство из канувших в забвение, возможно, после выполнения задания вернулись на родину; но некоторые из них погибли или пропали без вести.

С одной стороны, ради добычи информации, с другой — чтобы создать для Великобритании трудности в Южной Африке однажды Гитлеру пришла в голову идея установления связи с южноафриканской оппозиционной организацией «Оссеваге Брандвахт».

В январе 1942 года абвер получил соответствующее поручение. До этого он никогда не занимался Южной Африкой. Потому сначала следовало выяснить, имеются ли вообще лица, которые знают Африку и могут быть выделены для решения этой задачи. Уже одно это было непростым делом. Но когда появились люди, готовые взяться за исполнение этого поручения после обучения основам разведработы, возник новый сложный вопрос, как их переправить в Южную Африку.

Военно-морские силы отказались предоставить подводную лодку. Следовало искать иные пути. Сотрудникам группы IM I отдела абвера пришлось в голову прибегнуть к услугам яхтсменов. Они должны попытаться на яхте проскочить или прорваться сквозь зоны контроля союзников на Атлантике и высадить нелегалов на южноафриканском побережье.

Представьте себе трудности, которые нависли над всем предприятием! Рейс на утлом суденышке через тысячи миль и по морям, на которых господствует враг.

Подготовку к заброске нелегалов поручили офицеру абвера одной небольшой резидентуры, в ту пору расположенной в Гавре, а именно капитан-лейтенанту Шухману. Ему помогал другой сотрудник абвера по имени Лангхорст. Последний в качестве руководителя экспе-

диции предложил гамбургца яхтсмена Граберса. Лангхорст считал Граберса очень подходящим человеком для руководства запланированной операцией и оказался прав.

После долгих поисков подобрали подходящее судно. Обо всем этом, о подготовке к дальнему путешествию и выполнении поручения Лангхорст, который лично принимал участие в предприятии, рассказывает следующее:

«Судно длиной 17 м шириной 4,50 и осадкой 3,50 м. По парусному вооружению это был кеч¹, с гафелем, соответствующем типу небольшой французской рыболовецкой шаланды, построенный на верфи в Камаре. Судно находилось в ужасном состоянии. Что касается корабеля Граберса, его подкупило то, что корпус корабля был из тика.

В Бресте судно отремонтировали в арсенале под видом крейсерской яхты организации «Сила через радость»². Наем команды, состоявшей из гамбургских яхтсменов, занял месяц. Каждый на борту знал свою работу.

После установки танков и дополнительных коек, а также основательного ремонта всего судна мы наконец были готовы к плаванию. 14 августа 1942 года мы вышли в море. На борту находились семь членов команды и трое нелегалов. Наше задание заключалось в том, чтобы высадить двух нелегалов в Консепшен-Бей и третьего в бухте Бенгелы. Примерно через 70 суток мы достигли первого места высадки, еще через неделю вошли в Бенгельский залив. После того как мы высадили нелегалов, сразу взяли курс на родину. Через 140 суток плавания — 14 тысяч миль под парусом — 31 декабря 1942 года мы добрались до Байонны».

Высаженные люди в Южной Африке по роду своей задачи уже приступили к работе. Больше ничего не известно о том, каких результатов они добились. Об их дальнейшем местопребывании, насколько известно, никто не справлялся.

По большому счету влияние подобного использования нелегалов на ход войны было ничтожным. Однако следует признать, что участвовавшие в операциях люди делали все возможное, действуя в чрезвычайно тяжелых услови-

¹ К е ч — двухмачтовое спортивное парусное судно.

² Спортивная организация в фашистской Германии.

ях и рискуя собственной жизнью. Команда парусника заслуживает особой похвалы и признания. Дело в том, что в следующем году им пришлось выполнять второе подобное задание, и они выполнили его весьма удачно и с большой ловкостью.

На этот раз речь шла о переправке нелегалов, имевших отличные связи во многих американских странах, в Бразилию. Их обстоятельно подготовили к военной разведке против США с территории страны.

Плавание к южноамериканскому побережью, как и к берегам Южной Африки, выполнялось тем же экипажем и тем же судном. Вот что писал об этой операции Лангхорст:

«После зимовки и ремонта судна оно отправилось во второе плавание, на этот раз, чтобы высадить нелегалов в Рио-де-Жанейро.

Отплыли 10 июня 1943 года из Аркашона. Высадка осуществлялась примерно в 28 морских милях севернее Рио-де-Жанейро. 25 октября мы, разумеется уже без нелегалов, снова вошли в Аркашон. Плавание длилось 138 суток. Расстояние, преодоленное под парусами, составило 12 тысяч миль.

Высаженные разведчики уже через несколько недель своего пребывания в Бразилии стали передавать по радио донесения заграничной службе абвера. К сожалению, я не располагаю документами, свидетельствующими, какую пользу принесла их разведывательная деятельность. И о местонахождении этих людей я больше никогда ничего не слышал».

Наблюдательные пункты в арктических районах

К самым тяжелым и авантюрным операциям службы сбора информации абвера относится использование разведчиков в арктических районах. Когда стратегически стало важным разрушение артерии непрерывного снабжения вооружениями и снаряжением из США в Советский Союз, заграничная служба абвера получила задание разместить станции слежения в соответствующих районах. В их задачу входило: снабжать данными и целеуказаниями собственные люфтваффе и военно-морские силы, когда и где

эффективнее всего нанести удары по вражеским транспортам.

Озадачен был также и абвер. В сотрудничестве с военно-морскими силами, несмотря на сравнительно сжатые сроки, были отобраны подходящие кадры. Преодолев большие трудности, удалось оборудовать в арктических районах и множество наблюдательных станций.

К сожалению, оказалось невозможным разузнать подробности этих необычайных операций и их результаты. Один недавно умерший офицер абвера, эпизодически принимавший участие в этих операциях, в своих записках о войне отвел им всего лишь одну многое говорящую фразу. Она звучит так: «Другие операции, такие как высадка и оборудование станций слежения в арктических районах, частично не удались»¹.

Использование женщин на тайном фронте

Само по себе количество находящегося в распоряжении секретной службы персонала не имеет решающего значения. В этой связи самое время сказать несколько слов об использовании женщин в тайной войне.

Вполне возможно, какая-нибудь шпионка класса Мата Хари и отыскала бы тропы в джунглях международных отношений и хитросплетениях общественных связей в Мадриде и Лиссабоне. Но после ареста в 1934 году польского ротмистра Сосновского, которому удалось сделать орудиями своей шпионской деятельности против Германии многих женщин-служащих имперского военного министерства, соответствующие германские ведомства проявляли небольшую склонность к доверию женщинам сверхважных секретных поручений. При этом опыт показывает, что как раз именно во время войны женщины проявили лучшую пригодность к выполнению некоторых задач, нежели мужчины. В первую очередь это касается тайной курьерской службы и сбора информации в обществе.

Немецкий мужчина в призывном возрасте скорее привлечет к себе внимание вражеских разведчиков при

¹ Несомненно, в архивах союзников имеются документы по этим операциям.

въезде в нейтральную страну, нежели женщина. Умелая женщина, в особенности если она красива, также скорее получит доступ в общество за границей, нежели мужчина.

Бражеские разведслужбы знали и учитывали это в ходе Второй мировой войны. Некоторые из используемых на тайном фронте женщин — увлекаемые патриотическими чувствами — сослужили своим странам неоценимую службу.

К ним принадлежит Матильда Карре, по кличке Кошка, роль которой была уже ранее описана. Хотя после ареста она и проявила слабость, все же не следует забывать, что она целый год под носом у германских органов безопасности и абвера создавала широко разветвленную шпионскую сеть и сама успешно вела военную разведку, изо дня в день подвергая жизнь опасности, ради своего отечества.

Другая француженка, Одетт, дама высокого положения, во время войны отличившаяся успешным шпионажем против Германии, первым браком была замужем за неким французом по фамилии Самсон и после войны обручилась с англичанином Питером Черчиллем.

Одетт и Питера Черчилль арестовали 16 апреля 1943 года под Аннеси в результате проведения Хуго Блейхером, в те времена унтер-офицером абвера, несколько авантюрной, но блестящей операции.

Питер Черчилль — английский капитан и офицер связи французского отделения, занимавшегося французским движением Сопротивления, которое являлось сектором Интеллидженс сервис и снабжало его главным образом оружием и диверсионными материалами. В движении Сопротивления поговаривали, что он будто бы родственник английского премьер-министра. Это было не так. Предположительно, слух распустили, чтобы облегчить ему выполнение задачи во французском Сопротивлении.

Итак, вместе с ним в немецкие руки попала и Одетт. Что она шпионила, в особенности в порту Марселя, было точно доказано, однако неясными оставались многие детали. Одетт держалась храбро и не давала германским органам никаких показаний по своей деятельности. Она работала чрезвычайно успешно. Это можно заключить по

тому, что после войны была награждена высокими наградами. В Великобритании из рук короля Георга она получила орден Святого Георга, а во Франции — орден Почетного легиона.

Абвер после проведения предварительного следствия выступил инициатором обменять Одетт¹ и Питера Черчилль на немцев, содержащихся в английских тюрьмах. Но РСХА придерживался другого мнения и распорядился обоим удерживать в Германии. Если содержание Питера Черчилля, как военнопленного, было вполне сносным, то с Одетт в концлагере обращались так скверно, что у каждого приличного немца это вызывало только чувства глубокого сожаления.

После войны в западной прессе появились леденящие кровь истории о жестоком и бесчеловечном обхождении с Одетт, в том числе и унтер-офицера Хуго Блейхера. Однако последний никогда не был ни в одном концлагере и готов сейчас привести доказательства, что он прилагал все силы к облегчению участи Одетт и Питера Черчилль в заключении.

Третьей женщиной, во время Второй мировой войны из любви к родине успешно работавшей против Германии в пользу союзников, была бельгийка Андреа де Йонг.

На территориях, оккупированных Германией в 1941—1944 годах, — практически во весь период Второй мировой войны, — сформировались подпольные группы, состоявшие из французов, бельгийцев и граждан других государств противника. Большинство из них занималось военной разведкой. Но некоторые группы задались целью тайными путями переправлять в Великобританию солдат армий союзников, по той или иной причине оказавшихся на территории германской сферы влияния. А соотечественников, желавших с оружием в руках бороться против Германии, они тайно засылали на вражескую территорию.

Формирование подобных групп весьма одобрялось противником. Поэтому его секретные службы, где только возможно, устанавливали с ними рабочие контакты.

¹ Арест Одетт и Питера Черчилль подробно описан в книге Эриха Борхерса «Месье Жан», изд-во Адольф-Шпонхойль-Ферлаг, Ганновер, 1951.

Когда в результате битвы в воздухе самолеты союзников над оккупированными территориями стали сбивать, руководство противника экипажи самолетов, вылетающих на бомбардировки Германии, могло напутствовать следующими ободряющими установками:

«Вы не пропадете, даже если вас подобьют и вам придется прыгать с парашютом. Повсюду на оккупированной территории наши друзья создали организации, которые найдут и переправят вас обратно. Вы никогда не пропадете!»

Подобные инструкции имели большое значение для поддержания боевого духа. Впрочем, на деле выяснилось, что подпольные группы действовали эффективно. В одну такую группу, под названием «Комета», объединившуюся в 1941 году, входила и совсем юная Андреа де Йонг.

Она специально, в конспиративных целях, чтобы ввести немецкие органы безопасности в заблуждение, носила школьное платье. Несмотря на свою молодость, друзьями, действовавшими вместе с ней, она признавалась душой организации «Комета». Впоследствии отмечали ее неутомимость, осторожность и предприимчивость. Но, по словам очевидцев, лучше всего она умела воодушевлять и поддерживать боевой дух у своих соратников.

С 1941-го до начала 1943 года Андреа де Йонг с большим успехом работала на союзников. Но 15 января она была арестована немецкой уголовной полицией около местечка Сен-Жан-де-Люз на юге Франции. В это время девушка собиралась переправить через Пиренеи двух американцев и англичанина. Десятки раз маленькая Андреа совершала нелегальные поездки из Бельгии через Францию в Испанию. По рассказам ее друзей, опубликованным после войны, она принимала решающее участие в удавшихся перебросках 118 человек. Среди них 80 были летчиками авиации союзников.

Германские службы располагали достаточным количеством доказательного материала против Андреа. В ее кружке, который с 1941 года все время разрастался, находились и не столь надежные лица, как она. Предательство привело к ее аресту.

Андреа приговорили к смертной казни, однако приговор не был приведен в исполнение. По окончании войны девушку освободили из концлагеря.

В Бельгии ее высоко чтят. Впрочем, в 1954-м или 1955 году, насколько мне известно, она вместе с подругой, врачом, отправилась в Конго, чтобы посвятить себя лечению прокаженных.

Об использовании женщин в секретных службах можно сказать еще много, но ограничимся описанными случаями.

Из всего сказанного напрашивается вывод. Если некоторым женщинам, занимавшимся тайной деятельностью по идейным и совершенно бескорыстным мотивам во время Первой мировой войны, пришлось заплатить собственной жизнью, то во Вторую мировую войну Матильде Карре, Одетт Черчилль и Андреа де Йонг сохранили жизнь. Это тем более поразительно, поскольку женщины совершали такие же деяния, как и предыдущие, и у немецких ведомств и суда были все основания приговорить их к смертной казни.

Это ни в коем случае не объясняется лишь человеческим сочувствием к арестованным женщинам. Участие, конечно, могло иметь место. Но несомненно, определяющие решения здесь принимались с той точки зрения, какие меры в смысле задач, стоящих перед германской разведкой и контрразведкой, в особенности представлялись разумными для обеспечения безопасности вермахта и обороноспособности страны.

Опыт показывает, что безопасность войск и служб не достигались методами устрашения. Чем дольше шла война, тем яснее проявлялось, что французы и бельгийцы, казненные по приговорам германских судов за шпионаж, воспринимались своими соотечественниками как мученики, пример которых — образец для подражания каждого истинного патриота. Наконец, экзекуции приводили к тому, что на место одного казненного очень скоро вставало много других соотечественников, которые в большинстве случаев оказывались уже недосягаемыми для германских служб.

Для абвера уже давно стало ясно, что установленный агент не столь опасен, как невыявленный. Существуют более разумные методы, чем арест и казнь выявленного агента, — держать его под нелегальным контролем, чтобы нейтрализовать его деяния. Но если арест неизбежен, поскольку запланированные им акции могут нанести вред

служащим вермахта или военным объектам, необходимо скрупулезно проанализировать, нельзя ли где-нибудь использовать арестованного агента вместо простого предания его смерти.

Затем в этом смысле интенсивнее применялись и методы перевербовки схваченных агентов, и контригры, о чем свидетельствуют многие из описываемых случаев.

Но как же выглядело использование женщин на тайном фронте в ходе Второй мировой войны?

В отделах абвера работали многие женщины. Почти без исключения они были машинистками или выполняли другую канцелярскую работу. К кураторству нелегалов или агентов та или иная из них привлекались исключительно от случая к случаю. В самой Германии и на оккупированных территориях для деятельности вне ведомства абвером чаще использовались женщины, правда, в основном для выполнения мелких заданий, в особенности для наблюдения за одним подозреваемым или кругом лиц.

И в заключение, чтобы снова вернуться к разведывательной работе абвера: из-за нехватки документального массива можно осветить лишь небольшие участки широкомасштабной разведывательной работы секретной службы сбора информации в странах американского континента. И все же удалось показать всеобъемлющие задачи этого ведомства. Для меня важны два момента. Во-первых, следует поставить памятник неизвестным нелегалам I службы абвера, которые в одиночку стойко выполняли свой долг. Во-вторых, некоторые появившиеся после войны публикации об отдельных случаях должны получить правильное освещение. Некоторые из этих сочинений создают впечатление, будто при этом описываются «уникальные» или «исключительнейшие» эпизоды, успешно реализованные абвером. Подобные изображения дают совершенно превратную картину работы тогдашнего абвера, который вносил свой вклад в ход войны сотнями, нет, даже тысячами дел и операций.

Глава 5

ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ С ВОЕННОЙ РАЗВЕДКОЙ И КОНТРАЗВЕДКОЙ НА ТАЙНОМ ФРОНТЕ НА ЗАПАДЕ ЛЕТОМ 1942 ГОДА. РАДИОИГРА ПРОТИВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. ПОВОРОТ ВОЙНЫ. ОККУПАЦИЯ ЮГА ФРАНЦИИ

21 июня 1942 года передовые подразделения германского «африканского корпуса» пересекли египетскую границу. К 1 июля части под командованием фельдмаршала Роммеля продвинулись до укрепленной позиции в Эль-Аламейне. На Восточном фронте в результате мощного летнего наступления фронт продвинулся до Сталинграда.

И на Западе положение Германии не представляется неблагоприятным. Использование команды, составленной из службы радиоперехвата абвера и французских полицейских, как уже описывалось, приводит на юг Франции, к ликвидации восьми резидентур вражеской разведки, нанеся ей тем самым ощутимый удар. В июне 1942 года гауляйтер Заукель по поручению имперского правительства заключает с Лавалем, премьер-министром правительства в Виши, договор следующего содержания: 50 тысяч французов сельскохозяйственных профессий и находящихся в германском плену будут отпущены по домам, если взамен этого 150 тысяч французских квалифицированных рабочих добровольно отправятся на работу в Германию.

Этому договору предшествовали длительные переговоры. С германской стороны разными способами пытались склонить французских рабочих добровольно выехать на работы на территорию рейха. Но, несмотря на обещание высоких заработков и других льгот, вербовка пользовалась слабым успехом. Теперь соглашение по меньшей

мере в первые месяцы после подписания договора привело к более или менее удовлетворительным результатам, поскольку Лаваль в публичном заявлении призвал к солидарности с теми французами, которых можно было спасти из заключения.

Так началось рекрутирование рабочих во Франции, которое позднее приняло большие масштабы и привело к перевороту в отношении французского населения к Германии. Но вначале реализация договора приносила пользу рейху.

Выпущенные из тюрем французские заключенные приступили дома к полезному труду. Франция остро нуждалась в рабочей силе в сельском хозяйстве. Теперь отпущенные заключенные способствовали тому, чтобы покрыть потребность в продовольствии на территории германской сферы влияния, тогда как до того за колючей проволокой они не только не производили ничего полезного, но и сковывали большие германские силы и средства, которые должны были охранять и кормить их. С другой стороны, Заукель за освобожденных заключенных получал тройное количество французских рабочих, которые в Германии могли быть использованы преимущественно в промышленности.

Другое событие в те летние дни 1942 года, связанное с этой сделкой Заукеля, какое-то время также оказалось благотворным для Германии. Лаваль в своем радиообращении зашел так далеко, что среди прочего заявил:

«Я желаю победы Германии, ибо без нее во всем мире воцарился бы большевизм».

И далее:

«Франция ввиду неизмеримых жертв Германии не может оставаться пассивной и индифферентной».

Эффект этих высказываний Лавалья нельзя недооценить. Тысячи рабочих ряда французских фабрик в течение нескольких лет, вплоть до 1944 года, безоговорочно трудились на германскую оборонную промышленность. Случаи саботажа были очень редкими. Правда, тут следует заметить, что во всем мире не очень многих трудящихся можно склонить к тому, чтобы они с воодушевлением бросились разрушать собственными руками рабочие места и тем самым лишать себя куска хлеба.

Военная разведка и контрразведка в течение 1942 года добились целого ряда значительных успехов на западном оперативном направлении, которые, при соотнесении с небольшим кадровым составом занятых в этом служб, представляются примечательными. Некоторые из этих результатов, достигнутых благодаря военному контршпионажу после войны, в литературе стран бывшего противника отмечены как значительные достижения. Из них несколько достойны упоминания.

Дело «Марди», когда главному управлению по Франции удалось обезвредить две шпионские группы в Северной Франции, донесения которых от некоего англичанина — он называл себя Дэвисом — шли в Лондон по радио.

В другом, тоже расследованном абвером деле смогли ликвидировать во Франции агентурную группу, в которую входил бельгийский принц. О нем будет рассказано дополнительно.

В течение 1942 года были также проведены массовые аресты и в группах Сопротивления. Сильнее всего это затронуло «Комбата», одну из самых значительных организаций французского движения Сопротивления. Она уже в то время, делая ставку на опорные пункты на пока еще не оккупированных французских территориях в Лионе, Марселе, Тулузе и Монпелье, пыталась сколотить боевые группы на севере Франции под носом у абвера и органов безопасности. При этом понесла ощутимые потери.

Но кульминацией немецкой контрразведывательной деятельности в тот период времени стали две контригры, проведенные по радио против английской Интеллидженс сервис. Обе «английских игры», как их называли на профессиональном жаргоне, получили от задействованных немецких служб рабочие названия акция «Нордпол» и дело «Порто II».

Эти игры являются типичными для методов работы тогдашней военной контрразведки. В ходе одной пытались сымитировать для Интеллидженс сервис работу разветвленной подпольной организации в Нидерландах и склонить англичан к снабжению оружием, взрывчаткой и другим снаряжением группы псевдосопротивления, состоявшие из немцев; во второй игре для английской раз-

ведки имитировали во Франции шпионскую группу, желавшую работать против Германии на пользу Великобритании.

О том, как и с каким успехом эти предприятия были «сыграны», речь пойдет ниже.

Акция «Нордпол»

Лунными ночами летом 1942 года чаще всего неброско одетые люди отыскивали в Нидерландах укромные местечки и безмолвно чего-то ждали. В условленный час трое из них расставляли треугольник из красных ламп. Неожиданно появлялся самолет и сбрасывал не бомбы, а большие, тяжелые контейнеры, спускавшиеся на парашютах, которые ожидавшие люди подхватывали и увозили.

В контейнерах находились автоматы и револьверы с патронами, затем взрывчатка, продовольствие, табачные изделия и одежда, иногда шпионские рации. Это оружие и снаряжение английские летчики сбрасывали по поручению Интеллидженс сервис, сотрудничавшей в Лондоне по этому делу со специалистами нидерландской разведки. Англо-нидерландская секретная служба полагала, что получателями материалов были представители подпольного движения в Нидерландах. В действительности же речь шла о сотрудниках и доверенных лицах абвера в Гааге.

Полных два года проделывался этот трюк. Английские самолеты совершили примерно 200 вылетов в Нидерланды и сбросили людям абвера огромное количество оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Каждый самолет доставлял от двух до восьми контейнеров по три-четыре центнера снаряжения.

В результате у отдела абвера в Гааге скопился внушительный запас оружия и снаряжения. В первую очередь выгоду от этого получила сама II служба абвера. Она в больших количествах могла покрывать свою потребность в диверсионных средствах из английских посылок. Но и поставленное стрелковое оружие, примерно 15 тысяч штук, также нашло свое применение в вермахте.

Например, когда зимой 1943/44 года во Франции для вооружения вновь сформированной части потребовалось

несколько сотен автоматов, достаточно было позвонить товарищам из отделения IIIf в Гааге, чтобы необходимое вооружение с боеприпасами со складов уже через несколько суток доставили в соответствующую часть.

Но мало того! В целом за время проведения акции «Нордпол» от противника было заброшено 54 агента частично на парашютах, частично тайно переброшено по морю и высажено на побережье Нидерландов. Все они, обученные в Великобритании для проведения спецопераций, попали в руки абвера.

Можно себе представить, какого труда стоило немецкой стороне, чтобы два года подряд в таких масштабах водить за нос английскую Интеллидженс сервис. Двести раз приходилось подбирать подходящих людей в «приемный комитет» и своевременно отправлять их. В некоторые ночи выброски проводились одновременно в двух или трех, иногда даже четырех-пяти точках. «Приемные комитеты» должны быть всюду пунктуальными и работать неприметно. При выдвижении к месту выброски и во время нахождения на нем, а также при возвращении следовало действовать так, чтобы вызвать подозрение пилотов или насторожить население Нидерландов. Ни при каких условиях среди местных не должен был пройти слух, что сотрудники какой-то немецкой службы по ночам выезжают и принимают контейнеры, сбрасываемые с английских самолетов. Ведь тогда вражеская разведслужба поприветствует и погребет «приемную комиссию» под тяжелой бомбой, стоит ей разгадать игру.

Каждому приему снаряжения или агентов предшествовала радиоигра с Лондоном. С немецкой стороны связь обеспечивали в основном сотрудники радиоперехвата абвера. Но наибольшую роль при этом играло не столько техническое развитие, сколько составление точного текста радиogramм, направляемых в лондонский Центр. Как человек, разрабатывавший тексты сотен подобных посланий, сумел поставить себя на место вражеского партнера, чтобы ни разу не озадачить Лондон и не споткнуться ни о выбранную форму, ни о содержание послания.

Наконец, самым тяжелым для людей абвера оказалось принять так много вражеских агентов. Каждый из этих пришельцев в Лондоне получил определенное задание, неизвестное абверу в деталях. Его следовало установить

после прибытия каждого из этих 54 агентов, в противном случае было невозможно оперировать дальше в том направлении, чтобы у Интеллидженс сервис не возникло подозрений.

Потому каждый из этих агентов принимался так, будто он попадал к добрым друзьям. В большинстве случаев люди из «приемного комитета» по случаю прибытия и счастливого прыжка или, соответственно, удачной переправки через море устраивали маленький праздник, в ходе которого старались все вытянуть у «виновников торжества». За вкусной едой и тем более при обилии напитков они просили прибывшего поделиться о последних лондонских новостях, о товарищах и конечно же кое-что поведать о своем задании. К последнему его подталкивали тем, что члены «приемного комитета» пылко и искренне обещали ему всемерную поддержку.

Все это обычно приводило к цели. Только что прибывшие вражеские агенты радовались, что опасное путешествие уже позади и что их встретили столь гостеприимно. Они сразу выбалтывали все. Только оказавшись в тюрьме, озадаченно и растерянно замечали, что попали в руки врага.

Само собой разумеется, в подобных «празднествах» принимали участие только те сотрудники и конфидененты абвера, которые могли достоверно сойти за нидерландцев. Весь круг сотрудничающих с немецкой стороной, с точки зрения органов безопасности и абвера, угрожающе разрастался, когда операция стала увеличиваться и дезинформация в конце концов пошла по 14 радиоканалам. Интеллидженс сервис считала необходимым такое количество каналов, чтобы, как она полагала, иметь возможность рационально руководить обширным движением Сопrotивления в Нидерландах. В целом из Лондона переправили рации и 14 различных шифровальных и дешифровальных кодов.

Но как началась эта необыкновенная контригра? И кто был ее мозгом, который все это осмысливал и придумывал, рассчитывал и правильно подбирал силы и средства и годами проводил ее в жизнь последовательно и безошибочно?

Он находился в отделении IIIf, был одним из тех многочисленных инициативных офицеров, что занима-

лись контршпионажем на Западе и накопили опыт контрразведывательной работы еще до войны. Звали его Герман Гискес, подполковник, высокий, стройный, мускулистый блондин со светло-голубыми, ясными глазами. По его глазам было видно, что их обладатель — проникательный, умный человек, который, профессионально оценив обстоятельства, мог принимать четкие решения и энергично воплощать их в жизнь. К этому добавлялось яркое воображение в сочетании с трезвым расчетом и тонким чувством возможного и невозможного, так же как и выдающийся организаторский дар. Прежде всего благодаря им и его неиссякаемой энергии тысячи разных мероприятий, предпринимаемых в ходе контригры, скрупулезно воплощались.

Гискес в 1940—1941 годах служил в главном управлении в Париже, плодотворно работая и добиваясь замечательных результатов. Потому осенью 1941 года он, тогда еще майор, пользовался доверием у руководства контршпионажа по Нидерландам, когда им требовался знающий специалист.

До прибытия Гискеса в Гаагу в местном отделении абвера имелись лишь смутные донесения о том, что вражеские агенты в Нидерландах якобы наладили нелегальную радиосвязь с Лондоном. Благодаря энергичным действиям Гискесу за несколько недель удалось внедрить нескольких доверенных лиц в нидерландское движение Сопротивления. Уже в конце ноября 1941 года один из них сообщил, что двое английских агентов в Гааге пытались завербовать сотрудников для шпионажа против Германии. Служба радиоперехвата смогла подтвердить эти донесения. Они установили агентурный радиопередатчик, который, в соответствии с данными по пеленгации, располагался на юго-западе Гааги. При передаче донесений в Лондон у них был позывной RLS.

За RLS теперь стали постоянно следить. Гискес придавал значение тому, чтобы выявить расписание и длительность сеансов связи вражеского передатчика, а также почерк и все особенности радиста, направляющего с RLS-передатчика сообщения в Лондон, прежде чем провести задержание. Уже с самого начала подполковник Гискес решил сразу после арестов повести контригру с RLS-передатчика. Обстоятельства складывались в его

пользу, поскольку у вражеской разведки в Нидерландах было явно немного агентов, с помощью которых она захотела бы начать строить разветвленную сеть. Но важнейшими предпосылками для успешной долгосрочной контригры был арест до последнего человека всех лиц, связанных с работой вражеского передатчика RLS на нидерландской территории. Ни один из входивших в эту сеть агентов не должен улизнуть и передать в Великобританию донесение о начавшихся арестах.

6 марта 1942 года можно было начинать. Абверу стало известно точное местонахождение RLS-передатчика, и он провел необходимую подготовку для арестов. Уже в тот же день смогли арестовать всех агентов, входивших в шпионскую группу с передатчиком RLS.

Вражеский радист, обслуживавший эту радиостанцию, оказался нидерландским гражданином, английским лейтенантом по фамилии Лоуерс. Через него в немецкие руки попали секретные коды, которые он использовал для шифровки радиограмм в Лондон и расшифровки радиограмм, приходивших оттуда. Поскольку этот радиообмен между Лоуерсом и английским Центром в последние месяцы контролировался службой радиоперехвата абвера и записывался, теперь с помощью шифров стала возможной расшифровка всех перехваченных радиограмм. Это означало, что подполковник Гискес сразу смог составить ясную картину того, какие задачи Интеллидженс сервис ставила перед группой с позывным RLS и что арестованные агенты уже успели сделать.

Потому было относительно легко вычислить, какие дальнейшие действия предприняли бы агенты группы Лоуерса, если бы оставались на свободе. Далее уже было не особенно сложно проинструктировать своих доверенных лиц таким образом, словно они и работали по выполнению задач, поставленных шпионской сетью RLS.

Самым сложным вопросом, означавшим возможность контригры для подполковника Гискеса, стала дилемма: удастся или нет склонить Лоуерса отправлять в Лондон составленные и зашифрованные абвером радиограммы. Если он уклонится от этого и пришлось бы выводить немецкого радиста за радиостанцию RLS, существовала опасность, что опытные радисты лондонского Центра, до

сих пор обслуживавшие радиообмен с RLS, могли бы заметить смену радиста. Каждый радист обладает ему одному присущим «почерком», характерными особенностями, с которыми он нажимает на клавиши радиостанции, и определенной скоростью при передаче радиосигналов. Различие очень тонкое, для непрофессионала совсем или почти незаметное. Однако чувствительные радисты, которые долгое время поддерживали взаимный радиообмен, узнают друг друга по характерным особенностям. Они распознают радиосигналы словно почерк.

Если в деталях описывать, как подполковник Гискес преодолел все эти трудности, то потребовалось бы слишком много места. Он сам рассказал об этом в книге¹, к которой можно отослать заинтересованного читателя. В любом случае он добился того, что радиообмен с RLS-передатчиком продолжался так, что в Лондоне ничего не заподозрили.

Летом 1942 года акция «Нордпол» была еще в полном ходу. В первый раз уже в конце марта из Лондона по радио пришло поручение подобрать подходящую площадку, чтобы группа RLS могла принять крупную партию диверсионных материалов. Одновременно сообщалось, что при этой выгрузке будет сброшен и один парашютист для усиления группы.

Подходящее место быстро нашлось. Лондон заявил, что одобряет выбранную площадку, и сразу обозначил сроки, в которые следует ждать самолет. Оставалось всего несколько дней, чтобы подготовиться к приему агента и материалов. Несмотря на это, «приемный комитет» точно в назначенный час был на месте. С лихорадочным напряжением люди абвера в ночной час ждали английского самолета. Прилетит или не прилетит? А если прилетит, то что сбросит — груз или бомбы?

Но все прошло мирно. Люди из «приемного комитета» наилучшим образом сыграли роль, написанную им подполковником Гискесом. Все прошло как по маслу.

За этой выброской последовали и другие. Этим же путем прибывали и другие агенты. Поскольку о них заблаговременно извещали, то «приемный комитет» мог вести их планомерный прием.

¹ Гискес Герман. Акция «Нордпол».

Самым важным из этих агентов был нидерландец Ямбрус, прибывший в конце июня 1942 года. Как лейтенант английской разведывательной службы он имел конспиративное имя Юргенс. От Интеллидженс сервис он для Лоуренса привез оперативный план с инструкциями по созданию и в дальнейшем использованию крупной подпольной организации в Нидерландах. Однако этот оперативный план Ямбрус (Юргенс) привез не черным по белому на бумаге, а в голове.

Подполковнику Гискесу удалось разузнать об инструкциях, которые Юргенс получил в Интеллидженс сервис для устной передачи Лоуренсу. Английской разведкой задумывалось создать в Нидерландах многочисленную подпольную организацию, чтобы с ее помощью в нужное время нарушать или вообще перерезать коммуникации, идущие из рейха через Нидерланды в Бельгию и Францию. Оперативный план английской II службы разведки и контрразведки, в частности, предусматривал, что в самых различных местечках Нидерландов в подполье должны быть сформированы сотни групп.

Раз имелось намерение в один прекрасный день с успехом ввести в действие эту организацию, тогда соответственно их следовало оснастить оружием и взрывчаткой. «Сотни» подпольного движения необходимо так подготовить, чтобы они могли бы разрушить мосты через реки и важнейшие вокзалы на нидерландской территории.

Оглядываясь назад, представляется знаменательным, что английская Интеллидженс сервис уже так загодя, еще в июне 1942 года, задумывалась о применении сильной диверсионной организации в Нидерландах в том случае, когда коммуникации из рейха в Бельгию и Францию для вермахта станут крайне важными. Несомненно, уже тогда думали о вторжении. Интеллидженс сервис в этом случае не только дальновидно планировала, но и заранее решительно взялась за дело. То, что это предприятие потерпело неудачу, уже совсем другое дело.

После того как подполковник Гискес получил сведения об оперативном плане Интеллидженс сервис от Ямбруса (Юргенса), он стал целенаправленно работать над тем, чтобы в Лондоне создалось впечатление, что Лоуренс и его товарищи осторожно и упорно работают над выполнением поставленных перед ними задач. Он отправил в

Центр Интеллидженс сервис несколько радиogramм, в которых сообщалось, что группе с позывным RLS то в одном, то в другом нидерландском городе удалось завербовать новых соратников, готовых к решительным действиям против Германии.

Цель этого радиообмена — не только вытянуть из Великобритании дальнейшие посылки с оружием и диверсионным материалом; подполковник Гискес желал большего. Он хотел добиться того, чтобы Интеллидженс сервис доверила группе Лоуерса руководство формированием всей сети подпольных организаций в Нидерландах. Если это удастся, тогда абвер может попытаться вместо 17 сотен, формирование которых в нидерландском подполье предусматривалось английской разведкой, создать псевдоорганизации и провести отвлекающий маневр с долгосрочной перспективой и на широком оперативном просторе.

Интеллидженс сервис поначалу не планировала ставить Лоуерсу столь глобальных задач. Она, напротив, собиралась независимо от группы RLS создать другие агентурные группы, которые — каждая сама по себе — занялись формированием подпольных сотен. С этой целью и задачей Интеллидженс сервис обычным путем на самолете забросила в Нидерланды еще три пары агентов-парашютистов с позывным RLS, не оповещая об этом группу.

Однако, благодаря счастливой случайности, у подполковника Гискеса оказались в руках все нити, ведущие из Лондона к агентам, неизвестным группе RLS. С этого момента Гискес уже захватил инициативу в игре. Умелым использованием представившихся ему возможностей он добился того, что Интеллидженс сервис перенесла все создание подпольного движения в Нидерландах на агентов группы RLS, которые находились в его руках.

Успех акции «Нордпол» заключался в том, что намерения разведки противника создать обширную диверсионную группу были нейтрализованы в ходе многолетней дезинформации. Еще в начале 1944 года Интеллидженс сервис верила, что в ее распоряжении в Нидерландах имеются тысячи хорошо оснащенных бойцов Сопrotивления. В действительности же сил, на которые она рассчитывала, вообще не существовало.

Во-вторых, для германского военного командования и абвера многочисленные указания, которые Интеллидженс сервис в сотнях радиogramм направляла прямиком радисту абвера в полной уверенности, что она находится на связи с членами подпольной организации, были ценны и крайне содержательны.

После войны в Великобритании и Нидерландах акцией «Нордпол» занимались официальные комиссии, расследуя, почему английская Интеллидженс сервис могла получать от абвера дезинформацию в столь обширных размерах. При этом выявились многочисленные ошибки, совершенные или возможно допущенные английской разведкой. На них здесь нет времени останавливаться подробно, хотя, с немецкой точки зрения, некоторые ошибки были просто очевидны. Большинство из них заключалось в недооценке противника и в том, что в Нидерланды не посылались контролеры с заданием проверить группу Лоуерса, не ставя об этом в известность самого Лоуерса или кого-либо из его товарищей.

Но на некоторых обстоятельствах, в принципе объясняющих поведение английской разведки, я бы все же хотел остановиться.

Отчего у лондонского Центра могло зародиться подозрение, если происходило следующее: с RLS-передатчика в Лондон неоднократно посылались радиogramмы о том, что англичанин имярек находится в организации нидерландского Сопротивления и утверждает, что он английский летчик и недавно был сбит. Если данные совпадут, то группа RLS попытается его переправить в Лондон через Францию и Испанию. Незамедлительно из Лондона приходил ответ, что речь идет действительно о летчике. Тогда подполковник Гискес обеспечивал неприметную переправку англичанина на родину и при таких обстоятельствах, чтобы этот человек был полностью убежден, что своим спасением обязан нидерландским подпольщикам.

Подобные случаи были нередки. Разве Интеллидженс сервис не была твердо убеждена в том, что Лоуерс и его люди — весьма умелые и надежные, с английской точки зрения? Разве мог кто-либо в Лондоне даже предположить, что немецкий офицер абвера дает распоряжения неприметно разыскивать среди нидерландцев сбитых ан-

глийских летчиков, чтобы описанным способом переправлять их на родину, тем самым достигая того, что RLS-передатчик и стоящие за ним люди рассматривались Интеллидженс сервис как чрезвычайно ценные кадры?

Или разве английская разведка не должна была свято верить группе Лоуерса, когда они через RLS-передатчик доносили, что совершили диверсионный акт и потопили судно, а затем германская пресса сообщала о том, что судно и вправду затонуло? Вот так действовал подполковник Гискес. Чтобы завоевать и укрепить доверие Лондона к RLS-передатчикам и псеводиверсионным группам, время от времени ему приходилось действительно проводить диверсионные акты, правда, только такие, какие не могли бы нанести существенный вред германской оборонспособности и экономике.

Представителям английской службы II разведки и контрразведки пришлось столкнуться с необычайно талантливым противником, изощренные методы которого они не смогли распознать в течение многих лет.

Дело «Порто II»

Когда акция «Нордпол» летом 1942 года была в полном разгаре, во Франции началась еще одна радиоигра под названием дело «Порто II». Эта контригра с немецкой стороны велась иначе, нежели акция «Нордпол», и преследовала иные цели.

Из шпионских дел, раскрытых во Франции, выяснилось, что анализ поручений, получаемых агентами от вражеских разведок, дает ценную информацию и иногда даже позволяет сделать выводы об оперативных замыслах руководства противника. На этом основании мне представилось желательным установить контакт с вражеской разведкой, по которому я смог бы получать шпионские задания из Лондона из первых рук. Лучше всего, думалось мне, если я подобные задания стану получать от Интеллидженс сервис по радио прямо к себе на службу.

К подобной контригре я стремился еще и по другой причине. Военное командование иногда высказывало желание о контригре, чтобы иметь возможность быст-

ро и надежно передавать вражеской разведке дезинформацию о собственных военных делах, таких, как передислокация частей, маршевые колонны и перевозки. Та, конечно, и не должна подозревать, что донесения засылаются абвером.

По этой причине я «подсадил» двух постоянно проживавших в Париже молодых людей английской резидентуре Интеллидженс сервис в Португалии, известной абверу еще по делу «Порто I». Оба были доверенными лицами, действовавшими под псевдонимами Макс и Мориц, заранее прошедшими проверку на лояльность.

В соответствии с легендой, они заявили в английской резидентуре, что полны решимости и имеют хорошую возможность во Франции с помощью надежных друзей заниматься шпионажем против Германии. Кроме того, они будто бы могут передавать по радио донесения в Лондон, если им дадут рацию. Один из них был радиолюбителем и правдоподобно расписал представителям английской резидентуры, где, когда и как приобрел это хобби. Он мог рассказывать об этом не задумываясь, поскольку до вступления германских войск был во Франции радиолюбителем-коротковолновиком. Быстрее, чем ожидалось, противник снабдил обоих конфиденентов рацией и шифрами, и радиоигра началась.

С немецкой стороны имелся следующий план: Макс и Мориц в соответствии со своей ролью сразу заявили представителям Интеллидженс сервис в Португалии, что они со всей осторожностью приступят к делу и сначала хотят занять в нем только своих преданных друзей. Поэтому они, в особенности в первые месяцы, не могли передавать очень много донесений, словно им приходилось прикладывать много усилий, чтобы разузнавать самое важное. Представители английской разведслужбы сочли это само собой разумеющимся.

Потому я мог развивать контригру не спеша. Оба доверенных лица получали лишь ограниченную информацию для передачи в Лондон. Но то, что они передавали, соответствовало истине и было для разведки противника отнюдь не безынтересным. Правда, уходившие в Лондон донесения тщательно подбирались и формулировались по согласованию с отделом Ic главного командования группы армий «Запад».

Мой план основывался на том, чтобы постоянной поставкой точной, хотя и не очень важной информации создать у Интеллидженс сервис впечатление, что Макс и Мориц для англичан надежны, однако неопытны и необучены. Если мы добьемся этого, стоило ожидать, что английская разведка начнет давать обоим неоднократные советы, указания и рекомендации, что и было целью абвера. Далее Интеллидженс сервис заглотала бы важную дезинформацию сначала как подлинную, если бы, разумеется, изредка ее передавали Макс и Мориц, которые в стольких случаях поставляли надежную информацию.

Для создания так называемого игрового материала донесений, которые отправлялись по радио в Лондон, я поступал принятым в абвере образом. Макс и Мориц в сопровождении офицера отделения IIIf осматривали военные объекты, о которых было разрешено сообщать. Оба доверенных лица таким образом могли составлять сообщения на основе собственных наблюдений и формулировать собственными словами. Затем их тексты проверялись в отделении Ic главного командования группы армий «Запад», не возникнет ли возражений для передачи врагу. Исключения делались лишь в том случае, если содержание радиogramм безобидно или не содержит секретных сведений.

На западном театре за проверку и разрешение «игрового материала» в принципе отвечал главнокомандующий группой армий «Запад». Лишь когда он удостоверился, что с точки зрения обороноспособности страны нет никакой опасности, проверенные донесения отправлялись врагу.

Интеллидженс сервис в первые месяцы реагировала на получаемые радиogramмы, как на то рассчитывал и надеялся абвер. Она дала Макс и Морицу множество поручений и сообщила им, какими объектами интересуется, а какими — нет. Затем время от времени оба получали из Лондона директивы, как им следует стараться дополнить отдельные донесения.

По этой реакции противника можно сделать разные выводы. Среди прочего было ясно, что разнообразные военные объекты, о которых шли донесения в Лондон, не интересовали Интеллидженс сервис. Но по поручениям, получаемым Максом и Морицем из Лондона, было понятно, что английская служба особенно инте-

ресовалась разведкой определенных военных сооружений и ведомств. В ответ по этим пунктам были приняты дополнительные меры безопасности, чтобы защитить от раскрытия военных тайн, на которые нацеливалась Интеллидженс сервис.

Что вражеская разведка уже в первые месяцы контригры прониклась к Максусу и Морицу доверием, проявилось в следующем: когда оба по заданию отправляли радиogramмы в Лондон, в которых запрашивались личное огнестрельное оружие, снаряжение и одежда для вновь привлеченных друзей, очень быстро пришел ответ, что требуемые вещи в скором времени будут присланы. Несколько дней спустя пришла радиogramма, содержащая точные данные, куда и когда будет поставлено требуемое снаряжение и какие опознавательные знаки следует подавать карманными фонариками английским самолетам.

Площадка, в 60—70 километрах к югу от Парижа, была точно обозначена Интеллидженс сервис. Предположительно она там уже проводила выброски для членов движения Сопротивления. В назначенный час Макс и Мориц отправились в указанную точку в сопровождении нескольких офицеров абвера, все, разумеется, в гражданском. Я тоже принимал в этом участие.

Выбранная очень умело площадка располагалась в необитаемой местности в лесном массиве. Точно в указанное Лондоном время, между 2 и 2.30 часами, послышался гул приближающегося самолета. Мигом трое человек составили треугольник и подали условные сигналы карманными фонариками. И вот самолет, на высоте примерно 200—300 метров, уже над нами. Экипаж должен был разглядеть людей под ними на земле, потому что ярко светила луна. Ну что же, точно ли полетят контейнеры с заказанным снаряжением?

Все прошло по плану. Контейнеры, раскачиваясь на парашютах, снижались, а самолет постепенно растворялся в сумеречном свете лунной ночи. В контейнерах, вывезенных тихо и неприметно, помимо заказанного снаряжения были еще сигареты, продукты, деликатесы, а также изрядная сумма денег.

Эта местность для выброски в окрестностях Фонтенбло еще несколько раз использовалась летом того же

1942 года. Время от времени Макс и Мориц сообщали в Лондон, будто к их группе примкнули новые бойцы и им требуется то и это. Тогда Лондон незамедлительно сбрасывал необходимое. Ожидание на месте выброски для людей из «приемного комитета» каждый раз заставляло их переживать. С огромным напряжением ожидали даты, на которую был назначен прилет самолета. Прилетит ли? Все ли снова пройдет хорошо, как и прежде?

Однако все проходило хорошо. Но чем больше и продуктивнее представлялась Интеллидженс сервис мнимая шпионская группа Макса и Морица, тем больше становились требования к ней. Английскую разведку уже не удовлетворяли донесения, подготовленные абвером по согласованию с главнокомандующим группой армий «Запад». Чем дольше продолжалась контригра, тем чаще приходили Макс и Морицу требования из Лондона точнее и основательнее разведывать ход военных процессов и объектов.

Но главнокомандующий группой армий «Запад» не мог решиться передать подробные данные по секретным военным объектам, которые требовала английская разведка. Сведения о противнике и его замыслах, получаемые от контригры, за такую цену ему были не нужны.

Мне стало ясно, что проведение операции «Порто II» подошло к критической точке. Поскольку ценная информация не могла быть передана в Лондон, уже в ближайшие недели это приведет к тому, что от Интеллидженс сервис поступят радиограммы, в которых недвусмысленно будет указано, что она не удовлетворена работой Макса и Морица. У абвера создалось впечатление, что в Лондоне уже закралось подозрение против этих агентов.

Во Франции дела обстояли совсем иначе, нежели в Нидерландах. Английская разведка последние два года провела с пользой и была настолько хорошо информирована о германских силах, что не могла долго терпеть примитивные донесения Макса и Морица.

На такой стадии контригры прояснилось, что важнейшая цель, которую абвер ставил вначале, а именно дезинформация вражеской разведки относительно важных военных процессов с немецкой стороны, вряд ли будет достигнута. Если Интеллидженс сервис уже сейчас, осе-

нию 1942 года, не доверяет Макс и Морицу важной шпионской работы или даже подозревает их, то было бы неверным и ошибочным пытаться вести через них эффективную дезинформацию.

Потому я решил закончить радиоигру. Это произошло таким образом, что Интеллидженс сервис решила, будто они «упорхнули», то есть уничтожены немцами. Еще несколько недель Лондон по радио взывал к Макс и Морицу. Но они больше не откликались.

Важнейший вывод, сделанный абвером из этой контр-игры, без сомнения, был тот, что дезинформация вражеских разведок о военной ситуации во Франции в будущем должна быть продолжена на другой основе.

Перелом в войне на полях сражений и на тайном фронте

Уже несколько месяцев спустя после описываемых событий произошли события, знаменовавшие перелом в ходе войны не в пользу Германии. Не знавшие до сих пор поражений германские армии стали получать удар за ударом. 3 ноября фельдмаршал Роммель потерял все надежды на дальнейшее продвижение в Египте и начал отход. 8 ноября войска союзников высадились в Оране и Алжире, а в конце того же месяца 6-я армия фельдмаршала Паулюса попала в отчаянное положение.

Эти военные поражения в последующем оказали неблагоприятное воздействие и на скрытую борьбу абвера на тайном фронте.

На Западе положение после высадки союзников в Северо-Западной Африке настолько сильно изменилось, что адмирал Дарлан, с апреля 1942 года главнокомандующий войсками правительства Виши, перешел на сторону американцев. Он, который никогда не был другом англичан, теперь считал правильным отдать себя в распоряжение противников Германии.

Через несколько дней после 8 ноября 1942 года Южную Францию оккупировали германские войска. Сначала это дало абверу то преимущество, что теперь в этом регионе ничто не мешало ему вести борьбу со шпионско-диверсионными группами. Но общая ситуация по-

знее выявила недостатки, которые значительно перевешивали преимущества.

В Южной Франции, где до 11 ноября 1942 года полицейскую власть осуществляло правительство Виши, уже к концу этого года были размещены отделения абвера в Лионе, Марселе, Тулузе и Лиможе. Филиалы в течение 1943—1944 годов появились и в некоторых других французских городах. Но отделения абвера на юге Франции в общем и целом комплектовались за счет кадров уже действующих на Западе отделений. В результате потери кадров последние существенно ослаблялись, но должны были выполнять поставленные задачи в полном объеме. Подавление вражеских разведок и их агентов на Западе теперь следовало выполнять теми же силами, но на уже гораздо большей территории.

Положение германской разведки и контрразведки во Франции усугублялось еще и тем, что оккупационные войска постоянно снимались, поскольку они были необходимы на Восточном фронте и в Африке. Во время поездок сотрудники абвера и доверенные лица в некоторых департаментах уже не встречали ни одного немецкого солдата.

В результате вражеские разведки и французское движение Сопротивления обрело большую свободу действий и широкое пространство для расширения шпионско-диверсионной сети, а также подразделений Сопротивления, поскольку расстояние от северо-восточной оконечности Франции на проливе Па-де-Кале до Пиренеев по прямой все-таки более 900 километров.

И все же наибольший недостаток для работы абвера на Западе проистекал из факта оккупации юга Франции. Подавляющее большинство всех французов, независимо от их политической ориентации, рассматривали вступление в Южную Францию как нарушение рейхом договора, заключенного с правительством Виши. В результате последнее потеряло лицо в глазах населения. Миф о мудром маршале Петене поблек.

Ущерб для Германии был огромен. В различные организации Сопротивления, которые возникли на юге Франции без участия Лондона по инициативе французских патриотов, теперь начался наплыв желающих. Если ранее эти организации насчитывали лишь тысячи членов, то

вскоре после оккупации Южной Франции счет пошел на десятки тысяч.

Поскольку многочисленные группы в основном действовали разрозненно, то занятие Южной Франции окончательно подтолкнуло их командиров к решительному выводу, что необходимо объединять силы и совместно бороться против немецких оккупационных властей по инструкциям из Лондона. В подполье они начали формировать так называемые шестерки и тридцатки и готовить их к боевым действиям из засад.

Далее, уже тогда во Франции стали возникать первые партизанские отряды (маки), в том числе в департаменте Эн, южнее Гренобля, и в районе Веркора. Под маки движение Сопротивления также подразумевало глухие углы в труднодоступной или уединенной, малонаселенной местности, где, незаметно для немцев, годные к воинской службе мужчины могли собираться и готовиться к боевому применению.

Примерно с лета 1943 года во Франции из маки стали проводиться многочисленные мелкие операции. В большинстве своем это были нападения на отдельные автомобили или небольшие колонны вермахта. Если при этом немецкая сторона не несла существенных потерь, то военно-транспортное сообщение от этого страдало, иногда даже весьма ощутимо. В некоторых районах Франции с конца 1943 года уже не встречалось ни одного немецкого транспортного средства.

Такая тенденция, разумеется, была для вражеских разведок крайне благоприятной.

Сопротивление, как уже говорилось, до конца 1942 года оставалось не просто расколотым, но и в постановке целей и в тактике разные организации во многом не совпадали. На неоккупированных французских территориях существовало даже антиголлистское движение, называвшееся «Карт». Теперь же ситуация созрела для попытки объединить силы Сопротивления во Франции. Голлистской разведке удалось постепенно прибрать к рукам руководство организациями Сопротивления и широко вовлечь их в подпольную борьбу против Германии. Что же касается внутривнутриполитических целей и внешнеполитической концепции различных организаций Сопротивления, то, напротив, ни на одном этапе

так и не удалось их полностью унифицировать и слить воедино.

В 1942 году голлистская разведка принялась и за создание сектора уже контршпионажа. Среди сотен тысяч во Франции, тайно поднявшихся против Германии, теперь имелось достаточно подходящих мужчин и женщин для использования их в контршпионаже.

Неблагоприятное для Германии развитие событий вследствие ввода войск в Южную Францию еще усугубилось и неумными действиями рейха. Прежде всего крайнее недовольство вызвало обращение с неудобными французскими политиками и офицерами, оказавшимися в германской зоне оккупации. Их просто бесцеремонно нейтрализовали.

Одним из первых жертв Гитлера после ввода войск в Южную Германию стали генерал Вейган и политики Поль Рейно и Жорж Мандель, арестованные в ноябре 1942 года и отправленные в Германию. 20-го числа того же месяца германское радио с помпой сообщило об этих мерах имперского правительства.

Неделю спустя следующий удар: 27 ноября германские и итальянские части заняли военный порт Тулон, в котором на якоре стоял 61 французский военный корабль, по договору о перемирии принадлежавший оставленным правительству Виши вооруженным силам. Но экипажи затопили суда.

Это событие стало показательным для тогдашней ситуации во Франции и настроения ее населения, которое по сравнению с 1940 годом полностью изменилось.

Теперь пробил час голлистской разведки. Ее лондонский Центр, называвшийся в 1940—1941 годах *Deuxième Bureau Londres*¹, а в 1942 году переименованный в *BCRA (Bureau Central de Renseignements et d'Action)*², уже давно дожимал английскую Интеллидженс сервис с требованием предоставить ему больше средств для создания тайного фронта во Франции. Но англичане вплоть до 1942 года были столь скупы, что между двумя разведками возникла напряженность в отношениях. Причины, по которым Интеллидженс сервис вела себя столь сдержанно, так и

¹ Второе Лондонское бюро (*фр.*).

² Центральное бюро по сбору информации и акциям (*фр.*).

остались неизвестными, хотя этот вопрос во Франции после войны обсуждался в специальных изданиях весьма оживленно.

При этом могли сыграть свою роль политические соображения английской стороны. Но, по данным абвера, Интеллидженс сервис, вероятно, столь долго колебалась оказать голлистской разведке поддержку прежде всего потому, что, с ее точки зрения, офицеры BCRA были хорошими солдатами, но не сведущими в разведке людьми.

Англичане, по всей видимости, опасались, и не без оснований, что созданная непрофессионалами на вражеской территории обширная шпионско-диверсионная сеть неизбежно понесет столь большие потери, что это может возыметь негативные последствия для западных держав во Франции. Поражения, подобно описанному делу «Порто I», когда в несколько дней под арест попали свыше 900 лучших французских патриотов, возможно, привели английскую сторону к подобной сдержанности.

Здесь имеет смысл остановиться на положении британской Интеллидженс сервис в годы войны. Перед этой службой, несомненно, мощной еще в начале войны благодаря разветвленной нелегальной сети, после вступления германских войск в Польшу, Норвегию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Францию встала масса новых задач. Различными путями политики и военные из оккупированных стран прибывали в Великобританию, чтобы встать в ряды борцов с Германией. Многие из них желали принять участие в борьбе политически или на тайном фронте. Все это выдвигало новые большие требования к английской Интеллидженс сервис, которая прежде всего должна обучать и держать в готовности собственные кадры.

Как бы то ни было, руководство голлистской разведки во второй половине 1942 года получило большие средства и решило открыть свой тайный фронт во Франции. Она усиленно набирала лиц, которых можно было бы использовать во Франции, и обучала их основам разведывательной работы в Великобритании. В особенности готовили специалистов по руководству и советников для организаций Сопrotивления, в частности и радистов, которых должны были направить в различные группировки для под-

держания оперативной связи между ними и лондонским Центром BCRA.

На тот же период приходится создание уже упомянутого сектора контршпионажа, которого до той поры в BCRA не существовало, а также создание во Франции групп по 6 и по 30 человек, главным образом для совершения налетов. В то же время началась и усиленная пропаганда против Германии. Уже в это время некому дальновидному человеку в движении Сопротивлении пришло на ум ориентировать пропаганду не на борьбу против немцев как таковых, а на уничтожение национал-социализма и фашизма. Этого человека, бывшего офицера французского морского флота, звали д'Эсте де ла Вижер.

Английское руководство той осенью 1942 года открыто заявляло, что Германия сама делает все, чтобы разрушить те последние симпатии, которые к ним питали на оккупированных территориях; но к моменту вторжения желательно полностью привлечь население Франции на сторону союзников. Соображения подобного рода привели к тому, что руководство голлистской разведки в Лондоне получило бульшую поддержку.

BCRA даже добились права, чтобы его действовавшие во Франции нелегалы шифровали донесения собственным кодом и отправляли по радио в Лондон, если содержание донесений касалось сугубо французских дел. Хотя этот радиообмен также принимался Центром Интеллидженс сервис, но на расшифровку они передавались в BCRA, где по своему усмотрению решали, насколько содержание донесений следует доводить до сведения английской службы.

Направленная против Германии работа руководителей голлистской разведки и движения Сопротивления проводилась с воодушевлением и размахом, но главное с упорством и ожесточенностью, которые после военного поражения в 1940 году во многом поспособствовали победе союзников.

Но воодушевление, недалеко ушедшее от ненависти, не лучший советчик для работы на тайном фронте. Оно стало причиной весьма ощутимых потерь для вражеских разведок. С января 1943-го по июль 1944 года уголовная полиция во Франции арестовывала в месяц более тысячи,

иногда по две и даже три тысячи лиц, активно наносивших ущерб германским интересам. При этом были арестованы далеко не все известные вражеские агенты и члены движения Сопротивления. Неоднократно уголовная полиция даже отказывалась от какого-нибудь ареста, чтобы глубже проникнуть в деятельность какой-либо группы и прежде всего в замыслы лондонского руководства.

Германская разведка и органы безопасности сравнительно легко добились этих успехов. С конца 1942 года передаваемая из уст в уста и усиленная передачами лондонского радио антигерманская пропаганда порождала в сельских районах Франции бесчисленные новые группы Сопротивления, выжидавшие лишь удобного мгновения, чтобы нападать на немецких военнослужащих и совершать диверсии где только возможно. Они брались за дело отважно, но в большинстве случаев весьма легкомысленно и без должного профессионального руководства, в результате очень часто становясь жертвами собственной неопытности и отваги.

Другим источником провалов были предатели. Когда в какие-то секреты посвящаются многие тысячи человек, среди любого народа найдется несколько таких, которые из-за презренного металла выдадут своих товарищей.

Некоторые продавали свои секреты как можно дороже, ради собственной выгоды; другие переходили на сторону врага, поскольку растратили казенные деньги; третьи уходили от своих работодателей, когда работа на тайном фронте начинала угрожать их жизни. Наконец, во все времена существуют люди, дезертирующие с тайного фронта, поскольку считают, что требуемая от них работа более не согласуется с их совестью. В этом отношении абвер не был исключением. Десятки нелегалов, а в некоторых случаях и руководящие сотрудники службы переходили на сторону врага. Крысы бежали с тонущего корабля.

Большинство вождей Сопротивления были столь воодушевлены своими задачами и настолько переполнены ненавистью, что считали, как само собой разумеющееся, обязанность каждого француза также чувствовать и думать, как и они. Потому руководители безгранично доверяли многим своим соратникам. Похоже, мысль, что предатель может находиться в их собственных рядах,

вряд ли приходила им в голову. При этом именно им, как французам, при проведении подпольной работы следовало бы придерживаться поговорки, хорошо известной всей Франции: «*On n'est pas trahi que par les siens*»¹.

Но железная воля генерала Де Голля и его подчиненных держали все удары. Они случались и позже. Борьба за самостоятельную организацию, определение задач и руководство движением Сопротивления продолжались вплоть до 1944 года. Но генерал Де Голль справился со всеми трудностями.

Сопротивление росло и ширилось, несмотря на все аресты и другие акции абвера. Уже примерно в марте или апреле 1943 года организационно были объединены различные, рассыпанные по всей Франции отряды Сопротивления. В большинстве департаментов отныне группами Сопротивления в соответствии с указаниями из Лондона руководили один гражданский и один военный начальник. Таким образом, движение Сопротивления превратилось в фактор, подготовивший конечную победу союзников, по меньшей мере психологически.

Однако когда в июне 1944 года началось вторжение, военное превосходство западных держав было настолько очевидным, что отряды движения Сопротивления уже не играли никакой решающей роли на полях сражения.

Оккупация Южной Франции

Что же можно рассказать о работе абвера в тот период, когда чаша весов войны стала склоняться не в пользу Германии?

10 ноября 1942 года во второй половине дня меня вызвали к полковнику Рудольфу, который сообщил мне следующее: «Из подходящих лиц нашего главного управления срочно формируется абверкомmando. Вы назначаетесь начальником. Самое позднее в полночь вы должны выступить из Парижа. Завтра в 7 часов немецкие войска по различным направлениям перейдут демаркационную линию, чтобы занять юг Франции. К этому времени вы уже должны находиться на этой линии.

¹ Предают только свои (*фр.*).

Спецподразделение сначала вводится в Виши. Задача прежде всего состоит в том, чтобы воспрепятствовать персоналу пока еще существующих в Виши посольств враждебных стран передать информацию о наших войсках и их передвижениях. В первую очередь вы должны взять на прицел американское посольство. Думаю, 10 офицеров и 30 рядовых, включая переводчиков, радистов и водителей, будет для этой задачи достаточно. Если нужно больше, берите в отделении радиоперехвата.

О любом важном событии в Виши немедленно сообщать по радио или через курьера. Я буду передавать ваши отчеты в службу в Берлине и главнокомандующему группой армий «Запад». Возможные разведывательные пожелания обоих я передам вам тут же».

В полночь я со спецподразделением выступил из Парижа. Был густой туман, замерзавший на стеклах машин. Таинственно и довольно медленно колонна шла сквозь ночь. Несмотря на это, на демаркационную линию вышли заблаговременно.

Я присоединился к войскам, которые должны были идти на Виши. Но через два часа после пересечения демаркационной линии я со своим спецподразделением оказался один на дороге, ведущей в Виши. Я по радио донес о том в отдел абвера и получил оттуда сообщение, что фельдмаршал фон Рундштедт несколько часов назад заверил маршала Петена, что Виши как резиденция французского правительства по возможности не будет занята войсками. Но поскольку я не получил никакого отменяющего приказа, то продолжил поход и в полдень вошел в Виши.

Выполнение поручения не вызвало затруднений. Сотрудники посольств вражеских стран большей частью уже выехали в направлении Швейцарии. На вокзале в Виши стоял длинный товарный состав, который бежавшие работники дипломатических представительств вражеских стран полностью забили своими вещами. Он стоял на всех парах. Разумеется, я мог провести его досмотр, но отказался от этого. Вряд ли можно было предположить, что представители вражеских держав, грузивших состав, зная, что вражеские части на подходе, станут грузить исключительно секретные документы, а не постараются удрать. Мои действия впоследствии вызвали разногласия

в вышестоящих инстанциях; одна посчитала мое невмешательство ошибочным, другая же правильным.

Хотя я ограничивался проведением необходимых мер безопасности относительно определенных посольств и не произвел ни единого ареста, позднее все же от иностранных государств в адрес министерства иностранных дел в Берлин поступило множество жалоб на действия абверкомmando; но на мне это никак не отразилось.

Спецподразделение находилось в Виши лишь несколько дней.

11-го и 12 ноября 1942 года у немецких ведомств во Франции еще не было никакой ясности относительно того, намеревается ли имперское правительство окончательно забрать всю полноту полицейской власти у правительства Виши и осуществлять ее самому. Потому я недолго думая решил сразу же затронуть этот вопрос у компетентного лица в правительстве Виши.

В сопровождении капитана Виганда я нанес визит министру внутренних дел Пуше и среди прочего спросил его, готово ли правительство Виши поддерживать военную контрразведку при подавлении вражеской агентурной сети, действующей на французской территории против Германии. Пуше, ни секунды не колеблясь, заявил:

— Нет, к этому я не готов.

— Тогда это, скорее всего, приведет к вводу в Южную Францию спецподразделений германской тайной полиции, — заявил я. — Она привлечет подчиненные вам органы полиции к контрразведке вражеских секретных служб.

— Тогда я буду вынужден примириться с этим, — ответил Пуше. — Поскольку у меня не имеется средств, чтобы силой противостоять подобному насилию¹.

Беседа была вежливой и корректной. Несмотря на отказ, полученный от Пуше, мы любезно распрощались с министром.

После того я отвел абверкомmando обратно в Париж. Уже несколько дней спустя спецподразделения тайной

¹ Пуше после войны был приговорен к смертной казни как коллаборационист. Потому его отношение ко мне во Франции, вероятно, поразительно. Тогдашний капитан Виганд, способный засвидетельствовать ту беседу, еще жив.

полиции вошли в Южную Францию. Абвер в соответствии с предписаниями, как уже говорилось, также разместил несколько отделений в Южной Франции.

На обратном пути из Испании адмирал Канарис в начале декабря 1942 года снова посетил главное управление абвера по Франции в Париже. Мое выступление о росте агентурной сети и групп Сопротивления адмирал выслушал внимательно, однако не сказал ни слова. Но по нему было видно, что его крайне беспокоило подобное развитие событий во Франции.

Вечером в комнате 109 отеля «Лютеция» состоялся ужин в узком кругу старших офицеров управления абвера. Канарис и шеф I отдела абвера, полковник генштаба Пикенброк, сопровождавший адмирала в поездке по Испании, пожелали принять в нем участие. Когда все собрались и ждали появления Канариса, Пикенброк для поднятия настроения у общества рассказал историю, приключившуюся с ним прошлым летом:

— При чудной погоде Канарис и я ехали в открытой машине по Испании. Когда мы проезжали мимо огромной отары овец, адмирал привстал и по-военному поприветствовал стадо. Я его спросил: «Что случилось, эксцеленц?» (Пикенброк, между товарищами называемый Пики, имел обыкновение обращаться к Канарису «эксцеленц».) Канарис ответил: «Никогда ведь не знаешь, нет ли среди них твоего начальника».

Пикенброк явно намеревался этим рассказом поднять настроение. И ему это удалось.

Но вечер окончился в подавленном молчании. Адмирал Канарис не заразился от деланого веселья некоторых присутствующих, а оставался серьезным и молчаливым.

После ужина, когда все пришли в благодушное расположение, адмирал высказал им наболевшее у него на душе. Во время своего доклада шефу я упомянул, что недавно по приказу Гитлера арестованы французские политики Рейно и Мандель, а также генерал Вейган. Адмирал вернулся к этому и в острых выражениях высказался о «гангстерских методах Гитлера и его ставленников». Мало того что на Востоке совершается столько преступлений, так теперь эту практику распространяют и на Францию, с правительством которой торжественно

было заключено перемирие. Война будет проиграна. Но самое плохое, что нас, немцев, станут преследовать во всем мире. Ни один иностранец не будет доверять немцу. Многие годы после войны окажутся страшными для тех, кто сумеет ее пережить.

Канарис, который не любил застолий до утра, но иногда готовый посидеть в непринужденном кругу друзей до полуночи, на этот раз распрощался сразу после ужина.

Что же должен он был увидеть среди своих шестерых или семерых подчиненных, чтобы у него вырвалось подобное замечание! Слова адмирала вызвали у меня почти что шок. Тогдашний руководитель группы III отдела главного управления абвера по Франции, капитан 2-го ранга доктор Эрих Фейффер, попытался по-своему приободрить меня. Но имел ли тогда смысл наш труд? Ради каких презренных личностей шагают и льют свою кровь наши доблестные солдаты? Разве они не верят, что кладут свою жизнь за доброе и правое дело? От страстного высказывания нашего шефа мне стало ясно, куда ведет наш путь. С одной стороны, лицемерная пропаганда Геббельса, а с другой — планомерное уничтожение беззащитных людей! Мне вдруг стало ясно, что мы несемся навстречу страшной гибели. Военное поражение было неминуемо. После катастрофы весь мир станет нашим врагом. Какой тогда смысл в нашей работе и наших усилиях?

И все же капитан 2-го ранга Фейффер полагал, что я плохо понял адмирала.

— То, что Канарис сказал нам в сильном волнении, — считал он, — он скажет при любом удобном случае Кейтелю или даже Гитлеру. Правда, в других, более взвешенных выражениях. Канарис не побоится прямо сказать руководителям о тенденциях в войне, неблагоприятных для рейха. Он и в высших кругах указывал на то, что плохое обхождение или даже жестокое обращение с военнопленными оказывает негативное воздействие на дисциплину и боевой дух собственного солдата. Мы, как мне кажется, доверием, оказанным нам адмиралом, призваны и в дальнейшем на своей службе благородно, по-рыцарски относиться к вражескому солдату и агенту. Долг командного состава абвера был и остается — выявлять и

указывать на угрозы для рейха, исходящие от вражеских держав. И не в последнюю очередь это ваша обязанность, Райле! Каждые три-четыре недели вы составляете отчет абвера о положении противника на Западе, у которого много потребителей. В нем вы, опираясь на объективные данные, постоянно можете указывать на то, где и каким образом вражеские страны получают преимущество. Вполне вероятно, что эти отчеты высшим командованием время от времени доводятся до сведения Гитлера и его доверенных лиц. Возможно, компетентным органам наконец все-таки сделается ясно, что пришло время принять политическое решение, чтобы изменить ход войны или хотя бы добиться приемлемого компромисса. На современном этапе именно в этом я вижу для вас главную миссию. Другая важная задача, защищать войска и предохранять обороноспособность страны от предательства, диверсий и нападений, — постоянная и главная для нас, сотрудников абвера III.

— Вы полагаете всерьез, — спросил я, преодолев последние преграды, — что адмирал, этот деликатный, дальновидный человек, все еще способен сохранять преданность Гитлеру? Этот вопрос тесно взаимосвязан с тем, что мы слышали от Канариса.

— Допустим, — помолчав, возразил доктор Фейффер, — что я об этом также размышлял. Думаю, какой бы путь на своем высоком ответственном посту адмирал ни занимал, он будет руководствоваться только собственной совестью и за это держит ответ перед Богом и самим собой. Правда, нам он неоднократно недвусмысленно давал понять, что мы должны выполнять свои долг и обязанности непоколебимо и отдавая все силы.

Этой дорогой долга и шли все сотрудники абвера, которые размещались в отеле «Лютеция». Но никто из них, к примеру, не был вовлечен в события 20 июля 1944 года.

Спустя несколько месяцев после разговора с капитаном 2-го ранга доктором Фейффером в марте 1943 года у меня была еще одна странная беседа. Главнокомандующий войсками во Франции, генерал от инфантерии Генрих фон Штюльпнагель, имел обыкновение приглашать меня для доклада о положении дел с контрразведкой и наиболее примечательных разведывательных результатах. На этот раз генерал заявил мне:

— Я всегда с большим интересом читаю отчеты о контрразведывательных мероприятиях. В последнее время я обратил внимание на то, что начальник тайной полиции во Франции в своих отчетах неоднократно сообщает о тех же событиях и фактах, что и вы. Однако при этом он приходит совершенно к иным выводам и оценкам ситуации, нежели абвер. С точки зрения безопасности, он полагает, что сможет удержать движение Сопротивления в неопасных для нас границах. Вы же, напротив, предсказываете такое развитие событий во Франции, которое из месяца в месяц будет ухудшаться для Германии.

— Думаю, у меня на это имеются все основания, господин генерал. Значительные организации Сопротивления, а также некоторые более мелкие отряды в течение последнего года полностью оказались под контролем Лондона. Прежде члены этих отрядов в основном лишь выжидали удобного случая, чтобы как-то причинить ущерб германским интересам. У них не было опытных командиров, и они не были ни подготовлены, ни оснащены для ведения шпионско-диверсионной работы. В последние месяцы все это изменилось решительным образом. Большинство подразделений Сопротивления нацеливаются по радио или курьерами из Лондона и готовятся к крупным акциям. Для этого по воздуху они получают разнообразное оружие, взрывчатые вещества и другое необходимое им снаряжение. У абвера и тайной полиции недостаточно личного состава, чтобы разрушать подобные предприятия. Число вражеских радистов во Франции постоянно растет, несмотря на многочисленные аресты.

Структуре и тайной деятельности Сопротивления благоприятствовала и военная ситуация. Превосходство в воздухе вражеских держав растет, а с обширных территорий Франции войска выведены. Поэтому у движения Сопротивления появилась гораздо большая свобода передвижения, нежели прежде. Вдобавок настроения французского населения в результате оккупации юга Франции и мер принуждения, предпринятых против таких лиц, как Вейган, Рейно и других, по отношению к нам сильно ухудшились. Оттого приток в движение Сопротивления намного возрос по сравнению с тем, что еще было год назад.

Возможно, пока не стоит ожидать значительных военных операций Сопротивления против нас и, вероят-

но, их вообще не будет. Однако положение, с точки зрения абвера, уже сейчас в высшей степени критическое. От многочисленных шпионских сетей во Франции уже невозможно скрыть какое-либо передвижение войск. Количество диверсий неуклонно растет. Ничто не говорит о том, что ситуация в будущем изменится в нашу пользу. Судя по всему, следует рассчитывать на противоположное. Я знаю развитие событий во Франции с 1940 года. Тогда население было настроено мирно. Напротив, сегодня я вижу такое же различие, как между днем и ночью. Кто этого не признает, тот просто закрывает глаза, господин генерал.

Генерал Штюльпнагель в основном придерживался моей точки зрения. Он просил меня каждый четверг являться к нему на доклад. Но до того я должен обсуждать ситуацию с контрразведкой, с начальником тайной полиции, чтобы мог доложить генералу, как тот обосновывает свою оценку ситуации.

Но из-за большой занятости начальника тайной полиции в Париже, штандартенфюрера доктора Кнохена, для обсуждения ситуации с контрразведкой я смог с ним встретиться всего один раз. Узнав, о чем идет речь, он отправил меня к своим помощникам, которые не могли дать достаточного анализа.

Глава 6

С МАЯ 1943 ГОДА ДО КОНЦА ВОЙНЫ. ОБЩЕЕ ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. МЕТОДЫ РАБОТЫ АБВЕРА НА ЗАПАДЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОГРОМНОГО ЧИСЛЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА ВРАЖЕСКИХ РАЗВЕДОК. ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ АДМИРАЛА КАНАРИСА. ВТОРЖЕНИЕ. 20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА В ПАРИЖЕ. АБВЕР В ПОСЛЕДНЕЙ ФАЗЕ ВОЙНЫ

Когда в течение 1942 года произошел перелом в ходе войны, в дальнейшем началось поражение рейха. Чаша весов стала явственно склоняться не в пользу Германии. Ряд военных операций и политических событий дал союзникам ощутимые преимущества. Для тех в Германии, у кого был доступ к информации, в конце 1944 года стало ясно, что войну у вражеских держав выиграть в решительном сражении уже невозможно. Союзники после вступления в войну США получили значительный перевес в живой силе и технике.

Если политическое руководство рейха в тот период в прессе и по радио постоянно уверяло, что возникшие потери восполнимы и что враг, в конце концов, потерпит поражение, так заведомо лгала пропаганда. Отсутствовала всякая надежда догнать вражеские страны в военном отношении. Потенциал одних США был несравнимо выше, нежели всего рейха.

Здесь представляется необходимым указать на то, что к началу 1943 года в Германии находилось очень немного таких, чей взгляд остался бы незамутненным после геббельсовской пропаганды. Многим иностранцам да и части молодых немцев это покажется невероятным, но тому имеются убедительные доказательства.

Еще в начале марта 1945 года я был свидетелем эпизода, который доказывает, какого невероятного воздей-

ствия можно добиться пропагандой. Как-то я разговаривал с одним из моих командиров абверкоммандо, заявившим: «Мне кажется, сейчас как раз самое время применить чудо-оружие».

Другими словами, старший офицер еще всерьез верил в существование чудо-оружия, о применении которого в решающий час все время твердил Геббельс. Чтобы понять этот и подобные ему случаи, необходимо поставить себя на место тогдашнего гражданина Германии, не забывая, что иностранная пресса в регионы, подконтрольные Германии, не поступала, а прослушивание заграничного радио строго наказывалось. Кроме того, у большинства немцев, сражавшихся на фронтах или трудившихся на заводах, фабриках или где-то еще, не было никакой возможности слушать или получать другие новости, кроме как пропущенной или одобренной министерством пропаганды.

И положение абвера на тайном фронте также в течение 1943 года существенно изменилось в пользу вражеских государств. Объяснение этому прежде всего кроется в событиях на военных фронтах и в политике. Мероприятия и достижения абвера едва ли возможно оценить, если их не связывать с общим военным и политическим положением.

13 мая 1943 года капитулировали последние соединения «африканской» армии на Кап-Бон в Тунисе. Даже один из влиятельнейших национал-социалистов, Геринг, еще в ноябре 1942 года в одном из публичных выступлений заявил, что немецкое поражение в Северной Африке означало бы плюс в пользу союзников.

В результате разнообразных событий уже зимой 1942/43 года для Германии возник вопрос, как долго итальянские союзники еще будут выполнять свои обязательства. Нежелание итальянских войск продолжать воевать к 11 июня 1943 года стало очевидным. В этот день итальянский гарнизон острова Пантеллерия, расположенного между Сицилией и Африкой, сдался союзникам. Муссолини превратил остров в мощное укрепление на Средиземном море, на котором к моменту сдачи, включая боеспособные артиллерийские и военно-воздушные соединения, насчитывался гарнизон в 10 тысяч солдат.

Месяцем позднее, 9 июля 1943 года, последовала высадка союзников на южном и юго-восточном побережье

Сицилии. Американские, британские и канадские части высадились на сушу и захватили плацдарм, с которого должны были последовать дальнейшие военные операции по захвату Сицилии и Апеннинского полуострова. Германские войска в тяжелых боях оказывали упорное сопротивление, хотя части противника воевали под подавляющим прикрытием авиации.

Такой исход борьбы в Сицилии не в последнюю очередь объяснялся позицией дислоцированных там итальянских частей. Они оказали сопротивление лишь в нескольких пунктах. Некоторые итальянские дивизии, по свидетельствам участвовавших германских офицеров, вообще не оказывали никакого сопротивления.

25 июля 1943 года Муссолини был арестован, после того как его соперники в фашистской партии договорились об этом с влиятельными лицами американской армии и членами королевского дома.

Через полтора месяца, 3-го и 4 сентября, американские и британские части, форсировав Мессинский пролив, с Сицилии высаживаются в Италию. В то же самое время, когда нога первого солдата этих частей ступает на итальянскую землю, Италия заключает с союзниками перемирие, сохраняемое еще несколько суток в тайне; итальянская сторона придавала значение тому, чтобы германское правительство не узнало о заключении договора до 8 сентября. В этот день германо-итальянскому братству по оружию пришел безрадостный конец. Германские войска оказались поставленными перед задачей разоружения итальянских частей и одновременно вынуждены были бороться с высадившимися частями противника.

Во время этих событий на средиземноморском театре и на Восточном фронте положение стало принимать для Германии неблагоприятный поворот. 4 июля 1943 года армейские группы «Центр» и «Юг» приступили к проведению операции «Цитадель», нацеленной на сохранение и укрепление инициативы в германских руках. Первым этапом операции планировалась ликвидация русских позиций, которые, широкой дугой проходя вокруг Курска, выдавались на запад. Если бы операция удалась, то германская линия на Восточном фронте сократилась бы на 500 километров. Но поставленные задачи не были решены.

Гитлер 13 июля подписал приказ о прекращении операции «Цитадель». С этого момента инициатива на Восточном фронте бесповоротно перешла к Советскому Союзу.

Менее счастливое противоборство на суше в том же 1943 году затмило два еще более ужасных для Германии обстоятельства: если в первые годы войны с германской стороны возлагались надежды на подводный флот, который мог бы внести решающий вклад в победу германского оружия, то к концу 1943 года эта надежда была окончательно похоронена. Германский подводный флот вследствие превосходства союзников в радиолокации понес катастрофические потери. Кроме того, господство в воздухе также окончательно перешло к союзникам.

Народная мудрость во время войны умела находить и для трагических событий соответствующие слова и сравнения. В этой связи у берлинцев появлялись анекдоты «кровавого юмора», как тогда говорили. Когда подводная война начала приводить ко все большим потерям и пока еще имевшиеся в наличии военные корабли уже не могли быть где-либо введены в действие, морским офицерам, естественно, стали находить иное применение. Злые языки шептали, что адмиралов больше, нежели кораблей. Тогда же в тылу начались перебои с продуктами питания, и тогда же с быстротой молнии стал распространяться злой анекдот, несомненно, берлинского происхождения, из серии черного юмора.

Из берлинского зоопарка сбегают два голодных льва и отправляются в разные стороны на охоту. Через полмесяца они встречаются. Один такой же облезлый и тощий, как и прежде, а другой толстый и гладкий. На вопрос тощего, где это ему так повезло, жирный отвечал: «Я охотился на улице Тирпицуфер и сразу сцапал адмирала».

В те дни Канарис появился у нас в отеле «Лютеция» со своим подчиненным, шефом группы заграничных служб контр-адмиралом Бюркнером. После ужина в узком кругу Канарис обмолвился, что один его друг, служивший в Берлине, произведен в контр-адмиралы. И тогда один из молодых офицеров не смог удержаться. Он указал на «опасность», подстерегающую адмиралов на Тирпицуфер, и рассказал анекдот о двух львах.

Канарису история не понравилась, а вот Бюркнер заказал двойной коньяк...

Положение абвера на Западе. Методы работы абвера

Насколько ухудшилось военная ситуация для Германии, настолько же улучшились дела враждебных разведок на тайном фронте. В особенности на занятых территориях возрос людской поток, изъявлявший желание принять участие в диверсионно-шпионских актах против Германии. Число вражеских агентов в Норвегии, Дании, Нидерландах, Бельгии, Франции и Италии выросло в десятки тысяч. Организованных членов отрядов движения Сопротивления в этих странах, особенно французского Сопротивления, боровшихся на тайном фронте против Германии, насчитывалось даже сотни тысяч.

Наибольшее число агентов и сотрудников Сопротивления на указанных территориях руководились из Центра в Лондоне. Но на подконтрольных Германии землях функционировали еще и некоторые советские и польские шпионские сети, члены которых держали радиоконтакт со своими хозяевами на Востоке.

Сил органов германской разведки и контрразведки и тайной полиции было далеко не достаточно для противостояния подобному вражескому напору. Хотя в 1943 году на указанных территориях ежемесячно арестовывалось по тысяче и более лиц за деятельность, направленную против германских интересов, но, несмотря на это, войско вражеских агентов и движения Сопротивления продолжало расти.

С лета 1943 года активность агентов тайного фронта, в особенности во Франции, ощутимо возросла. Широко организованное и хорошо оснащенное к этому моменту французское Сопротивление было в состоянии нападать на отдельные небольшие колонны вермахта из маки или из засад в районах, откуда выводились войска. Зимой 1943/44 года по этой причине на большей части Франции запретили передвижение отдельных автомашин. Так в предшествующие месяцы некоторые машины, передвигавшиеся без охраны солдатами, были расстреляны.

И все-таки это означало некоторый сбой и нарушение военного транспортного сообщения. Потери в живой силе, вызванные нападениями, если брать в целом, были незначительными, но тем не менее болезненными. В осо-

бенности они ощущались в районах, откуда передислоцировались войска, но и в крупнейших городах Франции число диверсий и нападений росло.

И абвер не избежал потерь. Для тогдашнего положения абвера и безнадежности, с которой немецкие солдаты маршировали навстречу суровой судьбе, представляется показательным инцидент, произошедший при похоронах павшего офицера абвера.

Летом 1943 года капитан-резервист Бамбергер, сотрудник сектора III главного управления абвера по Франции, был смертельно ранен пушечным выстрелом при преследовании вражеского агента. Похороны состоялись на одном из парижских кладбищ. К этому моменту я руководил рабочей группой III главного управления абвера и с подчиненными мне офицерами и солдатами пунктуально прибыл на погребение. Мы встали вдоль длинной стороны могилы. На противоположной стороне стояли солдаты, принесшие гроб и опустившие его в вырытую могилу.

Также вовремя появился пастор, маленький, подвижный господин. Стоя на небольшом холмике земли, возвышавшемся над изголовьем могилы, священник обратился к собравшимся с пламенной речью, в которой вроде бы воспевались верность, отвага и прочие солдатские добродетели. Я немного отвлекся, мысленно прощаясь с погибшим товарищем. Но вдруг я насторожился. Не ослышался ли я? Так ли выразился пастор? Будто каждый должен мужественно заранее быть готовым к тому, чтобы там, в потустороннем мире, с другими товарищами захватить плацдарм и удерживать его, дабы нам, пока еще на этом свете воюющим солдатам, было легче однажды через этот плацдарм попасть на небо?

Когда до меня дошел смысл слов этого священника, я заметил, как лицо одного солдата из похоронной команды, стоявшего по другую сторону могилы, расплылось в едкой ухмылке. Сразу после погребальной церемонии я подошел к этому солдату и прикрикнул на него:

— Что вам взбрело в голову, как вы могли во время такой печальной церемонии ухмыляться?

На это солдат ответил:

— Прошу прощения, господин подполковник, но я уже несколько недель служу в этой «небесной канцелярии». У меня больше нет сил.

Но, несмотря на растущие потери на тайном фронте, несмотря на диверсии и нападения, несмотря на лишения и смерти, жизнь продолжалась. Именно потому что повсюду подстерегала опасность, выживавшие хотели что-нибудь получить от жизни.

У человека, идущего летом 1943 года днем по Парижу, могло легко сложиться превратное впечатление о положении дел. Улицы оживленны, большинство магазинов открыто. Меню заполненных ресторанов все еще предлагают богатый выбор блюд и лакомств. Их запасы замечательных вин и разнообразных сортов шампанского казались неисчерпаемыми. Многие военнослужащие и штабные сотрудницы делали покупки, как и в прежние два года.

Пока еще можно было купить почти все: одежду, меха, драгоценности, косметику. Штабные сотрудницы редко могли устоять перед соблазном, чтобы не посоревноваться с парижанками гражданскими нарядами. Во французском платье, напудренных и накрашенных, в городе в них было и не признать немок. Это навело на размышления одного высокого чина из Берлина, однажды приезжавшего к нам в отель «Лютеция». Он порекомендовал мне положить этому конец.

Тогда я выступил с докладом (правда, принесшим немного пользы) перед подчиненным мне вспомогательным женским персоналом. Одна из них, по имени Изольда, после этого появилась у меня в бюро и заявила: «Если вы не выносите мой макияж, то переведите меня в Марсель. Там в нашем отделении я знаю кое-кого, который находит меня красивой, такой, как я есть».

Изольду перевели в Марсель.

Численность персонала, задействованного на тайном фронте противника на Западе, и собственно положение абвера

Самую ясную картину о численности персонала на тайном фронте противника сообщала служба радиоперехвата. В январе 1944 года она, в результате работы стационарных и передвижных станций радиопеленгации, пришла к следующим выводам: в оккупированных районах, не считая тылового восточного театра боевых действий,

работали около 200 радистов, поддерживающих радиообмен с одним из лондонских радиоцентров. Примерно 150 из них дислоцировалось во Франции, Бельгии и Нидерландах, остальные в Дании, Норвегии, Италии, Испании и Северной Африке.

Каждый из этих радистов противника входил в директивно-связной штаб, руководивший агентурной сетью или подразделениями движений Сопротивления в названных странах. В целом, как уже однажды упоминалось, за этой руководящей головой стояли десятки тысяч агентов, а если сюда причислить и французское Сопротивление, то сотни тысяч бойцов тайного фронта против Германии.

Эти данные совсем не завышены. Их подтверждают публикации во Франции, с другой стороны они рассчитываются по цифрам, в свое время полученным из германских разведки и контрразведки и оперативных служб.

Мне долгое время пришлось работать с соответствующими документами, нужными для подготовки очередного ежемесячного доклада о положении контрразведывательной деятельности на Западе. Из них следовало, что в 1941—1944 годах германские оперативные службы только во Франции арестовали минимум 25 тысяч человек. При этом у меня просто не было возможности охватить все задержания. Уголовная полиция по арестам предоставляла абверу далеко не все документы.

В соответствии с анализом, проведенным во многих странах, органами безопасности арестовывался всегда лишь незначительный процент шпионов, диверсантов и членов действующей оппозиции. Особенно это относится к оккупационному периоду во Франции, поскольку с 1942-го по 1944 год из обширных районов страны были полностью выведены германские войска и полиция. В основе этого анализа лежат данные, что в 1944 году только во Франции на тайном фронте против Германии боролись сотни тысяч. Французские источники приводят более высокие потери, чем приведенные здесь 25 тысяч.

Представляется уместным познакомить немецкого читателя с этими цифрами, чтобы он получил представление о — сегодня труднообразимом — размахе войны на тайном фронте, но также и объяснить ему, отчего широкие

массы в странах бывшего противника из-за высоких потерь, понесенных ими в той войне, еще и сегодня испытывают к нам, немцам, антипатию и гнев, а некоторые даже и ненависть. И мы должны делать все, чтобы именно они вступили на путь примирения и, если это когда-нибудь возможно, сделались нашими друзьями.

Но насколько сильны в те годы были германские органы, в задачу которых входило подавление вражеской агентурной сети и движения Сопротивления на западном театре военных действий? И что можно сказать об организации этих сил?

Если контрразведывательная работа на восточном оперативном направлении уже давно стала главной задачей подвижных подразделений фронтовой разведки, то абвер — за исключением службы радиоперехвата — на оккупированных территориях на Западе до конца 1943 года в общем и целом имел стационарные отделения, частично укомплектованные женским вспомогательным и секретарским персоналом. Описанное развитие событий на тайном фронте в конце 1943 года потребовало изменения организации. Стало особенно ясно, что сотрудникам контршпионажа необходимо быть гораздо подвижнее, чтобы иметь возможность собирать их в кулак в тех местах, где на тайном фронте нужно было действовать наиболее эффективно.

Сообразно этому из годных к строевой сотрудников военной контрразведки, дислоцированных во Франции, Бельгии и Нидерландах, 1 января 1944 года сформировали следующие подразделения фронтовой разведки:

III главное управление фронтовой разведки «Запад», командир — подполковник Райле. Ему служебно, а иногда оперативно и дисциплинарно подчиняются подразделения фронтовой разведки: 306, командир майор фон Фельдман; 307, командир подполковник Гискес; 313, командир полковник Эхингер; 314, командир подполковник Дернабах.

В каждое из этих подразделений входили четыре—шесть отделений фронтовой разведки. Каждое подразделение на тот момент насчитывало двух-трех офицеров и около 20 унтер-офицеров и рядовых.

Личный состав штаба III главного управления фронтовой разведки «Запад» в целом насчитывал около 35 под-

разделений фронтовой разведки, каждое численностью примерно 25 военнослужащих. В целом личный состав III главного управления фронтовой разведки «Запад», включая офицеров, переводчиков, радистов и шоферов, а также некоторых специалистов в области тайнописи и фотографов, в среднем достигал 550—600 человек. Правда, каждое из подразделений еще имело осведомителей и агентов. Но их совокупная численность достигала лишь сотни. В прежние годы у отделов абвера на оккупированных территориях на Западе было несколько тысяч нелегалов и агентов. Но подвижные подразделения фронтовой разведки могли работать только с самыми надежными и результативными из них.

Помимо III главного управления фронтовой разведки «Запад» во Франции, Бельгии и Нидерландах в активных мероприятиях по подавлению вражеских разведок и их агентурных сетей принимал участие лишь один сектор абвера, а именно: служба радиоперехвата численностью в несколько сотен человек.

Сотрудники абвера I на Западе с 1 января 1944 года также были переформированы в подразделения фронтовой разведки. Но их поле деятельности в основном располагалось за границей. Эта ветвь абвера имела иные цели, нежели контршпионаж.

Исполнительные органы абвера II и ранее в основном были военными частями и подразделениями. Когда некоторые из них время от времени привлекали и для обеспечения безопасности важных объектов, например охраны от диверсий румынских нефтяных месторождений, то и они получали иные задачи, нежели контршпионаж, и не имели ничего общего с систематической работой по контрразведке вражеских разведок.

Сотрудников III фронтовой разведки «Запад» и используемых на Западе подразделений радиоперехвата, если сравнивать с неисчислимыми сворами агентов и членов Сопrotивления, с которыми необходимо бороться, все же крайне не хватало. Правда, в распоряжении главнокомандующего группой армий «Запад» было еще несколько тысяч человек тайной полиции с теми же частично задачами, что и у III фронтовой разведки, и она по-своему принимала участие в борьбе с тайным фронтом. Но что уже значили германские силы в январе 1944 года по сравнению с

армадой вражеских агентов и настроением населения! Много ли французов, бельгийцев и нидерландцев к этому времени испытывали к Германии и оккупационным войскам искреннюю симпатию?

Дезинформация противника

Перед войной и еще в 1940—1941 годах было вполне возможно вымышленную информацию, то есть информацию о военных мероприятиях, не происходивших в действительности, путем контршпионажа передавать вражеским разведкам, чтобы дезинформировать их. Часто эта цель достигалась по меньшей мере на недели или месяцы, насколько адресату обычно требовалось времени, чтобы в результате проверки убедиться, что информация ложная. С этой практикой на занятых территориях уже к 1942 году в основном покончили.

Резидентуры руководимых из Лондона разведок противника по понятным причинам наибольшее значение придавали тому, чтобы их шпионы непрерывно разведывали, какие германские части находятся во Франции, Бельгии и Нидерландах, где они дислоцированы, как они вооружены и какие передвижения совершают. Но раскинутые столь широко шпионские сети противника в этих странах в 1942 году не позволяли скрытно от них вывозить немецкую дивизию или вводить новую.

Из этой ситуации руководитель отдела Ис главнокомандующего группой армий «Центр» полковник генштаба Г. Мейер-Детринг сделал заблаговременные выводы. Он произвел настоящие дезинформационные маневры: были снаряжены и передислоцированы целые части дивизий. Их автомашины получили новые номерные знаки, устанавливаемые уже на марше и в более пустынной местности, где можно было не бояться слежки шпионов. На срок этих маневров задействованные подразделения получили новые номера и обозначения, под которыми они размещались заранее высланными квартирмейстерами. Тогда с уверенностью можно было рассчитывать, что вражеские шпионы в несколько дней установят эти исключительно для дезинформационных маневров изготовленные номера и обозначения и передадут в Лондон.

Соответственно немецким службам контршпионажа в этих случаях не требовалось прилагать усилий для передачи в Лондон дезинформации. Об этом заботилась введенная в заблуждение вражеская агентура.

Главное командование группы армий «Запад» нередко прибегало к подобным маневрам в 1942—1944 годах. В основном главная их цель — осложнить вражеским разведкам идентификацию находящихся на западном оперативном пространстве немецких частей и иногда также создать впечатление о дислокации большего числа дивизий, чем это было на самом деле. Особенно важным в месяцы перед вторжением представлялось сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать противнику установить точное количество и места дислокации на Западе германских частей.

Всегда ли эти мистификаторские маневры достигали желанной цели, вызывает сомнения. Но на основе рабочих результатов контршпионажа можно с уверенностью сказать, что вражеская агентурная сеть в большинстве случаев передавала специально отобранные номера задействованных частей и автотранспорта в Лондон и тогда Интеллидженс сервис обычно давала команду проверить информацию. Благодаря этим дезинформационным маневрам, вражеской разведке было по меньшей мере затруднительно составить четкую картину истинного количества германских частей на Западе.

В сотрудничестве с абвером командные инстанции использовали и другие средства для дезинформации наземной и воздушной разведки противника. Некоторая хитрость была проявлена отделом IIIf, и составлен некий план дезинформации. В нем среди прочего определенная роль отводилась макетам самолетов, иногда даже боевых кораблей, далее фортификационным укреплениям и постановке дымовых завес на местности. Так, для умышленного введения в заблуждение соответствующая местность закрывалась и охранялась часовыми, чтобы вражеские шпионы не могли установить, что происходит на охраняемой территории. Затем ночью изготавливались макеты самолетов. Летчики противника в последующие дни обнаруживали их и решали, что это запасной аэродром германских люфтваффе. Цель подобной практики: отвлечение авиации противника от важных военных объектов.

В ходе войны для германских оперативных штабов стало привычным использование средств маскировки и дезинформации наземной и воздушной разведки противника. Одной из самых грандиозных уловок был маневр, проведенный германским военным руководством в качестве подготовки так называемого зимнего наступления в декабре 1944 года. В тылу немецкого фронта один за другим по железным дорогам шли эшелоны с юга на север, чтобы у воздушной разведки противника создать впечатление, будто на северном фланге Западного фронта сосредотачиваются части для крупнейшего наступления. Фактически шедшие на север составы почти не перевозили войск, в большинстве случаев они шли порожняком. Позднее основной удар нанесли из района Эйфеля.

Донесения, получаемые III отделом фронтовой разведки «Запад» в конце декабря 1944 года, подтверждали, что командование противника было полностью захвачено врасплох.

Рабочие методы контршпионажа во Франции в 1943—1944 годах

Еще до войны между различными ведомствами гестапо и абвера возникали противоречия по вопросу, в какой момент рациональнее всего проводить арест выявленных вражеских агентов. Гестапо склонялось к тому, чтобы приступать к арестам сразу, как только появляется подозрение против конкретного лица, будто оно контактирует с разведкой противника. Тогда нередко арест проводился еще до того, как было установлено, какие шпионские задачи имелись у данных лиц, какие из них уже выполнены, имелись ли у арестованных помощники, каким путем предательские донесения передавались разведслужбам противника и многое другое.

В этом случае решающие вопросы для оценки дела и противника, а также для принятия соответствующих контрразведывательных мероприятий и мер безопасности оставались во многом не проясненными. Ведь арестованные шпионы на случай ареста были тщательно проинструктированы и подготовлены. Во многих случаях, уже исходя из

собственных интересов, они признавались лишь в том, что могло быть неопровержимо доказано.

Абвер считал преждевременные аресты неумным делом. Он прилагал все усилия, чтобы как можно полнее прояснить подозреваемых лиц, их предательскую деятельность и круг их задач, далее хозяина, а также курьерские пути и способы связи, прежде чем проводить аресты. Правда, военной контрразведке для подобной детальной разработки, как правило, требовались много времени и проведение тяжелых, строго конфиденциальных операций по контршпионажу. При этом время от времени случалось, что вероятные шпионы исчезали из поля зрения прежде, чем была проведена их удовлетворительная разработка.

На основании подобных случаев многие ведомства гестапо взяли себе за правило: не опоздать с арестом! Подозреваемые или уже установленные шпионы ни при каких обстоятельствах не должны от них ускользнуть. Если сеть, в которую входил шпион, была разработана лишь в малой ее части, — не важно, лучше поймать одного человека, чем никого. Лучше синица в руках, чем журавль в небе! На допросах арестованного можно узнать больше и продвинуться дальше.

Но в ходе войны во Франции создалась такая ситуация, когда и дилетанту было понятно, что во многих случаях даже ликвидация уже достаточно разработанной шпионской сети и подразделений движения Сопротивления бессмысленна и невыгодна.

По возможности уничтожение разоблаченных диверсионных групп до того, как они причинили ущерб, дело само собой разумеющееся. Равным образом арестовывались члены террористических банд до того, как они совершат нападение на германских военнослужащих. Со всем иначе обстояло дело с подавлением шпионажа, когда во Франции возникла добрая сотня и более шпионских сетей, когда орда вражеских шпионов исчислялась многими тысячами.

Уже в течение 1942 года стало ясно, что абвер и органы безопасности во Франции будут не в состоянии полностью нейтрализовать и уничтожить многочисленные агентурные группы и сети, как и движение Сопротивления. Хотя ежемесячно неоднократно арестовыва-

лись тысяча и более агентов врага, хотя компетентные службы всеми имеющимися у них силами и средствами пытались разрушать имеющиеся шпионские сети и уничтожать диверсионные группы и отряды Сопротивления, а также воспрепятствовать возникновению новых, вражеское подполье на оккупированных территориях Запада неумолимо разрасталось.

Затем, когда разветвленные шпионские сети во Франции стали исчисляться сотнями, державшими в каждом городе, каждой деревне и самом захолустном уголке страны тайного шпиона, которые почти повсеместно могли рассчитывать на поддержку населения, то от вражеских разведслужб уже было невозможно скрыть никакие военные мероприятия, проводимые во Франции публично. Любое передвижение войск, любое учреждение новых ведомств или строительство военных сооружений, любое прибытие или выбытие войск и снаряжения обязательно отслеживалось агентами и доносилось в Лондон. По этим соображениям, как уже описывалось, приходилось проводить исключительно дезинформационные передислокации, если было необходимо обмануть вражеские секретные службы.

В такой ситуации было уже не важно, если во Франции ликвидировалась одна из сотни шпионских сетей и оказывалось невозможным отследить внешне очевидные военные мероприятия; остальные 99 сетей выполняли это еще надежнее и тщательнее. Арестом агентов этой единственной сети, с точки зрения абвера, практически ничего не достигалось. Впрочем, на месте ликвидированной агентурной сети очень быстро возникала одна, две, а то и более новых сетей. И уже стоял большой вопрос, сумеет ли абвер раскрыть и ликвидировать эти вновь возникшие группы агентов.

Германская контрразведка сделала свои выводы из этой ситуации. Главное управление абвера по Франции с зимы 1942/43 года старалось проводить аресты лишь в тех случаях, когда существовала опасность, что вражеские агенты, используя служебные контакты с военнослужащими вермахта, смогут получить доступ к секретным документам в штабах и командных инстанциях. В остальном по распоряжению контрразведки на западном оперативном направлении в целом к арестам не переходили,

так как аресты сотен и тысяч шпионов порождали только бесполезную работу и отвлекали слабые силы и средства абвера от единственно пока еще эффективного метода работы, а именно: вербовки осведомителей и агентов, которые, не воспринимаемые противником как таковые, работали во вражеских агентурных сетях, чтобы постоянно узнавать, кто входит в соответствующие вражеские группы агентов, какие задачи им ставит лондонское руководство и против каких военных объектов будут применены шпионы и диверсанты.

Правда, многие сотрудники служб контршпионажа не всегда придерживались подобного направления работы. Она требовала от соответствующих отделений IIIf в определенных районах чрезвычайного терпения и отказа от донесений с внушительными цифрами арестованных. Но в общем и целом эти новые методы работы все же воплощались в жизнь.

Для контршпионажа было не слишком сложно отыскать людей во Франции, Бельгии и других оккупированных районах, готовых искать подходы к вражеским шпионским группам и отрядам Сопротивления. В большинстве случаев речь шла об агентах, об авантюристах всех мастей и национальностей, слетавшихся на деньги и любую другую наживу. Но среди людей, желавших от абвера внедриться в подполье врага, встречались и идеалисты, настоящие конфиденты, полные решимости отстаивать германские интересы и поддерживать Германию при любых обстоятельствах. Правда, контрразведке во Франции в целом лишь в нескольких десятках случаев удалось внедрить своих людей во вражеские шпионские группы и отряды Сопротивления и узнавать, что там происходит.

Результат был относительно скромным. И все-таки германская контрразведка таким способом продолжительное время воссоздавала довольно наглядную картину размеров шпионских организаций врага и прежде всего целей и намерений лондонского руководства. Кроме того, во многих случаях предпринимались превентивные меры безопасности, когда наши люди доносили, что враг засылает против конкретных военных объектов шпионов или диверсантов.

Доверенным лицам, которым по заданию абвера удалось проникнуть в шпионские группы, приходилось,

само собой разумеется, становиться антигерманскими бойцами. При этом было недостаточно, чтобы они получали шпионские задания, наносящие ущерб германским интересам, но и выполняли их так хорошо, чтобы завоевать доверие руководителей подполья. Абвер нередко оказывал им содействие в том, чтобы они могли блеснуть хорошими донесениями перед шефом шпионской сети. Эти хорошие донесения постоянно получали разрешение для использования в соответствующей контригре от главнокомандующего группой армий «Запад». В результате удалось добиться того, что по меньшей мере несколько доверенных лиц сумели внедриться в тайный фронт противника и занять в нем важные посты. Чем больше доверия они завоевывали у шефа шпионской сети или командира группы Сопротивления, чем больше узнавал он, тем глубже германская служба контршпионажа проникала в тайную деятельность и целевые установки не только отдельных шпионских сетей и подразделений Сопротивления, но и в руководящие центры в Лондоне.

Благодаря таким рабочим методам контршпионаж добивался результатов, которые в 1944 году способствовали получению весьма важной информации о дате вторжения и задачах движения Сопротивления при этом. Уже в 1943 году такой метод работы во многих случаях приносил абверу ценные сведения. Пример тому одно дело, произошедшее осенью 1943 года, обозначенное службой контршпионажа как дело «Ренара».

Одному ловкому confidentу удалось вступить в шпионскую сеть, центр деятельности которой приходился на район Кана в Северной Франции. Ренар работал настолько хорошо, что шеф Réseau назначил его курьером.

Однажды он появился у своего немецкого шефа и положил перед ним фотокопии одной карты с точными обозначениями бункеров и орудийных огневых позиций дислоцированной под Каном дивизии. Фотокопии собирались через Испанию переправить в Лондон.

Экспертиза, проведенная отделением Ic главнокомандующего группой войск «Запад», показала, что речь идет о строго секретных документах. На фотокопиях были чертежи оборонительных сооружений, сделанные одним из немецких штабов в районе Кана, относящихся к Атлантическому валу. Передача их английской разведке привела

бы к непоправимым последствиям. Проверка далее выявила, что передислокация и перестройка соответствующих оборонительных сооружений не только повлекла бы за собой значительные затраты, но и была бы менее выгодной с военной точки зрения.

Дело «Ренара» вызвало еще одно событие. Установили, что карты с секретными чертежами для соответствующей дивизии переснимал французский фотограф. Солдату, контролировавшему печать фотокопий, показалось, что фотограф оставил одну копию у себя. Это стало поводом для главнокомандующего группой армий «Центр», чтобы принять профилактические меры для предотвращения подобных эксцессов в будущем.

Как и в деле «Ренара», во многих других случаях шпионажа оперативно следовало действовать лишь в том случае, когда возникала опасность, что вражеской разведке могут быть выданы важные военные тайны. Если в этом смысле не было настоятельной необходимости, то абвер по уже изложенным соображениям избегал арестов.

Чем дольше длилась война, тем важнее требовалось разведывать, что происходит в подразделениях вражеского подполья, поскольку на Западе приходилось всерьез рассчитывать на вторжение из Великобритании. Тогда у абвера появлялась задача, имеющая решающее значение для стратегического планирования военного командования и тактического применения войск, то есть где, когда и какими силами произойдет вторжение? Какую подготовку агентурной сети и подразделениям Сопrotивления необходимо провести в этом случае?

Значительная часть важной задачи контршпионажа заключалась в составлении четкой картины того, какие указания от своего лондонского руководства в связи с грядущим вторжением могут получать французское движение Сопrotивления и агентурные группы во Франции. Этих результатов также можно было достичь лишь описанными выше методами работы, именно тем, чтобы в агентурную сеть и отряды Сопrotивления внедрить осведомителей и агентов абвера, которые оставались нераскрытыми на момент вторжения и далее.

Как можно было все это реализовать, если бы постоянно арестовывались тысячи членов разведывательной сети противника и движения Сопrotивления сразу же после их

выявления? Мощь ударов вражеского подполья тем самым вряд ли бы ослабела. Но, с другой стороны, германские ведомства контрразведки и оперативных служб слишком много работали с арестованными, и у них совсем не оставалось времени для прояснения вопросов, связанных с вторжением. Задержанных в те времена во Франции и без того с лихвой поставляла уголовная полиция.

Для тогдашней чрезвычайной ситуации показателен был тот факт, что уголовная полиция примерно через два с половиной месяца после вторжения самостоятельно приняла решение отпустить из тюрем Франции арестованных агентов и членов движения Сопротивления. Содержание и охрана их доставляли много хлопот и сковывали свободу маневра соответствующим службам. Арестованные превратились в ненужный балласт.

После войны французская контрразведка установила, что множество членов Сопротивления не находились под арестом, хотя были выявлены германской службой контршпионажа. Некоторые французские ведомства поначалу никак не могли постичь, что германская сторона в интересах военной разведки во многих случаях совершенно сознательно отказывалась от ареста лиц, шпионская деятельность которых могла быть доказана. Поэтому некоторые члены Сопротивления и тогдашней агентурной сети во Франции после войны несправедливо подозревались в сотрудничестве с германскими службами разведки и контрразведки.

Но на деле за месяцы до вторжения для военного положения было уже не важно, будет ли на оккупированных территориях арестовано на тысячу агентов больше или меньше. Однако требовалось прояснить важные вопросы, какие дороги Сопротивление на оккупированных территориях на Западе перережет и какие мосты взорвет, как только вторжение начнется и как отряды Сопротивления будут согласовывать с Лондоном задачи при проведении операции вторжения.

Метод «перевербовки» агентов

Руководство абвера никогда не делало упор на то, чтобы арестовать как можно больше шпионов и чтобы военно-полевые суды приговаривали их к смертной казни.

Центр тяжести своей работы они скорее смещали на установление организаций, мероприятий, замыслов и целей вражеских разведок и руководства, поскольку для собственных главных штабов это было гораздо важнее, нежели донесения об успешной ловле шпионов.

Соответственно в каждую эпоху, когда в тюрьмах находилось так много вражеских агентов, широко использовался и метод «перевербовки». Среди арестованных всегда находились люди, которые из страха и боязни за собственную жизнь при аресте рассказывали все, что знали о подполье и о роли, которую в нем до сих пор играли сами. Некоторые из них даже обещали и впредь отдавать все силы на благо Германии до тех пор, пока не предстанут перед военным судом и не понесут наказание за доказанную шпионскую деятельность.

Нередко абвер брал таких агентов к себе на службу и отпускал на свободу, хотя от перевербованных агентов едва ли ожидалась упорная, надежная работа. Но некоторое время они все же приносили пользу. Эти люди не были смелыми бойцами, которые, сжав зубы, молчат в тяжелый час, и все тайны, известные им, уносят с собой в могилу по приговору военного суда. Однако подобных борцов, к их славе и чести сказать, сражавшихся на тайном фронте против Германии с 1940-го по 1944 год, было немало.

Слабаки же при аресте умоляли сохранить им жизнь. Свобода им предоставлялась, поскольку они выдали собственных товарищей и обещали сотрудничать с абвером. Но они не могли довериться членам тайного фронта, к которому сами принадлежали, не могли довериться своим товарищам, какому обстоятельству благодарны собственным освобождением, потому что тогда их ожидала бы смерть. Поэтому некоторые из этих несчастных не видели иного выхода, как поначалу примкнуть к немцам и служить им; не Германии и немцам как таковым, а тем немцам, которым перевербованные агенты были обязаны собственной жизнью. Но и тогда, когда часть перевербованной агентуры не приносила пользы абверу и тайно начинала снова работать против Германии, германским интересам в тогдашней ситуации серьезного ущерба уже не могло быть причинено. Эти немногочисленные люди не могли нанести того урона, как полчища агентов, не контролируемых германской разведкой.

Дело «Маленького принца»

Иногда абвером предпринимались попытки «перевербовки» вражеских агентов, которые вели себя под арестом образцово. Это происходило менее всего в надежде на получение ценной информации, чем просто из человеческого сочувствия и политических соображений.

Так однажды в руки военной службы контршпионажа во Франции попал бельгийский принц. Его изобличили в работе на одну тайную организацию против Германии. Доказательств против него хватало. Когда об аресте принца узнали известные функционеры национал-социалистической партии в Берлине, они, видимо, позаботились о его осуждении и казни.

Изящного телосложения, молодой принц, обрученный с одной испанкой, возможно, не осознавал всей тяжести своего положения. Офицерам абвера, работавшим с ним, он казался совсем незрелым, почти ребенком, вызывал у них жалость. Кроме того, они говорили себе, если принцу сохранить жизнь, он может когда-нибудь пригодиться для германо-бельгийских отношений. Наоборот, казнь его не принесет никакой пользы.

Но в то время уже военная контрразведка была невластна освободить принца. Только начальник тайной полиции по Франции и подчиненные ему службы имели право осуществлять оперативные мероприятия во Франции по делам шпионажа. По собственному усмотрению они решали, где и когда должны арестовываться подозреваемые лица и будут ли переданы военному суду или действовать соответственно так называемому «ночному предписанию». Они же единолично распоряжались освобождением арестованных.

Чтобы спасти жизнь принца, вытащить его из тюрьмы, абверу пришлось разработать разведывательную операцию. Служба контршпионажа объяснила соответствующим помощникам начальника уголовной полиции, что принц в Испании благодаря своим связям может оказать неоценимые услуги для военной разведки. Поэтому поступило предложение освободить принца из-под ареста и предоставить его в распоряжение абвера. В мероприятиях, которые носили у меня рабочее название «Маленький принц», был разработан тщательный план мнимого ис-

пользования принца. Главнокомандующий во Франции дал свое согласие. Таким образом, удалось освободить принца из-под ареста и в заключение переправить его в Испанию.

Подобные истории были нечастыми. И все же некоторые французские и бельгийские политики и другие особы своей жизнью обязаны подобным «предприятиям» абвера.

Последний принимал участие и в других спасательных операциях. Он заботился о том, чтобы находящиеся в опасности евреи, сотрудничающие с ним, могли бы выехать из стран германской сферы влияния. Перед войной абвер нередко использовал их в качестве доверенных лиц. Адмирал Канарис разрешил евреям, зарекомендовавших себя на службе абвера, и дальше использовать после начала войны. Позднее, когда влияние адмирала снизилось, Гиммлеру удалось добиться, чтобы Гитлер запретил абверу использовать евреев в служебных целях.

Как только адмирал Канарис понял, что уже не обладает достаточной властью для защиты евреев-осведомителей на службе абвера, он разрешил их переправить за границу. Правда, к этому следует добавить, что у автора этих строк имелось мало надежных документов и свидетельств сотрудников тогдашней контрразведки. Круг тех, кому Канарис доверял подобную переправку, был малочислен, да и отличий за такие операции в то время не полагалось. Поэтому объем спасательных операций точно установить никогда не смогут.

После войны люди, враждебно настроенные к абверу, распространили в Германии слухи, будто бы я и другие офицеры абвера, проводя спасательные операции, руководствовались изменническими мотивами, желая подстраховаться на послевоенный период. Рассказывалось и многое другое подобного рода. Тем временем такие сплетни давно были опровергнуты и заглохли. Опровержением этому служит и другой факт: подполковника Гискеса и меня западные державы после окончания войны многие годы продержали в заключении, хотя не смогли обвинить нас ни в одном преступлении или злодеянии.

Абверу, само собой, приходилось отказываться от запланированных операций по спасению, если возникала опасность угрозы обороноспособности страны. Проверка,

может ли перевербовка пойманных агентов или засылка евреев за границу нанести ущерб обороноспособности страны или безопасности войск, находилась в руках опытных офицеров абвера, которые, благодаря взаимодействию с высшими армейскими штабами, имели широкий кругозор, чтобы, взвесив все «за» и «против», принять верное решение.

Общее положение на оккупированных территориях Запада в 1943—1944 годах чрезвычайно облегчило ответственным сотрудникам принятие решений по проведению описанных выше спасательных операций и перевербовки. Лица, настроенные против рейха или национал-социалистического режима, пока они находились на свободе, тайно в сфере влияния Германии могли причинить гораздо больше вреда, нежели за ее пределами.

Большинством подобных спасательных операций двигали чисто человеческие побуждения. Возможность их проведения обуславливалась ситуацией. В подпольной борьбе против Германии тогда участвовали сотни тысяч. От одного человека уже мало что зависело. Смертный приговор, вынесенный отдельным шпионом, терял всякий смысл.

Абвер и уголовная полиция во Франции

Показательной для взаимоотношений между абвером и уголовной полицией является служебная распря, возникшая у меня в феврале 1944 года с начальником уголовной полиции во Франции, штандартенфюрером СС доктором Кнохеном.

Гестапо и уголовная полиция также по-своему вели работу по контршпионажу. Между тем не проводилось четкого согласования с военной контрразведкой рабочих целей, территориального и профессионального разграничения, как и оценки результатов. Неудивительно, что вследствие этого развивались две совершенно различные методики. Ведомства уголовной полиции во Франции в основном исходили из их главной цели — поймать как можно больше шпионов и диверсантов. Поэтому обычно они захлопывали ловушку, как только возникало подозрение в преступлении. Затем они надеялись, если по-

началу не хватает доказательств, благодаря своим методам допросов добыть у задержанных признания и показания на вражеских агентов, находящихся еще на свободе, чтобы провести последующие задержания.

Но непрерывные отчеты уголовной полиции об успехах подобных акций, в которых главным содержанием было перечисление крупных цифр задержанных, оказывались в 1943—1944 годах для армейских главных штабов бесполезными. Тот факт, что разведкам союзников удалось опутать оккупированные на Западе области бесчисленными агентурными сетями, был им хорошо известен. Теперь они ждали от абвера и уголовной полиции совсем иных результатов. Прежде всего они хотели точно знать, сколько американских дивизий уже находятся в Великобритании, где и когда следует рассчитывать на вторжение и какая подготовка к вторжению проводится вражеской агентурной сетью и Спротивлением.

Абвер был в состоянии дать главнокомандующему группой армий «Запад» некоторые пояснения по этим вопросам. В то время как в ведомствах уголовной полиции во Франции текущий материал по многочисленным делам шпионажа, могущий дать дополнительные сведения, большей частью пропадал втуне.

У арестованных шпионов и членов Спротивления неоднократно обнаруживались шпионские донесения, шифрованные записки, радиограммы и другие письменные документы, из которых выяснялось, какие задания они получали из Лондона, какие военные объекты они должны были разведывать или уже разведали, что они должны подготовить на случай вторжения и многое другое. Эти документы, написанные на иностранных языках и часто трудно поддававшиеся расшифровке, из-за дефицита кадров и недостатка интереса уголовной полиции, оставались практически всегда невостребованными. Но сотрудников военной контрразведки не подпускали к ним. Таково было положение вещей под новый, 1944 год.

О неудовлетворительном положении дел в январе или феврале 1944 года я доложил тогдашнему руководителю отдела Ic главнокомандующего группой армий «Запад», полковнику генштаба Мейер-Детрингу, и предложил ему вместе со мной посетить начальника уголовной полиции

по Франции, штандартенфюрера доктора Кнохена, чтобы тот разрешил военный анализ письменных материалов, изъятых при арестах. В присутствии Мейер-Детринга, который указал на неотложность и важность дела, я высказал доктору Кнохену следующее предложение: начальник уголовной полиции по Франции дает подчиненным ему подразделениям указание при каждом случае обнаружения письменных документов у подозреваемых в шпионаже привлекать для военной оценки территориально уполномоченные подразделения III управления фронтовой разведки. Последнее со своей стороны дает указание фронтовым разведывательным подразделениям в подобных случаях проводить анализ всеми имеющимися в их распоряжении силами как можно быстрее, результаты через III управление незамедлительно передавать главнокомандующему группой армий «Запад» и проанализированные документы возвращать соответствующим подразделениям уголовной полиции.

Штандартенфюрер доктор Кнохен в присутствии Мейер-Детринга согласился. После этого я дал соответствующее указание подчиненным мне во Франции подразделениям и в течение уже нескольких дней начали поступать первые аналитические данные. Командиры подразделений фронтовой разведки, получив от меня приказ, немедленно связались с командирами дислоцированных в их зоне ответственности подразделений и у большинства из них встретили понимание, хотя доктор Кнохен еще не отдал им указаний. Но стоило этому сотрудничеству между фронтовой разведкой и уголовной полицией едва наладиться, как снова пошел спад. Примерно через месяц она заглохла окончательно. Подразделения фронтовой разведки, находившие у вражеских агентов шпионские донесения и другие письменные документы, уголовной полицией больше не привлекались.

После этого я связался со штандартенфюрером доктором Кнохеном, напомнил ему об обещании, данном в присутствии руководителя отдела Ic главнокомандующего группой армий «Запад», а также о военном значении оценки и предложил ему отдать соответствующие указания подчиненным ему подразделениям. Но доктор Кнохен лаконично ответил:

— Я решил иначе.

Раздор, наследственная болезнь немцев, снова проявилась в эти ответственные дни со всей ужасающей отчетливостью.

«Кого боги хотят покарать...» Вторжение с точки зрения абвера. Операция «Оверлорд»

Дни июня 1944 года многократно освещены в литературе и прессе различных стран. Главные военачальники союзников, а также историки и писатели описали вторжение, подготовку и проведение его. О своих исследованиях и переживаниях они написали ряд книг и статей.

При этом роль германского абвера перед вторжением и после его если и затрагивалась, то всегда весьма поверхностно. Оценка вклада тогдашней службы германской разведки в установление замыслов врага относительно вторжения была довольно предвзятой. Поэтому стоит ниже дать возможность одному бывшему сотруднику абвера без прикрас описать, какие цели тогда его служба могла разведать, а какие — нет.

Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт еще во время подготовки русской кампании высказывал точку зрения, что оккупированные территории на Западе нельзя слишком оголять. Он уже тогда считал возможным, что союзники могут попытаться высадиться на западноевропейском побережье, если основная группировка германских армий будет скована борьбой на Восточном фронте.

Хотя весной 1942 года ни абвер, ни воздушная разведка не добыли документов о том, что руководство противника проводит планомерную подготовку сухопутной операции, Гитлер отдал приказ о возведении «Атлантического вала» с применением огромных средств и сил. Примерно в то же время, 1 марта 1942 года, фон Рундштедт, незадолго до того снятый со своего поста на Восточном фронте, был назначен главнокомандующим на Западе. Тем самым Гитлер согласился с точкой зрения генерал-фельдмаршала, что именно здесь следует готовиться к попыткам высадки врага на суше. И первая операция такого рода, не заставившая себя долго

ждать, явилась для абвера и военного командования полной неожиданностью.

В ночь на 28 марта 1942 года англо-канадские подразделения, так называемые командос, совершили атаку на Сент-Назарé. В донесении вермахта об этой операции говорится, что атакующие подразделения попали под огонь военных судов и зенитной артиллерии, понеся тяжелые потери. Тем не менее противнику удалось высадиться на сушу, однако быстрой контратакой всех родов войск вермахта он был окружен и уничтожен. Большинство военнослужащих попали в плен. Многие вражеские суда были потоплены.

Это описание в основном соответствует фактической стороне дела. Но в отчете вермахта умалчивалось, что вражеская атака была предпринята против особо важного для германского морского командования опорного пункта, базы подводного флота в Сент-Назаре. Подразделениям командос все же удалось в ходе многочасового боя в этой базе нанести существенные разрушения.

Несмотря на инцидент в Сент-Назаре, по разведанным, поступившим к тому времени из лагеря западных держав, не следовало ожидать, что союзники в этом же году смогут предпринять широкомасштабную операцию по высадке для открытия на Западе постоянно действующего, так называемого Второго фронта.

Советский Союз, в то время придававший большое значение открытию фронта на Западе, в надежде оттянуть армии с Восточного фронта, давил на своих западных союзников. Представлялось вероятным, что по меньшей мере будут предприняты и другие операции в духе Сент-Назаре, чтобы побудить Германию для отражения подобных атак держать в готовности достаточные силы на Западе.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, германская сторона летом 1942 года превентивно отозвала с Восточного фронта опытные боевые части и передислоцировала их во Францию. В конце июля эти части промаршировали в Париже на грандиозном параде перед главнокомандующим группой армий «Запад» генерал-фельдмаршалом Рундшtedтом и командующим войсками во Франции, генералом от инфантерии Генрихом фон Штюльпнагелем. Речь шла об элитных моторизованных

дивизиях СС, снискавших себе славу в боях на Востоке и оснащенных самым современным оружием.

Эта демонстрация германской военной мощи оказалась явно небесполезной. Но от вражеских разведслужб в Лондоне не могло ускользнуть и то, что, хотя и прибыли новые боеспособные соединения, однако в свою очередь находившиеся прежде во Франции дивизии без всякой помпы были сняты для передислокации их на Восток.

Следующая попытка высадки западных держав также не заставила себя долго ждать. 19 августа 1942 года англо-канадские подразделения предприняли атаку с моря на побережье в районе Дьепа, многократно описанную в литературе и прессе. Германское радио ранним утром того дня распространило следующее сенсационное сообщение:

«Союзники высадились под Дьепом. Речь идет об операции с целью вторжения. Мощный флот врага выжидает в море у французского побережья первых результатов атаки, чтобы высадить на сушу подкрепления в живой силе и снаряжении».

Несколько часов спустя немецкие станции передали другое сообщение:

«Вторжение определенно провалилось. Части союзников сумели продержаться на французской земле лишь девять часов. Они были рассеяны и разгромлены нашим контрударом, в особенности ударами авиации и огнем артиллерии». Фактические потери наступавших англо-канадских соединений убитыми и ранеными были сравнительно высоки. Кроме того, около 2 тысяч солдат попали в плен.

Но с какой целью в действительности союзники предприняли это нападение на Дьеп? Шла ли речь фактически о первой серьезной попытке твердо ступить на континент, чтобы затем высадить более сильные подкрепления и открыть фронт на Западе?

Разумеется, немецкая пропаганда воспользовалась случаем, чтобы представить Дьеп как провалившуюся операцию союзников и тем самым в особенности воздействовать на население Франции, Бельгии и Нидерландов. Для этой цели среди прочего огромными тиражами распространялся плакат с изображением большого кладбищенско-

го креста со словом «Вторжение», на котором была надета английская каска. Вокруг креста, насколько хватало взгляда, лежали убитые английские солдаты. Под картинкой красовалась надпись: «Cimetière des Alliés» («Союзническое кладбище»).

Дело под Дьепом не получило у германского командования однозначной оценки. Главнокомандующий группой армий «Запад» фон Рундштедт придерживался мнения, что речь идет о крупной, тщательно подготовленной врагом разведки боем, целью которой в первую очередь был захват радиолокатора, а кроме того, приобретение боевого опыта в ходе подготовки к вторжению. Подобная оценка, подтвердившаяся в дальнейшем другими компетентными офицерами, среди которых находился и генерал-полковник Цейцлер, не разделялась. Гитлеру некоторые его военные советники даже внушали мысль о попытке широкомасштабного вторжения.

Здесь следует признать, что абвер не мог своевременно добыть информацию, способствовавшую руководству четко оценить операцию под Дьепом. Но военная контрразведка могла сорвать небольшую акцию, запланированную врагом в связи с Дьепом.

В ходе уже описанного дела «Нордпол» находившийся у абвера вражеский радист Эбенезер, которого лондонское руководство разведки считало одним из своих надежнейших людей в нидерландском подполье, в начале июля 1942 года получил следующее поручение: «Срочно узнать, сможет ли диверсионный отряд под командованием Такониса подорвать установку антенны радиопередатчика «Коотвийк».

Радиопередатчик в Коотвийке, представлявший собой технический инструмент, с помощью которого германское командование флотом вводило в действие подводные лодки в Атлантике, имел большое значение. Планируемая Лондоном диверсионная операция была явно нацелена на временный вывод из строя передатчика и нарушение планомерного управления германскими подводными лодками.

Из Центра в Лондоне в последующих радиограммах Эбенезер получил точные инструкции, как детально должен быть проведен диверсионный акт; в особенности как, благодаря отдельным подрывам пяти растяжек в оп-

ределенных местах, можно уничтожить более чем стометровую мачту всего антенного устройства.

Подполковник Гискес, тогда начальник отделения III абвера по Нидерландам, после получения этих радиogramм использовал своих нелегалов в качестве разведчиков, чтобы выяснить, возможен ли в течение дня и ночи и каким образом проход к антенному устройству и осуществима ли задуманная Лондоном диверсия для настоящих вражеских агентов. Немецкие нелегалы вели себя при этой рекогносцировке как, по человеческому разумению, ведут себя настоящие диверсанты. Результаты рекогносцировки подполковник Гискес использовал для передачи в Лондон через одну из находящихся в его распоряжении раций нескольких радиogramм, в которых описывалась соответствующая действительности ситуация с радиостанцией в Коотвийке. Содержание этих радиogramм было примерно следующим: «Гарнизон передатчика малочисленный. Охрана прилегающей местности недостаточна. Подрыв растяжек, по всей видимости, можно провести без особых трудностей».

Лондон в ответ пунктуально радировал, что хотя следует предпринять необходимую подготовку к акции, однако сам подрыв должен быть проведен строго по отдельной команде, а именно: днем после той ночи, в которую будет получен приказ.

В конце июля подполковник Гискес распорядился радировать в Лондон, что подобранные для акции люди готовы к действию. Однако лондонский Центр на это возразил, чтобы ни в коем случае не предпринималось ничего без специального сигнала к выступлению. Потом этот знак лондонским Центром был подан по радио во второй половине дня 9 августа.

Два дня спустя подполковник Гискес распорядился передать через радиста Эбенезера в лондонский Центр радиogramму следующего содержания: «Коотвийк не удался. Часть наших людей на подступах к растяжкам напоролась на противопехотные мины. Взрывы и перестрелка с подоспевшей охраной. Пятеро пропали». Разумеется, радиogramма, составленная Гискесом, чтобы перехитрить противника, не соответствовала действительности. С этим намерением днем спустя отправили следующую радиogramму: «Из пятерых пропавших двое

вернулись. Акция стоила трех убитых. Враг усилил охрану Коотвийка и других передатчиков. Мы восстанавливаем все контакты. Пока никаких признаков, что враг напал на наш след». Лондон ответил: «Крайне опечалены вашей неудачей и потерями. Вид охраны неожиданный и непредвиденный. Восстанавливайте боеспособность. На некоторое время требуется повышенная бдительность. Тотчас сообщайте обо всем необычном».

Когда через десять дней после поступления из Лондона сигнала на акцию в Коотвийке последовала операция по высадке под Дьепом, для абвера стало ясно, зачем вражеская разведслужба пыталась на какое-то время вывести из строя этот радиопередатчик.

В связи с этим эпизодом из дела «Нордпол» стоит упомянуть еще кое-что: для охраны передатчика в Коотвийке не были установлены мины, когда лондонский Центр отдал своему предполагаемому нелегалу Таконису поручение приступить к подготовке диверсионной операции. Германское морское командование поспешило действительно прикрыть подходы к передатчику противопехотными минами, как только до их сведения довели это задание вражеской разведки.

Чтобы полностью дезинформировать противника, подполковник Гискес дал распоряжение отделению абвера Ic командующего войсками в Нидерландах опубликовать в газетах сфабрикованную информацию о инциденте в Коотвийке. В ней говорилось о преступных элементах, пытавшихся взорвать радиостанцию в Нидерландах. Нападение не удалось. Законопослушное население вновь настоятельно предостерегалось от содействия или поддержки подобных преступных деяний диверсантов. Гискес тем самым хотел добиться, чтобы его противники в Лондоне получили информацию такой публикацией через прессу нейтральных стран.

Дезинформация вражеской разведки относительно разрабатываемой ею диверсионной операции против передатчика в Коотвийке полностью удалась. Среди прочего Такониса, которого Лондон считал руководителем «неудавшейся диверсионной операции в Коотвийке», должны были наградить английским отличием за храбрость.

После Дьепа руководящие германские инстанции и деятели, несмотря на различные оценки операции, схо-

дились в одном мнении относительно того, что в дальнейшем можно не ожидать крупного нападения врага для открытия фронта на Западе.

На том они твердо и стояли.

Однако для абвера тем самым тема «вторжения» не исчерпывалась. Напротив, все соответствующие связи, находящиеся за границей и ходившие в морях нелегалы и агенты I службы абвера получили задание не упускать из виду этот вопрос и настоятельно пытаться прояснить его.

Первым результатом этих мероприятий стали поступившие в феврале 1943 года в абвер донесения о встрече Рузвельта и Черчилля, состоявшейся несколько недель до того в Касабланке. Из отчетов надежных доверенных лиц однозначно следовало, что оба государственных деятеля обсуждали меры и мероприятия по окончательному и бесповоротному разгрому Германии и давали указания объединенному генштабу западных держав готовить вторжение со всей мощью.

Но проходил месяц за месяцем, почти целый год, а абвер, как и все остальные германские разведывательные службы и главные штабы, все еще брел в полной темноте, нащупывая место и время вторжения.

Где начнется вторжение? На побережье между Норвегией и Испанией? Мощнейшим ударом в одном или одновременно нескольких местах? Или же объединенный генеральный штаб западных держав планирует после удачного вторжения в Италии открыть широкий фронт от Средиземноморья, возможно в Южной Франции или с Балканского побережья, чтобы оттуда ударить во фланг германского Восточного фронта?

Только одно эти ведомства летом 1943 года понимали четко: что западные державы уже имеют достаточно подготовленные войска и суда необходимого тоннажа для попытки совершить высадку в любой точке указанного побережья, при случае даже на германском побережье в районе между Эмсом и Эльбой.

Только осенью 1943 года и в последующие зимние месяцы абвер получил информацию, прояснившую, что, вероятно, вторжение на континент произойдет из Великобритании. Прежде всего это следовало из донесений о многочисленных транспортах с американскими войсками, идущими туда.

Затем в первые месяцы 1944 года поступили радиogramмы одного работавшего в Лондоне нелегала абвера, сообщавшие о концентрации войск и судов на юге страны. Теперь более или менее стало точно ясно, что вторжение произойдет через Ла-Манш.

Но естественно, главнокомандующий группой армий «Запад» со своим штабом и войсковая группа «В» под командованием фельдмаршала Роммеля желали знать точно, где, когда и какими силами следует ожидать вторжения противника. Однако абвер к началу 1944 года все еще предоставлял донесения и документы, не дававшие твердого ответа на вопросы военного командования.

Одним из них был и стратегически важный вопрос, следует ли ожидать главного направления вторжения восточнее или западнее Сены и будет ли предпринята атака внезапно в нескольких местах. К тому же служба военного контршпионажа доносила, что расположенные в Лондоне главные управления разведслужб с начала 1943 года пытаются вести массированными силами разведку в районе Парижа и оттуда в направлении Кана и Шербурга. Это совершенно точно установили при оценке заданий, направляемых из Лондона агентам во Франции и перехваченных абвером. Правда, эти данные еще не позволяли дать ясный ответ на поставленные вопросы. Тем не менее прояснялось, что военное командование союзников активно разрабатывало и еще разрабатывает этот район Франции, и попытка вторжения на побережье западнее Сены представлялась вполне вероятной.

Отделу Ic войсковой группы «В» однажды в начале 1944 года задали вопрос, имеются ли у абвера основания считать, что военное командование врага смогло бы провести вторжение на побережье, неблагоприятное для высадки, чтобы, как сторона атакующая, воспользоваться преимуществами фактора неожиданности. Для германского командования, например, атака на пустынном побережье Бретани явилось бы неприятной неожиданностью. При этих обстоятельствах организации «Тодт» следовало там возвести дополнительные укрепления.

Абвер заявил, что он не обладает никакими сведениями о том, что у вражеского командования имеются подобные замыслы, и считает крупную высадку на бретонском побережье нереальной. Вследствие этого в Бретани

не предприняли надлежащих мер повышенной предосторожности в связи с ожидавшимся вторжением.

В апреле и мае 1944 года абвер получил новые сообщения от надежных источников о готовности кораблей и войск на южном побережье Великобритании. Сознание того, что вторжение надвигается, теперь зловещей тенью нависло над всеми соображениями и мероприятиями германских штабов и ведомств во Франции, Бельгии и Нидерландах. Однако различные разведслужбы все еще не могли дать никаких точных данных о численности и вооружении войск, подготовленных врагом для вторжения. Даже столь могущественные вначале войны люфтваффе рейха в последние недели перед вторжением были уже не в состоянии сделать четких фотоснимков объектов, расположенных у них почти что под носом. Частично в этом они винили плохую летную погоду, но в основном это обуславливалось подавляющим превосходством врага в воздухе.

И тем не менее в мае 1944 года у абвера сложилось четкое представление, что вторжение на пороге, что оно будет с южного британского побережья и, по всем предположениям, направлено через Ла-Манш на французское побережье. Прежде всего это можно было заключить по тем приготовлениям, которые вело французское движение Сопротивления ко дню X (икс), дню вторжения. Абвер был полностью осведомлен об этих секретных приготовлениях Сопротивления. Поэтому службе военного контршпионажа, наконец, удалось внести ясность в вопрос о дате вторжения.

1 июня 1944 года служба контршпионажа доложила, что в этот день все предназначенные для введения в действие на случай вторжения силы Сопротивления получили из Лондона приказ быть в повышенной боеготовности. А 5 июня 1944 года, в 19 часов, я доложил начальнику отдела Ic главнокомандующего группой армий «Запад», что вторжение началось.

Эти результаты были достигнуты службой контршпионажа, которая старалась выявить, где и в каком объеме вражеские разведслужбы засылают разведчиков и диверсантов для деятельности против вермахта и сухопутных укреплений. Так она решила две свои самые важные задачи: сохранять военную тайну и оборонные объекты от

посягательств шпионов и диверсантов, а также выявлять замыслы вражеских разведслужб. Любое установление замыслов и планов врага для германского командования было гораздо важнее, чем если бы он не смог бы поставить своему руководству пригодную информацию.

Принимая во внимание подобную постановку задачи, я, как руководитель службы контршпионажа на оккупированных территориях Франции, еще с 1942 года с помощью осведомителей и агентов пытался проникнуть во вражеские агентурные сети и отряды Сопротивления, чтобы непрерывно получать информацию, какие задания ставятся Лондоном. Когда это удавалось, по всей вероятности, становились по меньшей мере частично известными долгосрочные цели и планы вражеских разведок во Франции.

Из этих соображений я уже тогда дал подчиненным мне офицерам абвера и кураторам осведомителей указание, что и против полностью установленных агентурных сетей и групп Сопротивления оперативные меры следует принимать лишь в том случае, когда это необходимо для обеспечения жизненно важных интересов вермахта.

Такой метод работы предъявлял высокие требования ко всем задействованным лицам, но прежде всего к тем агентам абвера, которым удалось неопознанно выйти на группу вражеской разведки или Сопротивления. Дело в том, что чем дольше они действовали в рядах вражеских агентов или французского Сопротивления, тем выше становилась опасность их разоблачения как орудия абвера. В подавляющем большинстве случаев удавалось заблаговременно распознавать опасность, угрожавшую осведомителям и агентам, и выводить своих людей из-под удара. Но некоторые пали жертвами своего долга. Павших товарищей по абверу будут всегда вспоминать с признательностью. Они остались верными солдатами на своем посту в подполье, воюя в одиночку.

Жизнь и тайная деятельность доверенных лиц в Германии никогда не была оценена по заслугам. Широкие круги немецкого населения не понимали того, что, пока идет война, нелегальная разведывательная деятельность является неотъемлемым инструментом обороны любого государства. Но секретная служба в одиночку неспособна решить поставленные перед ней задачи, если среди

собственного народа не будет постоянно находить мужчин и женщин, готовых из любви к родине или для разрешения поставленных перед родиной задач пойти на их выполнение. Разумеется, речь идет не об оплачиваемых авантюристах и агентах, а о доверенных лицах, идущих на тайный фронт из идеалистических побуждений.

Они, по-настоящему патриотически настроенные мужчины и женщины, чистые морально и политически, после обучения и испытаний составили ядро передней линии тайного фронта разведки. Чтобы суметь внедриться во вражеские ряды, им приходилось нередко годами открыто придерживаться взглядов, которые сближали их с врагами родины. Для выполнения подобной роли они часто вступали в конфликт с друзьями и близкими, поскольку посвящать их было нельзя. Иногда они даже оказывались под подозрением, что работают на вражескую разведку против собственной страны. Все это они были вынуждены держать в себе и учиться стойко переносить, сохранять полную выдержку. Выполнение задания было бы поставлено под вопрос, стоило бы им в такой ситуации намекнуть окружающим об их секретной миссии и поручениях. Более того, многие из этих мужчин и женщин-нелегалов еще в мирное время сознательно поставили свою жизнь и свободу на карту, тайно выполняя в других государствах важные задания.

Немецкому народу в этом отношении следует взять пример с англичан. Богатая традициями Интеллидженс сервис вообще слывет среди английского населения как союз людей чести. Штатный сотрудник организации — один из многих джентльменов, достойных зависти, и английский гражданин почитает за честь оказать услугу секретной службе своей страны.

Несмотря на болезненные потери некоторых ценных доверенных лиц, служба контршпионажа твердо придерживалась описанных методов работы. Того требовали поставленные абверу задачи. Именно эти методы работы позднее привели к лучшим достигнутым германской разведкой результатам о подготовке врага к вторжению и установлению точной даты его начала.

Осенью 1943 года доверенные лица, неопознанно находившиеся в рядах борцов французского Сопротивления, донесли абверу, будто движение получило из Лон-

дона указание начать во Франции широкомасштабную подготовку к вторжению. В соответствии с этими донесениями одна группа Сопротивления южнее Луар-Минана получила задание в указанное время заминировать определенные дороги. Другая группа обильно снабжалась по воздуху подрывными материалами. Ее обучали инструкторы, прибывшие из Лондона, чтобы в воздух взлетели и более крупные объекты — например, мосты через реки. Многие группы натаскивали на разрушение железнодорожного полотна. Другие группы должны были уметь готовить поблизости от определенных дорог опорные пункты, чтобы из засады совершать нападения на небольшие колонны вермахта.

Несколько недель спустя внедренные в Сопротивление нелегалы абвера донесли примерно следующее: контролируемые отряды Сопротивления получили из Лондона сообщение, что в свое время им передадут указания, на какие объекты им придется напасть в случае вторжения. Но запланированные подрывы и диверсии должны проводиться одновременно с началом вторжения, точную дату которого сообщат дополнительно. За один или несколько дней до того будет объявлена полная боевая готовность для задействованных групп. Детали поступят в скором времени.

Накануне нового, 1944 года об этом донесли надежные нелегалы, лондонский Центр и отряды французского Сопротивления договорились о том, что обоюднo будут осведомлены об отдаче приказа о полной боевой готовности и начале вторжения. Соответствующие указания и сообщения должны передаваться лондонским радио Би-би-си зашифрованными фразами и девизами. А именно: Лондон каждому из задействованных отрядов Сопротивления присвоил определенный зашифрованный девиз на случай объявления полной боевой готовности и начала вторжения. У каждого подразделения Сопротивления был свой, известный только ему, девиз. Все зашифрованные фразы и девизы должны иметь совершенно безобидное содержание и звучать примерно так: «Пьер посылает привет Аннетт» или «Жаннет ждет известий от Поля». Но подобный порядок требовал, чтобы каждый из этих отрядов Сопротивления в определенные часы прослушивал передаваемые Би-би-си

новости, чтобы знать, передан или нет известный только ему позывной.

Как я уже сказал, мне не хотелось верить, что речь шла о такой согласованности между соответствующим управлением в Лондоне и французским Сопротивлением. Но невероятное оказалось очевидным.

В январе 1944 года уголовная полиция изъяла у французских бойцов Сопротивления секретную документацию, которая не оставляла сомнений, что они в случае вторжения должны получить по Би-би-си в зашифрованном виде инструкции. Начальник отдела Ис главнокомандующего группой армий «Запад», полковник генерального штаба Мейер-Детринг, придал этим документам значение и обязал управление по фронтовой разведке с помощью своих подразделений и групп сделать все, чтобы добиться прояснения этого вопроса.

Благодаря проделанной предварительной работе, у подразделений фронтовой разведки III «Запад» в наличии уже имелась не одна дюжина доверенных лиц, входивших в различные группы Сопротивления и знавших о приходящих из Лондона указаниях. В феврале и марте 1944 года многие из них донесли дословное содержание девизов, которыми в «их» группах Сопротивления через Би-би-си объявлялись полная боевая готовность и предупреждалось о вторжении. В мае 1944 года мне было уже известно значение более 52 паролей, уведомлявших 26 различных подразделений Сопротивления.

Но III управлению фронтовой разведки и руководимым им доверенным лицам удалось установить еще больше. Во многих случаях нелегалы предоставили дословный текст указаний и директив (планов) мероприятий, которые следовало проводить отрядам Сопротивления с началом вторжения, так называемого дня X (икс). Среди них были планы со следующими обозначениями: «Plan rouge» («Красный план»), «Plan vert» («Зеленый план»), «Plan jaune» («Желтый план») и «Plan tortue» («План черепаха»). Один из этих планов предусматривал плотную блокаду Парижа. Следовало попытаться по меньшей мере перерезать подъездные пути к городу или хотя бы силой помешать движению на них. Другой план предусматривал большое количество диверсий на магистралях, мостах и железных дорогах, ведущих на север и юг Франции.

Несомненная задача этих акций — затруднить сообщение германских войск с югом и севером Франции. Далее движение Сопrotивления согласно директивам одного из планов должно было во многих местах провести нападения на германские колонны. Особенно важными в связи с вторжением представлялись крупные диверсии, направленные на подрыв мостов на Сомме.

Эти сведения, само собой разумеется, были разосланы во все заинтересованные штабы и ведомства, а также главнокомандующему группой армий «Запад» и командующему войсками во Франции для принятия мер безопасности на важных военных объектах, оказавшихся под угрозой. Но у последнего тогда для выполнения этой и других задач было мало сил и средств, лишь несколько батальонов, состоявших из ограниченно годных к строевой и выздоравливающих после ранения. Дивизии, подчиненные главнокомандующему группой армий «Запад» и армейской группы «В», видимо, использовались лишь в небольшом объеме для обеспечения безопасности рассматриваемых объектов и находились в боевой готовности для немедленного нанесения контрудара по войскам вторжения.

На мнении, что вторжения следует ожидать в ближайшее время, в марте—апреле 1944 года, уже полностью сходились все руководящие штабы и ведомства. По поводу начала вторжения с южного побережья Великобритании, далее направленного в основном против побережья на севере Франции и, возможно, бельгийского, все также имели единодушное мнение.

В эти месяцы военнослужащих на Западе охватила заметная лихорадка ожидания. Каждый чувствовал: в скором времени предстоит большая, кровавая, страшная борьба. Ежедневно радисты III главного управления фронтовой разведки «Запад» и подчиненных мне подразделений радиоперехвата напряженно вслушивались в эфир в часы, когда английские радиостанции Би-би-си передавали новости, не раздались ли слова девиза, которые для французского Сопrotивления могли означать: «Слушай команду! Полная боевая готовность! Каждую минуту может начаться вторжение!»

Тем не менее прошел апрель без каких-либо попыток предпринять союзниками высадки. Но от нелегалов служ-

бы I абвера снова пришли донесения, по которым в некоторых гаванях южного побережья обнаружены крупные контингенты американских войск. Эти донесения подкрепляли ответственные штабы и инстанции в мнении, что день X уже не следует ждать долго. Отныне ежедневно, даже ежечасно ожидали, что от вражеского командования поступит сигнал к началу крупной наступательной операции, к открытию фронта на Западе.

В известной мере подтверждая это фронтовой разведке, в первых числах мая 1944 года во Франции появился майор Бодингтон из лондонского Центра британской разведслужбы. После того как по радио вожди французского Сопротивления были оповещены о его приезде, он на машине «Лисандр-2» ночью приземлился неподалеку от Фонтенбло. Проведя совещание с рядом командиров Сопротивления, дал последние указания на вторжение и улетел обратно в Лондон. Я получил об этом подробный отчет от двух доверенных лиц, один из которых принимал участие в совещании с прибывшим из Лондона офицером.

Теперь напряжение посвященных достигло непереносимой степени. Но снова солдаты, прослушивающие радиостанции Би-би-си неделями, казалось тянувшимися бесконечно, тщетно ждали девиза.

Однако в эти майские дни 1944 года произошло важное событие иного рода. Авиация союзников наносила опустошающие налеты на многочисленные важные военные объекты во Франции. Среди прочего они столь сильно повредили некоторые мосты на Сене и Сомме, что по ним уже больше не могли проходить танки. По этим пунктам для Сопротивления уже не оставалось работы. Германские люфтваффе к этому времени были уже настолько слабы, что оказывали лишь незначительное сопротивление вражеским воздушным налетам.

Наконец — 1 июня 1944 года — свершилось. Примерно в 18 часов в отель «Лютеция» примчались солдаты с материалами прослушивания радиостанций Би-би-си и доложили мне о только что переданных 26 паролях, сохранивших для 26 отрядов Сопротивления приказ находиться в наивысшей боеготовности, поскольку каждое мгновение может начаться вторжение. Вечером я по телефону устно, а на следующий день письменно доложил

об этом главнокомандующему войсками на Западе, далее командующему войсками во Франции и в службу абвера в Берлине. В донесении я подробно обосновал, почему отныне следует ежечасно ожидать начала вторжения.

Следующие дни мне и моим сотрудникам казались бесконечными. Каждую передачу Би-би-си мы прослушивали в высочайшем напряжении, раздается ли пароль, объявляющий начало вторжения. Словно избавление, 5 июня около 18 часов в передаче Би-би-си раздался пароль, означавший для Сопrotивления: «Вторжение началось. Немедленно приступайте к выполнению заданий, подготовленных на день X!»

Я тотчас передал информацию сначала устно по телефону и затем примерно около 19 часов 30 минут письменным донесением лично майору Бринку, офицеру особых поручений отдела Ic главнокомандующего войсками на Западе. Далее главнокомандующий войсками на Западе около 22 часов отдал приказ находиться в полной боевой готовности войскам, дислоцированным на побережье пролива.

В ранние часы 6 июня 1944 года в районе Кан—Шербур были сброшены первые парашютисты союзников.

Вторжение действительно началось.

Ни целью, ни замыслом этой книги не является описание вторжения. Это уже сделали такие авторы, как Эйзенхауэр, Шпайдель и другие непосредственные участники. Здесь делается попытка пролить истинный свет на вклад абвера в события вплоть до начала вторжения.

В послевоенные годы не раз публиковались не совсем правильные высказывания германских и иностранных офицеров, по которым абвер в этот период времени в общем и целом будто бы оказался несостоятельным. Подразделения III главного управления фронтовой разведки на Западе, командиром которых был я, вплоть до вторжения постоянно получали письменные благодарности за их достижения, а именно: с одной стороны, от главнокомандующего на Западе за собственноручной подписью фельдмаршала фон Рундштедта, а с другой — от полковника Роледера, многолетнего руководителя службы контршпионажа. Последний даже ставил в пример достижения и успехи III управления фронтовой разведки на Западе разведкам на других фронтах, каким образом с помощью

контршпионажа можно добывать важные сведения военного характера.

Из чувства справедливости стоит указать и на то, что в достижения фронтовой разведки на Западе свой вклад внесли и дислоцированные во Франции ведомства уголовной полиции.

Разумеется, вклад абвера в контексте желательного прояснения подготовки врага к вторжению был не совсем удовлетворителен. Для главнокомандующего войсками на Западе, без сомнения, имело важное значение, если бы абвер своевременно с уверенностью смог бы доложить, что первый (и главный) удар вторжения направлялся в районе Кан—Байё—Карентан. Затем для принятия решения стратегических контрмер с германской стороны желательны были и точные данные по сухопутным войскам, военно-морским и воздушным силам, подготовленным в первые дни июня 1944 года для вторжения на южном побережье Великобритании.

То, что абвер не смог в полной мере выяснить эти вопросы, в первую очередь заслуга английской контрразведки, меры по безопасности своей страны и охране государственной тайны которой оказались почти непреодолимыми. Британская секретная служба в этом имела многолетний опыт. Сквозь паутину ее заградительной сети, препятствующей въезду нежелательных и ненадежных лиц, во время войны вряд ли кто был способен проникнуть незамеченным. Доверенные лица и агенты абвера, сброшенные где-нибудь над Великобританией на парашюте, несмотря на тщательную подготовку, слишком легко запутывались в паутине сотканной сетью положений карточной системы на продукты питания и полицейской системы донесений. Некоторые из этих агентов-парашютистов представляли риск и опасность явно слишком большими и сразу после приземления предпочитали сдаться английским властям, чтобы спасти свою голову.

Об одном факторе, значительно способствовавшем успеху вторжения, у всех пишущих исследователей сложилось единое мнение: подавляющее превосходство союзников в тактической и стратегической авиации. Могущество их было столь огромным, что вражеские корабли у побережья становились на якорь длинными рядами под мно-

гоярусным прикрытием авиации и совершенно без всяких помех осуществляли выгрузку. Когда в бой вводились немецкие танковые соединения, то их просто перепыхивали и зарывали тяжелыми бомбами.

При подобном превосходстве в воздухе союзников возникало сильное сомнение, имела бы еще большое или даже решающее для хода войны значение полная разведка сил вторжения противника и его замыслов, если бы абвер и смог добиться того.

О вкладе абвера в разведку замыслов врага в контексте вторжения, как уже говорилось, неоднократно давались неправильные оценки. Частично это происходило оттого, что секретные службы даже и после всех событий неохотно полностью раскрывали свои карты. Это может быть связано еще и с тем, что генерал Эйзенхауэр успех вторжения среди прочего объясняет и фактором внезапности для германского руководства.

Это, как уже говорилось, не соответствует действительности. Еще 1 июня главнокомандующему войсками на Западе докладывали, что вторжение может начаться каждое мгновение, а вечером 5 июня ему доложили, что оно уже началось фактически. На основании этого донесения главнокомандующий войсками на Западе уже поздним вечером объявил полную боевую готовность по армиям, дислоцированным на побережье пролива. Это доказывает, что вторжение ожидалось немецким командованием и там.

Снятие шефа абвера

Другая причина частичной осечки абвера в те решительные месяцы 1944 года, без сомнения, заключается в том, что как раз в этот период, а точнее в феврале 1944 года, адмирала Канариса внезапно отстранили от дел и уволили со службы. Повод для такого решения Гитлера дало дело «Фермерена».

Сотрудник службы абвера в Турции доктор Эрих Фермерен однажды не появился на работе. Расследование показало, что он искал контактов с англичанами и нашел их. Те переправили его вместе с женой, урожденной графиней Плеттенберг, на самолете в Каир.

Вне всякого сомнения, для абвера происшествие при-
скорбное. Секретная служба при подборе своих сотруд-
ников должна быть особенно осторожной и благодаря
строгим мерам безопасности, а также постоянной бди-
тельности заботиться о том, чтобы своевременно выяв-
лять в своих рядах колеблющихся и предателей. Но в
каких германских ведомствах в 1944 году не было людей,
в душе настроенных против национал-социалистическо-
го режима? Правда, подавляющее большинство из них
перед своей совестью или в силу сложившихся обстоя-
тельств не видели иного выхода, как оставаться на своем
посту до печального конца.

Ввиду общего положения дел переход работавшего в
Турции сотрудника абвера на сторону врага не мог ока-
зать никакого «решающего влияния» на исход войны.
(Это выражение охотно использовала геббельсовская
пропаганда.)

Тем не менее инцидент с Фермереном просто вывел
Гитлера из себя. Во всяком случае, он велел фельдмарша-
лу Кейтелю, который в тот момент как раз находился в
Берлине, через генерал-полковника передать по телефо-
ну адмиралу Канарису следующее: «Фюрер в связи с ин-
цидентом с Фермереном распорядился, чтобы абвер был
переподчинен Главному управлению имперской безопас-
ности». Вслед за этим главнокомандующему вермахта и
рейхсфюреру СС Гитлер поручил выработать необходи-
мые меры для перепрофилирования абвера в секретную
службу сбора и доставки информации Главного управле-
ния имперской безопасности.

В результате этих согласований два из четырех отделов
службы абвера, отделы I и II в Бауше и Богене, были сли-
ты в «Службу Мил» и включены в РСХА. По III отделу
абвера приняли особое решение — сохранить для вермах-
та некоторое число специалистов по охране военных тайн;
IV отдел службы, отдел управления, расформировали.

В результате этой реорганизации подразделения фрон-
товой разведки I, II и III практически остались без изме-
нений. Как и прежде, они дисциплинарно и оперативно
подчинялись командующему на данном театре военных
действий или отдельной войсковой группы или группы
армий. Профессионально ими должна была руководить
РСХА.

Ущерб, который нанесла подобная неожиданная и необдуманная реорганизация разведслужбы, охватывающей весь мир, без подключения ее прежнего шефа, вряд ли даже понималась людьми, тогда занятыми перестройкой абвера. Часть одной ветви службы прекратила свое существование, другой мешали свободно разворачивать свою деятельность или даже парализовали ее. Реорганизация особенно тяжело ударила по английской и американской военной разведке. Доверенных лиц, пытавшихся за океаном разведать военные секреты, которыми руководили по радио или сложным курьерским путем, не так-то просто передать, как, скажем, командование полком от одного офицера другому. Из многочисленных профессиональных и кадровых трудностей, порожденных как раз передачей I службы абвера в РСХА, самой тяжелой была та, что шефа I отдела абвера, генерала Пикенброка, непосредственно перед снятием Канариса назначили на Восточный фронт, и он не смог передать в другие руки такого важного и легкого уязвимого дела, как заграничные контакты.

Дело всей жизни адмирала Канариса было бездумным образом разрушено в ущерб рейху. Из всемирно разветвленной структуры абвера, показанной в приложении, сохранилась лишь малая его часть.

Большинство сотрудников абвера подчинялись представителям РСХА, которые хотя и не обладали достаточными познаниями в методах военной разведки и постановок целей, однако тем не менее желали быстрых успехов. Следствием были многочисленные провалы и потери. В том числе мы, офицеры абвера, пережили то, что сотрудники уголовной полиции и люди из СД готовились для использования в Великобритании и их, несмотря на недостаточную подготовку и оснащение, забрасывали туда с воздуха. После этого выяснилось, что сотрудники СС, отправлявшие нелегалов, даже не знали, разведке каких объектов и целей в Великобритании придавали большее значение главнокомандующий войск на Западе и другие главные штабы. Нелегалы большей частью были ориентированы на цели, не интересные с военной точки зрения или уже разведанные. Ответственные за это действовали в высшей степени легкомысленно, они бездумно загоняли людей в операции, при выполнении которых шла речь о жизни и смерти.

20 июля 1944 года в Париже

20 июля 1944 года отель абвера в Париже «Лютеция» занимали командир I отдела фронтовой разведки на Западе, полковник ВВС Гарте с его штабом, и я как командир III отдела фронтовой разведки с сотрудниками своего штаба, а также некоторыми офицерами абвера, специалистами службы профилактической охраны военной тайны. В целом, как и всегда, здесь жили и работали примерно 100 сотрудников абвера.

Около 19 часов в «Лютеции» появился офицер 3-й воздушной флотилии, чей штаб располагался в Люксембургском саду. Он разыскал полковника Гарте и сообщил ему, что, по всей видимости, военным командованием в Париже арестованы начальники тайной государственной полиции и руководители СД. По делам службы он только что хотел побывать в ведомстве тайной полиции, расположенной на рю Сусси, но солдаты, окружившие здание, не пропустили его.

Полковник Гарте тотчас разыскал меня, дабы посоветоваться, что следует предпринять. С его согласия я прежде всего удвоил охрану на выходе из отеля, которой отдал приказ без моего разрешения никого не пропускать в здание, а также без моего указания никого не выпускать. Затем сотрудников на нашем коммутаторе предупреждали, чтобы все входящие звонки соединялись с моим кабинетом, в котором находился и полковник Гарте.

Затем последовало несколько часов тревожного ожидания и напряженной неопределенности. Что могло произойти? Гарте и я не знали ответа на загадку. Мы решили самостоятельно ничего не предпринимать, а выжидать. Но поначалу не происходило ничего, что пролило бы свет на неизвестность.

Около 22 часов раздался звонок. Я ответил. Подполковник фон Х. Представился и объяснил:

— По приказу главнокомандующего находящиеся в Париже начальники и командиры тайной государственной полиции и СД арестованы. Один руководитель СС из штаба начальника тайной государственной полиции лично поставил меня в известность, что тайная полиция ведет во Франции важные в военном отношении

контакты и разрабатывает угрожающие для обороны страны дела по шпионажу и диверсиям. Дело государственной важности для рейха — срочно передать эти контакты и провести расследования по делам. Арестованный руководитель СС предложил передать вам обсуждавшиеся вопросы как офицеру абвера, наиболее в них компетентному.

Я не долго размышлял и ответил:

— Я доложу обо всем главнокомандующему войсками на Западе и попрошу его разрешения.

Несколькими минутами позднее я по телефону передал существо дела начальнику I отдела главнокомандующего, полковнику генштаба Мейер-Детрингу.

— Послушайте, Райле, не впутывайтесь в это дело! — возбужденно воскликнул он в трубку. — Это вам может стоить головы.

— А я думал, могу как и прежде отправлять донесения фронтовой разведки главнокомандующему войсками на Западе. Или это не так?

— Само собой, Райле, но как говорится... До свидания!

Полковник Мейер-Детринг оборвал разговор.

Несколькими минутами спустя Гарте и я слушали по радио первые официальные сообщения о деянии графа Штауффенберга. В заключение объявили, что Гитлер еще этой ночью собирается выступить с речью по радио.

День 20 июля 1944 года для служивших во Франции сотрудников абвера стал лишь одним эпизодом в череде событий.

Последняя фаза войны

Наказания национал-социалистического режима, последовавшие за событиями 20 июля 1944 года, в особенности казни многочисленных бойцов Сопротивления, коснулись и многих сотрудников абвера и членов их семей. Последствия во фронтовой разведке, как и по всей вермахту, были удручающими.

О внутренней сплоченности военных подразделений и ведомств и единодушной поддержке руководителя государства и его правительства уже не шло и речи. Этой разобщенности в большой степени способствовало раз-

витие событий на Западном фронте. Кроме того, в вермахте и среди населения все больше распространялось мнение, что война будет проиграна, если на мировой политической арене не произойдет какого-нибудь чуда. Но говорили об этом лишь в тесном дружеском кругу, поскольку иначе грозила опасность предстать перед судом за поражение или быть расстрелянным без суда и следствия.

Насколько просто все это случалось, свидетельствует дело полковника Рудольфа, бывшего руководителя главного управления абвера по Франции. Во время поездки по железной дороге он разговорился с одним военным врачом, который только что узнал о своем переводе в Мец и безудержно радовался, что сможет переехать со своей семьей в этот прекрасный город. Это происходило в тот момент, когда в Германии уже мало кто серьезно верил в окончательную победу рейха. Рудольф посчитал своим человеческим долгом в разговоре упомянуть, что Мец после войны, по всей видимости, не останется немецким городом. Этого оказалось достаточно. Врач донес на полковника Рудольфа, того арестовали и вынудили отвечать за пораженческие речи. Случайно расследование попало в руки одного высокого чина уголовной полиции, который многие годы знал полковника Рудольфа и был к нему расположен. Своей жизнью полковник обязан этому счастливому случаю и победоносному продвижению войск союзников.

Но настроение и боеготовность офицерского корпуса групп фронтовой разведки на Западе подверглась жесткой проверке еще и другими вмешательствами государственных служб безопасности. Отцы многих офицеров фронтовой разведки после событий 20 июля 1944 года были арестованы, поскольку подозревались в антигосударственных деяниях, в том числе отец одного лейтенанта в одной из подчиненных мне групп фронтовой разведки. Поставьте себя на место этого офицера, от которого требовалась дисциплина и боеготовность до последнего, тогда как отец его сидит в тюрьме. (Я отправил сына на несколько дней в отпуск, чтобы он поддержал своего отца, человека, уже многие годы играющего важную роль в Федеративной Республике, насколько она тогда вообще была возможна.)

Но несмотря на все: бесперспективное военное положение и сомнение о продолжении борьбы с германской стороны, военнотружущие фронтовой разведки до самого конца войны были верны своему долгу.

Это представляется тем более удивительным, когда еще раз мысленно возвращаешься к задачам и способам работы войск фронтовой разведки. Ведь их не вводили в бой единым строем, как все обычные войска, а действовали они поодиночке, по двое или мелкими группами. Многие сотрудники фронтовой разведки самостоятельно жили где-нибудь в Париже, Бордо, Тулузе, Марселе, Лионе или в каком-нибудь совсем маленьком городке. Некоторые из них даже жили нелегально под видом гражданских лиц среди французов. Немало военнотружущих фронтовой разведки провели во Франции уже по нескольку лет и обрели здесь подлинных друзей. Большинству пришлось по вкусу образ жизни французов, их свободолобивый нрав и открытость в политических и мировоззренческих вопросах. А также не в последнюю очередь шарм французов.

Насколько же сильное должно быть искушение у этих немецких военнотружущих затеряться в городах Франции. Любой из них мог сделать это с легкостью. Для многих открывалась прямая дорога в Испанию и Швейцарию. Но как только отдали приказ к отходу, никто из III управления фронтовой разведки не остался во Франции.

В целом существовали три причины, приведшие к подобному результату, сегодня для многих совершенно непостижимому.

Это, во-первых, жесточайшие воздушные бомбардировки, которым союзники подвергали германские города. Каждый солдат, будучи вне пределов рейха, не находил себе места, беспокоясь, не остались ли без крова и не ранены ли его близкие, родственники и друзья, не нуждаются ли они в помощи. Солдаты не желали покинуть близких и родину в час тяжелых испытаний.

Во-вторых, таков характер германского солдата. Дезертирство ими воспринималось как трусость и бесчестье. Для многих свою роль сыграли страх обвинения в дезертирстве и возможность позорного расстрела.

А еще, в-третьих, тлея надежда на США, что эта страна — в то время самая мощная великая держава —

повернет вместе с вермахтом против Советского Союза, если Германия сложит перед западными державами оружие. Эту надежду питали многие немецкие солдаты вплоть до апреля 1945 года.

Но для обдумывания всех этих вещей у немецких солдат после вторжения уже оставалось мало времени. Боевые действия требовали наивысшего напряжения всех моральных и физических сил, не в последнюю очередь потому, что контршпионаж после открытия фронта на Западе и захвата французских территорий союзниками ставил все новые задачи.

Годные к строевой сотрудники службы контршпионажа, как уже описывалось, за несколько месяцев до вторжения были сведены в боевые подразделения, части III управления фронтовой разведки на Западе и стали мобильными. В зависимости от ситуации и потребности входившие в них команды и отделения во Франции, Бельгии и Нидерландах могли моментально изменить место дислокации и направленность своей деятельности. Зато их командная инстанция, III главное управление фронтовой разведки на Западе, под моим руководством сначала оставалась в Париже в отеле «Лютеция». Но с 17 августа 1944-го до начала мая 1945 года я вместе с моим штабом и всем оборудованием был вынужден 11 раз менять дислокацию, чтобы не потерять связи с главнокомандующим и подчиненными мне войсками.

Что означает подобная частая передислокация руководящего органа абвера, может оценить лишь тот, кто знает, каково перевозить все — оружие, радио- и фотоаппаратуру, спецчернила, дела и валюту, чтобы планомерно, бесперебойно руководить подчиненными подразделениями и зависящими от них доверенными лицами.

Ведь в различных районах боевых действий на Западе в целом действовали четыре подразделения фронтовой разведки и 16, а иногда до 18 команд, которые оперативно управлялись и оснащались для секретных операций главным управлением. Только одна наличность в валюте, которую приходилось держать при себе моему ведомству и которая предназначалась для оплаты проездных расходов и прежде всего шла на содержание всех работавших на III управление фронтовой разведки нелегалов и агентов, включая их близких, занимала несколько ящи-

ков размерами 100 сантиметров длиной и 60 сантиметров шириной и высотой.

Один из вопросов, возникавших передо мной после вторжения, звучал следующим образом: как быть с нелегалами и агентами, которых уже больше нельзя использовать в отвоеванных врагом районах и жизни которых будет угрожать опасность, если они останутся во Франции?

Мне приходилось заботиться о том, чтобы эти доверенные лица и агенты — внушительное количество — выехали в Германию и соответствующим образом устроились. Среди них были и французы, настроенные антикоммунистически и все еще считавшие своим долгом борьбу на стороне Германии.

Затем возникла новая задача: обучение доверенных лиц и применение их на отвоеванной союзниками территории Франции для борьбы со шпионажем и одновременно для военной разведки. С этой целью на территории Германии создавались диверсионно-разведывательные школы. Здесь обучающимся на ускоренных курсах преподавали различные дисциплины, в особенности по структуре разведслужб и армий союзников. Далее по меньшей мере каждый третий должен был стать радистом и научиться прыгать с парашютом, чтобы после успешной засылки на вражескую территорию отправлять по радио через линию фронта донесения.

Затем новые проблемы возникали оттого, что в результате расширения фронта на Западе подразделения фронтовой разведки нередко привлекались территориальными командующими для решения чисто военных задач. В таких случаях они полностью отвлекались от выполнения своих собственных. Бывало и так, что эти подразделения вместо задания по сбору информации о неприятеле получали приказ об определении местонахождения собственных частей.

Так, в начале сентября 1944 года, когда союзники принудили германские армии на северном фланге поспешно отступать, от главнокомандующего я повторно получил распоряжение установить на местах боев, существуют ли еще определенные штабы наших армейских корпусов и дивизий, во всяком случае, где и как с ними можно связаться.

Помимо новых задач, возникавших перед III управлением фронтовой разведки вследствие вторжения и начала маневренной войны, по-прежнему оставались собственные задачи по контршпионажу, и они должны были выполняться.

На французских территориях, отвоеванных союзниками, подразделения фронтовой разведки оставляли доверенных лиц. Некоторых из них снабжали рациями, и они, хотя и редко, присылали радиодонесения вплоть до 1945 года. Из-за них радистам I и II управлений фронтовой разведки приходилось круглые сутки работать на прием. Командиром I управления фронтовой разведки тогда был подполковник Геррлиц, старый офицер абвера. Я часто встречался с ним, чтобы обменяться результатами и опытом. При этом чаще всего речь шла о продолжении ведения доверенных лиц, работавших в Великобритании, Северной Африке и нейтральных странах.

Правда, анализ немногочисленных, еще поступавших в то время оттуда радиogramм не давал много работы. В основном она состояла из дешифровки донесений и передаче их главнокомандующему войсками на Западе. А вот большие трудности, напротив, возникали при обеспечении через Испанию, в которую абвер легко проникал из Франции, всем необходимым этих действующих за границей сотрудников абвера.

Но с конца августа 1944 года поездки курьеров фронтовой разведки в Испанию стали возможны лишь круглым путем. В результате этих осложнений постепенно обрывались связи с теми доверенными лицами в западных странах и Африке, у которых не имелось радиосвязи.

Другая задача для меня и подчиненных мне подразделений на том последнем этапе войны состояла в поиске приказов и других письменных документов противника на полях сражений. Хотя немецкие военные операции в этот период времени в целом протекали менее успешно, подразделениям III управления фронтовой разведки нередко удавалось изымать отдельные приказы и в некоторых случаях даже полную документацию, перевозимую английскими и американскими штабами. Благодаря анализу полученных документов добывалась ценная информация. В сентябре 1944 года, например, из изъятых

документов стало ясно, проведение каких мероприятий предполагается американской разведслужбой после оккупации германских территорий. Произошло это так.

Когда фронт у «линии Зигфрида» еще не стабилизировался, на западном берегу Сюра, к северу от Эхтернаха, пулеметным огнем немецких войск, занимавших позиции на восточном берегу, был подбит американский джип. Немецкие солдаты переправились через реку и увидели, что двое пассажиров убиты. Третьего, раненого, взяли в плен. Из машины забрали секретные брошюры и многочисленную документацию.

Это были документы американской разведки CIC (Counter Intelligence Corps). Анализ их впервые дал показательные сведения о видах и объеме мероприятий, предусматриваемых союзниками по отношению к германским генштабистам, сотрудникам абвера, гестапо и тайной государственной полиции после оккупации Германии. Среди этих мер предусматривался автоматический арест свыше 100 тысяч лиц.

Сотрудникам фронтовой разведки, переводившим и переправлявшим эти документы по заинтересованным инстанциям, открывались отнюдь не радужные перспективы.

В большом объеме попадались документы строевых частей союзников во время германского наступления в Арденнах. В дни перед Рождеством 1944 года подразделения фронтовой разведки центнерами изымали секретные приказы, планы и карты многих английских и американских дивизий, штабы которых были захвачены врасплох или разгромлены. Главнокомандующий войсками на Западе благодаря этим документам мог составить себе полную картину о частях противника, противостоящих ему на Западе.

Но самая важная задача частей III управления фронтовой разведки на Западе в последние девять военных месяцев состояла в разработке и проведении операций по дезинформации неприятеля. Об этом направлении работы уже рассказывалось в главе «Дезинформация неприятеля». Вышеизложенное стоит дополнить кратким описанием операции «Генрих», свидетельствующим о том, что сотрудники фронтовой разведки даже в конце войны, несмотря на удручающую ситуацию, думали и искали пути решения поставленных перед ними задач.

Операция «Генрих»

Проведенная в декабре 1944 года подготовка к германскому наступлению в Арденнах с целью маскировки собственно наступления и дезинформации командования противника о его районе была настолько эффективной, что главное командование союзников даже через сутки после начала наступления полагало, что речь идет об отвлекающем ударе. Союзники явно ожидали зимнего наступления немецких войск в районе Ахена. Во всяком случае, это явствовало из секретных документов, захваченных во время боевых действий.

Фактор внезапности для противника, по мнению германских главных штабов, удалось создать в первую очередь благодаря операции «Генрих». Она, по согласованию с командованием войсковой группы «В», проводилась 307-м отрядом фронтовой разведки следующим образом.

В период с ноября до середины декабря 1944 года некоторые проверенные нелегалы 307-го отряда принялись за работу на «линии Зигфрида». Их поодиночке вводили в дело в различных точках с заданием отыскивать среди используемых на земляных работах рабочих из Бельгии, Нидерландов и других иностранцев, а также заключенных концлагерей таких, которые захотели бы подпольно работать против Германии. Поскольку сами доверенные лица были тоже иностранцами, им оказалось несложно найти среди иностранных рабочих недовольных, заявивших о своей готовности к подпольной деятельности против рейха. Таким образом очень скоро возникло множество шпионских групп, руководители которых велись абвером, тогда как остальные члены групп полагали, что входят в состав подпольной организации, борющейся против Германии.

Отныне легковерные члены этих шпионских групп постоянно просачивались через линию фронта на сторону врага с донесениями, будто на линии Мёнхен—Гладбах—Ахен всю готовится мощное германское наступление. Эти донесения составлялись отделами Ia и Ic войсковой группы «В», а 307-й отряд фронтовой разведки через доверенных лиц, выступавших в качестве руководителей шпионских групп, передавал их тем из

иностранных рабочих, кто был готов сослужить союзникам важную службу.

Ведомства союзников на основании забрасываемых им через линию фронта донесений должны были прийти к выводу, будто среди занятых на возведении «линии Зигфрида» создана мощная подпольная коммунистическая организация, руководители которой просят у разведслужбы США подтверждений на получение информации с помощью закодированных сообщений люксембургского радио. Вечером, в 21 час 15 минут, в программе «Час немецкого солдата» разведслужба США с люксембургской радиостанции должна передать условное сообщение. Так выглядело пожелание, переданное неприятелю одновременно с подготовленной сводкой новостей.

Люксембургское радио практически постоянно передавало условные подтверждения. Это доказывало, что засылаемые иностранные рабочие успешно проходили через линию фронта и передавали дезинформацию противнику, будучи уверенными, что сослужили союзникам очень важную службу. Дезинформационная операция «Генрих» удалась, но... и операция в Арденнах уже не могла предотвратить тотального поражения Германии.

Оглавление

Книга первая

ТАЙНАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

- Глава 1.* 1920—1934 годы. Польша и вольный город Данциг. Отношения Германии с Советским Союзом, Польшей и другими восточноевропейскими странами. Поединки на невидимом фронте 7
- Глава 2.* 1935—1939 годы. Адмирал Канарис и структура германской военной разведки и контрразведки под его руководством. Положение на тайном Восточном фронте в этот период 73
- Глава 3.* 1939—1945 годы. Военная организация германского абвера на тайном Восточном фронте. Военная разведка и контрразведка во время польской кампании 129

Книга вторая

ТАЙНАЯ ВОЙНА НА ЗАПАДЕ

- Глава 1.* Контрразведывательная работа германского абвера в 1935—1939 годах 217
- Глава 2.* Тайны вокруг начала Второй мировой войны. Была ли замешана советская секретная служба? Применение абверкомандо в ходе боевых действий против Франции в 1940 году 245
- Глава 3.* Период с июня 1941-го по лето 1942 года. Положение во Франции после начала кампании в России. Дело «Порто». Выстрелы в Париже по солдатам вермахта.

Расстрел заложников и арест прокоммунистической группы террористов. Дело «Поля» (Réseau Interallié). Радиоперехват, операция в Южной Франции	290
<i>Глава 4.</i> Деятельность абвера в Испании, Португалии, Северной Африке, в США и других странах за океаном. Использование женщин на тайном фронте	371
<i>Глава 5.</i> Общая ситуация с военной разведкой и контрразведкой на тайном фронте на Западе летом 1942 года. Радиоигра против Великобритании. Поворот войны. Оккупация юга Франции	422
<i>Глава 6.</i> С мая 1943 года до конца войны. Общее военное положение. Методы работы абвера на Западе с точки зрения огромного численного превосходства вражеских разведок. Отстранение от должности адмирала Канариса. Вторжение. 20 июля 1944 года в Париже. Абвер в последней фазе войны.	454

Оскар Райле
СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА
ТАЙНАЯ ВОЙНА НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ
1921—1945

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Ответственный корректор *Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 13.04.2010.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 28,49.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 3091.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ООО «Спектр-П»
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Оскар Райле

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА

**ТАЙНАЯ ВОЙНА НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ**

1921–1945

Наиболее полная история абвера — самой мощной и разветвленной разведывательной службы Германии. Автор, личный помощник адмирала Канариса, принимал активное участие в создании этой организации и в своей книге дает подробный анализ деятельности всех ее важнейших структур, работавших на восточном и западном направлениях, раскрывает многие секреты тайных разведопераций.

Необычная версия начала Второй мировой войны. Неизвестные детали операции «Маленький принц» и «Генрих», шпионских дел «Порто» и «Поль». Яркие психологические портреты знаменитых агентов абвера, нелегалов Сопротивления. Малоизвестные факты о действиях абвера против СССР, стран Европы, Ближнего и Дальнего Востока, Северной Африки. Драматическая борьба между абвером и гестапо, которая привела к аресту аса разведывательного дела адмирала Канариса и его казни.

В книге воссоздана сложная атмосфера противостояния лучших контрразведок мира, дана объективная оценка побед и поражений абвера. Эта ценнейшая информация очевидца закрывает многие «белые пятна» мировой истории.

ISBN 978-5-227-02145-8

ЦЕНТРОЛИГРАФ®